

Аннотация

В сборник одного из популярных современных авторов детективной литературы Жоржа Сименона вошли произведения, наиболее характерные для творчества писателя 30-50-х годов. Главный герой романов «Цена головы» и «Желтый пес», повести «Смерть Сесили» – полицейский комиссар Мегрэ. «Братья Рикко» – из серии так называемых «американских» романов Сименона – по праву считается одним из лучших произведений писателя.

ЦЕНА ГОЛОВЫ

1. КАМЕРА 11, ОСОБЫЙ НАДЗОР

Где-то вдалеке дважды прозвонил церковный колокол. Заключение сел на койке, его большие узловатые руки обхватили колени.

Так он просидел минуту, словно в нерешительности, Затем вздохнул, встал и потянулся всем телом. Это был громадный, неуклюжий человек, голова его казалась чересчур тяжелой, руки слишком длинными, грудь слишком впалой.

На лице можно было прочесть лишь тупое, почти нечеловеческое равнодушие. И все же, прежде чем направиться к двери с закрытым глазком, заключенный погрозил кулаком одной из стен.

За этой стеной помещалась точно такая же одиночка, она также входила в сектор особого надзора парижской тюрьмы Сайте.

Таких одиночек было шесть, в каждой из них приговоренный к смерти ожидал либо президентского помилования, либо молчаливой и торжественной группы людей, которая придет к нему однажды ночью и разбудит его.

Вот уже пятый день, как за стеной почти непрерывно кричал заключенный № 10. Иногда он вопил, рыдал, возмущенно вскрикивал. Потом уставал и начинал монотонно и глухо выть.

Одиннадцатый никогда его не видел и не знал о нем ничего. Лишь по голосу он мог догадаться, что Десятый очень молод.

Теперь Десятый вопил устало, скорее по инерции. Однако в глазах Одиннадцатого зажглась искра ненависти, и он сжал костлявые кулаки.

Стены, дворы и корпуса громадной крепости-тюрьмы Сайте молчали. Даже снаружи, из Парижа, не доносилось ни звука. Тишину ночи нарушали только вопли Десятого.

Одиннадцатый подошел к двери, несколько раз судорожно сжал и разжал пальцы и, вздрогнув, коснулся ее.

Как положено по правилам особого надзора, одиночки освещались круглые сутки. Надзиратель обычно находился в коридоре. Каждый час он поочередно заглядывал во все камеры смертников.

Дрожащие пальцы Одиннадцатого скользнули по замку, мучительная тревога сделала это простое движение торжественным.

Дверь открылась. Стул надзирателя стоял на месте, но его самого не было. Заключение быстро пошел по коридору, наклонившись вперед, словно у него кружилась голова. Лицо его было бледно, только веки зеленоватых глаз покраснели. Трижды он сбивался с дороги и испуганно поворачивал прочь, натываясь на запертую дверь.

Где-то в глубине коридора слышались голоса: это в дежурке разговаривали надзиратели.

Он тихо спустился во двор. Ночная мгла была кое-где продырявлена желтыми огнями фонарей. Шагах в ста у ворот топтался часовой. На втором этаже светилось окно, и было видно, как человек с трубкой в зубах склонился над письменным столом, заваленным бумагами.

Одиннадцатому захотелось еще раз прочесть записку, которую он три дня назад нашел наклеенной на донышке

своей миски. Но это было невозможно: записку он разжевал и проглотил, как приказал неизвестный автор. Всего час назад заключенный помнил записку наизусть; теперь ему казалось, что некоторые фразы он не может точно восстановить в памяти:

«15 октября в два часа ночи дверь твоей камеры будет не заперта, надзирателя на месте не будет. Если ты пойдешь так, как нарисовано...»

Беглец вытер лоб горячей рукой. С ужасом он посмотрел на желтые круги фонарей и чуть не закричал, услышав шаги. Но они доносились из-за внешней стены, с улицы. Там ходили свободные люди, и по каменным плитам мостовой звонко отдавались их шаги.

Послышался женский голос:

– Подумать только, они заламывают по пятьдесят франков за кресло...

– Но ведь у них тоже есть расходы! – возразил мужчина.

Заключенный крался вдоль стены. Вдруг он остановился, наступив на камешек, и застыл, прислушиваясь. Мертвенно-бледный, неуклюжий, с длинными руками, которыми нелепо размахивал, он очень походил на пьяного.

Метрах в пятидесяти от беглеца, там, где в стене было углубление, около двери с надписью «Хозяйственный отдел» стояли несколько мужчин.

Комиссар Мегрэ не решался прислониться к стене из почерневшего кирпича. Засунув руки глубоко в карманы пальто, он твердо стоял на сильных ногах, неподвижный как статуя. Время от времени было слышно, как булькает его трубка, и тогда казалось, что даже сквозь ночную тьму можно угадать тревогу, светившуюся во взгляде комиссара.

Уже раз десять Мегрэ приходилось дотрагиваться до плеча следователя Комельо, который не мог спокойно стоять.

Юрист прибыл после часа ночи, прямо с великосветского ужина. Он был во фраке, тонкие усики его были старательно закручены, а цвет лица несколько ярче обычного.

Рядом с ним, уткнув нос в поднятый воротник пальто, сердито хмурился г-н Гасеье, начальник тюрьмы Санте. Он старательно делал вид, что все происходящее его не интересует.

Похолодало. Часовой у будки топал ногами, чтобы согреться. Дыхание, вылетая изо ртов, превращалось в струйки прозрачного пара.

Они все еще не видели Одиннадцатого, который избегал освещенных мест, но, несмотря на все его старания двигаться бесшумно, слышали шаги за стеной. Он быстро ходил взад и вперед, и по его шагам они могли заключить, куда он направляется.

Прошло десять минут. Следователь придвинулся к Мегрэ и уже открыл рот, но рука комиссара с такой силой стиснула плечо Комельо, что тот только вздохнул. Машинально он вытащил из кармана сигарету, но ее тут же отобрали.

Все было ясно. Одиннадцатый сбился с пути. С минуты на минуту он рисковал нарваться на обход.

Но что делать? Не могли же они подвести беглеца к месту, где был спрятан узел с платьем и где со стены свисала веревка.

Время от времени по улице проезжали машины. Иногда слышались голоса прохожих, гулко отдававшиеся в тюремном дворе.

Трое мужчин, стоявших в углублении, могли лишь обмениваться взглядами. Взгляд г-на Гассье выражал раздражение, досаду и иронию. Следователь Комельо откровенно волновался, и тревога его непрерывно усиливалась. Только комиссар Мегрэ держался как ни в чем не бывало. Он верил в себя, и выдержка не изменяла ему. Однако, не будь сейчас так темно, можно было бы увидеть крупные капли пота, стекавшие со лба.

Пробило половину третьего, а беглец все еще метался за стеной. Внезапно все трое вздрогнули: они не услышали, а скорее угадали вздох. Теперь из-за стены доносился торпливый шорох. Беглец в конце концов наткнулся на узел с платьем и переодевался, стоя под свисавшей веревкой.

Топот часового, словно маятник, отмеривал бег минут. Следователь шепнул:

– А вы уверены, что?..

Мегрэ посмотрел на него, и Комельо умолк. Вербка натянулась. Минуту спустя над стеной появилось светлое пятно – лицо Одиннадцатого. Подтянувшись на руках, он осматривал улицу.

Это продолжалось бесконечно – в десять, в двадцать раз дольше, чем рассчитывал Мегрэ. Очевидно, беглец выбился из сил, так как, добравшись до гребня стены, замер.

Беглец распластался на гребне, и силуэт его был отчетливо виден. А вдруг у него закружилась голова? Чего он ждет, почему не спускается на улицу?.. Быть может, ему мешают прохожие или пара влюбленных, пристроившихся у стены?..

Следователь Комельо нетерпеливо щелкнул пальцами.

– Полагаю, я вам больше не нужен? – шепнул начальник тюрьмы.

Веревка зашуршала по кирпичу и повисла над улицей. Беглец исчез за поворотом.

– Если б я не верил вам так безгранично, комиссар, я никогда не позволил бы втянуть себя в подобную авантюру. Заметьте, я по-прежнему считаю Эртена виновным. Что же будет, если он ускользнет?

– Где я увижу вас завтра? – не отвечая, спросил Мегрэ.

– Я буду у себя в кабинете с десяти утра.

Они молча обменялись рукопожатием. Начальник тюрьмы неохотно подал руку Мегрэ и отошел, ворча что-то невнятное. Мегрэ постоял минуту возле стены. Он не тронулся с места и тогда, когда услышал удалявшиеся шаги убегавшего во весь дух человека. Мегрэ прошел мимо проходной будки и жестом попрощался с дежурным. Он свернул за угол. Улица Жан-Доллан была пустынна.

– Все в порядке? – спросил комиссар человека, притаившегося у стены.

– Он побежал к бульвару Араго. За ним следуют Жан-вье и Дюфур.

– Можешь идти спать.

Комиссар рассеянно пожал руку инспектору и пошел, тяжело ступая, низко опустив голову и продолжая дымить трубкой.

Было четыре часа утра, когда он толкнул дверь своего кабинета на набережной Орфевр. Комиссар со вздохом снял тяжелое пальто. На столе среди бумаг стояла недопитая кружка. Пиво успело согреться, но комиссар допил его с жадностью. Затем уселся в кресло.

Перед ним лежала желтая папка, раздувшаяся от документов, как пузырь. Безупречно округлым почерком писмоводителя уголовной полиции на ней было выведено: «Дело Эртена».

Ожидание длилось больше трех часов. Электрическая лампочка без абажура была окружена серым облаком дыма, колебавшимся при малейшем движении воздуха. Время от времени Мегрэ вставал из-за стола, мешал кочергой в печке и опять садился на место. В кабинете становилось все жарче, комиссар снял с себя пиджак, затем воротничок, галстук и, наконец, жилет.

Телефонный аппарат был у него под рукой. Около шести утра он приподнял трубку, желая удостовериться, что связь с городом не нарушена.

Желтая папка перед комиссаром была раскрыта. Донесения, вырезки из газет, копии протоколов, фотографии рассыпались на столе. Мегрэ смотрел на них из своего кресла и лишь иногда брал в руки тот или иной документ, однако не читал его, а о чем-то сосредоточенно думал.

Поверх груды документов лежала газетная вырезка с красноречивой шапкой:

«Жозеф Эртен, убийца м-с Хендерсон и ее горничной, приговорен к смерти сегодня утром».

Мегрэ непрерывно курил, не сводя глаз с телефонного аппарата, но тот упорно молчал.

В шесть десять раздался звонок – кто-то ошибся номером.

Комиссар принялся перечитывать документы. Правда, в этом не было особой нужды, так как он помнил их наизусть:

На набережной Орфевр помещается префектура парижской полиции, в том числе ее уголовный розыск.

«Жозеф Жан Мари Эртен, 27 лет, родился в Мелене, служащий в цветочном магазине г-на Жерардье на Севрской улице».

Вот и фотография, сделанная в ярмарочной палатке на гулянье в Нейи. Долговязый парень с непомерно длинными руками и треугольным бесцветным лицом. Его щегольство свидетельствует о дурном вкусе.

«Кровавая трагедия в Сен-Клу. Богатая американка и ее горничная зарезаны кинжалом».

Это случилось в июле.

Мегрэ отодвинул зловещие снимки, сделанные на месте преступления: два окровавленных трупа, снятые во всевозможных ракурсах, искаженные лица, ночные рубашки в пятнах крови, изодранные в клочья.

«Комиссар Мегрэ из уголовной полиции разгадал трагедию в Сен-Клу. Убийца за решеткой!»

Мегрэ сердито переворошил газетные вырезки и нашел самую позднюю, вырезанную из газеты всего десять дней назад:

«Жозеф Эртен, убийца м-с Хендерсон и ее горничной, сегодня утром приговорен к смертной казни».

Во двор префектуры въехал полицейский фургон. Началась сортировка ночного улова. Он почти полностью

состоял из женщин. В коридорах послышались шаги, ночной туман над Сеной начал рассеиваться.

Зазвонил телефон.

– Алло!.. Ты, Дюфур?..

– Я, шеф.

– Ну что?..

– Ничего особенного. То есть, если хотите, я могу вернуться туда. Но пока что, по-моему, хватит одного Жанвье...

– А где он?

– В «Белой цапле».

– Что?.. В какой еще «Цапле»?

– Это быстро возле Исси-ле-Мулино. Сейчас возьму такси, приеду и расскажу вам все по порядку.

Некоторое время Мегрэ шагал по кабинету. Затем послал одного из сотрудников в пивную «У дофины» за кофе и рогаликами.

Мегрэ еще завтракал, когда вошел инспектор Дюфур, крохотный корректный человечек в сером костюме; шею его сдавливал очень высокий, туго накрахмаленный воротничок. Как всегда, вид у Дюфура был таинственный.

– Что это еще за «Цапля»? – проворчал Мегрэ. – Садись.

– «Белая цапля» – матросский кабачок на самом берегу Сены, между Гренелем и Исси-ле-Мулино.

– И он отправился прямо туда?

– Что вы! Это просто чудо, что мы с Жанвье не потеряли его.

– Ты уже завтракал?

– Да, в «Белой цапле».

– Тогда рассказывай.

– Вы видели, как он соскочил со стены, не так ли? Затем кинулся бежать со всех ног. Чертовски боялся, что его поймают. Лишь у Бельфорского льва сбавил ход и растерянно огляделся.

– Он догадывался, что за им следят?

– Ни в коем случае! Он оглянулся там в первый раз.

– Продолжай.

– Он бежал, как слепой. Или как человек, впервые оказавшийся в Париже – что почти одно и то же. Потом неожиданно свернул на улицу, что пересекает кладбище Монпарнас. Не помню, как она называется. Там не было ни души. По-видимому, он и сам не знал, где находится. И когда увидел сквозь решетку могилы, опять припустил со всех ног.

– Дальше.

Мегрэ набил трубку и заметно повеселел.

– Мы вышли на улицы Монпарнаса. Большие кафе были закрыты, но ночные кабаки еще полны. Помню, он остановился у одного, где играл джаз, и минуту постоял. К нему подошла девчонка-цветочница с корзиной, и он опять бросился бежать.

– В каком направлении?

– По-моему, ни в каком. Выскочил на бульвар Распайль... Потом по какой-то поперечной улице повернул обратно и опять вышел к вокзалу Монпарнас.

– Какое у него было выражение?

– Никакого! Как и на следствии, и на суде. Бледное лицо, испуганный, остановившийся взгляд. Словом, затрудняюсь описать... Через полчаса мы вышли к Центральному рынку.

– И никто к нему не обратился?

– Никто.

– Он не бросал никаких писем в почтовый ящик?

– Могу поклясться, что нет, шеф, Жанвье шел по одной стороне улицы, а я по другой. Мы следили за каждым его движением. Представьте, он остановился перед палаткой, где продают горячие сосиски и жареный картофель. Постоял в нерешительности. Потом увидел полицейского и припустил опять...

– Тебе не показалось, что он пытается найти номер какого-то дома?

– Отнюдь! Он, скорее, был похож на пьяного, который мечется во все стороны. На площади Согласия он опять спустился к Сене. И тут почему-то решил идти по набережным. Раза два присаживался отдохнуть. Один раз – прямо на парапете. Другой – на скамье. Не поручусь за точность, но тут мне показалось, что он плачет. Во всяком случае, он схватился за голову руками.

– На скамье никого больше не было?

– Никого. Потом он зашагал опять... Представляете? Дошел почти до Мулино! Иногда останавливался, смотрел на воду. На реке уже появились буксиры. Затем улицы заполнили рабочие, а он все шел, и вид у него был такой, словно он сам не знает, что будет делать через минуту.

– Это все?

– Почти. Подождите. На мосту Мирабо он опустил руку в карман и вытащил оттуда...

– ...десятифранковые кредитки?

– Нам с Жанвье так показалось. Потом он начал осматриваться по сторонам. Похоже, искал бистро. Но на

правом берегу все быстро были закрыты. Тогда он перешел на левый берег. Там вошел в бар, битком набитый шоферами. Выпил кофе и стаканчик рому...

– Это и была «Белая цапля»?

– Нет. Мы с Жанвье еле волочили ноги. Не могли даже ничего выпить, чтобы согреться... Он вышел и опять начал кружить по улицам. Жанвье записывал, он даст вам точный маршрут. Мы опять вышли на набережную возле какой-то фабрики. Там тоже не было ни души, только кустики росли, как на даче, да травка между сваленными в кучу строительными материалами. На берегу – подъемный кран, а на воде на причале стояли баржи. Штук двадцать, не меньше. Тут-то и находится «Белая цапля». Непонятно даже, почему она в таком месте. Это маленькое бистро, где кормят круглые сутки. Справа сарай с пианолой и вывеской: «По субботам и воскресеньям танцы...» Здесь он опять выпил кофе с ромом. Потом ему подали горячие сосиски, он дожидался их довольно долго. Мы видели, как он говорил с хозяином бистро, а через четверть часа оба поднялись на второй этаж.

Когда хозяин спустился, я вошел. Спросил, не сдает ли он комнаты. Он удивился: «А разве с этим парнем не все в порядке?» Мне показалось, что он привык иметь дело с полицией. Я решил его припугнуть и заявил, что, если он скажет хоть одно слово своему клиенту, его заведение будет в тот же день закрыто. Он поклялся, что видит парня впервые; по-моему, не соврал... В бистро своя клиентура – матросы и, кроме того, в полдень рабочие с соседней фабрики приходят пить аперитив. Хозяин рассказал, что едва Эртен вошел в комнату, он бросился на кровать, даже

не сняв ботинок. Он сделал ему замечание. Эртен снял ботинки, швырнул их на пол и тут же заснул.

– Значит, Жанвье остался там?

– Конечно. Ему можно позвонить: в «Белой цапле» есть телефон. Матросы часто звонят оттуда своим хозяевам.

Мегрэ поднял трубку и через минуту услышал голос инспектора Жанвье.

– Алло!.. Ну, как наш парень?

– Спит.

– Ничего подозрительного не заметил?

– Ровно ничего. Мертвый штиль. Он так храпит, что в кафе слышно.

Мегрэ повесил трубку и смерил взглядом хрупкую фигуру инспектора Дюфура.

– А ты не упустишь его?

Инспектор хотел запротестовать, но Мегрэ опустил ему на плечо руку и медленно продолжал:

– Пойми меня, старина. Я знаю, ты сделаешь все от тебя зависящее, но... на карту поставлена моя карьера, и не только она, но и многое другое. К тому же я не могу пойти туда сам – эта скотина знает меня в лицо.

– Клянусь вам, комиссар...

– Не клянись. Ступай!

Мегрэ резким движением сгреб и сунул в папку разбросанные документы и запер папку в ящик стола.

– Помни, если тебе еще понадобятся люди – требуй, не стесняясь.

Только фотография Жозефа Эртена осталась на столе комиссара. Некоторое время Мегрэ вглядывался в его костлявое лицо, узкие, бесцветные губы, оттопыренные уши.

Три судебных психиатра осматривали этого человека. Двое заявили: «Умственные способности недоразвиты. Вменяемость полная».

Третий, приглашенный адвокатом обвиняемого, высказался менее уверенно: «Тяжелая наследственность. Вменяемость ограничена».

А Мегрэ, сам комиссар Мегрэ, арестовавший Жозефа Эртена, заявил начальнику уголовной полиции, прокурору республики и судебному следователю:

– Одно из двух: либо он безумен, либо невиновен.

И обязался доказать свои слова.

В коридоре раздались шаги инспектора Дюфура, который удалялся, подпрыгивая.

2. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СПИТ

В одиннадцать часов, после краткого разговора со следователем Комельо, который никак не мог успокоиться, Мегрэ прибыл в Отейль.

Погода стояла мерзкая, мостовая была покрыта липкой грязью, серое небо, казалось, ползет по крышам домов. Набережная, вдоль которой шел комиссар, была застроена богатыми особняками. На другом берегу картина была иная: предместье, а значит пустыри, заводы, разгрузочные причалы, загроможденные кучами строительных материалов. Эти столь различные пейзажи разделяла свинцово-серая Сена, беспокойная от сновавших по ней буксиров.

Увидеть «Белую цаплю» было нетрудно даже издали. Бистро одиноко стояло на пустыре среди штабелей кирпича, остовов разбитых машин, рулонов рубероида и же-

лезнодорожных рельсов; словом, добра там хватало всякого.

Двухэтажный дом был выкрашен в противный красный цвет. Несколько столиков стояли на террасе под полотняным тентом с традиционной надписью:

«Вина, закуски»

Бросались в глаза фигуры грузчиков – они, должно быть, разгружали баржи с цементом, так как с ног до головы были покрыты белой пылью. Выходя, они жали руку человеку в синем фартуке, хозяину бистро, стоявшему в дверях, и неторопливо направлялись к барже, причалившей неподалеку.

У Мегрэ был утомленный вид, глаза его стали тусклыми, но бессонная ночь была здесь ни при чем.

У комиссара было свое правило. После нечеловеческого напряжения всех сил, когда цель оказывалась совсем рядом и стоило только протянуть к ней руку, комиссар разрешал себе ненадолго обмякнуть. Это была своеобразная реакция на перенапряжение, и не стоило с ней бороться.

Мегрэ подошел к зданию небольшой гостиницы, расположенной напротив «Белой цапли». В гостинице он обратился к дежурному администратору:

– Мне нужна комната с окном на реку.

– На месяц?

Мегрэ пожал плечами. Спорить сейчас не стоило.

– А уж это насколько мне понадобится. Я из уголовной полиции.

– Свободных номеров у нас нет.

– Ладно. Дайте мне список постояльцев.

– Одну минуточку. Погодите. Я сейчас позвоню, кажется, восемнадцатый освобождается.

– Идиот! – сквозь зубы проворчал Мегрэ. Разумеется, комната нашлась. Гостиница была комфортабельная. Коридорный спросил:

– Прикажете забрать ваш багаж?

– Багажа у меня нет. Принеси мне бинокль, больше ничего не надо.

– Но я не знаю, найдется ли...

– А ты постарайся. Достань бинокль где угодно.

Мегрэ со вздохом снял пальто, раскрыл окно и набил трубку. Не прошло и пяти минут, как ему принесли перламутровый театральный бинокль.

– Это бинокль хозяйки. Она просила вам передать...

– Ладно! Исчезни!

Полчаса спустя он изучил фасад «Белой цапли» до мельчайших подробностей.

Одно из окон второго этажа было раскрыто, в комнате виднелась неубранная постель, огромная малиновая перина лежала поперек кровати. На бараньей шкуре стояла пара расшитых домашних туфель.

«Комната хозяина». Соседнее окно было закрыто. В следующем окне причесывалась толстая женщина в кофте.

«Жена хозяина или служанка».

Внизу хозяин вытирал столы. За одним из них перед бутылкой красного вина сидел инспектор Дюфур.

Видно было, как он разговаривает с хозяином.

Дальше, у самой воды, светловолосый молодой человек в дождевике и серой кепке, казалось, внимательно наблюдал за разгрузкой баржи. Это был инспектор Жанвье, один из самых молодых сотрудников уголовной полиции.

В комнате Мегрэ у изголовья кровати стоял столик с телефоном. Комиссар поднял трубку.

– Алло! Администратор?..

– Вам что-нибудь надо?

– Соедините меня с бистро «Белая цапля», что на том берегу реки.

– Минутку, – ответил недовольный голос.

Минутка оказалась длинной. Наконец из своего окна Мегрэ увидел, что хозяин бросил тряпку и пошел к телефону. Наконец в номере Мегрэ раздался звонок.

– Соединяю с «Белой цаплей»...

– Алло!.. «Белая цапля»? Попросите к аппарату посетителя, что сидит у вас в кафе... Нет, нет, ошибки быть не может. Он там один...

Мегрэ увидел, как удивился хозяин. Затем Дюфур вошел в телефонную будку.

– Это ты, Дюфур?

– Шеф?

– Я в гостинице, что напротив «Белой цапли». Как наш парень?

– Спит.

– Ты сам это видел?

– Только что я был у его комнаты и слышал, как он храпит. Я приоткрыл дверь: он спит одетый, согнувшись в три погибели, с раскрытым ртом.

– Ты уверен, что хозяин не предупредил его?

– Он слишком боится полиции; у него уже были неприятности... Хотели отобрать патент. Теперь он тише воды, ниже травы.

– Сколько в доме входных дверей?

– Две. Главный вход и дверь во двор. Жанвье следит за ней...

– Никто не поднимался на второй этаж?

– Никто. Я обязательно бы увидел. Лестница на второй этаж находится за стойкой быстро.

– Хорошо. Закажи завтрак. Скоро я тебе позвоню. Изображай из себя служащего какого-нибудь судовладельца.

Мегрэ повесил трубку и подтащил кресло к окну. Ему стало холодно, он снял с вешалки пальто и накинул его. Звякнул телефон.

– Кончили говорить? – спросила телефонистка гостиницы.

– Кончил. Скажите, чтобы мне принесли пива. И трубочного табаку.

– У нас нет табака.

– Так пошлите за ним.

В три часа дня Мегрэ все еще сидел на том же месте. Бинобль лежал у него на коленях, в руке он держал уже пустой стакан. Несмотря на раскрытое настежь окно, в комнате пахло трубочным табаком.

Вокруг кресла комиссара валялись утренние газеты. В них было напечатано сообщение полиции:

«Бегство приговоренного к смерти из тюрьмы Сайте».

Время от времени Мегрэ пожимал плечами, вытягивал ноги, потом опять менял позу.

В половине четвертого он вновь позвонил в «Белую цаплю».

– Что нового? – спросил комиссар.

– Ничего. Все еще спит.

– Дальше.

– Звонили с Набережной, спрашивали, где вас искать. Похоже, следователь хочет немедленно переговорить с вами.

На этот раз Мегрэ не пожал плечами, его ответ был кратким, но выразительным. Он дал отбой и тут же вызвал телефонистку:

– Прокуратуру, мадмуазель. Срочно.

Все, что мог сказать г-н Комельо, Мегрэ знал заранее.

– Алло!.. Это вы, комиссар?.. Наконец-то!.. Никто не мог мне сказать, где вы находитесь. Потом с набережной Орфевр сообщили, что вы поставили агентов возле «Белой цапли»... Я распорядился позвонить туда...

– И что?

– Сначала скажите, что у вас новенького?

– Ровным счетом ничего. Он спит.

– Вы уверены? Он не мог скрыться?..

– Не будет большим преувеличением, если я скажу, что сию минуту вижу его.

– Кажется, я начинаю сожалеть...

– ...что согласились со мной? Но раз не возражал сам министр юстиции...

– Минутку... Все утренние газеты напечатали ваше сообщение...

– Знаю, читал.

– А дневные газеты видели?.. Нет?.. Постарайтесь раздобыть «Сиффле»... Я сам знаю, что это паршивый листок... И все же просмотрите... Впрочем, подождите, комиссар... Алло! Вы меня слышите?.. Я вам сейчас прочту... Статья в «Сиффле» называется «Государственные интересы»... Вы слышите меня, Мегрэ?.. Читаю:

«Сегодня в утренних газетах напечатано полуофициальное сообщение о том, что Жозеф Эртен, приговоренный к смерти судом присяжных департамента Сены и содержащийся под особым надзором в тюрьме Сайте, бежал ночью при необъяснимых обстоятельствах. Однако мы можем добавить, что обстоятельства эти необъяснимы отнюдь не для всех. Жозеф Эртен бежал не самостоятельно, побег был подготовлен. И это за несколько дней до казни! Мы не можем пока рассказать все подробности гнусной комедии, разыгравшейся в тюрьме Сайте этой ночью. Однако смеем утверждать, что сама полиция, с ведома и разрешения юридических властей, инсценировала этот побег. Интересно, знает ли об этом Жозеф Эртен? Если это так, мы не находим слов, чтобы квалифицировать подобную операцию, пожалуй единственную в анналах преступности».

Мегрэ дослушал до конца, сохраняя полное спокойствие. Зато голос Комельо звучал все неуверенней.

— Как вам это нравится, комиссар?

— Это только доказывает, что я был прав. Статья в «Сиффле» отражает мнение не только газеты. О нашей операции знали всего шесть человек, но никто из них, конечно, не проболтался. Значит, заметку написал...

— Кто?

— Возможно, я скажу вам это сегодня вечером. Все идет хорошо, господин Комельо.

— Вы полагаете? А если заметку подхватит вся парижская пресса?

— Тогда будет скандал.

— Вот видите!

– А разве жизнь человека не стоит скандала?

Пятью минутами позже Мегрэ связался по телефону с префектурой полиции.

– Бригадир Люкас?.. Слушайте внимательно, старина... Сходите немедленно в редакцию газеты «Сиффле» на улицу Монмартр. Поговорите с ответственным редактором с глазу на глаз. Припугните его хорошенько. Мне нужно знать, кто дал им материал о бегстве из Сайте. Готов руку дать на отсечение, что они получили его по почте или по пневматической почте!.. Возьмите у них черновик и принесите мне. Понятно?

Телефонистка спросила:

– Разговор окончен?

– Нет, мадмуазель. Соедините меня еще раз с «Белой цаплей».

И снова инспектор Дюфур повторил минутой позже:

– Он спит. Я прижался ухом к двери номера и простоял так минут пятнадцать. Я слышал, как он ворочается во сне, стонет и зовет мать.

Направив бинокль на среднее окно, которое было закрыто, Мегрэ представил себе лицо спящего с такой четкостью, словно стоял у изголовья его кровати.

Впервые он увидел Эртена в июле. После драмы в Сен-Клу не прошло и двух суток, когда Мегрэ опустил на плечо Жозефа Эртена тяжелую руку и сказал вполголоса:

– Только без глупостей. Иди за мной, паренек.

Они находились в дешевых меблированных комнатах на улице Мсье-ле-Пренс, где на шестом этаже ютился Жозеф Эртен.

Хозяйка сказала о нем:

– Аккуратный молодой человек, спокойный, работающий. Иной раз, правда, бывал какой-то странный.

– Его кто-нибудь навещал?

– Нет. И сам он никогда не возвращался домой позже полуночи. Вот только в последние дни...

– Что – в последние дни?

– Раз или два возвращался позже. Однажды – это было в среду – он пришел часа в четыре утра.

Но именно в среду и было совершено убийство в Сен-Клу. Судебно-медицинские эксперты утверждали, что смерть обеих женщин наступила около двух часов ночи.

Впрочем, в веских уликах против Эртена и так не было недостатка, и улики эти большей частью раскопал сам Мегрэ.

Вилла м-с Хендерсон стояла у Сен-Жерменской дороги, примерно в километре от «Голубого павильона». Эртен вошел в «Голубой павильон» в среду около полуночи, без спутников, и выпил четыре стакана грога один за другим. Расплачиваясь, выронил из кармана железнодорожный билет третьего класса в один конец – из Парижа в Сен-Клу.

М-с Хендерсон, вдова американского дипломата, связанного с высшими финансовыми кругами, жила у себя на вилле. После смерти Хендерсона нижний этаж виллы пустовал. У вдовы была только одна служанка, скорее компаньонка, чем горничная, м-ль Элиза Шатрие, французка. Она полжизни прожила в Англии и получила там блестящее образование.

Два раза в неделю приходил садовник, житель Сен-Клу, и ухаживал за маленьким парком, окружавшим виллу.

Гостей м-с Хендерсон принимала очень редко. Иногда приезжал с женой Уильям Кросби, племянник старой дамы.

В ночь с 7 на 8 июля по магистрали, ведущей к Довиллю, машины, как обычно, шли сплошным потоком.

«Голубой павильон», как и все соседние увеселительные заведения, закрывался в час ночи.

Позднее один из водителей заявил, что, проезжая мимо виллы в 2 часа 30 минут, заметил на втором этаже свет и странно метавшиеся тени.

В шесть часов утра явился садовник: был его день. Он всегда сам тихо открывал садовую калитку.

Около 8 часов м-ль Элиза Шатрие обычно звала его завтракать.

Но в этот раз его никто не позвал. Он работал до 9, но двери виллы так и не открылись. Обеспокоенный, он постучал. Никто не ответил. Тогда садовник пошел за полицейским, дежурившим на ближайшем перекрестке.

Через несколько минут все разъяснилось. Тело м-с Хендерсон было обнаружено в спальне. Она лежала на коврике около кровати в изорванной и окровавленной ночной рубашке. Старой женщине было нанесено в грудь десять ножевых ран.

Та же участь постигла Элизу Шатрие, спавшую в соседней комнате: м-с Хендерсон требовала, чтобы компаньонка спала поблизости, так как всегда боялась, что ночью может плохо себя почувствовать.

Итак, имело место зверское убийство двух женщин – одно из тех преступлений, о которых в полиции говорят: «совершены с особой жестокостью».

На полу комнаты повсюду виднелись следы ног, а на занавесах отпечатки окровавленных пальцев.

Начались обычные формальности. Из Парижа прибыли

представители прокуратуры, эксперты отдела идентификации, были произведены многочисленные анализы, вскрытие трупов.

Расследование было поручено комиссару Мегрэ, и меньше чем через двое суток он вышел на след Жозефа Эртена.

Они были так отчетливо видны, эти следы! В коридорах виллы не было ковров, а паркет – натерт.

Хватило нескольких снимков, чтобы получить об этих следах полное представление. Они были оставлены совершенно новыми ботинками на каучуковой подошве. На ней имелись выпуклости, чтобы предотвратить скольжение в сырую погоду, кроме того, в центре отчетливо виднелась фамилия фабриканта и даже номер размера – сорок четвертый.

Через несколько часов Мегрэ вошел в магазин торговца обувью на бульваре Распайль. Выяснилось, что за последние дни недели была продана только одна пара обуви такого фасона и размера.

– Ее купил разносчик товара из цветочного магазина, он приехал со своей тележкой. Мы его часто видим в наших краях.

Через час или два комиссар уже беседовал с г-ном Жерардье, владельцем цветочного магазина на Севрской улице; на ногах у Жозефа Эртена Мегрэ увидел ботинки на каучуке.

Оставалось сличить отпечатки пальцев. Эта операция производилась экспертами отдела идентификации в помещении Дворца правосудия.

Эксперты, вооруженные всем необходимым, склонили-

лись над отпечатками пальцев. Заключение последовало немедленно:

— Это он.

— Зачем ты это сделал?

— Я не убивал!

— Кто дал тебе адрес миссис Хендерсон?

— Я не убивал!

— Что ты делал на вилле в два часа ночи?

— Не знаю.

— Как ты возвратился из Сен-Клу?

— Не возвращался я из Сен-Клу.

Его крупное отталкивающее лицо было бледным. Веки покраснели, как у человека, который не спал несколько ночей подряд.

В комнате его на улице Мсье-ле-Пренс нашли платок, пропитанный кровью. Химики установили, что это человеческая кровь; больше того, они нашли в ней те же бактерии, которые были обнаружены в крови м-с Хендерсон.

— Я не убивал!

— Какого адвоката ты хочешь?

— Не надо мне адвоката...

Ему дали защитника по назначению. Мэтру Жоли было всего тридцать лет, он бесцельно суетился и махал руками.

Жозефа Эртена неделю обследовали психиатры, которые единогласно объявили:

— О невменяемости не может быть и речи. Этот человек отвечает за свои поступки. Сейчас он находится в подавленном состоянии, но это объясняется сильным нервным потрясением.

Наступило время отпусков. Срочное расследование

заставило комиссара Мегрэ выехать в Довиль. Следователю Комельо дело представлялось предельно ясным. Обвинение было поддержано уголовной палатой.

Никого не смутило то обстоятельство, что Жозеф Эртен ничего не украл и не извлек никакой выгоды из своего страшного преступления.

Комиссар Мегрэ, насколько это было возможно, углубился в биографию Жозефа Эртена. Он изучал его внешность, его моральные качества, прослеживал, как развивался и рос обвиняемый.

Жозеф родился в Мелене, отец его был официантом в кафе «Сена», мать – прачкой.

Спустя три года после его рождения родители арендовали бистро, но дела у них шли плохо. Тогда семья переехала в Найди, в департаменте Сены и Марны, где содержала постоялый двор.

Жозефу исполнилось шесть, когда родилась сестренка Одетта. У Мегрэ была карточка: Жозеф в матросском костюмчике сидит на корточках перед медвежьей шкурой, на которой, задрав руки и ноги, лежит пухлый младенец.

В тринадцать Жозеф ухаживал за лошадьми и помогал отцу обслуживать клиентов.

В семнадцать он устроился официантом в фешенебельный ресторан близ Фонтенбло.

К двадцати двум отслужил свой срок в армии, приехал в Париж, поселился на улице Мсье-ле-Пренс и поступил работать в цветочный магазин г-на Жерардье.

– Он много читал, – сказал г-н Жерардье.

– Его единственным развлечением было кино, – утверждала квартирная хозяйка.

Какое же отношение мог иметь этот парень к обитателям виллы в Сен-Клу?

– Приходилось тебе прежде бывать в Сен-Клу?

– Нет.

– Что ты делал по воскресеньям?

– Читал.

М-с Хендерсон никогда не покупала цветов в магазине Жерардье. И потом, чем ее вилла могла привлечь налетчика? К тому же ничего украдено не было.

– Почему ты молчишь?

– Мне нечего сказать.

Весь август Мегрэ пробыл в Довиле, где изловил банду международных аферистов. Он вернулся в Париж в начале сентября и сразу же посетил Эртена в тюрьме Сайте. Эртен был жалок и растерян.

– Я ничего не знаю. Я не убивал!

– И все же ты был в Сен-Клу...

– Оставьте меня в покое.

– Банальнейшее дело! – решили в прокуратуре. – Заслушаем его первым по окончании каникул.

Первого октября дело Жозефа Эртена слушалось в суде присяжных.

Мэтр Жоли, защитник обвиняемого, не нашел ничего лучшего, как потребовать вторичной экспертизы умственных способностей своего клиента. Избранный им психиатр попробовал было заикнуться: вменяемость ограничена...

Прокурор отпарировал:

– Убийство с особой жестокостью! Если Эртен ничего не украл, то лишь потому, что ему что-то помешало. Зато

он нанес в общей сложности восемнадцать ножевых ударов.

Присяжным продемонстрировали снимки жертв, они их с ужасом оттолкнули.

Они единогласно ответили «Да!» на все вопросы.

Смертная казнь! На следующий день Жозефа Эртена перевели в сектор особого надзора, где содержались еще четверо смертников.

– Тебе и теперь нечего мне сказать? – допытывался Мегрэ. Он был недоволен собой.

– Нечего!

– А ты знаешь, что тебя казнят?

Тогда Эртен заплакал. Он был так же бледен, и веки его были такими же красными.

– Кто твои сообщники?

– У меня нет сообщников.

Мегрэ продолжал являться к нему каждое утро, хотя формально не имел больше права заниматься этим делом. С каждым днем Эртен становился спокойнее, он перестал дрожать, им овладевала животная тупость. Однако порой в его глазах вспыхивал насмешливый огонек.

Так продолжалось до того утра, когда он услышал в соседней камере шаги, а потом душераздирающий крик. Это пришли за отцеубийцей, номером Девятым, чтобы отвести его на эшафот.

Вечером Эртен, который стал номером Одиннадцатым, зарыдал. Но так и не заговорил. Он лежал, вытянувшись на койке, и громко стучал зубами. Лицо его было повернуто к стене.

Если комиссар Мегрэ забирал себе что-нибудь в голову, это было надолго.

– Этот человек либо невиновен, либо сумасшедший, – заявил он следователю Комельо.

– Это невероятно! И потом, приговор уже вынесен.

С высоты своих ста восьмидесяти сантиметров, плечистый и крупный, как грузчик с Центрального рынка, Мегрэ упрямо смотрел на Комельо.

– Вспомните, что следствием не установлено, как Эртен вернулся из Сен-Клу в Париж. Поездом он не ехал, это доказано. Трамваем тоже. Не мог же он идти пешком!

Мегрэ продолжал с улыбкой:

– Давайте проведем один опыт.

– А что скажет министерство? – испугался Комельо.

И Мегрэ, грузный, упрямый Мегрэ отправился в министерство. Он сам составил для Эртена записку с планом побега.

– Послушайте! Если у него есть сообщники, он решит, что записка от них, если сообщников нет – сообразит, что это ловушка. Я отвечаю за него. Клянусь вам, что уйти от нас он не сможет.

Надо было видеть при этом лицо комиссара – широкое, спокойное и жесткое. Он уговаривал начальство три дня. Три дня Мегрэ тревожил их призраком судебной ошибки и грозил скандалом, который рано или поздно разразится.

– Но вы же сами арестовали Эртена, комиссар!

– Я арестовал его как полицейский чиновник. Я должен был сделать логический вывод из неопровержимых доказательств.

– А как человек?

– Как человек я требую более убедительных подтверждений его виновности.

– И вы полагаете...

– ...что Эртен либо безумен, либо невиновен.

– Почему же он молчит?

– Мы узнаем это, если продедаем опыт, который я предлагаю.

Без конца созывались совещания, звонили телефоны.

– Вы рискуете своей карьерой, комиссар! Подумайте!

– Я уже все обдумал.

Наконец заключенному передали записку. Он никому не показал ее, но аппетит его заметно улучшился.

– Стало быть, он нисколько не удивился, – сказал Мегрэ. – Стало быть, это не было для него неожиданно-стью. Значит, у него есть сообщники, обещавшие ему устроить побег.

– Если только он не валяет дурака и, оказавшись на свободе, не проскользнет у вас между пальцев. Подумайте, комиссар, о своей карьере.

– Кроме моей карьеры на карту поставлена человеческая голова.

И вот Мегрэ сидит в кожаном кресле перед окном гостиницы. Время от времени он направляет бинокль на «Белую цаплю», видит грузчиков, которые заходят туда пропустить стаканчик.

На набережной инспектор Жанвье ежится от холода, стараясь придать себе беззаботный вид.

Мегрэ видит все, что происходит напротив. Дюфур заказал сосиски с картофельным пюре и теперь пьет кальвадос.

Среднее окно по-прежнему закрыто.

– Дайте мне «Белую цаплю», мадмуазель.

– Занято.

– Меня это не касается. Разъедините!

И через минуту:

– Это ты, Дюфур?

Инспектор не тратил лишних слов:

– Он спит.

В дверь постучали. Вошел бригадир Люкас и закашлялся. От дыма в комнате было трудно дышать.

3. РВАНАЯ ГАЗЕТА

– Есть новости?

Люкас пожал комиссару руку и присел на краешек кровати.

– Новости? Ничего интересного. Редактор «Сиффле» все же дал мне черновик письма о побеге из Сайте: он получил его по почте в десять утра.

– Давай сюда!

Бригадир протянул ему грязный лист бумаги, испещренный поправками, сделанными синим карандашом. В редакции «Сиффле» письмо сократили и переставили кое-какие фразы, прежде чем отдать заметку в набор. В углу был типографский индекс и инициалы линотиписта, набравшего статью.

– Бумага обрезана сверху, – сказал Мегрэ. – Несомненно, для того, чтобы избавиться от фирменного штампа.

– Конечно! Я так и подумал, комиссар. И еще я подумал: письмо, наверное, написано в кафе. Я пошел к Мерсу. Он уверяет, что может опознать почтовую бумагу чуть ли не всех парижских кафе...

– И что сказал Мерс?

– Он потратил на это не больше десяти минут. Бумага эта из кафе «Купол» на бульваре Монпарнас. Я только что оттуда. К сожалению, у них бывает до тысячи клиентов в день. И не менее пятидесяти требуют бумагу и чернила.

– А что Мерс сказал о почерке?

– Пока ничего. Он сказал, что, если я дам ему письмо, он проведет графологическую экспертизу по всем правилам. А пока что я могу еще раз сходить в «Купол».

Мегрэ не терял из виду «Белую цаплю». Раскрылись ворота фабрики, расположенной по соседству, толпа рабочих вылилась на улицу, большинство было на велосипедах, они быстро исчезли в серых сумерках.

В бистро зажглась одна-единственная лампа, и комиссар мог продолжать свои наблюдения за посетителями.

Перед стойкой стояли человек шесть, кое-кто недоверчиво поглядывал на Дюфура.

– Что он там делает? – удивился Люкас, заметив в бистро своего коллегу. – Ого! Да тут еще Жанвье любит Сеной!

Мегрэ не слушал его. Он навел бинокль на винтовую лесенку, изгибавшуюся за стойкой. На ней появились чьи-то ноги. Минуту они были неподвижны, потом показалось тело, и, наконец, – бледная физиономия Жозефа Эртена. Яркий свет лампы падал прямо на него; в ту же минуту Мегрэ увидел, как хозяин бросил на один из столов вечернюю газету.

– Вот что, Люкас, вечерние газеты перепечатали заметку в «Сиффле»?

– Не знаю, я их не видел. Но можете не сомневаться –

перепечатают непременно. Хотя бы для того, чтобы досадить нам.

Мегрэ схватил трубку.

– «Белую цаплю», мадмуазель... Скорее!

Впервые за весь день Мегрэ заторопился. На том берегу Сены хозяин быстро обратился к Эртену, видимо спрашивая, что тот будет пить. Но беглеца, кажется, больше всего интересовала газета, которая лежала совсем рядом.

Наконец-то соединили!

Дюфур вышел из-за стола и направился к телефонной кабине.

– Алло!.. Ты, Дюфур?.. Внимание, старина! На столе лежит газета. Он не должен ее прочесть... Ни в коем случае, понятно?

– Нужно помешать ему?

– Торопись!.. Он садится... Газета у него под носом.

Мегрэ сердито бросил трубку и вскочил. Если Эртен прочтет заметку, опыт, которого он добился с таким трудом, пойдет насмарку. Мегрэ видел, как приговоренный устало опустился на длинную скамью, стоявшую у стены, облокотился о стол и обхватил голову руками.

Хозяин принес ему стакан вина. Сейчас Дюфур вернется в комнату и возьмет газету...

Люкас, не совсем понимая, что происходит, чутьем угадал волнение комиссара и тоже высунулся из окна. На мгновение быстро исчезло: по реке, оглушительно гудя и сверкая белыми, красными и зелеными огнями, прошел буксир.

– Наконец-то! – проворчал Мегрэ, когда Дюфур вышел из телефонной будки.

Эртен небрежно развернул газету. На какой странице помещена статья? Успеет ли он прочесть ее? Сумеет ли Дюфур предотвратить опасность?

Характерная деталь: прежде чем начать действовать, Дюфур посмотрел в окно – на месте ли Жанвье? Затем повернулся в сторону гостиницы – следит ли за ним Мегрэ?

В этом дешевом бистро, набитом рабочими и грузчиками, Дюфур в своем аккуратном костюме был инородным телом.

Дюфур между тем приблизился к Эртену и протянул руку к газете. По-видимому, он сказал:

– Простите, сударь. Это моя газета!

Посетители, пившие у стойки, обернулись. Эртен поднял на инспектора удивленный взгляд.

Дюфур настаивал, он нагнулся к Эртену и попытался завладеть газетой. Люкас, стоявший рядом с Мегрэ, недовольно крикнул.

Казалось, Эртен только этого и ждал. Картина сразу изменилась. Эртен медленно поднялся, словно человек, не знающий, на что ему решиться. Левой рукой он продолжал держаться за газету, которую Дюфур не отпускал, а правой схватил с соседнего стола тяжелую бутылку и ударил ею Дюфура по голове.

Жанвье стоял метрах в пятидесяти от бистро. Он даже не обернулся.

Дюфур покачнулся. Он ударился о стойку, с нее упали и разбились два стакана. Трое мужчин бросились к Эртену, двое других подхватили Дюфура.

Видимо, только теперь поднялся шум, потому что Жанвье оторвался наконец от созерцания бликов, играв-

ших на воде, повернулся в сторону быстро, сделал несколько шагов и побежал.

– Живо! Бери машину и гони туда! – приказал Мегрэ.

Люкас неохотно двинулся к дверям. Он понимал, что придет слишком поздно. Ведь Жанвье был уже совсем рядом.

Приговоренный отбивался и что-то кричал. Может быть, он догадался, что Дюфур из полиции?

Так или иначе, его отпустили. Бутылка все еще была у него в правой руке. Как только Эртен получил возможность двигаться, он запустил ею в лампу.

Пальцы комиссара впились в подоконник, но он не двинулся с места. От подъезда гостиницы отъехало такси. В быстро вспыхнула спичка и тут же погасла. Несмотря на расстояние, Мегрэ был почти уверен, что слышал звук выстрела.

Минуты тянулись нескончаемо. Такси переехало мост и ползло по разбитой дороге, шедшей вдоль левого берега Сены. Машина двигалась нестерпимо медленно, и метров за двести до «Белой цапли» бригадир Люкас выскочил из автомобиля и побежал. Вероятно, он тоже услышал выстрел.

Раздались пронзительные свистки. Свистел либо Жанвье, либо Люкас.

За грязными стеклами быстро зажглась свеча. На витрине была надпись, но краска кое-где облезла, и получалось: «Бел..я..апля». Несколько человек склонились над рухнувшим телом. Больше ничего разглядеть не удавалось. В тусклом свете не различить было даже, что там происходит.

Не отходя от окна, Мегрэ тихо говорил по телефону.

– Полицейский комиссариат района Гренель?.. Немедленно пошлите людей на машинах к бистро «Белая цапля»... Надо задержать одного парня, если он попытается удрать. Он высокий, у него большая голова и бледное лицо... Возьмите с собой врача...

Люкас прибыл на место. Его такси остановилось перед витриной бистро и скрыло от глаз комиссара часть комнаты.

Хозяин влез на стул и ввернул новую лампочку. Яркий свет снова залил бистро.

Зазвонил телефон.

– Алло!.. Это вы, комиссар?.. Говорит Комельо... Я дома, у меня к обеду гости, но я не могу сесть за стол, пока вы не успокоите меня.

Мегрэ молчал.

– Вы меня слышите?.. Не разъединяйте, мадмуазель... Алло, комиссар...

– Да, я вас слушаю.

– А я вас почти не слышу. Вы видели вечерние газеты? Они перепечатали заметку из «Сиффле»... Я думаю, будет лучше, если...

Из дверей «Белой цапли» выскочил Жанвье и бегом бросился направо к темным пустырям.

– У вас-то хоть все в порядке? – допытывался Комельо.

– Все! – заорал Мегрэ и дал отбой.

Он был весь в поту. Трубка упала на пол, зола высыпалась и прожгла ковер.

– Алло! «Белую цаплю», мадмуазель.

– Я вас только что соединяла, мсье.

– А я опять прошу «Белую цаплю». Понятно?

По движению в бистро он понял, что телефон зазвонил. К телефонной будке двинулся хозяин, но его опередил Люкас.

– Слушаю... Это вы, комиссар?

– Да, я, – устало сказал Мегрэ. – Он, конечно, скрылся?

– Конечно.

– А как Дюфур?

– Ничего страшного, рассечена кожа на голове. Он даже не потерял сознания.

– Сейчас придут полицейские из Гренельского комиссариата.

– Теперь это ни к чему. Вы же знаете местность: мастерские, сараи, кучи строительных материалов, фабричные дворы. И переулки Исси-ле-Мулино.

– Кто-то стрелял?

– Да. Но кто, пока неизвестно. Публика растерялась и притихла. Никто не понимает, что произошло.

Из-за угла набережной выскочила машина. Из нее выпрыгнули двое полицейских, через сто метров – еще двое. Еще четверо вышли у самого бистро, один из них, как предполагается, обошел здание и встал у заднего входа.

– Что я должен делать? – спросил Люкас.

– Ничего. Впрочем, на всякий случай организуй облаву. Я сейчас приеду.

– Хорошо. А доктора вызвали?

– Да.

Телефонистка гостиницы, сидевшая у аппарата, вздрогнула от неожиданности, когда перед ней возникла огромная фигура Мегрэ. Комиссар был совершенно спо-

коен, а лицо его было настолько непроницаемым и неподвижным, что казалось высеченным из камня.

— Сколько я вам должен?

— Вы уезжаете?

— Сколько я вам должен?

— Надо спросить администратора. Сколько раз вы пользовались телефоном?.. Будьте любезны подождать.

Она хотела встать, но комиссар схватил ее за руку и почти силой усадил на место. Он положил перед ней стофранковую бумажку.

— Этого достаточно?

— Я думаю... Вероятно... Но...

Мегрэ вздохнул и вышел на улицу. Он медленно пересек мост и двинулся по набережной, не ускоряя шага.

Похлопав по карманам, он не нашел трубки и, видимо, счел это дурным предзнаменованием, потому что губы его искривились горькой улыбкой.

Вокруг «Белой цапли» толпились речники, но особого любопытства никто не выказывал. Здесь случалось и не такое. На прошлой неделе два араба убили друг друга. А месяцем раньше из воды вытащили парусиновый мешок, в котором оказалось обезглавленное тело молодой женщины.

На том берегу Сены виднелись богатые особняки квартала Отейль. Поезда метро с грохотом мчались по соседнему мосту.

Накрапывал дождь. Полицейские в кепи и пелеринах сновали вокруг бистро, электрические фонарики в их руках отбрасывали бледные круги света.

В бистро действовал бригадир Люкас. Свидетели по-

тасовки и те, кто принимал в ней участие, сели на скамейку у стены. Бригадир, сопровождаемый злобными взглядами, переходил от одного к другому и проверял документы.

Дюфура перенесли в полицейскую машину, которая медленно и осторожно тронулась. Мегрэ молчал. Засунув руки в карманы пальто, он обвел быстро мрачным взглядом.

Хозяин пытался оправдаться:

— Клянусь вам, комиссар, мы все...

Мегрэ жестом приказал ему замолчать. Подошел к молодому арабу и неторопливо оглядел его с головы до ног. Лицо араба стало землистым.

— Значит, теперь ты работаешь?

— Да. У Ситроена. Я...

— А что пребывание в Париже тебе запрещено, это ничего не значит, так?

И Мегрэ сделал полицейскому знак, означавший: «Увести!»

— Комиссар! Я все объясню! Я ничего плохого не делал... — закричал араб, но Мегрэ его не слушал. У одного поляка документы оказались не в порядке.

— Увести!

Проверка документов была окончена. Мегрэ подобрал пистолет Дюфура. Рядом валялась стреляная гильза. Пол был покрыт осколками разбитой бутылки и электрической лампочки. Злополучная газета была разорвана, на ней темнели два кровавых пятна.

Подошел Люкас.

— Что с ними делать?

— Отпусти.

Мегрэ и Люкас уселись в углу. Четверть часа спустя вернулся Жанвье, выпачканный с ног до головы. На его макинтоше темнели какие-то пятна.

Все было ясно без слов. Жанвье молча сел рядом с ними.

Мегрэ, казалось, о чем-то задумался, устремив отсутствующий взгляд на стойку. Хозяин стоял за ней с покорным, но недовольным видом.

— Дайте-ка нам рому... — сказал наконец Мегрэ. Он опять поискал в карманах трубку.

— У тебя не найдется сигареты? — со вздохом обратился он к Жанвье.

Жанвье хотел что-то сказать, но увидев, что широкие плечи комиссара опустились, засопел и отвернулся.

В эту минуту председательствовал в своей квартире на Марсовом поле за обеденным столом на двадцать персон. После обеда предполагался небольшой танцевальный вечер.

Что же касается инспектора Дюфура, то он лежал на операционном столе в больнице на улице Гренель. Неторопливо натягивая халат, хирург косился на спиртовку, на которой кипели инструменты. Дюфур лежал на спине и не мог видеть ничего, кроме потолка.

— Скажите, доктор, шрама не останется?.. И череп у меня цел, не правда ли?..

— Конечно, цел. Останутся разве что пятнышки от швов.

— А волосы отрастут, доктор? Вы в этом уверены?

Хирург взял сияющий сталью инструмент и сделал знак, чтобы пациента держали покрепче. Дюфур задохнулся в крике.

4. ШТАБ-КВАРТИРА

Мегрэ не шелохнулся, не дрогнул. Ни единым жестом не проявил и тени нетерпения или протеста. Сосредоточенно, с окаменевшим лицом, спокойно и вежливо он выслушал все до конца.

Лишь в те моменты, когда г-н Комельо употреблял особенно сильные выражения, кадык комиссара вздрагивал.

Изящный следователь взбешенно бегал по кабинету и высказывался так громко, что в коридоре трепетали и ежились свидетели, вызванные на допрос. Обрывки разговора, безусловно, долетали до них.

Иногда следователь хватал со стола какой-нибудь предмет, вертел его в руках и яростно бросал на прежнее место. Сконфуженный письмоводитель старательно отводил глаза в сторону. А Мегрэ, неподвижный и огромный – выше следователя на полторы головы, – спокойно дожидался конца.

Наконец, кинув в лицо Мегрэ особенно едкий упрек, Комельо умолк, взглянул на комиссара и отвернулся. Все же Мегрэ было под пятьдесят. И уже двадцать лет уголовная полиция поручала ему самые сложные, самые тонкие дела. И, наконец, комиссар был мужественный человек и гораздо старше следователя.

– Ну? Что же вы молчите?

– Я был у начальника полиции и вручил ему рапорт об отставке. Он даст ему ход через десять дней... если до тех пор я не разыщу виновного.

– Иначе говоря, если за это время вы не сумеете поймать Жозефа Эртена.

– Я сказал – виновного.

Следователь так и подпрыгнул.

– Неужели вы все еще верите в это?

Мегрэ молчал. Комельо раздраженно щелкнул пальцами и поспешно заключил:

– Не будем больше говорить об этом, хорошо? А то вы окончательно взбесите меня. Прошу вас позвонить, как только будет что-нибудь новое.

Комиссар поклонился и вышел. Он неторопливо проследовал по знакомым коридорам Дворца правосудия. Дойдя до лестницы, ведущей на улицу, спустился в подвал и толкнул дверь лаборатории отдела идентификации. Эксперт, которого поразили вид комиссара, протянул ему руку и осведомился:

– Что с вами?

– Спасибо, все в порядке.

Мегрэ смотрел в пространство, он так и не снял просторного черного пальто, не вынул рук из карманов. Он напоминал человека, возвратившегося из долгого путешествия, который теперь новыми глазами смотрит на знакомые места.

Таким же точно взглядом он рассматривал фотографии, найденные в квартире, ограбленной накануне, или пробежал протокол допроса, составленный кем-нибудь из его коллег.

Из угла за комиссаром взволнованно наблюдал близорукий юноша в очках с толстыми стеклами, долговязый и худой, с нежным лицом. На столе перед ним лежали лупы всевозможных размеров, пинцеты, лезвия от безопасной бритвы, стояли флаконы с чернилами и реактивами. К

столу был прикреплен стеклянный экран, за которым горела мощная электрическая лампа.

Это и был Мерс, специалист по документам, почеркам и чернилам.

Мерс знал, что комиссар пришел специально для того, чтобы поговорить с ним. Именно поэтому Мегрэ не смотрит в его сторону и бесцельно слоняется по комнате.

Наконец комиссар вытащил из кармана трубку, закурил и сказал деланно бодрым голосом:

– Ну, всё. За работу!

Мерс знал, откуда пришел Мегрэ, догадывался, что там произошло, но старался ничем не показать этого.

Тем временем комиссар снял пальто, зевнул и принялся тереть лицо ладонями, словно хотел поскорее снять с себя маску. Затем схватил стул за спинку, подтащил его к Мерсу, уселся верхом и ласково сказал:

– Ну, мальчик...

Все прошло. Тяжесть, которая давила ему на плечи, он наконец сбросил.

– Рассказывай.

– Я провозился с заметкой всю ночь. К сожалению, она побывала в руках у многих, поэтому бесполезно искать отпечатки пальцев.

– Я на них и не рассчитывал.

– Сегодня утром я целый час провел в кафе «Купол». Внимательно изучил все чернильницы... Вы знакомы с этим заведением? Там несколько залов: большой пивной зал, который в обеденные часы превращается в ресторан, затем кафе на первом этаже, терраса. И, наконец, слева маленький американский бар, где собираются завсегдатаи.

– Все это я знаю.

– Так вот, заметка написана чернилами, что стоят в баре. Кто-то писал левой рукой, но не потому, что он левша, а потому, что знает: почерк левой руки почти у всех одинаков.

Письмо, адресованное в «Сиффле», было еще на экране.

– Могу с уверенностью сказать, что заметку писал интеллигентный человек, свободно владеющий несколькими языками. Если бы я попытался удариться в графологию... Но тогда мы вступим в область догадок.

– Валяй.

– Итак, или я ошибаюсь, или заметку писал человек необыкновенный. Интеллект его гораздо выше среднего уровня. Но самое удивительное в нем – это сочетание воли и слабости, эмоциональности и хладнокровия. Почерк явно мужской и все же свидетельствует о некоторых чисто женских чертах характера.

Мерс сел на своего конька, он даже порозовел от удовольствия. Мегрэ не сдержал улыбки, и молодой человек смутился.

– Я понимаю, комиссар, что все это весьма неопределенно и ни один следователь не стал бы меня слушать. И все же... Могу держать пари, комиссар, что этот человек тяжело болен и знает о своей болезни. Я сказал бы вам о нем гораздо больше, если бы он писал правой рукой... Да! Еще одна интересная подробность. На бумаге имеется несколько пятен; возможно, их посадили в типографии. Происхождение одного из них совершенно ясно – это кофе со сливками. И наконец, верх листа отрезан не ножом, а каким-то округлым предметом, может быть чайной ложкой.

– Иначе говоря, письмо было написано вчера утром в баре кафе «Купол» человеком, который пил кофе со сливками. Он тяжело болен и свободно говорит на нескольких языках.

Мегрэ поднялся, пожал лаборанту руку и сказал вполголоса:

– Спасибо, мальчик. Теперь верни мне письмо.

Мегрэ что-то буркнул на прощание и вышел. Едва дверь за ним закрылась, кто-то с восхищением сказал:

– После такой оплеухи он держится неплохо!

Все знали, что Мерс обожает Мегрэ, и когда он посмотрел на говорившего, тот сейчас же умолк и углубился в анализ, которым занимался.

Париж выглядел так, как выглядит всегда в мрачные октябрьские дни. Серое небо было похоже на грязный низкий потолок. С него сочился тусклый свет. Ночные дожди оставили на тротуарах непросыхающие лужи, и у нахохлившихся прохожих был вид людей, еще не примирившихся с тем, что лето кончилось и близится зима.

Всю ночь в префектуре полиции печатались распоряжения и приказы, и курьеры доставляли их в комиссариаты. По телеграфу распоряжения были переданы всем постам жандармерии, в таможни и железнодорожной полиции.

Агенты в штатском, снующие в толпе, регулировщики уличного движения, постовые, сотрудники автоинспекции и отдела охраны нравственности – все знали наизусть словесный портрет беглеца и вглядывались в лица людей в надежде найти его.

Его искали по всему Парижу, искали на окраинах и в

пригородах. На автомагистралях жандармы проверяли документы у бродяг и нищих.

В поездках, на пограничных заставах путешественников расспрашивали гораздо настойчивее обычного, и они удивлялись.

Разыскивали Жозефа Эртена, приговоренного к смерти судом присяжных департамента Сены, сбежавшего из тюрьмы Сайте и исчезнувшего после драки с инспектором Дюфуром в бистро «Белая цапля».

«В момент исчезновения у него в кармане оставалось не более двадцати двух франков», – говорилось в ориентировке, подписанной комиссаром Мегрэ.

А сам он, выйдя из Дворца правосудия, даже не зашел к себе на набережную Орфевр. Он сел в автобус, доехал до площади Бастилии и поднялся на четвертый этаж большого дома, стоявшего на улице Шмен-Вер.

В квартире пахло йодоформом и куриным бульоном. Непричесанная, небрежно одетая женщина воскликнула:

– Ах! Он так обрадуется, что вы пришли!

В маленькой спальне лежал инспектор Дюфур, растерянный и унылый.

– Как дела, старина?

– Так себе. Похоже, волосы на шраме не вырастут, придется носить парик.

Как и в лаборатории, Мегрэ кружил по комнате, словно не зная, куда себя девать. Наконец буркнул:

– Ты сердишься на меня?

В дверях стояла г-жа Дюфур. Она была еще молода и недурна собой.

– Разве он может на вас сердиться? Он как проснулся,

говорит только об одном – как вы теперь выкарабкаетесь. И требует, чтобы я бежала звонить вам.

– Ладно, выздоравливай побыстрее. Скоро ты мне очень понадобишься, – сказал комиссар.

Мегрэ не зашел домой, хотя жил совсем рядом, на бульваре Ришар-Ленуар. Он пошел пешком, потому что ему хотелось пройтись, очутиться среди людей, которые равнодушно задевали и толкали его. Комиссар шел по Парижу, и выражение школьника, уличенного в ошибке, постепенно исчезало с его лица. Выражение это было ему отнюдь не свойственно и появилось у него лишь утром. Теперь лицо Мегрэ стало спокойным и твердым. Он с удовольствием курил трубку за трубкой.

Следователь Комельо был бы возмущен до глубины души, если б даже на минуту заподозрил, что поиски сбежавшего беспокоят комиссара меньше всего. Задержание Жозефа Эртена было для того третьестепенным вопросом. Он знал, что смертник притаился где-то неподалеку, затерявшись среди миллионов людей. Но был уверен, что в день, когда Жозеф понадобится ему, он сейчас же его схватит.

Сейчас Мегрэ думал о другом: о письме, написанном в баре «Купол». И еще об одном: в самом начале расследования он допустил неточность.

Но тогда, в июле, все были так уверены в виновности Жозефа Эртена! Следователь Комельо взял дело в свои руки, отстранив от него полицию.

Преступление было совершено в Сен-Клу в 2 часа, 30 минут ночи. Эртен вернулся к себе, на улицу Мсье-де-Пренс, около 4 утра. Он не ехал ни поездом, ни

трамваем, вообще не воспользовался никаким общественным транспортом, не брал он и такси. Тележка, на которой он развозил товар, всю ночь оставалась у хозяина на Севрской улице. Не мог же он вернуться в Париж пешком! Тогда ему пришлось бы бежать всю дорогу без передышки.

Мегрэ вышел на перекресток Монпарнаса. Жизнь здесь была ключом. Было половина первого, час завтрака. Несмотря на дурную погоду, все террасы больших кафе, расположенных вдоль бульвара Распайль, были переполнены. По меньшей мере восемьдесят процентов людей, сидевших за столиками, были иностранцы.

Мегрэ дошел до кафе «Купол» и вошел в американский бар.

В зале стояло всего пять столиков, все они были заняты. Большинство посетителей собралось у стойки. Некоторые сидели на высоких табуретах, другие стояли.

Комиссар услышал, как кто-то заказал:

– Один «Манхаттан!»

И неуверенно повторил:

– Мне тоже.

Комиссар Мегрэ принадлежал к тому поколению, которое предпочитает пиво в массивных стеклянных кружках. Бармен пододвинул Мегрэ блюдо с маслинами, но он не притронулся к ним.

– Вы позволите? – осведомилась желтоволосая маленькая шведка.

В баре было тесно и шумно. Из окошка, прорубленного в дальней стене комнаты, непрерывно поступали из кухни тарелки с маслинами, жареный картофель, сэндвичи и стаканы с горячими напитками.

Четырем официантам приходилось кричать, чтобы перекрыть стук тарелок и стаканов и голоса посетителей, перекликавшихся на разных языках.

Посетители, бармен, официанты, вся обстановка бара создавала впечатление, что здесь все равны.

Люди теснились у стойки, фамильярно подталкивали друг друга локтями, будь то девчонка с бульваров, богатый промышленник, приехавший в лимузине с компанией веселых приятелей, или эстонский художник. Все они называли бармена по имени – Боб.

Никто здесь не ожидал, пока его представят, чтобы заговорить с соседом, все болтали запросто. Немец говорил по-английски с американцем, а норвежец пытался объясниться с испанцем на смеси из трех языков.

За одним из столиков сидели две женщины, с которыми здоровались почти все посетители бара. Мегрэ сразу узнал одну из них. Когда-то она была уличной девчонкой, и ему пришлось доставлять ее в Сен-Лазар после облавы на улице Рокетт. Теперь она постарела, расплылась, но на ней были дорогие меха. Глаза ее потускнели, она отвечала хриплым голосом на приветствия завсегдатаев и равнодушно пожимала им руки.

И все же она восседала величественно, словно олицетворяла разноплеменную накипь, галдевшую у стойки.

– Можно у вас написать письмо? – спросил у бармена Мегрэ.

– Только не сейчас, сударь: время аперитива... Пройдите лучше в пивной зал.

Среди шумных групп попадались и одинокие фигуры; пожалуй, они были наиболее живописной особенностью

бара. Люди в компаниях громко говорили, суеились, то и дело выкрикивали заказы. Они щеголяли в модных, экстравагантных костюмах.

Одинокие посетители, казалось, съехались со всех концов света только с одной целью – влиться в эту пеструю, нарядную толпу.

Была здесь, например, молодая женщина не старше двадцати двух лет, в черном английском костюме, хорошо сшитом, но отутюженном уже, вероятно, не менее ста раз. У нее было усталое и нервное лицо.

На столике рядом с ней лежал альбом с карандашными набросками. Сидя среди людей, поглощавших десятифранковые аперитивы, эта женщина завтракала булочкой, запивая ее молоком. В час дня! По-видимому, это был ее обычный завтрак. Из газет, разбросанных на всех столах, она выбрала русскую.

Женщина ничего не видела и не слышала. Медленно откусывая булочку, она запивала ее молоком, не обращая внимания на шумную компанию, сидевшую за ее столом и доканчивавшую четвертый коктейль.

Не менее странно выглядел мужчина с медно-красными курчавыми, чересчур длинными волосами, которые невольно притягивали к себе взгляды.

На рыжеволосом был темный костюм, поношенный и вытертый до блеска, и голубая рубашка без галстука, небрежно распахнутая на груди. В расслабленной позе заведомая, которого никто не осмелится побеспокоить, он сидел за самым дальним столом и неторопливо ел ложкой йогурт из глиняного горшочка.

Найдется ли у него в кармане хотя бы пятифранковая

бумажка? Кто он и откуда? Где взял те несколько су, что стоила простокваша, очевидно составляющая его основное питание?

Как и у русской, у него был горящий взгляд и воспаленные веки. Его худое лицо выражало презрение и надменность. Никто не поздоровался с рыжеволосым и не подошел к его столу.

Вращающаяся дверь бара повернулась, и Мегрэ в зеркало увидел супругов Кросби, вылезавших из американского автомобиля, который стоил по меньшей мере четверть миллиона франков. Автомобиль стоял у тротуара, словно на выставке, ослепительно сверкая никелированным корпусом.

Уильям Кросби просунул ладонь между двумя спинами и над стойкой красного дерева пожал руку бармену.

— Как дела, Боб?

М-с Кросби устремилась тем временем к желтоволосой шведке. Они горячо расцеловались и громко защебетали по-английски.

Супругам Кросби не надо было заказывать. Боб пододвинул Уильяму Кросби виски с содовой, а для жены принялся готовить коктейль «Роза».

— Уже из Биаррица¹? — спросил Боб.

— Мы не высидели там и трех дней, погода хуже здешней.

Кросби увидел Мегрэ и кивнул ему. Это был высокий темноволосый мужчина лет тридцати, двигавшийся легко и непринужденно. Из всех посетителей бара он был, безус-

¹ Французский туристский и горно-спортивный центр в предгорьях Альп.

ловно, одет лучше всех, в его элегантности не было ни малейшего намека на дурной вкус.

Слабым движением он пожимал руки приятелям и спрашивал:

– Что будем пить?

Кросби был богат. Дорогая спортивная машина, стоявшая у дверей, могла отвезти супругов в Ниццу, в Довиль, в Биарриц, в Берлин – словом, куда им вздумается.

Кросби жил в роскошном особняке на авеню Георга Пятого и получил в наследство после смерти тетки кроме виллы в Сен-Клу около двадцати миллионов франков.

М-с Кросби, крохотная женщина, была необыкновенно энергична и болтала без умолку, мешая французский и английский. Она говорила с очень своеобразным акцентом, и достаточно было услышать один раз ее высокий голос, чтобы запомнить его навсегда.

Посетители заслонили ее от Мегрэ. Вошел знакомый комиссару депутат палаты и дружески пожал руку молодому американцу:

– Позавтракаем вместе?

– Сегодня не могу: приглашены за город.

– Тогда завтра?

– Договорились. Встречаемся здесь.

– Господина Валахина просят к телефону! – крикнул бой. Кто-то поднялся и пошел к телефонной кабине.

– Две «Розы»!

Гремели тарелки. Шум в баре усиливался.

– Можете обменять мне доллары?

– Посмотрите в газете сегодняшний курс...

– Простите, здесь не было Сюзии?

– Недавно ушла. Она завтракает у «Максима»...

А Мегрэ думал о долговязом парне с непомерно большой головой и несуразно длинными руками, который затерялся в шумной парижской толпе. В кармане у него не больше двадцати франков, и вся французская полиция занята тем, что ищет его. В памяти Мегрэ возникло бледное лицо, появившееся из-за тюремной стены. Затем звонки Дюфура: «Он спит... Он спит...» Эртен проспал целые сутки!.. Где он сейчас? И главное, зачем зарезал он старуху Хендерсон, которой никогда не видел и у которой ничего не украл?

– Вы тоже заходите сюда выпить аперитив?

Говорил Уильям Кросби. Он подошел к Мегрэ и протянул ему портсигар.

– Благодарю. Курю только трубку.

– Тогда выпьем чего-нибудь. Хотите виски?

– Спасибо, я еще не допил свое.

Кросби был чем-то раздосадован.

– Вы говорите по-английски, по-немецки, по-русски?

– Нет. Только по-французски, к сожалению.

– Тогда «Купол» должен вам казаться вавилонской башней. Странно, но я никогда вас здесь не видел. Кстати, говорят, что...

– Что?

– Ну, вы знаете. Говорят, что убийца...

– Ба! Вам-то чего беспокоиться?

Кросби на мгновение остановил на Мегрэ пристальный взгляд.

– Идемте к нам. Доставьте нам удовольствие, выпейте с нами. Жена будет очень рада... Позвольте представить вам

фрекен Эдну Рейхберг, дочь стокгольмского бумажного фабриканта. В прошлом году на конькобежных состязаниях в Шамони она заняла первое место. Эдна, это комиссар Мегрэ. Знакомьтесь.

Русская в черном костюме по-прежнему не отрывала глаз от газеты. Рыжеволосый о чем-то задумался. Пустой горшочек, вылизанный до блеска, стоял перед ним. Полужакрыв глаза, рыжий смотрел вдаль.

Эдна Рейхберг едва процедила:

– Очень приятно.

Она пожала руку Мегрэ и тут же заговорила по-английски с м-с Кросби. Уильям Кросби извинился:

– Простите, комиссар, меня зовут к телефону... Приготовь два виски, Боб, я сейчас вернусь... Вы позволите, господин Мегрэ?

На улице в сером свете дня сияла лаком и никелем машина Кросби. Вдруг из-за кузова появилась жалкая фигура. Волоча ногу, оборванец подошел к бару и остановился у вращающейся двери. Он пытался взглядом отыскать кого-то в толпе посетителей, но появился официант и отогнал его.

Вся полиция Франции разыскивала беглеца из тюрьмы Сайте.

А он был здесь, рядом, в десяти шагах от комиссара Мегрэ!

5. ЛЮБИТЕЛЬ ИКРЫ

Мегрэ не двинулся с места, даже не вздрогнул. Рядом с ним м-с Кросби и шведка пили коктейли и болтали

по-английски. В баре было так тесно, что фрекен Рейхберг оказалась почти вплотную прижатой к Мегрэ, и он ощущал каждое движение ее гибкого тела. Из разговора женщин Мегрэ кое-как понял, что некий Хосе в баре «Риц» принялся ухаживать за незнакомой девушкой, а та спросила, не нужно ли ему кокаину.

Женщины хохотали.

Уильям Кросби вышел из телефонной будки и опять извинился:

– Простите, комиссар. Это по поводу машины, я хочу ее продать и купить другую.

Он налил в стаканы содовую.

– Ваше здоровье!

За окном снова появилась нелепая фигура смертника. Казалось, он, как птица, кружит вокруг бара. Жозеф Эртен был без шапки, по-видимому, потерял ее, когда удирал из «Белой цапли». Волосы его были в тюрьме коротко подстрижены, и поэтому большие оттопыренные уши казались еще уродливее. Ботинки потеряли форму и были покрыты пылью. А костюм! Где ночевал Эртен, что его костюм стал таким грязным и мятым?

Если бы Жозеф Эртен протянул руку, его присутствие здесь, у бара, сразу стало бы вполне объяснимо: он выглядел именно так, как должен выглядеть опустившийся и жалкий нищий. Но он не протягивал руки, не продавал ни шнурков, ни карандашей. Он безвольно двигался вместе с толпой, пронесившей его мимо бара, и возвращался снова, с другой стороны, словно поднимался по реке против течения.

Щеки Эртена заросли темной щетиной, казалось, он похудел еще больше.

Беспокойным и блуждающим взглядом он пристально всматривался внутрь бара сквозь запотевшие окна.

Вот Эртен подошел к вертящейся двери, и комиссару даже показалось, что сейчас он войдет в бар.

Мегрэ жадно курил. На висках у него выступил пот, нервы напряглись, и он почувствовал, что силы его удесятерились, мысль работала четко. Наступил острый момент. Еще совсем недавно у него был вид побежденного, почва ушла из-под ног. Развитие событий ускользнуло от него, и казалось, ничто не позволяло ему надеяться, что нити вновь окажутся в его руках.

Мегрэ медленно допил свое виски. Из вежливости Кросби сидел к нему вполоборота, но то и дело вмешивался в разговор жены и Эдны.

Странная вещь! Мегрэ, помимо воли и даже не отдавая себе в том отчета, не упускал ничего из происходящего. Множество людей суетились вокруг. Звуки, самые разнообразные, сливались в глухой, как шум морского прибоя, гул. Мегрэ замечал все: цвета, движения, позы.

Он видел рыжеволосого, сидевшего перед пустым горшочком, видел Эртена, настойчиво возвращавшегося к дверям, видел улыбку Кросби и гримасу его жены, подкрашивавшей губы, видел размеренные движения бармена Боба, сбивавшего в блестящем шейкере коктейль «Фрип».

Он видел посетителей, которые входили и выходили, слышал, о чем они говорят между собой.

— Значит, вечером здесь же?

— Постарайся привести с собой Леа...

Бар постепенно пустел. Было половина второго, из соседнего зала доносился звон вилок.

Кросби положил на стойку стофранковый билет.

– Вы остаетесь? – спросил он у комиссара. Эртена он не замечал. Но сейчас, на улице, они столкнутся. Мегрэ с почти болезненным нетерпением ожидал этой секунды. М-с Кросби и Эдна кивнули ему на прощание и улыбнулись.

Сейчас Жозеф Эртен находился в двух метрах от двери бара. Было видно, что в одном из его ботинок нет шнурка. В любую минуту к нему мог подойти полицейский и спросить документы или предложить пройти отсюда.

Дверь повернулась. Кросби, без шляпы, вышел первым. Обе женщины шли за ним, смеясь над шуткой, которую отпустила одна из них.

Ничего не случилось. Ровно ничего. Жозеф Эртен обратил на американца не больше внимания, чем на остальных прохожих. А Кросби и женщины даже не взглянули на него. Все трое сели в машину, хлопнула дверца.

Из бара выплеснулась новая волна посетителей, она отнесла Эртена в сторону, но он тут же снова оказался у дверей.

И вдруг в зеркале Мегрэ увидел чье-то лицо: горящие глаза под густыми бровями и чуть заметную презрительную усмешку. Веки тут же опустились на эти чересчур выразительные глаза. Но было поздно – Мегрэ уже понял, что ирония незнакомца относится к нему.

Поразивший его взгляд мог принадлежать только одному человеку – рыжеволосому посетителю, который ел йогурт. Теперь он сидел, ни на кого не глядя.

Англичанин, который читал «Тайме», вышел из бара, больше у стойки не осталось никого. Боб громко объявил:

– Я пошел завтракать.

Два его помощника торопливо вытирали красное дерево стойки, убирали стаканы и початые блюда с маслами и жареным картофелем.

За столами все еще сидели два человека – русская в черном костюме и рыжеволосый. Казалось, они не замечают, что бар опустел.

Жозеф Эртен продолжал бродить около дверей. Он был так бледен и жалок, что один из официантов, посмотрев на него в окно, сказал комиссару:

– Еще один эпилептик. Можно подумать, они нарочно устраивают припадки в самых людных местах. Надо сказать швейцару, чтобы прогнал его.

– Не надо.

Рыжеволосый мог услышать, поэтому Мегрэ понизил голос и тихо и внятно добавил:

– Позвоните в полицию. Скажите, что комиссар Мегрэ просит прислать сюда людей, желательно Люкаса и Жанвье. Запомнили имена?

– Из-за этого бродяги?

– Это уже не важно.

После бурного часа аперитива наступил полный штиль.

Рыжеволосый не шелохнулся. Женщина в черном костюме перевернула страницу газеты. Второй официант глядел на Мегрэ с откровенным любопытством. Тоскливо текли минуты, по капле сочились секунды.

Официант подсчитывал выручку, шуршали бумажки, звенело серебро. Вернулся тот, что бегал звонить.

– Сказали, что будет сделано, – шепнул он комиссару.

– Спасибо.

Хрупкий табурет скрипел под комиссаром, он курил одну трубку за другой и машинально прихлебывал виски. Он совсем забыл, что не завтракал.

– Дайте кофе со сливками.

Голос раздался из того угла, где сидел рыжеволосый. Официант посмотрел на Мегрэ, удивленно пожал плечами и кивнул в окошечко.

– Один кофе со сливками! – Потом тихо сказал комиссару:

– Теперь будет сыт до самого вечера. Он вроде той барышни... – И подбородком указал на русскую.

Прошло еще минут двадцать. Эртен, видимо, устал, он остановился у края тротуара. Мужчина, садившийся в машину, принял его за нищего и протянул монетку. Отказаться Эртен не осмелился. Осталось ли у него что-нибудь от двадцати двух франков? Ел ли он с тех пор, как убежал из «Белой цапли», спал ли?

Бар почему-то привлекал Эртена. Он опять и опять подходил к дверям, боязливо следя за официантами и швейцаром, которые уже не раз прогоняли его. Сейчас, когда публика схлынула, Эртену удалось подойти к окну. Он прижался лицом к стеклу, нос его уродливо расплющился, маленькие глазки тревожно обшаривали зал бара. Рыжеволосый пил кофе и даже не глядел в сторону окна. Но почему в его глазах Мегрэ вновь почудилась насмешка?

Мальчишка-рассыльный заорал на Эртена, и оборванец послушно отошел, волоча ноги. Из подъехавшего такси вышел бригадир Люкас, удивленно осмотрелся, вошел в пустынный бар и с недоумевающим видом приблизился к Мегрэ.

– Вызывали, шеф?

– Что будешь пить? – спросил Мегрэ и добавил шепотом: – Посмотри на улицу.

Несколько секунд Люкас всматривался в силуэт оборванца, лицо его просветлело.

– Ну и ну! Неужели вам удалось...

– Ничего мне не удалось. Бармен, коньяку!

Русская сказала с сильным акцентом:

– Официант! Дайте мне «Иллюстрасьон». И еще «Боттен»²«.

– Выпей рюмочку, старина Люкас. Ведь тебе придется походить за ним, не так ли?

– А вы не думаете, комиссар, что было бы вернее... – Люкас похлопал себя по карману, где лежали наручники.

– Нет, еще рано. Ступай!..

Мегрэ сохранял невозмутимый вид, но волновался так сильно, что чуть не раздавил рюмку, из которой пил.

Рыжеволосый, по-видимому, не собирался уходить. Он не читал, не писал, и казалось, ничто не интересовало его. А на улице по-прежнему топтался Жозеф Эртен.

К четырем часам положение несколько не изменилось, если не считать того, что беглец отошел от двери и уселся на скамью, не спуская глаз с бара.

Мегрэ без аппетита съел сандвич. Русская тщательно подкрасилась и ушла.

Теперь в опустевшем баре оставался один рыжеволосый. На женщину Эртен не обратил никакого внимания. В баре зажгли свет, хотя на улице фонари еще не загорались.

² Справочник «Весь Париж».

Из магазина привезли ящики с вином, официанты поспешно подметали пол.

Внезапно из угла, где сидел рыжеволосый, донесся резкий стук ложки о блюдо. Бармен и Мегрэ удивленно переглянулись. Даже не пытаясь скрыть презрения к бедному клиенту, один из официантов крикнул, не вставая с места:

– Йогурт и кофе со сливками? Три и полтора, всего четыре пятьдесят.

– Простите, еще не все. Подайте мне сэндвичей с черной икрой.

Голос рыжего звучал спокойно. В зеркало Мегрэ увидел его полузакрытые насмешливые глаза.

Бармен подошел к окошечку:

– Один сэндвич с черной икрой!

– Нет, три, – поправил его рыжий.

– Три сэндвича с черной икрой!

Бармен недоверчиво посмотрел на клиента и язвительно спросил:

– И русской водки?

– И водки, разумеется.

Мегрэ силился понять, что случилось. Рыжего нельзя было узнать, от его неподвижности не осталось и следа.

– И принесите сигарет! – крикнул он.

– «Мэриленд»?

– Нет, «Абдуллу».

Он закурил и в ожидании водки и сэндвичей принялся что-то рисовать на пачке сигарет. Когда принесли заказ, он уничтожил его так быстро, что официант не успел даже дойти до своего места. Рыжеволосый поднялся.

– Тридцать франков сэндвичи, – считал официант, – двенадцать франков водка... Двадцать два – сигареты... Плюс четыре пятьдесят за кофе и простоквашу...

– Пожалуй, я заплачу вам завтра.

Мегрэ нахмурился. Со своего места он видел Жозефа Эртена, по-прежнему сидевшего на скамье.

– Подождите! Вам придется сообщить это управляющему.

Рыжеволосый поклонился, сел и стал ждать. Появился управляющий в смокинге.

– В чем дело?

– Этот господин хочет расплатиться завтра. Три сэндвича с икрой, сигареты «Абдулла» и прочее. Шестьдесят восемь франков пятьдесят...

Рыжеволосый не казался смущенным. Он снова поклонился, как бы подтверждая слова официанта, глаза его насмешливо блестели.

– У вас нет при себе денег?

– Ни сантимата.

– Вы живете в этом квартале? Я могу отправить с вами рассыльного.

– Зачем? У меня нет денег и дома.

– И вы заказываете черную икру?

Управляющий хлопнул в ладоши. Подбежал мальчишка в униформе.

– Позови полицейского.

Все шло спокойно, без скандала.

– Вы уверены, что у вас нет денег?

– Я уже сказал вам...

Услышав это, рассыльный умчался. Мегрэ не двигался

с места. Управляющий стоял у окна, равнодушно глядя на толпу, которая текла по бульвару Монпарнас.

Бармен расставлял бутылки, хитро поглядывая на Мегрэ. Не прошло и трех минут, как возвратился рас-
сылный. Двое полицейских, оставив на улице свои велосипеды, вошли в бар следом за ним.

Один из них узнал комиссара и направился было к нему, но Мегрэ предостерегающе поднял палец. Управляющий между тем лаконично и хладнокровно говорил:

– Этот господин заказал икру, дорогие сигареты и еще кое-что, а теперь отказывается платить.

– У меня нет денег, – повторил рыжеволосый. Повинуясь знаку Мегрэ, старший из полицейских сказал:

– Ладно. Объяснитесь в комиссариате. Следуйте за нами.

– По рюмочке, господа? – предложил управляющий.

– Спасибо.

Сумерки обволакивали густым туманом трамваи, автомобили и толпу, двигавшуюся по бульвару Монпарнас. Арестованный закурил новую сигарету и дружески помахал на прощание бармену. Проходя мимо Мегрэ, он задержал на нем тяжелый взгляд.

– Шагайте, да поживей! И чтобы без скандала!

Рыжеволосый и полицейские вышли на улицу. Управляющий подошел к стойке:

– Слушай, Боб, не этого чеха выводили отсюда в прошлый раз?

– Его! – подтвердил бармен. – Он просиживает у нас с восьми утра до восьми вечера. И за весь день обычно заказывает два кофе со сливками.

Мегрэ подошел к двери бара и увидел, как Жозеф Эртен вскочил с места и замер. Он не сводил глаз с полицейских, уводивших любителя икры. Лица его Мегрэ не мог рассмотреть – сумерки быстро сгущались. Когда полицейские и рыжеволосый отошли шагов на сто, Эртен повернулся и пошел в другую сторону. Бригадир Люкас двинулся за ним на небольшом расстоянии.

– Уголовная полиция! – бросил комиссар, вернувшись в бар. – Кто этот человек?

– По-моему, его фамилия Радек. Он получает письма на наш адрес: у нас есть специальная витрина. Он чех.

– Чем он занимается?

– Ничем. Сидит в баре целыми днями. Что-то пишет, о чем-то мечтает.

– Знаете, где он живет?

– Нет.

– У него есть друзья?

– Я еще ни разу не видел, чтобы он заговорил хоть с кем-нибудь.

Мегрэ расплатился, вышел и подождал такси.

– В районный комиссариат.

Когда он туда приехал, Радек уже сидел на скамье, дожидаясь, пока освободится комиссар. Кроме него в помещении находились несколько иностранцев, пришедших получить вид на жительство. Мегрэ без стука вошел в кабинет комиссара, который слушал молодую женщину, объяснявшую на смеси из нескольких языков Средней Европы, что у нее украли драгоценности.

– Вы здесь, коллега? – удивился комиссар.

– Сперва закончите с дамой.

– Она рассказывает уже полчаса, а я ни слова не могу понять из ее объяснений.

Мегрэ даже не улыбнулся. Иностранка сердилась, снова и снова повторяла свой рассказ и растопыривала пальцы, на которых не было колец.

Когда она наконец вышла, Мегрэ сказал:

– К вам сейчас приведут некоего Радека, или как его там зовут. Я побуду здесь. Сделайте так, чтобы ночь он провел у вас, а потом отпустите.

– А что он сделал?

– Наелся икры и отказался платить.

– В каком кафе?

– В «Куполе».

Комиссар позвонил.

– Давайте Радека.

Рыжеволосый вошел в кабинет как к себе домой. Держа руки в карманах, остановился против стола комиссара и посмотрел в глаза полицейским выжидательным взглядом. На губах его блуждала смутная улыбка.

– Вас задержали, потому что вы отказались платить?

Рыжеволосый подтвердил и достал из кармана сигарету. Взбешенный комиссар вырвал ее у него из рук.

– Что имеете заявить?

– Ровно ничего.

– Где вы живете? На что существуете?

Рыжеволосый достал из кармана засаленный паспорт и положил на стол.

– Вам известно, что вы можете получить пятнадцать суток тюрьмы?

– Условно! – уверенно поправил комиссара рыжево-

лосый. – Вы легко установите, что я никогда прежде не привлекался к суду.

– Здесь написано, что вы студент-медик. Это верно?

– Вам, вероятно, известно имя профессора Гролле? Он, безусловно, подтвердит, что я был его лучшим учеником.

Радек повернулся к Мегрэ и сказал с едва уловимой издевкой:

– Я полагаю, этот господин тоже из полиции?

6. ХАРЧЕВНЯ В НАЙДИ

Г-жа Мегрэ лишь вздохнула, когда муж ее ушел из дома в семь утра, но не сказала ни слова. Мегрэ проглотил свой кофе, даже не заметив, что тот немного подгорел. Накануне он вернулся около часу ночи и молча лег спать. А утром ушел, храня на лице упрямое и сосредоточенное выражение.

Войдя в коридоры префектуры, Мегрэ сразу заметил, что все, кто попадает к нему навстречу, – полицейские, инспекторы и даже служители, смотрят на него с любопытством, смешанным с восхищением, а может, и состраданием.

Мегрэ пожимал руки так же рассеянно, как перед уходом поцеловал в лоб жену. Войдя к себе в кабинет, он помешал угли в печке и развесил на спинках двух стульев отяжелевшее от дождя пальто. Затем подошел к телефону.

– Соедините меня с комиссариатом квартала Монпарнас, – попросил он телефониста, попыхивая трубкой и раскладывая по местам разбросанные на письменном столе бумаги.

– Алло!.. Кто у аппарата?.. Дежурный бригадир?.. Говорит комиссар Мегрэ из уголовной полиции. Вы отпустили Радека?.. Что?.. Час назад?.. А вы не знаете, инспектор Жанвье отправился следом за ним?.. Да?.. Говорите, совсем не спал?.. Выкурил все свои сигареты?.. Так, благодарю вас... Спасибо, не стоит... Не беспокойтесь. Если мне понадобятся дополнительные материалы, я приеду сам.

Мегрэ вытащил из кармана паспорт Радека, который накануне взял с собой. Все страницы серой книжечки были испещрены штампами и визами.

Ян Радек, двадцати пяти лет, родился в городе Брно, отец неизвестен. Судя по визам, жил в Берлине, Майнце, Бонне, Турине и Гамбурге.

В бумагах он значился студентом медицинского факультета. Мать его Елизавета Радекова, умершая два года назад, была приходящей прислугой.

– На что ты живешь? – спросил Радека накануне вечером Мегрэ в кабинете комиссара квартала Монпарнас.

– Позвольте и мне говорить вам «ты»? – спросил задержанный, криво усмехнувшись.

– Потрудитесь отвечать.

– Пока была жива мать, она посылала мне деньги, чтобы я мог учиться.

– Из заработка прислуги?

– Да! Я был у нее единственный сын, она продала бы для меня и обе свои руки. Это вас удивляет?

– Она умерла два года назад. На что вы жили с тех пор?

– Дальние родственники иногда присылают мне небольшие суммы. Знакомые тоже время от времени помогают. Иногда занимаюсь переводами.

– А иногда сотрудничаете в «Сиффле»?

– Не понимаю, что вы хотите сказать.

Он произнес это с издевкой, и понимать его надо было так: «Можете продолжать – ничего у вас не выйдет».

Мегрэ решил уйти. Он вернулся к «Куполу». Ни Жозефа Эртена, ни бригадира Люкаса не было видно. Они вновь затерялись в шумном Париже, скованные друг с другом невидимой цепью. Комиссар сел в такси и крикнул шоферу:

– Отель «Георг Пятый»!

Мегрэ вошел в вестибюль как раз в тот момент, когда Уильям Кросби, в смокинге, разменивал у дежурного сто-долларовую бумажку

– Вы ко мне? – спросил он, увидев комиссара.

– Нет. Но, может быть, вы знакомы с Радеком?

По холлу в стиле Людовика XVI сновали люди. Служащий считал стофранковые бумажки, сложенные пачками по десять билетов.

– С Радеком?..

Мегрэ напряженно следил за лицом американца, но на нем ничего не отразилось.

– Нет. Но все же спросите у миссис Кросби, она сейчас спустится: мы обедаем в городе, с друзьями. Какой-то благотворительный обед у Рица...

Из кабины лифта, зябко кутаясь в горностаевый палантин, вышла м-с Кросби и с некоторым удивлением посмотрела на комиссара.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, нет, не беспокойтесь. Просто я ищу некоего Радека.

– Радека? Он живет в этом отеле?..

Кросби засунул деньги в карман и протянул комиссару руку:

– Извините, комиссар. Мы опаздываем.

Роскошная машина, ожидавшая их у отеля, плавно понеслась по асфальту.

Настойчиво зазвонил телефон.

– Алло!.. Следователь Комельо просит комиссара Мегрэ...

– Скажите, что я еще не приходил.

В столь ранний час следователь мог звонить только из дома. Сейчас он, конечно, накинув халат, завтракает и просматривает утренние газеты. Как всегда, должно быть, его тонкие губы нервно дергаются.

– Эй, Жан!.. Больше никто не звонил?.. А следователь что сказал?

– Чтобы вы позвонили ему, как только приедете. Он будет дома до девяти часов, а потом – в прокуратуре... Алло?.. Подождите!.. Комиссара Мегрэ?.. Передаю трубку, господин Жанвье.

Мегрэ взял трубку.

– Это вы, комиссар?

– Он, конечно, исчез?

– Исчез... Ничего не понимаю! Я был в двадцати шагах от него.

– Так... Дальше!

– Сам не знаю, как это могло случиться. Я совершенно уверен, что он не видел меня...

– Дальше.

– Сначала он бродил по улицам без всякой цели. Затем

пошел на вокзал Монпарнас. В это время как раз прибывают пригородные поезда, я подошел ближе, чтобы не потерять его в толпе.

– А он все-таки потерялся?

– Да, но не в толпе! Он вскочил в вагон, хотя билета не брал. Пока я спрашивал у контролера, куда идет поезд, он, очевидно, вышел из другой двери, потому что, когда я вошел в вагон, его там не было.

– Черт возьми!

– Что мне теперь делать?

– Отправляйся в бар кафе «Купол» и жди меня там. Ничему не удивляйся. И главное – не волнуйся.

– Клянусь вам, комиссар...

Инспектору Жанвье было всего двадцать пять. Голос его дрожал, словно инспектор готов был разрыдаться, как мальчишка.

– Ну ладно, ладно. Сейчас я приеду.

Мегрэ дал отбой и снова снял трубку.

– Отель «Георг Пятый»... Дежурный?.. Мистер Уильям Кросби у себя?.. Нет-нет, не беспокойте его... Простите, в котором часу он вернулся?.. Около четырех?.. Вместе с миссис Кросби и просил не будить их раньше одиннадцати?.. Так, большое спасибо... Нет, передавать ничего не нужно, я увижусь с ним днем.

Мегрэ не торопился. Он набил трубку и проверил, достаточно ли угля в печке. Человеку, мало знающему комиссара, могло бы сейчас показаться, что Мегрэ уверен в себе и неуклонно движется к намеченной цели.

Расправив плечи, он пускал в потолок клубы дыма. Когда письмоводитель принес газеты, Мегрэ встретил его

бодрой шуткой. Но как только остался один, схватил трубку телефона.

– Алло!.. Бригадир Люкас не звонил мне?

– Пока нет, господин комиссар.

Мегрэ стиснул зубами черенок трубки. Было девять утра. Вчера в пять пополудни Жозеф Эртен ушел с бульвара Распайль, и бригадир Люкас отправился за ним.

Неужели Люкас не мог найти возможности позвонить или передать записку с каким-нибудь полицейским?..

Отогнав зародившиеся было опасения, Мегрэ позвонил Дюфуру. Взял трубку сам Дюфур.

– Как дела?

– Спасибо, комиссар. Я уже хожу по квартире. Завтра думаю выйти на службу. Шрам у меня все же останется здоровый. Вчера доктор снял повязку, и я наконец мог посмотреть. Непонятно, как он не проломил мне голову... Вы нашли его?

– Не волнуйся, найдем. Разъединяю, а то меня может вызвать коммутатор: я жду звонка.

В кабинете было нестерпимо жарко, железная печка раскалилась докрасна. Мегрэ не ошибся: почти тотчас же раздался звонок, и он услышал в трубке голос бригадира Люкаса:

– Алло! Это вы, шеф?.. Не разъединяйте, мадмуазель... Полиция?.. Алло!.. Алло!..

– Слушаю, Люкас... Где ты находишься?

– Я в Морсане.

– Где?

– Есть такая деревушка на берегу Сены, в тридцати пяти километрах от Парижа.

– А тот?

– Не беспокойтесь. Он у себя дома.

– Морсан неподалеку от Найди?

– В четырех километрах. Я не хотел звонить из Найди, чтобы не вспугнуть его. Ну и ночка была, шеф!

– Рассказывай.

– Сначала он водил меня по Парижу, и я уж думал, что это никогда не кончится. Он, видимо, сам не знал, куда идти. В восемь вечера решил встать в очередь за бесплатным супом на улице Реомюра. Простоял почти два часа.

– Значит, денег у него больше нет.

– Поев, он потопал дальше. Это поразительно, но парень, видимо, просто влюблен в Сену. Он ни на шаг не удалялся от нее... Алло!.. Не разъединяйте, мадмуазель... Вы слышите меня, шеф?

– Продолжай.

– Он дошел по берегу до Шарантона. Я думал, он уляжется спать под мостом – он ведь еле держался на ногах. Но он, наверно, двуличный. От Шарантона направился к Альфорвилю, а оттуда двинулся по дороге на Вильнев-Сен-Жорж. Стемнело, дороги были размыты дождем. Через каждые полминуты нас обгоняли машины. Словом, если еще когда-нибудь такое повторится...

– ...ты сделаешь то же самое. Дальше.

– Вот и все. Мы отмахали тридцать пять километров! Представляете себе? А дождь все усиливался. Но парень ничего не замечал. Я так измучился, что возле Корбейля чуть было не сел в такси. В шесть утра мы все еще шагали. Правда, мы уже пересекали лес, что между Морсаном и Найди...

— Он вошел в дом через дверь?

— Вы знаете эту харчевню? Самое обычное заведение для шоферов: там кормят, продают табак, газеты и выпивку. Думаю, что даже галантерею... Он свернул в узенький переулочек и перелез через стену. Потом вошел в сарайчик, куда, очевидно, на ночь загоняют скотину.

— Это все?

— Почти. Через полчаса старик Эртен закрыл ставни и отпер свою лавочку. Он был совершенно спокоен. Я зашел выпить стаканчик, и он ничем не выдал своего волнения. Тут мне повезло, я встретил местного жандарма на велосипеде. Я приказал ему продырявить шину и оставаться под этим предлогом в харчевне, пока я не вернусь.

— Молодец!

— Вы находите?.. Вам хорошо там сидеть в тепле, а я вымазался в грязи по самые уши. Ботинки промокли насквозь. Рубашка сопрела... Что мне делать?

— Чемодана у тебя, конечно, нет.

— Только чемодана мне не хватало!

— Возвращайся в харчевню. Наври там что хочешь. Что ты ждешь товарища, с которым вы договорились встретиться...

— Вы приедете?

— Пока не знаю. Но учти, если Эртен скроется от нас еще раз, я могу полететь ко всем чертям.

Мегрэ положил трубку и растерянно огляделся вокруг. Затем приоткрыл дверь и позвал служителя:

— Слушай, Жан. Как только я уйду, позвонишь следователю Комельо и скажешь... Хм... Скажешь, что все идет благополучно и что я буду держать его в курсе событий.

Понятно?.. И повежливей. Как можно больше почтительных слов.

В одиннадцать часов комиссар вылез из такси у кафе «Купол». Войдя в бар, он сразу же увидел инспектора Жанвье. Как все начинающие, Жанвье, стремясь принять непринужденный вид, прикрылся газетой, однако заметно было, что он ее не читает.

В противоположном углу Ян Радек небрежно помещивал ложечкой кофе со сливками.

Радек был свежевыбрит, в чистой рубашке, и его курчавые волосы причесаны тщательнее, чем вчера. Лицо светилось сдержанной радостью.

Бармен Боб узнал Мегрэ и хотел было сделать ему предостерегающий знак. Жанвье за своей газетой тоже выразительно гримасничал. Однако Радек свел на нет все их маневры. Он обратился прямо к Мегрэ:

– Присядьте ко мне. Чем вас угостить?

Радек вежливо привстал. Он еле заметно улыбнулся, каждая черта его худого лица говорила о незаурядном, остром уме.

Мегрэ, большой и грузный, приблизился к столу Радека. Он схватился за спинку стула с силой, которая могла бы его сломать, и уселся.

– Вас уже отпустили? – спросил комиссар, глядя в сторону.

– Эти господа были очень любезны со мной. Перед мировым судьей я предстану не раньше чем через две недели, там и без меня много дел. Однако для кофе уже поздновато. Что вы скажете о стопке русской водки и сэндвиче с икрой? Бармен!

Бармен покраснел до ушей: он не решался обслужить этого странного клиента.

– Надеюсь, вы не заставите меня платить вперед? Как видите, сегодня я не один, – продолжал Радек. Он повернулся к Мегрэ. – Эти господа ничего не понимают. Когда я пришел сюда полчаса назад, они не хотели меня обслуживать, представляете?.. Официант немедленно пригласил управляющего, а тот предложил мне убираться. Пришлось показать им деньги. Не кажется ли вам, что это очень смешно?..

Он говорил серьезно и задумчиво.

– Заметьте, будь я каким-нибудь мелким актером или платным танцором из тех, кого вы вчера здесь видели, мне предоставили бы неограниченный кредит. Но я человек достойный. Вы меня понимаете, комиссар? Надо будет нам с вами как-нибудь поговорить об этом поподробнее. Может быть, вы и не поймете всего, но мне кажется, что вы относитесь к немногочисленному разряду мыслящих людей.

Бармен принес сэндвичи с икрой, он не мог удержаться и бросил на Мегрэ многозначительный взгляд.

– Шестьдесят франков.

Радек усмехнулся. В углу инспектор Жанвье продолжал укрываться за спасительной газетой.

– Пачку сигарет «Абдулла», – распорядился Радек.

Когда официант принес сигареты, он небрежно вытащил из наружного кармана пиджака скомканный тысячефранковый билет и бросил его на стол.

– Так, комиссар, о чем мы говорили?.. Впрочем, извините, я вдруг вспомнил, что должен позвонить своему портному.

Телефонные будки стояли в глубине бара, где был второй выход. Мегрэ не шелохнулся. Зато Жанвье как по команде встал из-за стола и отправился за Радеком. Через минуту оба возвратились: впереди Радек, за ним Жанвье. По глазам инспектора Мегрэ сразу понял, что Радек действительно звонил портному.

7. МАЛЬЧУГАН

— Хотите, комиссар, я дам вам ценный совет? — Радек понизил голос и наклонился к собеседнику: — Заметьте, я знаю наперед все ваши мысли, но это меня мало трогает... Так вот мое мнение или, если угодно, совет. Бросьте вы это дело! Иначе вы рискуете попасть в неприятнейшую историю.

Мегрэ неподвижно сидел, глядя в пространство.

— Вы так и будете делать одну ошибку за другой, потому что ничего не понимаете, — продолжал Радек.

Чех немного волновался, но волнение это было сдержанным и приглушенным. Мегрэ обратил внимание на его руки. Длинные, удивительно белые, усеянные веснушками, они, казалось, тоже принимают участие в разговоре.

— Учтите, я самого высокого мнения о вашем профессиональном мастерстве. Если вы запутались и наделали ошибок, то лишь потому, что взяли за основу неверные данные. Значит, и все остальное пошло по ложному пути, не так ли? Поэтому же все, к чему бы вы ни пришли в дальнейшем, будет ошибочно. Я готов перечислить сделанные вами промахи, которые могли бы стать основой для расследования. Вот, например. Признайтесь, вы даже не

подумали о той таинственной роли, которую играет в этой истории Сена. Вилла в Сен-Клу стоит на берегу Сены. Улица Мсье-ле-Пренс находится в пятистах метрах от Сены. Бистро «Белая цапля», где, если верить газетам, укрылся после бегства убийца, стоит у Сены. Эртен родился в Мелене, на берегу Сены. Родные его и сейчас живут в Найди, то есть у Сены.

Лицо Радека было совершенно серьезным, но глаза насмешливо искрились.

– Вы запутались, комиссар. Вам может показаться, что я стремлюсь попасть в ваши сети. Вы не спрашивали меня ни о чем, я сам начал разговор о преступлении, которое вы так хотите мне приписать. Но как? Почему? У меня нет ничего общего с Жозефом Эртенем, ничего общего с Кросби. Я никогда не видел ни миссис Хендерсон, ни ее горничной. Пока у вас есть против меня одна-единственная улика – вчера Жозеф Эртен бродил вокруг бара и как будто подкарауливал меня. Но этого недостаточно. Может быть, он ждал меня, а может – и не меня. Я покинул бар в сопровождении полицейских, но это еще ни о чем не говорит. Повторяю, разобраться в этом деле для вас непосильная задача. Вы спросите, какую роль играю я в этой истории? Ровно никакой... Или основную! Представьте себе человека неглупого, даже более чем неглупого, у которого много свободного времени и который ничем не занят. Целыми днями он думает, и вот ему представился случай заняться проблемой, соприкасающейся с его профессией, потому что криминалистика и медицина соприкасаются.

Нарочитая невнимательность Мегрэ, по-видимому, начала раздражать Радека. Он заговорил громче:

– Итак, что вы мне скажете, комиссар? Теперь вы поняли, что стоите на неверном пути?.. Нет?.. Еще нет?.. Позвольте также заметить вам, что вы совершили ошибку, освободив виновного, который уже был в ваших руках. И не только потому, что замены ему вы не найдете: ведь он действительно может уйти от вас, ускользнуть. Я только что говорил о том, что ваши исходные позиции были неверны. А хотите, я сам подскажу вам предлог для моего ареста?

Радек залпом выпил водку, откинулся назад и опустил руку в карман пиджака. Оттуда он вытащил деньги – стофранковые билеты, упакованные в пачки по десять штук. Пачек было десять.

– Заметьте, кредитки совсем новенькие, их происхождение нетрудно установить. Что ж, поищите, позабавьтесь, если вы не отправитесь спать... что я вам искренне советую сделать.

Радек поднялся. Мегрэ остался сидеть, внимательно рассматривая его и выпуская густые клубы дыма. Бар наполнялся посетителями.

– Итак, вы меня арестуете?

Комиссар не торопился отвечать. Он взял со стола стофранковый билет, осмотрел его и опустил в карман.

Затем тоже поднялся, но так медленно, что Радек не сдержал гримасы. Комиссар прикоснулся к его плечу. Это был прежний Мегрэ, всемогущий, уверенный и невозмутимый.

– Послушай, мальчуган...

Тон его и весь вид резко контрастировали с тоном Радека, с его нервными, порывистыми движениями и взглядом, в котором светился ум совсем иного склада.

Мегрэ был старше своего собеседника на добрых двадцать пять лет, и теперь это очень чувствовалось.

– Послушай, мальчуган...

Жанвье, который слышал это, с трудом удержался от смеха; не мог он сдержать и радости: его начальник снова стал прежним!

А комиссар продолжал непринужденно и добродушно:

– Мы еще встретимся с тобой, вот увидишь!

Он поклонился бармену, сунул руки в карманы и вышел.

– Похоже, что те самые, но поручиться не могу. Придется проверить, – сказал служащий отеля «Георг Пятый», осмотрев кредитный билет, который принес ему Мегрэ.

Через несколько минут он соединился по телефону с банком.

– Скажите, у вас записаны номера и серии пачки стофранковых билетов, которые вы мне выдали утром?

Он что-то пометил карандашом, повесил трубку и вернулся к комиссару:

– Они самые. Надеюсь, ничего неприятного?

– Отнюдь. Все в полном порядке... Мистер и миссис Кросби еще у себя?

– Уехали полчаса назад.

– Вы это видели сами?

– Как сейчас вижу вас.

– В отеле есть еще выходы?

– Есть еще два, но один из них – для служебного пользования...

– Вы сказали, что мистер и миссис Кросби вернулись около трех часов утра. С того времени к ним никто не приходил?

Дежурный по этажу, горничная и швейцар подтвердили: супруги Кросби вернулись домой под утро, и до одиннадцати никто их не тревожил.

– Не отправляли ли они пакета с рассыльным?

– Нет, не отправляли.

Но ведь с четырех дня до семи утра Ян Радек находился в полицейском комиссариате квартала Монпарнас и общаться с внешним миром не мог.

В семь утра он вышел на улицу без гроша в кармане. А около десяти уже сидел за стойкой в «Куполе». При нем было одиннадцать тысяч франков, и по меньшей мере десять из этой суммы находилось накануне в бумажнике Уильяма Кросби.

– Вы разрешите мне на минутку подняться наверх?

Администратор нехотя дал согласие, и лифт поднял Мегрэ на четвертый этаж. Номер оказался обычным люксом. Две спальни, две ванны, будуар и салон.

Кровати были еще не убраны, как и посуда после первого завтрака. Лакей старательно чистил щеткой смокинг американца, а во второй комнате висело на стуле парчовое вечернее платье.

По номеру были разбросаны разные мелочи – дамская сумочка, портсигар, трость, неразрезанный роман.

Мегрэ вышел на улицу и поехал в бар «Риц». Метрдотель сообщил, что супруги Кросби и мисс Эдна Рейхберг занимали накануне вечером столик № 18. Они приехали около девяти часов и уехали в половине третьего. Ничего странного метрдотель не заметил.

– Откуда же у него эти деньги? – бормотал Мегрэ, пересекая Вандомскую площадь. Внезапно он остановился, какая-то машина чуть не задела его бампером.

«Какого черта Радек мне их показал? Больше того, теперь деньги у меня, и попробуй объясни, как они ко мне попали. А то, что он говорил о Сене...»

Неожиданно для самого себя Мегрэ остановил проезжавшее мимо такси.

– Сколько времени вам нужно, чтобы добраться до Найди? Это чуть подальше Корбейля, – спросил он шофера.

– Не меньше часа. Дороги очень плохие.

– Поехали! Остановитесь у первой табачной лавки.

Мегрэ уселся поудобнее в углу машины. Запотевшие изнутри стекла покрылись капельками дождя. Комиссар любил такие передышки, тихий час среди кипучего дня. Уютно завернувшись в широченное черное пальто, известное всем на набережной Орфевр, он курил одну трубку за другой.

За окнами мелькали пейзажи городских окраин, потом пошли грустные октябрьские поля. Иногда сквозь голые деревья виднелась зеленоватая рябь Сены.

«У Радека могла быть только одна причина заговорить со мной и показать мне деньги: сбить следствие с пути, запутать меня в новых осложнениях. Но для чего? Чтобы дать Эртену время убежать? Или чтобы бросить тень на Уильяма Кросби? Но он прекрасно понимал, что тем самым бросает тень и на себя».

В памяти комиссара всплыли слова Радека: «Вы взяли за основу неверные данные...»

Ясно! Он намекал на то, что Мегрэ добился разрешения на следствие уже после того, как суд присяжных вынес свой вердикт. Допустим, он ошибся... Но в какой степени?

Ведь существуют же вещественные доказательства, которые не так легко опровергнуть. Если даже предположить, что убийца м-с Хендерсон и ее горничной воспользовался обувью Жозефа Эртена, чтобы оставить следы его ботинок, то не мог же он украсть у него отпечатки пальцев! А эти отпечатки были обнаружены как раз на предметах, которые нельзя было вынести с места преступления: на занавесках, простынях, стенах.

В чем же тогда он ошибся? Эртена видели в полночь в «Голубом павильоне». Он вернулся к себе, на улицу Мсье-ле-Пренс, в четыре утра...

«Вы так и будете делать одну ошибку за другой!» – заявил этот Радек, который внезапно возник в самый разгар расследования, длившегося несколько месяцев, и о котором раньше никто и не подозревал.

Накануне в «Куполе» Уильям Кросби ни разу не взглянул на Радека. Он и бровью не повел, когда Мегрэ назвал его имя. Тем не менее деньги Кросби оказались в кармане рыжего. И тот сам счел нужным сообщить об этом полиции. Больше того! Казалось, он нарочно выдвигает себя на первый план, претендует на главную роль.

«С момента, когда он покинул комиссариат, и до той минуты, когда я увидел его в „Куполе“, у него было ровно два часа. За это время он побрился, переменял рубашку. И за это же время получил деньги...»

И Мегрэ, которому очень хотелось успокоить себя, заключил:

«На получение денег он мог потратить меньше получаса. Следовательно, он не успел бы в Нанди и вернуться оттуда».

Деревня Нанди стоит над Сеной. Поверху дул холодный и порывистый восточный ветер, пригибая оголенные деревья. Темные поля простирались до самого горизонта, и лишь крохотная фигурка охотника блуждала по ним.

– Куда вас подвезти? – спросил шофер, подняв стекло.

– Остановитесь у въезда в деревню. И подождите меня.

В деревне была одна длинная улица. Посредине ее на одном из домиков виднелась вывеска:

«ЭВАРИСТ ЭРТЕН, ТРАКТИРЩИК».

Когда Мегрэ толкнул дверь, звякнул колокольчик. В просторной комнате, увешанной лубочными картинками, не было ни души. Однако на гвозде висела шляпа бригадира Люкаса.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнул комиссар.

Наверху послышались тяжелые шаги, но прошло минут пять, прежде чем на лестнице в конце коридора появилась человеческая фигура.

Мегрэ увидел высокого старика лет шестидесяти, с пристальным неподвижным взглядом.

– Что вам угодно? – спросил старик и тут же добавил: – Вы тоже из полиции?

Он сказал это невыразительным голосом, еле ворочая языком, и не произнес больше ни слова. Потом молча указал на лестницу, на которой все еще стоял, и начал медленно взбираться по ней.

Сверху доносился глухой шум. Лестница была очень узкая, стены были выбелены известью. Поднявшись, Мегрэ увидел полуоткрытую дверь, а за ней бригадира Люкаса. Опустив голову, бригадир стоял возле окна, не замечая вошедшего комиссара.

Почти тут же Мегрэ заметил кровать, склонившегося над ней мужчину и старую женщину, распростертую в старом вольтеровском кресле. Комната была довольно просторная. Дубовые балки поддерживали потолок, стены были не оклеены обоями, а дощатый пол скрипел под ногами.

– Закройте дверь! – раздраженно крикнул мужчина, склонившийся над кроватью. Это был врач. На круглом столе красного дерева стоял его саквояж с инструментами. К Мегрэ подошел расстроенный Люкас.

– Так быстро?.. Как вы успели? Я звонил всего час назад.

На кровати лежало безжизненное тело Жозефа Эртена. Бледная, с проступающими ребрами грудь была обнажена.

Старуха в кресле, не переставая, стонала. Отец приговоренного стоял у изголовья кровати, взгляд его пугал своей пустотой.

– Выйдем отсюда, – тихо сказал Люкас. – Я вам все расскажу.

На площадке он замешкался, затем толкнул дверь комнаты, расположенной напротив. Здесь тоже было не убрано. На стульях была разбросана женская одежда. Окно комнаты выходило во двор, где мокрые куры копались в размокшем навозе.

– Ну, Люкас?

– Скверное утро, комиссар. Позвонив вам, я вернулся и отпустил жандарма. Мне предстояло понемногу разобраться в обстановке. Старик Эртен был со мной в зале и спросил, не хочу ли я закусить. Он смотрел на меня довольно подозрительно, особенно после того, как я сказал,

что поджидаю товарища и что, возможно, останусь здесь на ночь. Потом из кухни, что в конце коридора, донеслись чьи-то голоса, и я увидел, что хозяин удивленно прислушивается. Он крикнул: «Это ты, Викторина?» Через две-три минуты вошла старуха, выражение ее лица было очень странное, как у людей, которые сильно взволнованны, но хотят казаться спокойными.

– Я иду за молоком, – объявила она.

– Почему? Еще рано! – сказал старик.

Но она все-таки надела сабо, повязала косынку и ушла. Тогда старик отправился на кухню, но там не было никого, кроме дочери. Я услышал крики, рыдания, но сумел разобрать только одну фразу: «Я должен был догадаться! Достаточно было взглянуть на мать!..»

Старик быстро пересек двор и вошел в сарайчик, где прятался Жозеф Эртен. Он вернулся только через час, дочка как раз обслуживала двоих возчиков. Глаза у нее были заплаканы, и она не осмеливалась их поднять. Потом вернулась старуха, в кухне опять началась какая-то возня. Немного погодя появился старик, взгляд у него был неподвижный и пристальный. И тут я понял, почему они так засуетились. Женщины наткнулись в сарайчике на Жозефа и решили ничего не говорить старику. А тот почувал, что дело неладно. Когда старуха ушла, он спросил у дочери, и она все рассказала. Он пошел к сыну и заявил, чтобы тот немедленно убирался.

Вы видели старика. Он человек честный, но суровый, самых строгих правил. К тому же он сразу догадался, кто я такой. Не думаю, чтобы он выдал мне парня. Скорее, он помог бы ему удрать. Возможно, так они и порешили. Ча-

сов в десять утра я увидел в окошко, что старуха крадется к сараю в одних чулках. Дождь, грязь, а она без обуви.

Через минуту раздался страшный крик. Я кинулся туда. Зрелище было не из приятных. Мы со стариком прибежали одновременно. У него волосы на висках слиплись от пота, я это видел совершенно ясно. Парень как-то странно привалился к стене, и надо было подойти вплотную, чтобы понять, что он удавился. Старик не потерял присутствия духа. Он перерезал веревку, уложил сына на солому и стал ему делать искусственное дыхание, крикнув дочери, чтобы она бежала за врачом. И вот до сих пор они не могут успокоиться. Сами видите. И я не могу прийти в себя...

В деревне никто ничего не знает, думают, что заболела старуха. Кое-как мы со стариком перенесли тело наверх, и доктор возится там уже целый час. Похоже, парень останется в живых. За это время отец не сказал ни слова. У дочери был нервный припадок, пришлось запереть ее в кухне, чтобы не мешала.

Хлопнула дверь. Мегрэ выглянул на площадку и увидел врача, собравшегося уходить. Он спустился вниз следом за ним и остановил его уже в зале.

— Я из уголовной полиции, доктор... В каком он состоянии?

Это был простой сельский врач, отнюдь не скрывавший своей неприязни к полиции.

— А вы что, хотите его забрать? — сердито спросил он.

— Еще не знаю... Как он?

— Его сняли как раз вовремя. Но ему понадобится несколько дней, чтобы оправиться. Послушайте, неужели он так истощился в Сайте? Кажется, что в его жилах не осталось ни капельки крови.

– Я попросил бы вас, доктор, никому не рассказывать.

– Напрасно беспокоитесь. Существует профессиональная тайна, сударь.

Сверху спустился Эртен-отец. Взгляд его подстерегал каждое движение комиссара, но тот не задал ни одного вопроса. Машинально старик взял со стойки два грязных стакана и положил их в раковину.

Все чувствовали себя подавленно. Из кухни по-прежнему доносились отчаянные всхлипывания девушки. Наконец Мегрэ вздохнул.

– Вы хотели бы, чтобы он несколько дней полежал дома? – спросил он, взглянув на старика. Ответа не последовало.

– В таком случае мне придется оставить здесь одного из моих людей.

Взгляд трактирщика скользнул по бригадиру и снова опустился на конторку. По морщинистой щеке скатилась слеза.

– Он поклялся матери... – начал было старик, но голос его пресекся, и он отвернулся. Потом налил себе стакан рому, но не смог выпить – губы его дрожали.

Мегрэ повернулся к Люкасу и тихо сказал:

– Побудь здесь.

Мегрэ уехал не сразу. Сначала он осмотрел дом, нашел заднюю дверь и вышел во двор. Неподалеку он увидел женскую фигуру – прислонившись к стене, девушка закрыла лицо руками. Дверь сарая, перед которым был свален навоз, была распахнута настежь. Кусок веревки еще свисал с гвоздя. Комиссар пожал плечами и вернулся в трактир. В зале был только Люкас.

– Где он?

– Наверху.

– Он ничего не сказал?.. Я пришлю тебе напарника. Звонить мне будете два раза в день.

– Это ты, ты убил его! – рыдала в соседней комнате старуха. – Не подходи ко мне!.. Ты убийца... Мальчик мой, мальчик мой дорогой...

Мегрэ распахнул дверь. Тихо звякнул колокольчик. Мегрэ зашагал к окраине деревни, где ожидало такси.

8. ЧЕЛОВЕК В ПУСТОЙ ВИЛЛЕ

Когда Мегрэ вышел из такси в Сен-Клу, напротив виллы Хендерсон, было около трех часов дня. По дороге из Нанди он вспомнил, что забыл отдать наследникам м-с Хендерсон ключи от виллы, полученные им еще в июле для ведения следствия.

Направляясь к вилле, Мегрэ не преследовал никакой определенной цели. Скорее, его вела надежда обнаружить какую-нибудь деталь, упущенную при следствии. Он надеялся также, что самый воздух виллы поможет ему, вызовет желанный прилив вдохновения.

Здание было окружено садом, отнюдь не заслуживавшим того, чтобы называться парком. Оно было простым, но не выдержанным в определенном стиле; увенчивала его довольно безвкусная башенка.

Все ставни на окнах были заколочены, дорожки сада покрыты желтой осенней листвой.

Калитка в ограде подалась легко, и комиссар со сжавшимся сердцем вступил в сад, напоминавший скорее

кладбище, чем место, где еще недавно гуляли живые люди.

Медленно, словно нехотя, поднялся он по четырем ступенькам крыльца, украшенного претенциозными гипсовыми фигурами, над которым покачивался висячий фонарь.

Открыв входную дверь, Мегрэ был вынужден остановиться, чтобы дать глазам привыкнуть к полумраку, царившему внутри виллы.

Комнаты выглядели зловеще, запустение и роскошь уживались здесь странным образом. Первый этаж пустовал уже четыре года, то есть со дня смерти м-ра Хендерсона.

Однако мебель и вещи оставались на своих местах. Когда Мегрэ вошел в просторную гостиную на первом этаже, под его шагами за скрипели половицы, а над головой

тихонько зазвенели подвески хрустальной люстры. Движимый любопытством, Мегрэ повернул выключатель. Из двадцати ламп загорелось только десять, но они так густо покрыты были пылью, что едва светили.

В углу были сложены дорогие ковры, свернутые в рулоны. Кресла были отодвинуты вглубь салона, повсюду в беспорядке громоздились чемоданы. Один был пуст. В другом под толстым слоем нафталина лежали вещи покойного м-ра Хендерсона. Всего четыре года назад м-р Хендерсон разгуливал по этим комнатам. Здесь устраивались приемы и вечера, о которых писали газеты: Хендерсоны жили на широкую ногу.

На огромном камине виднелся початый ящик гаванских сигар. Пожалуй, здесь, в этом безмолвном зале, крушение дома Хендерсонов ощущалось сильнее всего.

Когда м-с Хендррсон овдовела, ей было около семидесяти. У нее не осталось ни сил, ни желания перестраивать свою жизнь. Она просто заперлась в своих комнатах, а все остальное предала забвению.

Когда-то они были счастливой парой, прожили яркую жизнь и блистали во всех столицах Европы. Потом осталась в живых только старуха, уединившаяся на вилле со своей компаньонкой. И вот июльской ночью эти женщины...

Мегрэ прошел две другие гостиные, парадную столовую и вышел к главной лестнице, ступеньки которой до второго этажа были мраморные. Малейший звук отдавался в гулкой тишине пустого дома. Наследники Кросби не притронулись ни к чему. Возможно, они здесь и не появлялись со дня похорон тетки.

Да, сюда никто не приходил. Мегрэ нашел на ковре, устилавшем лестницу, огарок свечи, которым он пользовался во время расследования.

Он поднялся на площадку второго этажа, и тут его охватило тревожное чувство. Несколько минут Мегрэ силился понять, в чем дело. Он напряг слух и задержал дыхание.

Услышал ли он какой-то звук? Он не был в этом уверен. Но, так или иначе, у него возникло совершенно определенное ощущение, что в заброшенном доме есть еще кто-то. Мегрэ почудилось чье-то движение. Он пожал плечами, вошел в следующую дверь и нахмурился: здесь отчетливо чувствовался запах табачного дыма. И это был не старый, застоявшийся запах: в комнате курили недавно. А может быть, и сейчас курят?

Мегрэ быстро пересек комнату и оказался в будуаре покойной. Дверь спальни была приоткрыта. Мегрэ шагнул туда – там никого не было. Зато запах табака стал еще сильнее, а на полу он увидел пепел от сигареты.

– Кто здесь? – крикнул комиссар.

Он пытался унять свое волнение, но тщетно: обстановка была слишком тревожной. В комнате повсюду сохранились следы кровавой драмы. Платье м-с Хендерсон висело на спинке стула. Ставни пропускали узкие полосы света. И в этой таинственной полутьме кто-то двигался... Из ванной отчетливо донесся металлический звук. Мегрэ бросился вперед, но никого не увидел. Зато за дверью, ведущей в кладовую, он услышал удалявшиеся шаги.

Мегрэ машинально нащупал в кармане револьвер. Он с разбегу вышиб дверь кладовой и выбежал на чердачную

лестницу. Здесь было светло, окна, выходящие на Сену, не были заколочены. Кто-то быстро поднимался по лестнице, стараясь не шуметь.

– Кто там? – снова крикнул комиссар.

Его била нервная дрожь. Неужели здесь, совсем близко, кроется разгадка тайны?.. Он помчался по лестнице. Наверху громко хлопнула дверь. Невидимка больше не таился, он бежал по комнатам, и двери с треском закрывались за ним.

Мегрэ постепенно нагонял бегущего. Здесь, в комнатах, отведенных когда-то для гостей, царило то же запустение, что и внизу, они были так же тесно заставлены мебелью и завалены всякими вещами. С грохотом разбилась какая-то ваза. Мегрэ боялся только одного – что беглец запрет на замок одну из дверей и уйдет от него.

– Именем закона!.. – крикнул он на всякий случай. Но беглец не останавливался. Раз Мегрэ схватил ручку двери в ту секунду, когда он пытался с другой стороны повернуть ключ.

– Откройте!

Ключ повернулся. Щелкнул замок. Не раздумывая ни минуты, Мегрэ отступил и попытался высадить дверь плечом. Дверь дрогнула, но не подалась. Было слышно, как в комнате открывают окно.

– Именем закона!

Мегрэ не думал о том, что присутствие его в доме, принадлежащем Уильяму Кросби, незаконно и что постановления об обыске у него нет... Погоня захватила его. Он несколько раз бросался на дверь, филенки начали трещать и расходиться.

Он разбежался для последнего удара, когда за дверью грохнул выстрел. Наступившая вслед за тем тишина была такой глубокой, что Мегрэ на секунду остался с открытым ртом.

– Кто там?.. Отворите!..

Молчание. Не было слышно ни дыхания, ни хрипа, ни даже характерного звука перезаряжаемого револьвера.

Разъяренный комиссар ударил в дверь с такой силой, что больно ушиб правое плечо и бок. Дверь неожиданно подалась. Мегрэ влетел в комнату и чуть не растянулся на полу.

Сырой, холодный воздух струился в распахнутое окно, за которым желтели огоньки ресторана. Промчался залитый светом трамвай. На полу, прислонившись спиной к стене и слегка наклонившись влево, сидел человек.

Только по серому костюму и стройной фигуре Мегрэ узнал Уильяма Кросби, потому что по лицу узнать его было невозможно. Американец выстрелил себе в рот, и ему на чистое снесло половину черепа.

Медленно, с угрюмым лицом Мегрэ шел обратно и во всех комнатах щелкал выключателями. В некоторых люстрах не было ламп, но большинство, против ожидания, загоралось. Вскоре дом был освещен сверху донизу, если не считать нескольких комнат.

В спальне м-с Хендерсон на ночном столике комиссар увидел телефон. На всякий случай он снял трубку: раздался слабый писк – значит, аппарат работал.

Никогда еще комиссар не испытывал такого волнения в доме, где совершилось убийство. Он сидел на краю той кровати, в которой, вероятно, была зарезана старая американка. Напротив находилась дверь в комнату, где был найден труп горничной, а наверху, в запущенной пыльной комнате, лежал сейчас труп Кросби, и вечерний воздух врвался, туда вместе с сыростью.

– Алло!.. Пожалуйста, префектуру полиции. – Сам не зная почему, он говорил вполголоса.

– Алло!.. Говорит комиссар Мегрэ... Соедините меня с начальником уголовной полиции... Это вы, шеф?.. Уильям Кросби только что покончил с собой на вилле в Сен-Клу... Да, именно так... Я нахожусь здесь, да... Будут какие-нибудь распоряжения?.. Да, при мне... Я был метрах в

четырех от него, но нас разделяла запертая дверь. Понимаю... Нет, пока ничего не могу сказать... Может быть, позднее...

Он положил трубку и несколько минут неподвижно просидел, глядя в пространство. Потом набил трубку, но раскурить ее забыл. Вилла представлялась ему огромной пустой коробкой, в холодном безмолвии которой он казался себе крохотным и бессильным.

— За основу взяты неверные данные... — повторил он вполголоса.

Он хотел подняться наверх, но передумал. К чему?.. Американец мертв. Его правая рука все еще сжимает пистолет, из которого он выстрелил в себя. Мегрэ усмехнулся, подумав, что в эту минуту следователь Комельо получает информацию о случившемся. Без сомнения, ему придется мчаться в Сен-Клу вместе с экспертами и агентами.

Напротив Мегрэ висел огромный, писанный маслом портрет м-ра Хендерсона во фраке, грудь его была украшена орденской лентой Почетного легиона и множеством иностранных орденов.

Прошагав по комнате, комиссар направился в соседнюю. Это была комната компаньонки, м-ль Элизы Шатрие. Он открыл гардероб — строгие черные платья, шелковые и шерстяные, аккуратно висели на плечиках.

Мегрэ прислушался к звукам, доносившимся с улицы, и облегченно вздохнул: у садовой решетки затормозили одновременно две машины. В саду слышались голоса.

Следователь Комельо раздраженно повторял, и голос его звучал пронзительнее, чем всегда:

— Это невероятно!.. Это совершенно недопустимо!..

Как любезный хозяин, встречающий гостей, Мегрэ вышел на площадку лестницы и, едва открылась входная дверь, сказал:

– Прошу вас сюда, господа!

Впоследствии он не раз вспоминал, как был взбешен следователь Комельо. Комельо подскочил к Мегрэ и впился взглядом ему в глаза, губы следователя подергивались от возмущения, и наконец он выдавил:

– Жду ваших объяснений, комиссар.

Мегрэ молча повернулся и повел приехавших на третий этаж. Он открыл дверь и просто сказал:

– Вот.

– Это вы вызвали его сюда?

– Я понятия не имел, что он в доме. Я оказался здесь случайно, хотел удостовериться, что мы ничего не упустили при обыске.

– А где был Кросби?

– По-видимому, в комнате тетки. Он бросился бежать, я его преследовал. Добежав до этой комнаты, он заперся и, пока я выламывал дверь, застрелился.

Следователь смотрел на Мегрэ недоверчиво, словно подозревая, что тот выдумал всю эту историю. Однако он был просто недоволен, потому что, как всякий чиновник, не любил осложнений.

Судебный медик осматривал труп. Со всех сторон щелкали фотоаппараты.

– Где Эртен? – сухо спросил Комельо.

– Он снова водворится в Сайте, когда вам будет угодно.

– Вы разыскали его?

Мегрэ пожал плечами.

- Тогда доставьте его сегодня же.
- Как прикажете, господин следователь.
- Это все, что вы можете мне сообщить?
- Пока все.
- Но вы по-прежнему считаете...

– ...Что Эртен не убивал? Пока ничего не знаю. Я просил у вас десять дней, а прошло всего четыре.

- Куда вы поедете отсюда?
- Не знаю.

Засунув руки в карманы пальто, Мегрэ смотрел, как работают люди из прокуратуры. Затем быстро спустился на второй этаж, вошел в комнату м-с Хендерсон и снял телефонную трубку.

– Алло!.. Отель «Георг Пятый»?.. Будьте добры, миссис Кросби сейчас у себя в номере?.. Нет?.. Пьет чай?.. Благодарю вас... Нет, передавать ничего не нужно.

Комельо, последовавший за Мегрэ, стоял в дверях. Он неодобрительно смотрел на комиссара и повторял:

– Сколько осложнений! Вы только подумайте, сколько осложнений!

Мегрэ ничего не ответил. Он сухо поклонился, надел шляпу и вышел из виллы. Такси, на котором приехал, он отпустил. Чтобы найти другое, ему пришлось пешком дойти до моста Сен-Клу.

Приглушенно звучала музыка. Пары медленно и ослабленно двигались в танце. Тихая гостиная отеля «Георг Пятый», где пили чай, была полна красивых женщин, среди которых преобладали иностранки.

В гардеробе Мегрэ заставили снять пальто, и он с ворчанием подчинился. В гостиной за одним из столов он

сразу увидел м-с Кросби и Эдну Рейхберг. С ними сидел светловолосый юноша скандинавского типа, рассказывающий, видимо, что-то смешное, так как женщины хохотали.

Комиссар подошел к столу и поклонился.

– Миссис Кросби... – начал он тихо.

Она посмотрела на него с любопытством, затем удивленно повернулась к своим спутникам, с видом человека, совершенно не ожидавшего, что его могут побеспокоить.

– Я вас слушаю.

– Очень прошу вас уделить мне пять минут.

– Сейчас? А что случилось?..

У комиссара было такое мрачное лицо, что она покорно поднялась и огляделась, отыскивая укромный уголок.

– Пройдемте в бар. В это время там никого нет.

Действительно, бар пустовал. Они остались стоять.

– Вы знали, что сегодня после полудня ваш супруг собирался ехать в Сен-Клу?

– Не понимаю. Мой муж волен делать...

– Я не о том. Я спрашиваю, говорил ли он вам о своем намерении поехать на виллу?

– Нет.

– А вы с ним бывали там после смерти вашей...

– Нет. Это было бы слишком тяжело.

– Сегодня днем ваш муж поехал туда один...

М-с Кросби начала тревожиться и бросала нетерпеливые взгляды на комиссара.

– И что же?

– С ним случилось несчастье.

– И все эта машина, не правда ли? Я так и знала, я пари готова была держать...

В дверях показалась любопытная мордочка Эдны. Она вошла в бар, делая вид, что ищет сумочку.

– Не совсем так, сударыня. Ваш муж покушался на самоубийство.

Глаза молодой женщины выразили удивление и недоверие. Еще секунда – и она, казалось, расхохочется Мегрэ в лицо.

– Уильям покушался на самоубийство?

– Он выстрелил из пистолета себе...

Две горячие руки схватили Мегрэ за кисти, м-с Кросби по-английски стремительно задавала один вопрос за другим. Вдруг она вздрогнула, отпустила комиссара и отступила на шаг.

– Я вынужден, сударыня, сообщить, что ваш муж скончался. Это случилось два часа назад на вилле в Сен-Клу.

Она больше не замечала его. Быстрыми шагами пересекла гостиную, не взглянув на Эдну и ее спутника, сбегала по лестнице в холл и вышла на улицу в одном платье, с непокрытой головой.

– Прикажете машину? – спросил швейцар.

Но она уже подозвала такси и крикнула шоферу:

– В Сен-Клу, быстро!

Мегрэ не последовал за ней. Взяв в гардеробе пальто, он вскочил в автобус, который шел к центру.

– Мне не звонили? – спросил он у служителя.

– Звонили примерно в два часа дня. Запись у вас на столе.

Запись телефонного разговора гласила: «Донесение инспектора Жанвье комиссару Мегрэ. Утром примерка у

портного. Завтрак в ресторане на бульваре Монпарнас. В два часа дня пил кофе в баре „Купола“. Оттуда дважды звонил по телефону».

А что он делал после двух?

Мегрэ запер кабинет на ключ и бросился в кресло.

Он с удивлением обнаружил, когда проснулся, что его часы показывают половину одиннадцатого.

— Мне никто не звонил?

— Вы здесь?.. А я был уверен, что вас нет. Два раза звонил следователь Комельо.

— А Жанвье?

— Жанвье не звонил.

Спустя полчаса Мегрэ входил в бар «Купола». Там не было ни Радека, ни Жанвье. Он отвел бармена в сторону:

— Чех больше не приходил?

— Он просидел здесь сегодня полдня с вашим молодым другом, с тем, что в макинтоше.

— За тем же столом?

— Да, вон в том углу. Они выпили по четыре порции виски.

— Давно ушли?

— Сначала пообедали в нашем пивном зале.

— Вместе?

— Вместе. Потом, часов около десяти, ушли.

— Куда — вы не знаете?

— Спросите у швейцара: он вызывал для них такси.

У швейцара оказалась хорошая память.

— Они уехали в голубом такси, которое часто стоит на нашем углу. Должно быть, ездили недалеко: шофер скоро вернулся.

Водитель такси заявил:

– Два клиента? Я отвез их на улицу Эколь, в «Пеликан».

– Едем туда.

Мегрэ вошел в «Пеликан» с самым свирепым видом. Оборвал сначала швейцара, затем официанта, пытавшегося усадить его в главном зале. Успокоился, лишь добравшись до бара. Здесь, среди разряженных женщин и гуляк, он увидел тех, кого искал. Они сидели в уголке бара, забравшись на высокие табуреты. Мегрэ с первого взгляда определил, что Жанвье слишком румян и глаза у него блестят больше обычного. Радек, напротив, был мрачен и сосредоточенно глядел в свой стакан.

Мегрэ пошел прямо к ним, несмотря на знаки подвыпившего Жанвье, которые должны были означать: «Все идет отлично! Не мешайте мне! Уходите!»

Комиссар остановился возле них. Радек пробормотал заплетающимся языком:

– А-а, опять вы...

Жанвье продолжал жестикулировать, как ему казалось, совершенно незаметно и очень выразительно.

– Что будете пить, комиссар?

– Послушайте, Радек...

– Эй, бармен! То же самое для мсье!

Радек проглотил стоявшую перед ним смесь и вздохнул.

– Я вас слушаю... Ты тоже слушаешь, Жанвье?

Он хлопнул комиссара по плечу.

– Давно не бывали в Сен-Клу? – медленно произнес комиссар.

– Я?... В Сен-Клу?... Ха-ха-ха! Вот шутник!

— Знаете, что стало одним трупом больше?

— Что ж, тем лучше для могильщиков... Ваше здоровье, комиссар!

Радек не притворялся, он был действительно пьян. Не так пьян, как Жанвье, но настолько, чтобы цепляться за перила стойки и усиленно таращить глаза.

— И кто же он, этот счастливчик?

— Уильям Кросби.

Несколько мгновений Радек отчаянно боролся с опьянением, словно осознал серьезность минуты.

Затем он захихикал, откинулся назад и жестом приказал бармену наполнить стаканы.

— Тем хуже для вас!

— Что вы хотите этим сказать?

— Что теперь вы окончательно запутаетесь. Что вы ничего не поймете. Я вам предсказывал это с самого начала. Послушайте лучше, что я вам предложу. С Жанвье мы уже договорились. Вы приказали ему следить за мной. А мне на это наплевать!.. Но вместо того, чтобы ходить, как идиоты, друг за другом, давайте-ка развлекаться вдвоем. Это гораздо разумнее... Кстати, вы обедали? А потом... Поскольку никто не знает, что готовит ему завтрашний день, я предлагаю разок повеселиться по-настоящему. Здесь полно красивых женщин, выберем себе по вкусу. Жанвье уже перемигнулся с одной брюнеточкой, а я еще в нерешительности... Разумеется, плачу за все я... Ваше мнение, комиссар?

Он смотрел на Мегрэ, тот поднял взгляд. Лицо Радека уже не носило ни малейших следов опьянения. Глаза его опять горели умом, и он со снисходительной иронией

глядел на комиссара. Казалось, Радек безмятежно наслаждается радостью бытия.

9. ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Было восемь утра. Мегрэ у себя в кабинете пил черный кофе. Он расстался с Радеком и Жанвье четыре часа назад и теперь, прихлебывая кофе, медленно записывал в блокноте большими сплюсненными буквами:

«7 июля. В полдень Жозеф Эртен в „Голубом павильоне“ в Сен-Клу выпивает четыре порции спиртного и роняет железнодорожный билет третьего класса.

8 июля. В 2 часа 30 минут м-с Хендерсон и ее компаньонка зарезаны ножом. Отпечатки пальцев убийцы совпадают с отпечатками пальцев Жозефа Эртена.

8 июля. 4 часа Эртен возвращается к себе, на улицу Мсье-ле-Пренс. В 8 часов, как всегда, выходит на работу.

9 июля. Эртен арестован у своего хозяина, в цветочном магазине на Севрской улице, так как на месте преступления найдены следы его ботинок. Он не отрицает, что был в Сен-Клу, но отрицает свое участие в убийстве.

2 октября. Жозеф Эртен, продолжающий все отрицать, приговорен к смертной казни.

15 октября. Следуя плану, разработанному полицией, Жозеф Эртен бежит из тюрьмы Сайте. За ночь он пересекает пешком Париж, добирается до «Белой цапли» и там засыпает.

16 октября. Утренние газеты коротко извещают о побеге. В 10 утра в кафе «Купол» некто пишет в редакцию «Сиффле» письмо, где сообщается о соучастии полиции в

побеге. Этот человек – иностранец, свободно пишет левой рукой и, по-видимому, болен неизлечимой болезнью.

В 6 часов вечера Эртен просыпается. Инспектор Дюфур хочет отобрать у него газету и получает удар бутылкой по голове. Эртен, пользуясь суматохой, разбивает лампу и скрывается. Инспектор стреляет, но мимо.

17 октября. В полдень Уильям Кросби, его жена и Эдна Рейхберг пьют аперитив в кафе «Купол», где они бывают постоянно. Студент Радек заказывает йогурт и кофе. Кросби и Радек, очевидно, незнакомы друг с другом.

На улице измученный и осунувшийся Эртен ожидает кого-то. Выходят Кросби и Рейхберг, он не обращает на них внимания. Он продолжает ждать даже тогда, когда Радек остается в баре один.

В 5 часов Радек заказывает икру, отказывается платить и покидает «Купол» под конвоем двух полицейских.

Как только он уходит, Эртен перестает топтаться перед баром и отправляется пешком к своим родителям в Найди.

В этот же день, около 9 вечера, Уильям Кросби размещает у служащего отеля «Георг Пятый» стодолларовую бумажку и опускает в карманы пачки французских денег. Затем присутствует вместе с женой на благотворительном празднестве в баре «Риц», возвращается домой около 3 утра и не выходит из своего номера до одиннадцати.

18 октября. В Найди Жозеф Эртен пробирается в сарай, там его находит мать и прячет. Около 9 утра отец догадывается о его возвращении, идет к нему и приказывает убираться, как только стемнеет. Около 10 Жозеф Эртен пытается повеситься в том же сарае.

В Париже Радек отпущен из полицейского комисса-

риата квартала Монпарнас в 7 утра. Он ловко отделяется от приставленного к нему для слежки инспектора Жанвье, где-то бреется и меняет рубашку, хотя денег у него ни гроша.

В 10 утра он входит в бар и демонстративно вытаскивает из кармана тысячефранковый билет. Немного позже, увидав Мегрэ, он подзывает его, усаживает за свой стол и угощает икрой. Затем сам начинает разговор об убийстве на вилле Хендерсонов, утверждая, что полиции никогда в этом деле не разобраться. Кстати, никто из полиции не произносил при нем имени Хендерсон. Затем вдруг бросает на стол десять тысяч франков стофранковыми купюрами и заявляет, что, поскольку бумажки новые, их происхождение легко установить. Уильям Кросби, вернувшийся около 3 часов утра, еще не выходил из своего номера. Но деньги – те самые, что он получил накануне вечером от служителя отеля в обмен на стодолларовую банкноту.

Инспектор Жанвье остается в баре, чтобы следить за Радеком. После завтрака тот предлагает ему выпить, дважды уходит звонить по телефону.

В 4 дня на вилле в Сен-Клу, которую никто не посещал после похорон м-с Хендерсон и ее горничной, оказывается человек. Это Уильям Кросби, он находится на втором этаже. Он слышит шаги в саду. Через окно он не может не узнать Мегрэ. Он прячется. По мере того как Мегрэ приближается к нему, он отступает, поднимается на третий этаж. Загнанный в комнату, из которой нет выхода, открывает окно, убеждается, что бегство невозможно, и стреляет себе в рот.

М-с Кросби и Эдна Рейхберг в это время танцуют и пьют чай в гостиной отеля «Георг Пятый».

Радек приглашает инспектора Жанвье сначала пообедать, а затем выпить в одном заведении Латинского квартала. Около 11 вечера к ним присоединяется Мегрэ. Радек и Жанвье пьяны.

До четырех утра Радек таскает их с собой из бара в бар. Заставляет их пить и пьет сам. Кажется то пьяным, то совершенно трезвым. Бросает двусмысленные фразы и повторяет без конца, что полиции никогда не разобраться в убийстве м-с Хендерсон.

В 4 утра Радек приглашает к столу двух дам и предлагает Мегрэ и Жанвье последовать его примеру.

Но они отказываются, и он отправляется с дамами в отель на бульваре Сен-Жермен.

29 октября. В 8 утра администратор этого отеля отвечает по телефону: «Дамы еще спят. Их приятель только что ушел. Он за все уплатил».

Мегрэ охватила усталость, какую ему редко приходилось испытывать во время расследования. Он тупо смотрел на строчки только что сделанных записей, молча пожал руку коллеге, который зашел поздороваться, и жестом попросил оставить его одного.

Он записал на полях: «Выяснить, что делал Уильям Кросби с 11 утра до 4 дня 19 октября».

Затем упрямо мотнул головой, схватил трубку и позвонил в кафе «Купол».

— Мне надо знать, когда вы получили последнее письмо на имя Яна Радека.

Через пять минут ему ответили: «По крайней мере, десять дней назад».

Мегрэ позвонил в меблированные комнаты, где жил Радек.

– Почти неделю писем не было, – сообщили оттуда.

Мегрэ взял «Боттен», просмотрел список почтовых отделений, получающих корреспонденцию до востребования, и позвонил в отделение, помещающееся на бульваре Распайль.

– У вас есть абонент по фамилии Радек?.. Нет?.. Говорят из полиции... Вам адресуют корреспонденцию на одни инициалы?.. Так вот, не знаете ли вы такого иностранца – среднего роста, одет неважно, с длинными курчавыми рыжими волосами?.. Есть такой?.. Он получает письма на инициалы М. В.?.. А когда он получал письмо в последний раз?.. Справьтесь, прошу вас... Я подожду... Алло! Не разъединяйте, пожалуйста...

В дверь постучали. Не оборачиваясь, Мегрэ крикнул: «Войдите!»

– Да, слушаю... Вчера утром, около девяти часов?.. Оно пришло по городской почте?.. Благодарю вас... Простите, еще один вопрос: письмо было довольно объемистое, похоже, что в конверте лежит пачка кредиток?..

– Не так уж плохо! – раздался сзади насмешливый голос.

Комиссар обернулся – перед ним стоял Радек. У него был довольно мрачный вид, но глаза лукаво поблескивали. Продолжая говорить, он опустился в кресло.

– Разумеется, до этого мог додуматься и ребенок. Итак, комиссар, теперь вы знаете, что вчера утром в почтовом отделении на бульваре Распайль я получил пакет с деньгами, адресованный до востребования. Накануне эти деньги лежали в кармане бедняги Кросби. Но надо знать, послал ли Кросби эти деньги сам. В этом-то и вопрос.

– Как вы прошли мимо служителя?

– Он был занят с какой-то дамой. А я сделал вид, что я у вас свой человек, и нашел на двери вашу визитную карточку. Не так уж хитро, по-моему. А ведь здесь святая святых уголовной полиции!

Мегрэ заметил, что у Радека усталое лицо. Он был похож не столько на человека, не спавшего ночь, сколько на больного, перенесшего кризис. Под глазами у него были мешки, губы бескровны.

– Вы хотели мне что-то сообщить?

– Сам не знаю... Хотел узнать, что у вас новенького. Вы благополучно добрались до дома?

– Благодарю, вполне.

Чех со своего места увидел записи, сделанные комиссаром, и его бледные губы скривились в улыбке.

– Вы знаете дело Тэйлора? – спросил он вдруг. – Хотя откуда вам знать, вы же американских газет не читаете. Десмонд Тэйлор, один из крупнейших голливудских режиссеров, был таинственно убит. Под подозрением оказалось много видных киноартистов, в том числе несколько красивых женщин. И что же? Всех их пришлось отпустить. И знаете, что писали по этому поводу совсем недавно, после стольких лет? Цитирую по памяти, но память у меня превосходная... «С самого начала следствия полиция совершенно точно знала, кто убил Тэйлора. Однако улики против виновного были столь незначительны и малоубедительны, что, явись он сам с повинной, ему пришлось бы предъявить вещественные доказательства или приводить свидетелей, чтобы подтвердить свое признание».

Мегрэ с удивлением посмотрел на собеседника. А тот положил ногу на ногу, закурил сигарету и продолжал:

– Заметьте, что слова эти принадлежат лично начальнику полиции. Это было напечатано год или два назад, и я помню каждую букву. «Разумеется, убийца Десмонда Тэйлора так никогда и не был арестован».

Комиссар принял равнодушный вид, откинулся на спинку кресла и положил ноги на письменный стол. Он ожидал с безразличным видом человека, у которого много свободного времени, но которого разговор занимает чрезвычайно мало.

– В самом деле, – продолжал Радек, – почему бы вам не подобрать материалы об Уильяме Кросби? Когда расследовалось убийство, полиция об этом не подумала или не осмелилась это сделать...

– И вы принесли мне эти материалы? – небрежно спросил Мегрэ.

– А почему бы и нет? Любой житель Монпарнаса мог вам их доставить. Ко времени, когда убили его тетку, Кросби был должен не меньше шестисот тысяч франков, он задолжал даже Бобу, бармену в «Куполе». Это часто случается в богатых семьях. Впрочем, хоть он и был племянником Хендерсонов, он никогда не был особенно богат... Другой его дядюшка – миллиардер. Двоюродный брат – директор-распорядитель крупнейшего американского банка. Но отец его разорился лет десять назад, понимаете? И Уильям Кросби превратился в бедного родственника. К тому же у всех его дядей и теток, кроме Хендерсонов, есть дети. И вот он коротал время, дожидаясь сначала смерти старика, а потом смерти миссис Хендерсон – им обоим было около семидесяти... Простите, что вы сказали?

– Нет, нет, ничего.

Упорное молчание Мегрэ, видимо, раздражало Радека.

— Вы не хуже меня знаете, комиссар, что в Париже с громким именем можно вполне обходиться без денег. Кросби, кроме того, был обаятельнейшим малым. И в жизни ничем не занимался. Зато всегда был в чудном настроении; как большой ребенок, радовался жизни и стремился все испытать. Особенно жаден он был до женщин... Вы видели миссис Кросби? Он очень ее любил. И тем не менее... К счастью, у людей подобного сорта существует круговая порука. Я не раз видел, как чета Кросби пила аперитив в «Куполе». Какая-нибудь девчонка, улучив момент, подмигивала Кросби, и он немедленно говорил жене: «Ты меня извинишь, дорогая? Мне надо поговорить с одним человеком...» И все, кроме нее, знали, что он отправляется провести полчаса с девчонкой в какой-нибудь отель на улице Деламбр. Я видел это десятки, а то и сотни раз!.. Разумеется, Эдна Рейхберг тоже была его любовницей. Она обожала миссис Кросби, все время лезла к ней с нежностями. А сколько их было у него еще? Он никогда им не отказывал. По-моему, даже любил их всех.

Мегрэ потянулся и зевнул.

— Случалось, у него не было чем расплатиться за такси. А он заказывал на круг по пятнадцать коктейлей для людей, которых видел первый раз в жизни. И смеялся при этом! Никогда я не видел его озабоченным. Представьте себе существо, с колыбели награжденное превосходным настроением. Таких людей любят все, и они любят всех. Ему прощают все, даже то, чего не простили бы никому другому.

Счастливчик, которому все удастся! Вы не игрок, ко-

миссар? Стало быть, вы не знаете, что это такое, когда ваш партнер открывает семь, а вы поднимаете карты и показываете ему восемь! На следующей сдаче у него восемь, а вы открываете девять! У Кросби так получалось всегда. Он жил в царстве чудес, а не в угрюмой действительности с ее мрачными законами. Таков был Кросби. Когда он вдруг получил пятнадцать или шестнадцать миллионов в наследство, ему грозили неприятности. Чтобы погасить долги, он подделал подпись одного из своих знаменитых родственников...

— Он покончил с собой, — сухо вставил Мегрэ. Глаза Радека зажглись непонятым весельем, он поднялся, бросил сигарету в пепел и вернулся на место.

— Да, но покончил с собой он только вчера, — загадочно ответил он.

— Однако... — сердито начал Мегрэ. Он встал во весь рост и сверху пристально посмотрел Радеку в глаза. Наступила напряженная пауза.

— Однако какого дьявола вы ко мне пришли?

— Хотелось поболтать или, если угодно, помочь вам. Сознайтесь, что вам пришлось бы потратить известное время, чтобы собрать материал о Кросби, а я принес его вам готовым. Я мог бы прибавить и еще кое-что не менее ценное. Вы видели маленькую Рейхберг? Ей всего двадцать, но она живет с Кросби уже больше года. Проводит целые дни у них и нежничает с миссис Кросби. Однако с Уильямом они давно решили, что он разведется с женой и женится на Эдне. Но чтобы жениться на дочери богатейшего промышленника, нужны деньги, и деньги немалые. Что рассказать вам еще? Хотите материал о Бобе, бармене

из «Купола»? Вы видели его в белой курточке, с салфеткой в руке. А этот парень заколачивает от четырехсот до пятисот тысяч франков в год. У него роскошная вилла в Версале и машина самой последней марки. Недурно? Вот что такое чаевые, комиссар.

Радек начал нервничать, в его голосе появился какой-то скрежещущий призыв.

— В то же время Жозеф Эртен зарабатывал в месяц шестьсот франков, двенадцать часов в день толкая по городу свою тележку. Шестьсот франков в месяц!

— А вы? — жестко спросил Мегрэ. Взгляд его не отрывался от глаз Радека.

— О, я...

Наступило молчание. Мегрэ крупными шагами ходил по кабинету. Он остановился у печки и подбросил в нее угля. Радек закурил новую сигарету.

Положение создалось странное. Не ясно было, зачем явился сюда этот неожиданный посетитель. И уходить он вовсе не собирался. Похоже, что он чего-то ждет. Но Мегрэ, как ему ни хотелось, остерегся задавать вопросы Радеку. Да и о чем он стал бы его спрашивать?

И опять первым заговорил чех. Он сказал почти шепотом:

— Великолепное преступление! Я говорю об убийстве режиссера Десмонда Тэйлора. Он был один у себя в номере, в гостинице. Некая юная кинозвезда пришла навестить его. Она последняя видела его живым. Понимаете, комиссар... Но и ее видели, она выходила одна, он не провожал ее. Но убила вовсе не она!..

Радек сидел на стуле, на который Мегрэ обычно сажал

посетителей. Яркий, как в операционной, свет озарял его лицо. И теперь Мегрэ невольно залюбовался чехом.

Высокий выпуклый лоб был изрезан мелкими морщинами, но они не старили лица. Длинные медно-красные волосы придавали Радеку вид свободного художника, представителя богемы. Это впечатление усиливалось кроєм свободной рубашки с низко вырезанным воротом, очень темного тона и без галстука. Радек не был худым, но выглядел болезненно, может быть, потому, что тело его казалось дряблым. И даже в рисунке губ его таилось что-то злое и нездоровое.

Он волновался необычно, не как все люди. Это могло бы заинтересовать психолога. Лицо у него оставалось неподвижным, и только зрачки вдруг загорались словно от электрической искры. Тогда взгляд становился напряженным, и выдержать его было нелегко.

– Что теперь будет с Эртенем? – спросил он после длинной паузы.

– Ему отрубят голову, – бросил Мегрэ и засунул руки в карманы брюк.

Накал достиг максимума. Радек рассмеялся коротким скрежещущим смехом.

– Ну разумеется! На что еще годится человек, зарабатывающий шестьсот франков в месяц! Кстати, комиссар, хотите заключим пари? Я утверждаю, что на похороны Кросби обе женщины придут в глубоком трауре и будут рыдать в объятиях друг у друга. Я говорю, разумеется, о миссис Кросби и Эдне... Скажите, комиссар, а вы уверены, что он сам покончил с собой?

Радек засмеялся. Это было неожиданно, как и все в этом человеке, неожиданно, как его приход.

– Ведь симулировать самоубийство – такая нехитрая штука. И не будь я в этот час в кабаке вместе с вашим милейшим Жанвье, я, пожалуй, попробовал бы обвинить себя в убийстве. Просто так, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. У вас есть жена, комиссар?

– Да. А что из этого?

– Ровно ничего. Просто вам повезло. У вас есть жена. Спокойное, скромное существование. Удовлетворение от честно выполненного долга. По воскресеньям вы, вероятно, ездите на рыбную ловлю. Или предпочитаете бильярд? Я нахожу все это замечательным! Только приниматься за это нужно как можно раньше. А еще лучше родиться от отца, который обладал твердыми правилами и тоже любил бильярд.

– Где вы встретили Жозефа Эртена? – спросил Мегрэ.

Комиссар задал этот неожиданный вопрос, поскольку ему показалось, что он сделает удачный ход. Однако еще не закончив фразы, он пожалел о ней.

– Где я встретил Жозефа Эртена? В газетах, как и все. Но, Боже, как сложна наша жизнь! Подумать только: вот вы слушаете меня, волнуетесь, переживаете, и вам никак не удастся составить себе определенное мнение, от которого зависит ваше будущее, и бильярд, и рыбная ловля. В ваши-то годы! Тридцать лет беспорочной службы поставлены на карту. И только потому, что впервые за тридцать лет у вас появилась смелая мысль... Но гением надо родиться, гением не становятся в пятьдесят лет. А вам ведь около пятидесяти, не так ли? Вам не стоило мешать Жозефу Эртену взойти на эшафот. Вы получили бы повышение по службе. Кстати, сколько зарабатывает полицейский

комиссар? Две, три тысячи в месяц? Примерно половину того, что покойный Кросби проедал и пропивал в ресторанах. Пожалуй, даже меньше... И в самом деле, как будут объяснять самоубийство этого счастливчика? Несчастной любовью? Найдутся злые языки, которые непременно сопоставят самоубийство Кросби с побегом Жозефа Эртена. И все Кросби, все Хендерсоны, двоюродные и троюродные, сколько их есть в Америке, все они засыпят вас телеграммами, требуя пресечения огласки. На вашем месте...

Радек поднялся и потушил окурок о подошву.

— На вашем месте, комиссар, я предпринял бы маневр. Это совсем несложно... Надо арестовать какого-нибудь типа, из-за которого не возникнет никаких дипломатических осложнений. Какого-нибудь Радека, у которого мать была всего лишь служанкой в маленьком чехословацком городке. Да разве ваши парижане знают, где, собственно, находится Чехословакия?

Голос Радека дрожал, в речи его впервые начал ощущаться легкий иностранный акцент.

— И все же это дело окончится так же, как дело Тэйлора. Будь у меня побольше свободного времени... В деле Тэйлора не фигурировали ни отпечатки пальцев, ни другие улики. А здесь они есть! Эртен оставил отпечатки пальцев повсюду, да еще показался в Сен-Клу. Кросби до зарезу нужны были деньги накануне убийства. Следствие возобновляется — и Кросби кончает с собой. А при чем здесь я? Я никогда слова не сказал с Кросби. Он даже не слышал моего имени, не видел меня. Можете спросить у Жозефа Эртена, знает ли он Радека! Можете спросить в Сен-Клу,

видели ли меня когда-нибудь там. И все же я сижу у вас, в уголовной полиции. Внизу меня ожидает инспектор, который пойдет следом за мной, куда бы я ни направился. Кстати, комиссар, это опять будет Жанвье? Я был бы очень рад. Он молод и страшно мил. Правда, пьет он не слишком здорово. Три коктейля – и он погружается в сладостную нирвану... Скажите, комиссар, к кому мне следует обратиться? Я хотел бы пожертвовать несколько тысяч на приют для престарелых полицейских...

Небрежным жестом Радек вытащил толстую пачку денег из кармана пиджака, спрятал ее обратно, вынул еще более толстую из другого, затем начал вытаскивать деньги из жилетного кармана. Мегрэ сразу увидел, что денег не меньше ста тысяч франков.

– Значит, больше вы мне ничего не скажете?

Это произнес Радек, и в голосе его звучала досада, которую ему не удалось скрыть.

– Да, больше мне нечего вам сказать.

– Тогда, комиссар, позвольте, я скажу кое-что вам.

Мегрэ молчал.

– Так вот, комиссар. Никогда вам не разобраться в этом деле.

Радек взял со стола свою черную фетровую шляпу и какой-то скованной походкой направился к двери. Он был явно не в духе. Комиссар посмотрел ему вслед и проворчал сквозь зубы:

– Рассказывай, мальчуган! Рассказывай!

10. ШКАФ С СЮРПРИЗОМ

– Сколько ты зарабатываешь в день на этих газетах?

Радек сидел на террасе монпарнассского кафе, слегка откинувшись на спинку стула, на тонких губах его играла жесткая улыбка. Он курил гаванскую сигару.

Полоумная старуха бродила между столиками, протягивала посетителям вечерние газеты и что-то жалобно и невнятно бормотала. Это было жалкое и смешное создание.

– Сколько зарабатываю?

Она не понимала. В ее слезящихся, мутных глазах еле заметно светился огонек угасающего разума.

– Присядь-ка вот сюда. Выпьешь со мной стаканчик? Официант! Ликеру для мадам.

Радек взглядом поискал Мегрэ: он знал, что тот сидит где-то рядом и наблюдает за ним.

– Так. Для начала я покупаю у тебя все газеты. Только ты должна их пересчитать.

Ошеломленная старуха не знала, оставаться ей или бежать. Чех показал ей стофранковый билет, и она начала поспешно считать газеты, сложенные стопкой.

– Пей!.. Значит, у тебя сорок газет? По пять су каждая, это десять франков. А хочешь заработать сразу сто?

Мегрэ видел и слышал все происходящее, но не подавал виду. Казалось, выходки Радека его нисколько не интересуют.

– Двести франков!.. Триста!.. Смотри, вот они... А хочешь получить пятьсот? Только их нужно заработать, бабуса. Лапы прочь! Я отдам их тебе, если ты... Если ты нам что-нибудь споешь.

– А... а что я должна спеть?

Старуха была потрясена. Капля липкого ликера текла по ее поросшему седыми волосками подбородку. За соседними столами люди подталкивали друг друга локтями и посмеивались.

– Пой что хочешь. Что-нибудь веселенькое. А если спляшешь, я прибавлю еще пятьсот...

Зрелище было отвратительное. Старуха не сводила с кредитки жадного взгляда. Хриплым, прерывающимся голосом она стала напевать какую-то немыслимую мелодию, а рука ее тянулась к деньгам.

– Довольно! Хватит! – слышалось вокруг.

– Пой! – приказал Радек.

Он все еще искоса поглядывал на Мегрэ. Среди посетителей слышались возмущенные голоса. Подошел официант, чтобы выгнать старуху. Она упиралась, цеплялась за столы. Надежда заработать баснословные деньги не покидала ее.

– Я пою не для вас. Я пою для этого молодого господина, он обещал мне...

Кончилось это совсем печально. Вошел полицейский и увел с собой старуху, не получившую ни сантима. Рассыльный помчался за ней, чтобы отдать ей газеты.

За последние три дня подобные сцены повторялись раз десять. И все три дня, упрямо хмурия лоб, закусив губу, комиссар Мегрэ с утра до ночи следовал за Радеком, не отставая ни на шаг.

Вначале чех пытался завязать разговор. Несколько раз он повторял:

– Раз вы решили ходить за мной, пойдемте рядом. Так будет веселее.

Но Мегрэ отказывался. В «Куполе» или где-нибудь еще он неизменно усаживался поблизости. А на улице, не таясь, шел за чехом, почти наступая ему на пятки. Шло состязание в выдержке, и Радек начинал терять терпение.

На похоронах Кросби присутствовала самая разнообразная публика – и столпы американской колонии в Париже, и представители пестрой богемы Монпарнаса. Как и предсказывал Радек, обе женщины были в глубоком трауре. Сам Радек сопровождал похоронную процессию до кладбища, неподвижно глядя в пространство и не сказав ни с кем ни слова.

Так прошли неправдоподобные, напоминающие ночной кошмар три дня.

– Все равно вы ничего не поймете! – ронял иногда Радек, поворачиваясь к Мегрэ. Но Мегрэ делал вид, что ничего не слышит, и оставался неприступен, как стена. За три

дня Радеку удалось всего два встретиться с ним глазами.

Мегрэ ходил за чехом как тень – вот и все. Казалось, он ничего не ищет, ни за чем не наблюдает. Это было молчаливое, настойчивое и непрерывное преследование.

Радек ничем не занимался. Целые дни, с утра до позднего вечера, проводил в кафе. Иногда внезапно требовал:

– Пригласите управляющего!

Появлялся управляющий, и Радек заявлял:

– Обращаю ваше внимание: у официанта, который меня обслуживал, грязные руки.

Расплачивался он только стофранковыми или тысячефранковыми билетами и небрежно совал сдачу в карман брюк. В ресторанах он отсылал заказанные блюда обратно

на кухню, говоря, что они плохо приготовлены. Однажды днем потребовал роскошный завтрак в полтораста франков. Кончив есть, заявил метрдотелю:

— Чаевых не будет. Меня обслуживали недостаточно быстро.

Вечерами чех таскался по кабакам и ночным притонам, угощал девчонок шампанским, но ни одной не отдавал предпочтения до последней минуты, а затем бросал на середину зала тысячефранковый билет и говорил:

— Той, которая поймает.

Завязывалась настоящая драка, иногда не без вмешательства полиции. А Радека интересовало только одно: какое впечатление производят его выходки на Мегрэ.

Он и не пытался отделаться от слежки. Напротив, садясь в такси, вежливо ждал, пока комиссар остановит для себя машину.

Похороны Уильяма Кросби состоялись 22 октября; 23-го, около 11 вечера, Радек кончал обедать в ресторане на Елисейских полях.

В 11 часов 30 минут он вышел на улицу в сопровождении Мегрэ, выбрал комфортабельную машину и тихо назвал водителю адрес. Два такси двинулись одно за другим в направлении Отейля.

На широком лице комиссара нельзя было прочесть ни удивления, ни волнения. Оно даже не казалось усталым, хотя в последние дни Мегрэ почти не удавалось спать. Лишь глаза были немного воспалены и смотрели более пристально, чем обычно.

Первая машина выехала на набережные, пересекла

Сену по мосту Мирабо и затрюхала по скверной дороге, ведущей к «Белой цапле».

Метрах в ста от бистро Радек остановил машину и что-то сказал шоферу. Затем, сунув руки в карманы пальто, прошел прямо к грузовому причалу, находившемуся у самой харчевни.

Здесь он закурил сигарету, уселся на кнехт, к которому крепятся причальные цепи, удостоверился, что Мегрэ его сопровождает, и замер.

В полночь еще ничего не произошло. За столом бистро трое арабов играли в кости. В углу дремал какой-то человек, очевидно подвыпивший. Хозяин мыл стаканы. На втором этаже все окна были темны.

В пять минут первого к бистро подъехало такси. Из него вылезла женщина и, после короткого колебания, решительно вошла в бистро. Радек саркастически посмотрел на Мегрэ.

Войдя в зал, женщина обернулась. На ней было черное мантио с огромным воротником из темного меха. В ярком свете лампы нельзя было не узнать Эллен Кросби.

Наклонившись к оцинкованной стойке, она тихо говорила с хозяином. Арабы прекратили игру и уставились на нее. Снаружи не было слышно, о чем они говорят, зато видно, как удивлен хозяин и смущена американка.

Через несколько секунд хозяин направился к винтовой лестнице, помещавшейся за стойкой. М-с Кросби пошла за ним. Зажглось среднее окно во втором этаже, окно той самой комнаты, в которой когда-то укрылся Жозеф Эртен.

Затем хозяин спустился в зал один. Арабы о чем-то его спросили. Отвечая, он выразительно пожал плечами,

словно хотел сказать: «Сам ничего не понимаю. Да и не наше это дело».

На окнах второго этажа ставней не было. Сквозь жидкие, неплотно задернутые занавеси видно было почти каждое движение американки.

— Сигарету, комиссар?

Мегрэ не ответил. Женщина приблизилась к кровати, стащила с нее одеяло и простыню. Затем приподняла что-то тяжелое и бесформенное и занялась каким-то странным делом. Время от времени она торопливо подходила к окну, словно охваченная внезапным беспокойством.

— Похоже, ей нужен матрац, не так ли? Или я ошибаюсь, или она распарывает его. Нелегкая работа для дамы, которая не привыкла обходиться без горничной.

Радек и Мегрэ стояли метрах в пяти друг от друга. Так прошло минут пятнадцать.

— Час от часу не легче!

В голосе чеха прозвучало нетерпение. Мегрэ не ответил и не шевельнулся.

Примерно в половине первого Эллен Кросби спустилась в зал бистро. Бросила кредитку на прилавок, подняла воротник манто и быстро вышла на улицу. Такси дожидалось ее.

— Поедем за ней, комиссар?

Три такси двинулись гуськом. Вскоре выяснилось, что м-с Кросби не намерена ехать обратно в город. Через полчаса ее машина оказалась в Сен-Клу и остановилась неподалеку от виллы Хендерсонов.

Совсем крохотная в своем черном манто, она нерешительно бродила по тротуару напротив виллы. Вдруг быстро

перебежала улицу, достала из сумки ключ и вошла в дом. Двери решетчатой ограды с глухим стуком закрылись за ней.

Окна виллы не осветились. За темными стеклами второго этажа вспыхивал лишь слабый, трепетный огонек, словно кто-то время от времени чиркал спичкой.

Ночь была холодная и сырая, тускло светили уличные фонари. Машины Радека и Мегрэ стояли примерно в двухстах метрах от виллы, а такси м-с Кросби – у самой ограды.

Комиссар вылез из машины и отошел шагов на сто, засунув руки в карманы и нервно попыхивая трубкой.

– Ну как? Не собираетесь пойти взглянуть, что там происходит?

Не отвечая, Мегрэ продолжал шагать.

– Не делаете ли вы новой ошибки, комиссар? А вдруг сегодня или завтра на вилле найдут еще один труп?

Мегрэ не ответил. Радек смял недокуренную сигарету и бросил ее на тротуар.

– Сто раз уже говорил вам, что вы не сможете разобраться в этом. Теперь повторяю еще раз.

Мегрэ повернулся к нему спиной. Прошло около часа. Все было тихо. Но дрожащий огонек спички больше не появлялся за окнами виллы.

Обеспокоенный шофер такси, в котором приехала м-с Кросби, вылез из машины и подошел к решетке.

– Предположите, комиссар, что в доме есть еще кто-то. Мегрэ посмотрел Радеку в глаза, и тот замолчал.

Через несколько минут показалась Эллен Кросби. Она подбежала к машине и села в нее. В руках у женщины был продолговатый предмет сантиметров тридцати в длину, завернутый в бумагу или белую тряпку.

– Вас не интересует, что она вынесла?

– Знаете что, Радек...

– Что?

Такси американки удалялось по направлению к Парижу. Мегрэ явно не собирался следовать за ней. Радек нервничал, губы его слегка вздрагивали.

– Может быть, мы с вами войдем туда? – сказал Мегрэ.

– Но...

Радек колебался, у него был вид человека, который детально разработал план и совершенно неожиданно наткнулся на трудности. Мегрэ тяжело опустил руку ему на плечо.

– Войдем. Вдвоем мы с вами разберемся в чем угодно, не так ли?

Радек деланно засмеялся.

– Колеблетесь? Как вы мне только что сказали, вам не хочется натолкнуться на новый труп? Ба! Но откуда он возьмется? Миссис Хендерсон мертва и похоронена. Ее компаньонка мертва и похоронена. Уильям Кросби мертв и похоронен. Жену его мы с вами сейчас видели, она жива и здорова. Жозеф Эртен находится в надежном месте, в тюремной больнице Сайте. Кто же остается? Одна Эдна Рейхберг. Но что ей здесь делать?

– Идемте! – сквозь зубы пробормотал Радек.

– Хорошо. Но начинать следует с начала. Чтобы войти в дом, надо иметь ключ.

Однако комиссар вытащил из кармана не ключ. Он вытащил картонную коробочку, перевязанную шнурком. Мегрэ провозился довольно долго, пока доставал из нее ключ от решетки.

– А вот и ключ. Теперь мы можем войти в виллу, как к

себе домой, ведь там никого нет. Вы же уверены, Радек, что там никого нет, не так ли?

Как это все вдруг изменилось и почему? Радек уже не бросал на своего спутника иронических взглядов. Лицо его выражало тревогу, которую он безуспешно старался скрыть.

— Не угодно ли вам положить эту коробочку к себе в карман? Она еще может нам пригодиться.

В вестибюле Мегрэ зажег свет, выбил о каблук золу из трубки и набил ее табаком.

— Поднимемся. Заметьте, что убийца миссис Хендерсон проник сюда так же легко, как и мы. На всей вилле были две спящие женщины. Без швейцара. Без собаки. Да еще мягкие ковры повсюду... Пошли!

Комиссар даже не глядел на чеха.

— Пять минут назад, Радек, вы были совершенно правы. Еще один труп был бы для меня крайне неприятным сюрпризом. Вы знаете, какой крутой человек следователь Комельо. Он до сих пор не может мне простить, что я не помешал самоубийству Кросби, хотя, можно сказать, присутствовал при нем. Но еще больше он сердится потому, что я не в состоянии объяснить эту трагедию. Теперь представьте, что было бы, если бы был обнаружен еще один труп. Что делать? Как объяснить? Миссис Кросби я позволил уехать. А вас не смогу обвинить: ведь я не отставал от вас ни на минуту. И действительно, это было бы трудно сделать: за последние трое суток мы почти не расставались, непонятно даже, кто за кем ходил — вы за мной или я за вами.

Казалось, комиссар рассуждает сам с собой. Они под-

нялись на второй этаж, пересекли будуар и вошли в спальню, где была убита м-с Хендерсон.

– Входите, Радек. Я полагаю, вас не волнует мысль о том, что здесь были убиты две женщины? Кстати, одна деталь – возможно, вам она неизвестна. Ножа-то, которым было совершено убийство, так и не нашли. Есть предположение, что Жозеф Эртен, убегая, бросил его в Сену.

Мегрэ спокойно уселся на край кровати, где было найдено тело м-с Хендерсон.

– Хотите, я скажу вам, что думаю по этому поводу? Убийца спрятал нож здесь, на вилле. Но спрятал так хорошо, что мы его не нашли. Постойте! А вы обратили внимание на форму пакета, который вынесла отсюда миссис Кросби? Сантиметров тридцать в длину, пять-шесть в ширину вместе с оберткой. Самые подходящие размеры для большого кинжала... Вы правы, Радек, это темная и чертовски запутанная история. Но... Погодите-ка!

Он наклонился. На пыльном паркете отчетливо виднелись следы тоненького каблучка. Безусловно, здесь прошла женщина.

– У вас хорошее зрение, Радек?.. Тогда помогите мне разобраться в этих следах. Куда они ведут? Быть может, они позволят нам узнать, что делала здесь сегодня миссис Кросби?

Радек продолжал стоять в нерешительности. Он тревожно смотрел на комиссара, как человек, спрашивающий себя, какую роль его заставят играть. Но на лице Мегрэ нельзя было ничего прочесть.

– Итак, следы привели нас в комнату компаньонки. А дальше? Нагнитесь, мой дорогой, вам это легче: вы еще не

весите сто кило... Ага!.. Она остановилась перед шкафом. Это платяной шкаф? Он заперт?.. Смотрите-ка, нет!.. Подождите открывать... Вы говорили о трупе. А что если труп именно здесь, в этом шкафу?

Дрожащими руками Радек зажег сигарету.

– Но открыть его все-таки надо. Решайтесь, Радек!

Продолжая говорить, Мегрэ поправлял перед зеркалом галстук и не спускал глаз со спутника.

– Итак...

Радек дернул ручку, дверца шкафа открылась.

– Где же труп?.. Ага, вот он!

Радек отступил шага на три. Растерянно смотрел он на молодую блондинку, вышедшую из шкафа. Женщина была немного смущена, но отнюдь не испугана. Это была Эдна Рейхберг. Она спокойно переводила взгляд с Мегрэ на Радека, словно ожидая объяснений. Эдна чувствовала себя неловко, но это говорило лишь о том, что она играет роль, к которой не привыкла.

Не обращая на нее никакого внимания, Мегрэ смотрел на чеха, силившегося овладеть собой.

– Как вам это понравится, Радек? Мы с вами ожидали увидеть труп – в том, что мы его увидим, вы совершенно убедили меня. И вдруг мы находим молодую девушку, живую и прелестную!

Эдна тоже повернулась к чеху.

– Так как же, Радек? – добродушно и весело спросил Мегрэ.

Чех молчал.

– Ты все еще думаешь, что мне не разобраться в этом деле? Ты так полагаешь, Радек?..

Шведка, не спуская с Радека глаз, в ужасе открыла рот, но крик замер у нее в горле.

Мегрэ опять повернулся к зеркалу и, улыбаясь, приглаживал волосы ладонью. Радек быстро выхватил из кармана пистолет, навел на комиссара и нажал гашетку. Именно в этот момент и попыталась закричать Эдна.

Сцена получилась эффектной и несколько смешной, как в детском спектакле. Выстрела не последовало. Радек снова нажал гашетку, и снова раздался лишь тихий металлический звук.

Дальше все пошло так быстро, что Эдна не успела ничего понять. Мегрэ, который казался малоподвижным и неуклюжим, стремительно прыгнул и обрушился на чеха всей своей тяжестью. Тот не устоял на ногах, и комиссар навалился на него. Несколько судорожных движений – и на руках Радека оказались стальные браслеты.

Теперь он лежал неподвижно. Комиссар встал на ноги.

– Как-никак сто кило, – сказал он. – Извините, мадам-муазель... Теперь все в порядке. У меня есть для вас лишнее такси, можете ехать домой. А нам с Радеком надо еще о многом побеседовать.

Чех поднялся с пола. Лицо его было бледным от бесильной ярости. Тяжелая лапа Мегрэ опустилась ему на плечо. Комиссар усмехнулся и спросил:

– Не так ли, мальчуган?

11. ДВЕ ШЕСТЕРКИ

С трех часов утра и до рассвета в кабинете Мегрэ на набережной Орфевр не гас свет. Полицейские изредка

подходили к двери и прислушивались: из кабинета доносились усталые, монотонные голоса.

В 8 утра комиссар приказал служителю принести в кабинет завтрак на двоих и позвонил на квартиру следователю Комелью.

В 9 часов дверь раскрылась, вышел Радек в сопровождении Мегрэ. Наручников на Радеке не было.

Оба выглядели одинаково утомленными, но ни на лице убийцы, ни на лице комиссара не было заметно и следов волнения.

– Сюда? – спросил Радек, дойдя до конца коридора.

– Сюда. Мы пройдем через Дворец правосудия, так будет ближе.

Мегрэ провел Радека в тюрьму предварительного заключения по коридору, которым пользовались только сотрудники префектуры. Формальности были выполнены быстро. Когда конвойный уводил Радека в камеру, Мегрэ посмотрел ему вслед, словно собираясь попрощаться, потом пожал плечами и медленно направился в кабинет следователя Комелью.

Следователь напрасно принял недовольный вид, когда в дверь к нему небрежно постучали. Комиссар ничуть не рисовался, лицо его не выражало ни ликования, ни насмешки. Просто он очень устал и осунулся, как человек, покончивший с трудной и утомительной работой.

– Вы позволите закурить?.. Благодарю. У вас здесь очень холодно.

Комиссар сердито посмотрел на батареи центрального отопления. В своем кабинете он заставил их снять и заменить старинной чугунной печкой.

– Все в порядке. Как я сказал вам по телефону, он признался во всем. Думаю, что никаких затруднений у вас с ним больше не будет: он хороший игрок и понимает, когда проигрывает.

Комиссар достал было листки с набросками для донесения, посмотрел на них, вздохнул и снова засунул в карман.

– Общая характеристика этого дела... – начал он и замолк. Фраза была слишком пышной для него. Он поднялся с кресла, заложил руки за спину и принялся шагать по кабинету следователя. – Дело, фальсифицированное с самого начала! Вот точное определение, хоть принадлежит оно не мне. Это формулировка убийцы. И, давая ее, убийца не понимал до конца, насколько он прав. Когда Жозеф Эртен был арестован, меня сразу поразило, что его преступление нельзя никак классифицировать. От не знал жертвы и ничего не украл. Он не был ни маньяком, ни садистом.

Я настоял на возобновлении следствия и увидел, что подделаны почти все данные. Они были подделаны умело, я сказал бы даже – научно, чтобы запутать следствие и заставить правосудие совершить чудовищную ошибку. А что сказать о настоящем убийце? Он еще более фальшив, чем спектакль, который разыграл. Вы не хуже меня знаете психологию самых различных злоумышленников. Так вот, этот Радек – совершенно новый, неизвестный нам тип преступника...

Последнюю неделю я прожил с ним бок о бок, почти не расставаясь. Я пристально наблюдал за ним, старался проникнуть в его мысли. И всю неделю он удивлял меня почти беспрестанно. Его склад ума не поддается принятой

у нас классификации. Вот почему он никогда не попался бы, если бы не испытывал странного желания быть схваченным.

Все необходимые улики он преподнес мне сам. Чувствовал, что губит себя, но не мог остановиться. И знаете что? Сейчас, в эту минуту, он испытывает облегчение.

Мегрэ говорил не громче, чем всегда, но в голосе его звучала безграничная убежденность, придававшая словам особую силу. За дверью, в коридоре, слышались шаги.

Иногда пристав громко выкрикивал чье-нибудь имя, иногда мимо кабинета грохотали жандармские сапоги.

– Этот человек убил. Но убил без определенной цели, просто чтобы убить. Я чуть не сказал – чтобы позабавиться. Не спорьте, сами убедитесь.

Мне кажется, много говорить он не будет. В лучшем случае ответит на ваши вопросы. Он заявил мне, что хочет теперь только одного – покоя. Впрочем, основные сведения о нем я могу дать.

Мать его была служанкой в маленьком чехословацком городке. Он рос и воспитывался на окраине, в доме, похожем на казарму. Потом учился в гимназии, получая различные благотворительные стипендии. Мне думается, еще мальчишкой он страдал от этого и возненавидел мир богатых, на который мог смотреть лишь снизу. Тогда же он уверовал в свою гениальность. И решил, что благодаря своему уму добьется богатства и известности.

Эта мечта привела его в Париж. Она же заставляла его брать деньги у матери, шестидесятилетней старухи с тяжелым заболеванием костного мозга, которая работала на него до последнего дня.

Он невероятно, чудовищно честолюбив. И его честолюбие еще подхлестывалось тем, что времени у него осталось немного. Радек – медик, он знал, что унаследовал от матери ее страшную болезнь и что жить ему – несколько лет.

Первые годы он работает как одержимый, профессора удивляются его способностям. Он никого не замечает, ни с кем не говорит. Он беден, но привык к бедности. Ходит на лекции без носков, в ботинках на босу ногу. Иногда разгружает овощи на Центральном рынке, чтобы заработать несколько су. Но его постигает катастрофа. Умирает мать, он больше не получает ни сантима. И сразу, без долгих размышлений, Радек отказывается от своих мечтаний. Он мог бы попытаться работать и учиться, как это делают многие студенты. Но Радек не идет на это.

Быть может, у него появилось сомнение, что никогда ему не стать гением, что будущего у него нет. А может быть, он потерял веру в себя?

Во всяком случае, он бросает университет и ничего не делает. Совершенно ничего! Таскается по пивным. Пишет письма дальним родственникам, выпрашивая у них деньги, не брезгует подачками благотворителей. Занимает деньги у земляков, цинично предупреждая их, чтобы они не рассчитывали на его благодарность.

Мир не понял его! И он ненавидит весь мир.

Все время он тратит на то, чтобы растить и вскармливать свою ненависть. Он сидит в монпарнассских кафе рядом со счастливыми, богатыми, здоровыми людьми. Он пьет кофе, а за соседними столами поглощают дорогие коктейли.

Думал ли он уже тогда о преступлении? Очень возможно. Двадцать лет назад он стал бы воинствующим анархистом, бросал бы бомбы в какой-нибудь европейской столице. Но анархизм сейчас не в моде.

Радек совершенно одинок и хочет быть одиноким. В одиночестве удобнее истязать себя. Чувство собственного превосходства, с одной стороны, и возмутительная несправедливость судьбы – с другой, служат ему источником извращенного наслаждения.

Он очень умен, но ум этот направлен прежде всего на отыскание слабостей в других людях.

Один из профессоров рассказал мне, что еще на первых курсах университета у него появилась отталкивающая страсть. Ему достаточно было поглядеть на человека несколько минут, чтобы определить все его болезни.

Он заявлял, например, со зловещей улыбкой ничего не подозревающему товарищу по курсу: «Через три года ты будешь в санатории для туберкулезных». Или: «Твой отец ведь умер от рака? Берегись».

Поразительное чутье диагноста! Но обращено оно было лишь на физические и моральные пороки. Сидя в своем уголке в баре «Купола», он развлекался тем, что ставил диагнозы присутствующим. Неизлечимо больной, он с радостью находил у других признаки заболеваний.

В поле его зрения попал Уильям Кросби, постоянно бывавший в этом баре. Радек блестяще нарисовал мне его портрет. Признаюсь, я видел в Кросби всего лишь богатого папенькиного сына, кутилу среднего масштаба. Но Радек сумел заглянуть глубже и нашел скрытую трещину.

Он показал мне Кросби, молодого, беззаботного, лю-

бящего жизнь и любимого женщинами. Но он же показал мне другого Кросби, готового на любую подлость, чтобы удовлетворить свою прихоть. Этот Кросби поощрял дружбу своей жены со своей же любовницей Эдной Рейхберг, твердо зная, что при первой возможности он разведется с первой и женится на второй.

И вот однажды жена и любовница оставили Кросби одного, они пошли в театр. В тот вечер Кросби не выглядел счастливым и беззаботным. Он и двое его приятелей, в которых у него не было недостатка, сидели в баре «Купола» за одним из крайних столиков. Кросби сказал со вздохом:

– Подумать только, какой-то идиот зарезал вчера торговку и забрал выручку – двадцать два франка. А я заплатил бы сто тысяч тому, кто освободит меня от моей тетушки.

Что это было? Грубая шутка? Или тайная мечта?

Радек сидел рядом и слышал все. Он ненавидел Кросби больше остальных, потому что Кросби выделялся из всех своим блеском. Он знал Кросби лучше, чем Кросби знал себя, а Кросби ни разу не посмотрел на Радека!

Радек встал и вышел. В уборной он написал карандашом записку:

«Договорились. За сто тысяч франков дело будет сделано. Пошлите ключ на инициалы М.В. до востребования, почтовое отделение на бульваре Распайль».

Он вернулся на свое место, официант подал Кросби записку. Тот прочел ее, засмеялся и продолжал разговаривать, пытливо рассматривая всех сидящих за соседними столиками. Через четверть часа племянник м-с Хендерсон потребовал рожок с костями.

– Будешь играть сам с собой? – пошутил один из его приятелей.

– Нет. Я загадал. Хочу проверить свое счастье. Если при первом броске выпадут две шестерки...

– Что тогда?

– Значит, да.

– Что «да»?

– А это уж я знаю.

Он долго тряс рожок дрожащей рукой, наконец выбросил кости.

– Две шестерки!

Он вытер ладонью мокрый лоб и отпустил шутку, которая прозвучала фальшиво. Вечером следующего дня Радек получил по почте коробочку с ключом.

Мегрэ устал и сел на стул, как всегда верхом, положив локти на спинку.

– Историю с шестерками рассказал мне Радек. Уверен, что все это правда, и Жанвье, которого я послал проверить, скоро придет с подтверждением. А теперь скажу еще кое-что – впрочем, я уже говорил вам об этом. Я собирал материал по крохам, преследуя Радека. А он, сам того не подозревая, давал мне в руки все новые доказательства: они-то и помогли мне постепенно восстановить картину.

Представьте себе Радека, когда он завладел ключом. Ему хочется заработать сто тысяч, но не меньше хочется насытить свою ненависть. И потом, Кросби, которым все любят, которому все завидуют, отныне у него в руках. Радек силен, Радек могуществен!

Вспомните, он уже ничего не ждет от жизни. Даже не знает, хватит ли ему денег до тех пор, пока смерть не уне-

сет его. И может быть, в один прекрасный вечер, когда нечем будет заплатить за кофе со сливками, ему придется прыгнуть в Сену. Чем он рискует, что теряет? Он – ничто! И ничто его не связывает. Я уже говорил вам, что двадцать лет назад он стал бы анархистом. Но в наше время Радек сидит среди возбужденной и капризной монмартрской толпы и часами мечтает о великолепном преступлении. Великолепное преступление!.. Пусть он больной бедняк, но все газеты будут писать только о нем, о каждом его шаге. Из-за него будет пущена в ход машина правосудия. Он убьет, и ненавистный Кросби будет дрожать.

И он, он один будет знать правду. Он будет сидеть перед чашкой кофе и наслаждаться своим могуществом! Но для этого прежде всего нужно не попасться. Поэтому самое надежное – подsunуть правосудию мнимого убийцу...

Однажды вечером в каком-то кафе ему встречается Эртен. Радек изучает его, как изучает всех окружающих. Он заговаривает с ним... У Эртена много общего с Радеком – он тоже беден и оторван от родной среды. Он мог бы спокойно жить при отцовской харчевне, но его потянуло в Париж. Он тяжелым трудом зарабатывает шестьсот франков в месяц и не знает никаких радостей. Его единственное убежище – мечты, он пожирает дешевые романы, часто ходит в кино и мечтает о необыкновенных приключениях.

Эртен абсолютно безволен и, конечно, не в силах оказать сопротивление Радеку. Чех сказал ему:

– Хочешь за одну ночь без всякого риска заработать столько, чтобы потом жить, не нуждаясь ни в чем?

Эртен трепещет, он уже в руках у Радека, а тот наслаждается своей силой и уговаривает, убеждает его пойти на

взлом. Подумаешь! Взломать пустую виллу, только и всего.

Они вместе разрабатывают план, и Радек продумывает каждый шаг своего сообщника. Это он посоветовал Эртену купить туфли на каучуке, они якобы делают походку бесшумной. На самом же деле он хочет быть уверен, что Эртен оставит на вилле четкие следы.

Вероятно, для Радека это была самая пленительная пора его жизни. Он чувствовал себя всемогущим, он, бедняк, который не может заплатить за аперитив! Он ежедневно сталкивался с Кросби, но Кросби не знал его. Однако он видел, что Кросби начинает трусить.

Знаете, господин Комельо, первым толчком к раскрытию убийства в Сен-Клу для меня была одна фраза из заключения судебно-медицинского эксперта. Мы всегда слишком поверхностно читаем акты экспертизы. И только четыре дня назад я вспомнил одну деталь. В протоколе сказано:

«Через несколько минут после смерти м-с Хендерсон тело ее, которое, по-видимому, находилось на краю кровати, упало на пол...»

Скажите, зачем убийце, после того как убийство совершено, прикасаться к телу, на котором не было ничего, кроме рубашки?

Но возвращаюсь к фактам, которые Радек подтвердил этой ночью.

Итак, он убедил Эртена проникнуть на виллу Хендерсонов точно в 2 часа 30 минут, подняться, не зажигая света, на второй этаж и войти в спальню. Радек поклялся Эртену, что на вилле не будет ни души. А драгоценности, сказал он, спрятаны в кровати под подушкой.

В 2 часа 30 минут Радек проник на виллу и убил обеих женщин ножом. Спрятал его в шкафу и спрятался сам, чтобы проследить за Эртенем. Тот точно следовал полученным инструкциям. Шаря в темноте, уронил труп с кровати, испугался и стал метаться по комнате, хватаясь за все окровавленными руками. Наконец нащупал выключатель, зажег свет и увидел труп, кровь и следы своих пальцев на всех стенах. В ужасе он бросился бежать. Внизу наткнулся на Радека, который, не скрывая издевки, зло-радно усмехался. Должно быть, между ними произошла страшная сцена. Но что мог сделать с Радеком простоватый и слабый Эртен? Он не знал, ни как зовут чеха, ни где он живет.

А Радек показал ему резиновые перчатки и войлочные туфли. Он-то не наследил.

– Тебе отрубят голову! – заявляет Радек. – Никто тебе не поверит. Никто тебе не поверит, и ты будешь казнен.

Они едут в такси, которое ждет их на другом берегу Сены, к Булонскому лесу, и там разговор продолжается.

– Если ты будешь молчать – я спасу тебя. Понимаешь? Я помогу тебе убежать из тюрьмы. Может быть, это будет через месяц, а может быть, и через три. Но это будет.

Через двое суток Эртена арестовывают, он тупо твердит, что ничего не знает, что не убивал. Он молчит. О Радеке он говорит одной лишь матери, ей одной.

Мать не верит ему!.. Это ли не лучшее доказательство того, что Радек был прав, что нужно действительно молчать и ждать помощи. Проходят месяцы, Эртен молчит, ему нередко мерещатся два трупа и липкая кровь, которую он ощутил на руках. Он держится до тех пор, пока однажды

ночью не приходят за его соседом. После его казни Эртен теряет остатки воли к сопротивлению. Отец не ответил на его письмо, запретил сестре и матери просить о свидании. Эртен один, с глазу на глаз со своими кошмарами.

И вдруг он получает записку с планом побега! Он, как автомат, выполняет все инструкции, но до последней минуты не верит в успех. Оказавшись на свободе, бесцельно бродит по городу и наконец засыпает мертвым сном в «Белой цапле». В камере особого надзора, в ожидании гильотины, люди спят плохо.

На следующий день он сталкивается с инспектором Дюфуром. Эртен чувствует в нем полицейского, ударяет его по голове тяжелой бутылкой и скрывается. Опять начинаются блуждания по Парижу. Свобода не принесла ему радости. Он не знает что делать, денег у него нет, никому он не нужен. Он ходит по кафе, где раньше встречал Радека, ищет его. Зачем? Чтобы убить? У него нет оружия, но он так возбужден, что способен задушить чеха. А может, он хочет попросить у Радека денег? Или Радек нужен Эртену просто потому, что больше ему не с кем поговорить?

Наконец он видит чеха в «Куполе». Его туда не пускают. Он ждет, бродит вокруг кафе, как безумец, как деревенский дурачок, иногда его бледное лицо прилипает к окну.

Радек выходит, но с ним двое полицейских. Тогда Эртен инстинктивно устремляется к родной норе, к харчевне в Нанди, куда ему запретили возвращаться. Полуживой, добирается он до сарая и бросается на солому. А когда отец приказывает ему убираться, как только стемнеет, Эртен пытается покончить с собой.

Мегрэ поднял плечи и проворчал:

– Боюсь, что парню не выправиться. Жить он будет, но трещина останется, ее не залечить. Из всех жертв Радека он, пожалуй, самая жалкая. Жертв этих много и было бы еще больше, если бы... Но я еще вернусь к этому.

Итак, преступление совершено. Эртен в тюрьме. Радек снова бродит по кафе, но денег с Кросби пока не требует. Во-первых, это опасно. Во-вторых, он привык к нищете, она необходима ему, потому что питает его ненависть к человечеству...

В «Куполе» Радек ежедневно встречается Кросби, который становится все мрачнее. Кросби не видел человека, написавшего ему записку. Он уверен, что убил Эртен, а Эртен попался. Он боится, что тот его выдаст.

Но нет! Эртен дает приговорить себя к смерти, не сказав ни слова. Его скоро казнят, и наследник м-с Хендерсон вздохнет наконец свободно.

А что происходит в душе Радека? Свое великолепное преступление он совершил. Все мельчайшие детали были тщательно продуманы, никому и в голову не приходит заподозрить его. Как ему и хотелось, во всем мире он один знает правду. Он смотрит на Кросби, сидящих в баре, и с наслаждением думает, что одного его слова достаточно, чтобы они затрепетали. И все же он не удовлетворен! Жизнь его остается такой же тусклой и монотонной. Да и что изменилось? Умерли две старые женщины, да одному придурковатому парню собираются отрубить голову. Не могу поклясться, но готов держать пари, что больше всего Радеку не хватает восторженных зрителей. Никто не говорит, когда он проходит мимо: «У него вид самого

обыкновенного человека, но он задумал и осуществил самое смелое преступление, какое когда-либо совершалось. Сбил с толку полицию, обманул правосудие и по своей воле распорядился судьбами многих людей».

Такое тщеславие присуще многим убийцам. Некоторым так необходимы были свидетели, что они изливались продажным женщинам...

Но Радек силен, он выше этого. Женщины тоже никогда его не интересовали. Однажды утром газеты сообщают о бегстве Эртена из Сайте. Радек встрепнулся. Наконец-то. Теперь он смешает все карты, он опять будет играть активную роль.

Он пишет в «Сиффле». Затем, испуганный внезапным появлением Эртена у «Купола», сам отдается в руки полиции.

Но он хочет, чтобы им восхищались, хочет славы. И заявляет: «Не ищите! Вы никогда ничего не поймете».

Это вроде головокружения. Он чувствует, что погубит себя, и сам приближает этот час. Сам допускает одну неосторожность за другой, словно какая-то внутренняя сила заставляет его идти навстречу казни. Ему нечего делать в этой жизни. Он приговорен болезнью. Его все раздражает и бесит. Он влачит нищенское существование. Он отлично понимает, что, начав его преследовать, я не остановлюсь на полпути. Мое появление вызывает в нем новую вспышку энергии. Актер получает зрителя! Радек принимается опутывать меня. Удалось же ему опутать Эртена и Кросби. Почему бы не попробовать одурачить и меня?

Чтобы сбить меня с толку, он рассказывает басни, подсовывает ложные версии. Такой выдумкой, в частности,

была версия о роли Сены, вблизи которой разворачивались все события драмы. А вдруг я сойду с истинного следа, вдруг ему удастся поколебать меня? И он начинает нагромождать эти ложные версии одну на другую. Живет как в лихорадке. Понимает, что погиб, но продолжает бороться, играть со смертью. И почему бы в эту игру не вовлечь и Кросби?

Вероятно, самому себе он все еще кажется могущественным полубогом. Он звонит американцу, получает от него свои сто тысяч и показывает их мне. Балансируя на краю пропасти, он испытывает острое, болезненное наслаждение. Заставляет Кросби в определенный час поехать в Сен-Клу. Приходится отдать должное его проницательности. Как вы сами понимаете, я ничего не говорил ему о своих намерениях, но он понял, что я решил начать исследование с нового осмотра места преступления. Итак, я отправляюсь в Сен-Клу и нахожу там Кросби, а как он объяснит мне свое присутствие на вилле?

Вполне вероятно, что он предвидел даже самоубийство Кросби, который сочтет себя разоблаченным. Вполне вероятно. Но и этого ему мало. Он опьянен своим могуществом. Он опасен. И поэтому после смерти Кросби я повсюду хожу следом за ним. С утра до ночи и с ночи до утра, всегда молчаливый и хмурый. А выдержка у него уже не та. Мелкие факты убеждают меня, что он катится по наклонной плоскости, но ненависть к людям не оставляет его. Он начинает глумиться над беззащитными, обижает нищенку, заставляет девчонок драться из-за тысячефранковой бумажки. Радек – актер, он все время косится: какое впечатление производит это на меня, его единственного зрителя?

Это – начало конца. В таком состоянии долго не останешься хладнокровным, ошибки появятся неизбежно. И он их совершает, как рано или поздно совершали все преступники.

Он убил двух женщин, убил Кросби. Погубил Жозефа Эртена. Но до своей гибели он хочет совершить еще не одно жертвоприношение. Однако я принимаю меры предосторожности. Я сажаю инспектора Жанвье в почтовое отделение отеля «Георг Пятый», чтобы он перехватывал всю корреспонденцию на имя миссис Кросби и Эдны Рейхберг и прослушивал все их телефонные разговоры. Дважды Радеку удавалось ненадолго отделаться от меня, и я догадываюсь, что он отправлял письма. Через несколько часов Жанвье приносил эти письма мне.

Вот они! Одно письмо адресовано миссис Кросби. В нем говорится, что убийство миссис Хендерсон было организовано ее мужем. В качестве доказательства к письму приложена коробочка с ключом от виллы и конверт, адрес на котором написан рукой американца. Радек знает законы. В письме сказано, что убийца ни в коем случае не может быть наследником своей жертвы. Это значит, что состояние миссис Кросби будет конфисковано. Он приказывает миссис Кросби приехать в полночь в «Белую цаплю», распороть матрац, вынуть оттуда оружие убийства и спрятать его в надежном месте. Если ножа там не окажется, она должна ехать на виллу и искать его в платяном шкафу. Заметьте, он прекрасно знает, что в матраце ничего нет и что миссис Кросби напрасно отправится в «Белую цаплю», но его снедает желание поиздеваться над другими, по мере того как ухудшается его положение. Он счастлив, что заставил богатую американку мчаться в бистро для бродяг.

Но и этого ему мало! Он идет дальше и раскрывает миссис Кросби измену ее мужа. Он сообщает, что Кросби был любовником Эдны Рейхберг, что он обещал жениться на ней. Кроме того, пишет он, Эдна знает правду! Она вас ненавидит, достаточно одного ее слова, и вы будете обречены на позор и нищету...

Мегрэ перевел дух и вытер платком взмокшее лицо.

— Вы скажете — глупо, нелепо? Нет! Скорее это напоминает кошмар. Недаром Радек долгие годы вынашивал планы утонченной мести человечеству. К тому же он предугадал почти все.

Другое письмо извещает Эдну Рейхберг о том, что миссис Хендерсон убил Кросби. Если она хочет избежать скандала, она должна в определенный час поехать на виллу и взять из платяного шкафа нож, единственную вещественную улику. Он добавляет, что миссис Кросби знала о преступлении мужа.

Повторяю, он казался себе полубогом, играющим судьбами людей. Ни одна из женщин не получила предназначенных им писем — их доставил мне Жанвье. Доказать, что письма написаны Радеком, я не мог бы: как и письмо в «Сиффле», они написаны левой рукой.

Тогда я поговорил с каждой из женщин и уговорил их осуществить один опыт, чтобы поймать убийцу миссис Хендерсон. Прежде всего, надо было в точности проделать все, что требовалось в письмах. Радек сам привез меня к «Белой цапле», а затем в Сен-Клу. Возможно, он предчувствовал, что это конец. Великолепный конец, как раз в его вкусе. Он ведь не знал, что письма перехвачены.

Миссис Кросби, потрясенная разоблачением мужа, ус-

талая после бесцельной поездки в бистро, входит в пустую виллу и проникает в ту самую комнату, где было совершено убийство. Представьте себе, в каком состоянии она столкнется лицом к лицу с Эдной Рейхберг. И в руках у нее будет кинжал. Я не уверен, что кто-нибудь из них пошел бы на убийство, но психологический расчет Радека был довольно точен.

Однако в моей режиссуре события развернулись по-другому. Миссис Кросби уехала из виллы одна. И Радек никак не мог понять, где Эдна? Что с ней случилось? Это заставило его пойти со мной. Он сам открыл шкаф. И увидел там не труп, а живую и здоровую шведку.

Он посмотрел на меня – и все понял. И тогда он сделал то, чего я ждал давно. Он выстрелил.

Комельо вытаращил глаза.

– Не беспокойтесь! Еще днем в уличной толчее я заменил пистолет Радека точно таким же, но незаряженным. Вот и все. Радек играл и проиграл...

Мегрэ раскурил погасшую трубку и встал, нахмутив лоб.

– Должен сказать, что проигрывать он умеет. Мы провели остаток ночи у меня в кабинете на набережной Орфевр. Я честно рассказал ему все, что знал, и он запирался не больше часа. А затем принялся рассказывать, и я смог заполнить все пробелы. Он все еще не прочь прихвастнуть. Он был абсолютно спокоен. Когда мы кончили, он хладнокровно спросил, казнят ли его. Я засмеялся, а он захохотал.

– Добейтесь этого непременно! – сказал он. – Вы мне окажете большую услугу. И потом, меня интересует одна

вещь. Как-то в Германии мне пришлось присутствовать при казни. Приговоренный все время держался отлично. Но в самый последний момент он все-таки начал плакать и кричать: «Мама!» Так вот, мне интересно: буду ли я звать маму? А как думаете вы?

Комиссар и следователь замолчали. Стал отчетливее слышен неясный гул Дворца правосудия, сливавшийся с отдаленным и мощным гулом Парижа.

Наконец следователь Комельо отодвинул лежавшее перед ним – больше для виду – досье.

– Хорошо, комиссар... – начал он, – я...

Следователь смотрел в сторону, щеки его порозовели.

– Я прошу вас забыть мою... мою...

Но Мегрэ надел свое черное драповое пальто, протянул следователю руку и сказал как ни в чем не бывало:

– Завтра я пришлю вам донесение. А сейчас мне надо зайти к Мерсу, я обещал показать ему эти письма. Он собирается подвергнуть их графологической экспертизе.

Прежде чем выйти, комиссар остановился в дверях и обернулся: следователь понуро сидел за столом. Тогда Мегрэ улыбнулся, и эта еле заметная улыбка была его единственной мстью.

12. ПАДЕНИЕ

Стоял январь. Было очень холодно. Все десять мужчин подняли воротники пальто и спрятали руки в карманы.

Некоторые приплясывали на месте, стараясь согреться, и перебрасывались короткими фразами. Все искоса поглядывали в одну сторону.

Мегрэ, втянув голову в плечи, держался поодаль от всех и казался таким сердитым, что никто не осмеливался с ним заговорить.

В домах, окружавших здание тюрьмы, кое-где зажглись огни. Наступал холодный рассвет, где-то пронзительно звенели трамваи.

Послышался шум приближающейся машины, затем звук хлопнувшей дверцы, топот сапог и отдаваемые вполголоса приказания. Журналист заочеченными пальцами что-то записывал в блокноте. Кое-кто отвернулся.

Из тюремной машины поспешно вышел Радек. Во дворе он остановился и огляделся. В предутренних сумерках его глаза казались совсем светлыми, цвета морской волны.

Его держали с обеих сторон, но это было излишне. Большими шагами он направился к эшафоту. Но тут он поскользнулся на заледеневшей лужице и упал. Не поняв, что случилось, стража навалилась на него. Они ожидали сопротивления.

Это длилось несколько секунд, но для осужденного, по-видимому, падение было мучительным. Он поднялся с выражением стыда на лице. Вся его самоуверенность и гордость исчезли.

Он увидел Мегрэ, которого просил присутствовать при казни.

– Вы пришли, комиссар...

Мегрэ отвел глаза.

Люди нетерпеливо задвигались. У всех нервы были напряжены, всем хотелось сократить тяжелую сцену.

Радек повернулся и посмотрел на лужицу, на которой

поскользнулся. Затем перевел глаза на эшафот и саркастически засмеялся:

– И тут неудача!

Те, кому предстояло оборвать жизнь Радека, неловко топтались вокруг, не смея торопить его. Кто-то откашлялся. За стеной, на улице, прогудела машина.

Радек сам двинулся вперед, ни на кого не глядя.

И остановился снова.

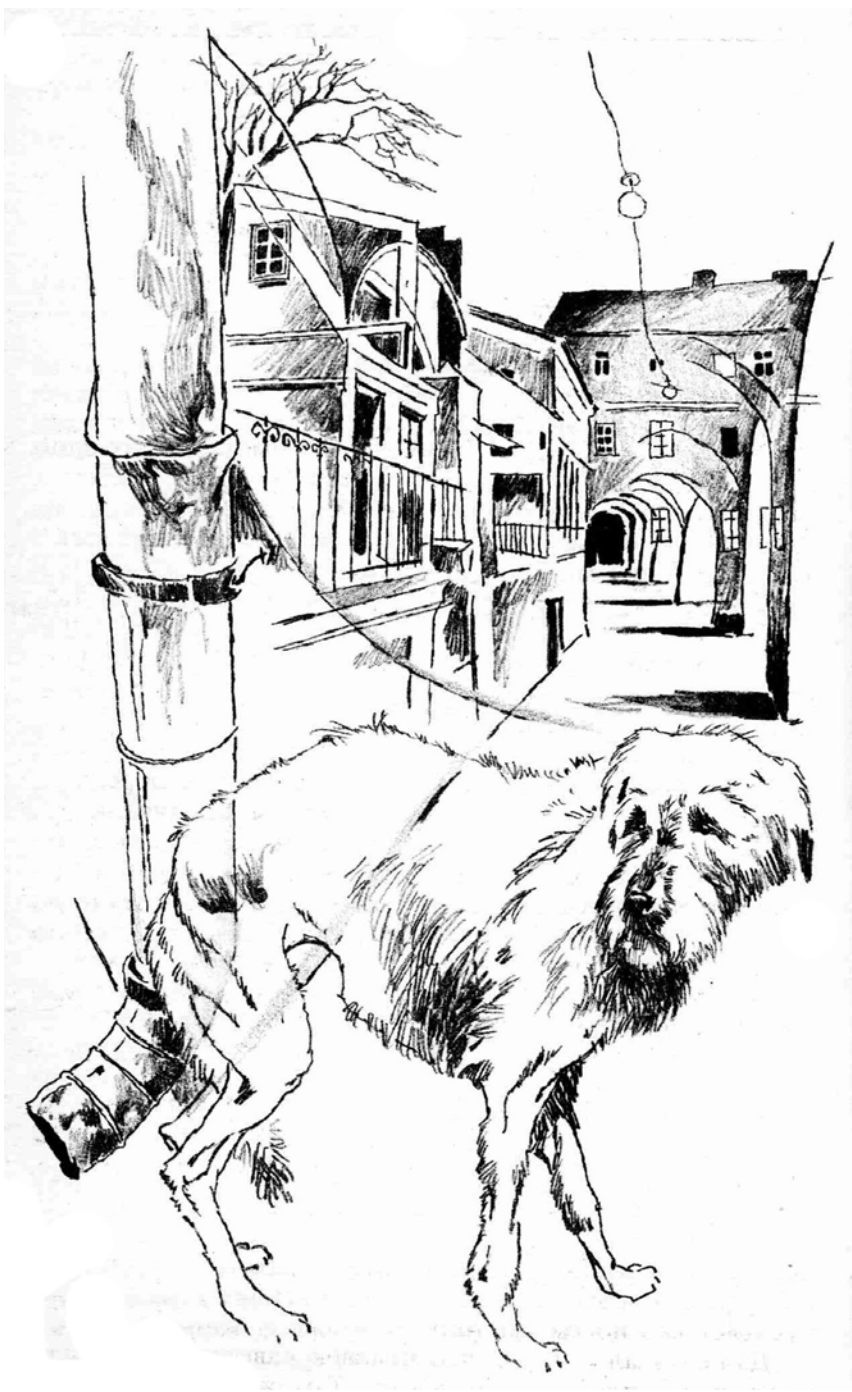
– Комиссар...

Еще минута – и наступит конец. Голос чеха звучал как-то странно:

– Вы пойдете сейчас домой. Вас ждет жена, она сварит вам кофе...

Мегрэ отвернулся от Радека, спрятал глаза. Это была правда! Он знал, что жена его встретит в маленькой нато-пленной столовой и горячий кофе будет стоять на столе.

Но тут он почувствовал, что не может идти домой. Он отправится в свой кабинет на набережной Орфевр. Там он засыпал углем печку, так что она раскалилась докрасна, и сидел, глядя на огонь, пока не наступил рассвет.

ЖЕЛТЫЙ ПЕС

ГЛАВА 1

ПЕС БЕЗ ХОЗЯИНА

Пятница, 7 ноября. Приморский городок Конкарно безлюден. За полуразрушенными остатками крепостной стены старая часть города погружена во тьму. Светится лишь циферблат огромных часов, показывающих без пяти минут одиннадцать.

Прилив сейчас достиг высшего уровня. Под порывистым юго-западным ветром барки в гавани стукаются друг о друга бортами. Похоже, начинается буря. Ветер со свистом врывается в узкие улицы, и видно, как белые обрывки бумаги стремительно несутся над самой землей.

На Эгильонской набережной нет ни огонька. Все окна и двери закрыты, все спят. Лишь на углу набережной и площади светятся три окна гостиницы «Адмирал».

На окнах нет ставень, сквозь толстые зеленоватые стекла с трудом можно различить силуэты посетителей. Дежурный таможенник, забившийся в свою будку, стоящую в ста метрах от гостиницы, мучительно завидует людям, которые засиделись в кафе.

Перед таможенником – гавань. В ней стоит торговый парусник, в конце дня укрывшийся в Конкарно от непогоды. На палубе никого нет. Лишь жалобно поскрипывают блоки, да плохо зарифленный фок вздувается и хлопает на ветру. Мерно шумит прибой, потом раздается перезвон громадных часов. Они бьют одиннадцать.

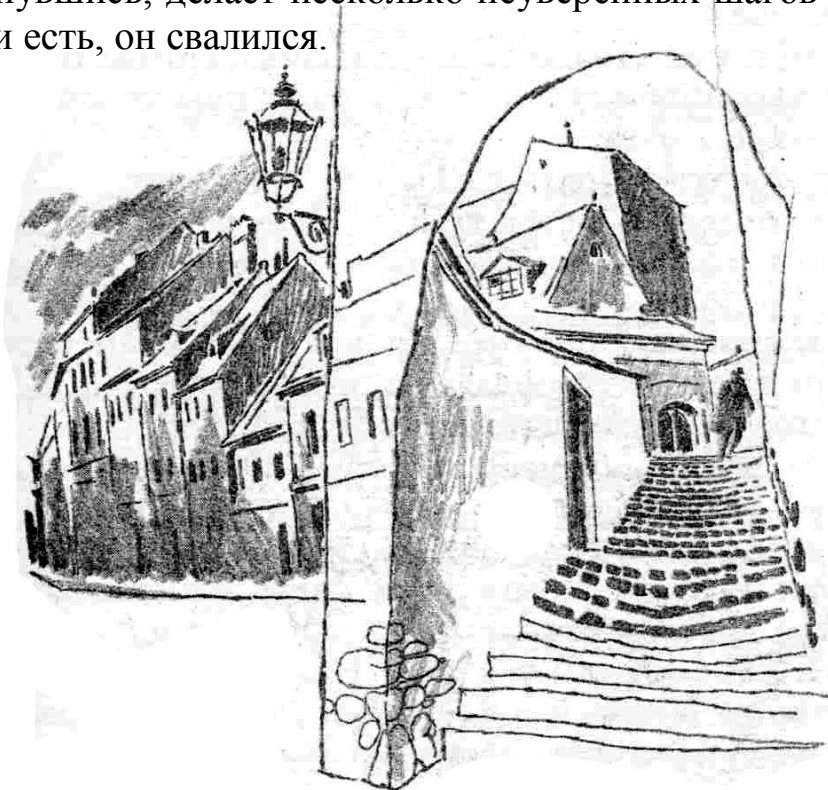
Дверь гостиницы открывается, в прямоугольнике света появляется человек. Он продолжает говорить с теми, кто остался в комнате. Вот он закрывает дверь, и сейчас же буря подхватывает его, треплет полы его пальто, срывает котелок с головы. Он успевает поймать котелок и нахлобучивает его по самые уши.

Даже издали видно, что человек навеселе. Ноги слушаются его плохо, он напеваает. Таможенник следит за ним и улыбается: на таком ветру пьяный пытается закурить сигару. Начинается забавная борьба человека с пальто, которое ветер твердо решил сорвать, и со шляпой, убегающей вдоль тротуара. Котелок удастся поймать, но десять спичек истрачено впустую.

Рядом с человеком — крыльцо в две ступеньки. Он поднимается на них и снова склоняется, защищаясь от ветра. Мелькнул короткий трепетный огонек. Пьяный зашатался и ухватился за ручку двери.

Таможеннику померещилось, что в посвист бури во-
рвался какой-то иной, странный звук, но он в этом не уве-
рен. И он смеется, видя, как пьяный, неправдоподобно
изогнувшись, делает несколько неуверенных шагов назад.
Так и есть, он свалился.

Он лежит поперек тротуара, голова его свисает в кювет,
по которому бежит дождевая вода. Таможенник ударяет по
бокам, чтобы согреть замерзшие руки, и сердито глядит на
хлопающий парус, который его раздражает.

Проходит минута, вторая. Таможенник опять посмот-
рел на пьяницу. Тот лежит неподвижно, и большой, неиз-
вестно откуда взявшийся пес обнюхивает его лицо.

— Только тут я понял, что дело неладно! — скажет
позднее таможенник, давая показания на следствии.

Почти немедленно после этого началась такая беготня, что описать невозможно. Таможенник подошел к лежащему с опаской: присутствие пса, крупного животного желтой масти и свирепой наружности, настораживало. Газовый фонарь горел шагах в восьми. Сначала таможенник не заметил ничего особенного, но, приглядевшись, увидел, что на светлом пальто пьяного зияет дыра, из которой медленно течет густая, темная кровь.

Таможенник бросился к дверям кафе и распахнул их. Там было почти пусто. Официантка подремывала, облокотясь на кассу. За мраморным столиком двое мужчин, вытянув ноги и откинувшись на спинки стульев, докуривали сигареты.

— Скорее!.. Там убили человека!.. Я ничего не понимаю... — Таможенник обернулся и увидел, что желтый пес вошел следом за ним и улегся у ног официантки.

На лицах мужчин сначала отразилась растерянность, потом ужас.

— Это ваш друг, он только что вышел отсюда!..

Через полминуты три человека склонились над неподвижным телом. Мэрия, где находится жандармский пост, в двух шагах, а таможенник полон энергии. Он сбегал за жандармами, а теперь повис на звонке у дома врача. Он повторяет одно и то же: случившееся вновь и вновь проходит перед его глазами.

— Он пошатнулся, как пьяный, и сделал назад шага три, не меньше. — Вокруг тела уже стояли человек шесть... Потом семь... девять... Всюду приоткрываются окна, хлопают ставни, слышатся тихие голоса.

Врач опускается в грязь на колени и говорит:

– Пистолетный выстрел в упор. Пуля осталась в животе, надо немедленно оперировать. Позвоните в больницу.

Теперь все узнали раненого. Это некий мосье Мостагэн, крупнейший в городе судовладелец и виноторговец. Добродушный толстяк, всеобщий друг и любимец.

Подошли два полицейских в форме. Один из них даже не успел разыскать свою фуражку. Они в нерешительности, не знают, как приступить к расследованию.

Заговорил мосье Ле-Поммерэ, и сразу же становится ясно, что это человек уважаемый и почтенный.

– Мы в кафе играли в карты. Нас было четверо: я, Сервьер, доктор Мишу и... и он. Доктор ушел первым, полчаса назад. А Мостагэн, поскольку боялся жены, покинул нас ровно в одиннадцать часов...

Положение трагикомическое: все слушают мосье Ле-Поммерэ, о раненом забыли. А он внезапно открывает глаза, пытается приподняться и удивленно спрашивает:

– Что случилось?

Голос его такой слабый и жалобный, что официантка не может сдержать истерического смеха. Судороги сводят тело раненого. Губы его беззвучно шевелятся, мышцы лица напрягаются, доктор поспешно готовит шприц для укола.

Под ногами вертится желтый пес. Кто-то удивляется:

– Откуда взялась эта тварь?

– В первый раз вижу.

– Наверное, корабельная собака. – Загадочное происшествие даже пса делает каким-то таинственным. Может, потому, что он необычного грязно-желтого цвета? Пес на высоких ногах, очень худой и мордой похож не то на цепную дворнягу, не то на немецкого дога.

В пяти метрах от тесной кучки людей полицейские допрашивают таможенника, единственного свидетеля происшествия. Полицейские осматривают злополучное крыльцо. Оно ведет в большой богатый дом, ставни которого закрыты наглухо. На правой створке двери наклеено объявление, сообщающее, что дом будет продаваться с аукциона 18 ноября.

«Первичная оценка – 80000 франков...»

Сержант долго возится с замком, но не может его открыть. Тогда владелец соседнего гаража отверткой вывинчивает замок.

Подъезжает санитарная машина, мосье Мостагэна укладывают на носилки и увозят. Теперь зевакам нечем заняться, разве что пустым домом...

В доме не живут около года. В коридоре стоит тяжелый запах порохового и табачного дыма. При свете карманного фонаря полицейские находят на плиточном полу следы грязи и пепел от сигареты. Кто-то долго караулил здесь, за запертой дверью.

Мужчина в пальто, надетом прямо на пижаму, говорит ясене:

– Идем домой, больше смотреть не на что. Остальное узнаем завтра из газет... Раз мосье Сервьер здесь...

Сервьер – толстенький человечек в бежевом пальто. Он сидел в кафе вместе с мосье Ле-Поммерэ. Сервьер – редактор «Фар де Брест³» – каждое воскресенье дает свой материал в отделе юмора.

Сейчас в руках у него записная книжка, и вопросы,

³ «Брестский маяк».

которые он задает полицейским, больше похожи на распоряжения.

В коридор выходит несколько дверей, но все они закрыты на ключ. Лишь самая дальняя, выходящая в сад, открыта настежь. Сад окружен каменной стеной не выше полутора метров. По другую сторону ее – переулок, ведущий на Эгильонскую набережную.

– Отсюда пришел убийца! – провозглашает мосье Жан Сервьер.

* * *

На следующий день комиссар Мегрэ с весьма приблизительной точностью восстановил порядок событий. Месяц назад он прибыл в командировку в город Ренн, где необходимо было перестроить работу уголовной полиции. Там и застал его тревожный звонок мэра Конкарно.

Мегрэ приехал в Конкарно, прихватив с собой реннского инспектора Леруа, с которым ему еще не приходилось работать.

Буря все еще не кончилась. Ветер гнал с моря обрывки свинцовых туч. Над городом он вспарывал им животы, и из них лился ледяной дождь. Ни один корабль не вышел из порта, и пронесся слух, что в открытом море, на широте островка Гленан, какое-то судно терпит бедствие.

Мегрэ остановился в «Адмирале», который считался лучшей гостиницей города. Было всего пять часов, но тьма уже окутала Конкарно. Мегрэ спустился в кафе – длинный зал довольно мрачного вида. Неровный пол был посыпан опилками, зеленые отблески оконных стекол падали на мраморные столики.

Большинство столиков было занято. Среди посетителей сразу можно было узнать постоянных, солидных клиентов. К их разговорам прислушивались.

Навстречу комиссару из-за столика поднялся круглолицый, круглоглазый, улыбающийся человек.

– Комиссар Мегрэ? Мой друг мэр известил меня о вашем прибытии. Я много слышал о вас... Разрешите представиться – Жан Сервьер. Хм... вы ведь парижанин? Не так ли? Я тоже! Я много лет руководил знаменитой «Рыжей коровой» на Монмартре, сотрудничал в «Пти Паризьен», в «Эксцельсиоре», в «Депеше»... Я был связан теснейшей дружбой с одним из ваших начальников, милейшим Бертраном... Уже год как он в отставке и огородничает у себя в Ньевре... Я последовал его примеру и, так сказать, ушел в частную жизнь... Правда, я сотрудничаю в «Фар де Брест», но это просто так, для развлечения...

Он подпрыгивал и размахивал руками.

– Разрешите, я вас представляю нашей компании... Последняя четверка веселых ребят в этом городе! Вот мосье Ле-Поммерэ, нераскаянный волокита, рантье и вице-консул Дании...

Человек, поднявшийся из-за столика и протянувший руку Мегрэ, был одет, как деревенский дворянин: клетчатые бриджи для верховой езды, до блеска начищенные краги и вместо галстука – шарф из белоснежного пике. У него были красивые серебряные усы, гладко прилизанные волосы и белая кожа, лишь на скулах приобретающая лиловатый, апоплексический оттенок.

– Весьма польщен, комиссар...

Жан Сервьер продолжал:

– Доктор Мишу... Сын покойного депутата. Врач он только по бумагам, ибо сроду не занимался практикой. Берегитесь, чтобы он не продал вам земельный участок, ему принадлежат лучшие земли Конкарно, а может быть, и Бретани...

Холодная, влажная рука. Острое, как клинок ножа, лицо, кривоватый нос. Рыжие волосы успели поредеть, хотя доктору вряд ли больше тридцати пяти лет.

– Что вы будете пить?

Мегрэ присел к столу

Помощник его, инспектор Леруа, в это время наводил справки в жандармерии и муниципалитете

Комиссару показалось, что не только табачный дым, но и еще что-то серое и туманное повисло в воздухе кафе. В

раскрытую дверь был виден обеденный зал. Служанки в бретонских костюмах накрывали столы к обеду

Вдруг Мегрэ заметил желтого пса, мирно лежавшего на полу возле кассы. Потом, медленно подняв глаза, он увидел черную шерстяную юбку, белый фартук, усталое лицо. Женщина не была хороша собой, но было в ее лице нечто такое, что заставило комиссара поглядывать на нее во время дальнейшего разговора.

Впрочем, стоило ему отвернуться, как сама официантка впивалась в него беспокойным, лихорадочным взглядом

– Бедняга Мостагэн чертовски боится своей жены, но он чудеснейший парень на свете! И хотя я понимаю, что жизнь его на волоске, мне все время кажется, что все это скверная шутка или какая-то страшная ошибка...

Сервьер разглагольствовал без конца. Ле-Поммерэ фамиллярно крикнул:

– Эй, Эмма!..

Официантка подошла.

– Итак, господа?... Что будете пить?

Бутылки на столе уже наполовину опустели.

– Теперь час аперитива, – сказал журналист, – стало быть, час перно! Дай нам всем перно, Эмма! Согласны, комиссар?

Доктор Мишу сосредоточенно разглядывал свои за-
понки.

– Кто мог предвидеть, что Мостагэн полезет на это крыльцо, чтобы закурить сигару? – продолжал Сервьер своим звучным голосом. – Никто, не так ли? Ле-Поммерэ и я живем совсем в другой стороне и не ходим мимо этого пустого дома. А кроме нас троих, в этот час обычно весь

город спит! У Мостагэна не было и не могло быть врагов, он – само добродушие, сама мягкость... Орден Почетного легиона в положенное время – ни о чем другом он и не мечтал!..

– А как операция?

– Надежда еще есть... Самое смешное, что его жена устроила ему скандал в больнице! Она уверена, что в него стреляли из ревности. Можете себе представить? А бедняга настолько запуган, что не посмел бы ущипнуть собственную машинистку!

– По двойной порции! – сказал Ле-Поммерэ официантке, разливавшей в стаканы скверную имитацию абсента. – И принеси нам льду, Эмма!..

Кафе опустело, близился час обеда. Порыв холодного ветра ворвался в дверь, в столовой на столах захлопали скатерти.

– Я написал по поводу убийства статью и тщательно изучу все гипотезы. Приемлема только одна: мы имеем дело с буйно помешанным... Но мы знаем весь город и знаем, что в нем рассудка никто не терял... Мы бываем здесь каждый вечер. Иногда, когда нужен партнер для бриджа, мы посылаем за часовым мастером, он живет через два дома...

– А что это за собака?

Журналист пожал плечами.

– Никто не знает, откуда она взялась... Вчера мы думали, что она с парусника «Святая Мария»... Оказывается, нет. У них на борту есть пес, но он – чистокровный водолаз. А этот... Держу пари, что ни один знаток не скажет, какой породы эта мерзкая тварь!

Продолжая говорить, журналист взял графин и подлил воды в стакан комиссара.

– Официантка здесь давно? – вполголоса спросил комиссар.

– Давно.

– Она не выходила отсюда вчера вечером?

– Она не трогалась с места. Ждала, когда мы кончим партию и пойдем спать... А мы с Ле-Поммерэ разговорились о добром старом времени, когда мы были молоды и красивы, и женщины любили нас без денег. Верно, Ле-Поммерэ?.. Молчит... А ведь когда заходит разговор на эту тему, Ле-Поммерэ согласен ночь не спать. Вы в этом убедитесь, когда познакомитесь с ним поближе. Знаете, как мы называем его дом напротив рыбного рынка? «Дом непристойностей», ха-ха-ха...

– Ваше здоровье, комиссар, – не без смущения сказал тот, о ком шла речь.

Тут Мегрэ заметил, что доктор Мишу, до сих пор не раскрывший рта, поднял свой стакан и начал рассматривать его, держа против света. Лоб его нахмурился, бескровное лицо заострилось еще больше и выражало крайнюю тревогу.

– Одну минуту! – сказал он после долгого колебания. – Подождите пить...

Он долго обнюхивал стакан, затем окунул в него кончик пальца, прикоснулся к нему языком и сплюнул. Сервер захохотал во все горло:

– Так и есть! Он испугался истории с Мостагэном!..

– Итак, доктор? – спросил Мегрэ.

– Мне кажется, нам лучше не пить... Эмма!.. Сбегай к

аптекарю и скажи, что я прошу его немедленно прийти... Даже если он сел обедать...

По кафе прошел холодок. Зал стал еще более мрачным и пустынным. Ле-Поммерэ нервно теребил усы. Даже журналист заерзал на стуле.

– Что ты придумал?

Доктор угрюмо молчал, продолжая рассматривать жидкость в стакане. Затем он поднялся, взял со стойки бутылку и стал разглядывать ее на свет. Мегрэ тоже посмотрел и увидел несколько крошечных белых зернышек, плававших в жидкости.

Официантка вернулась, следом за ней с полным ртом вошел аптекарь.

– Слушайте, Кердивон... Надо немедленно сделать химический анализ содержимого этой бутылки и этих стаканов.

– Сегодня?

– Сию же минуту!

– Какие реакции я должен проверить? Что вы предпочитаете?

Мегрэ был поражен: бледный признак ужаса возник в зале с удивительной быстротой. В одно мгновение остыла теплота взглядов, румянец на скулах Ле-Поммерэ казался грубо нарисованным.

Официантка, облокотясь о кассу, мусолила карандаш и подсчитывала колонки цифр в черной клеенчатой книжке.

– Ты сошел с ума! – закричал Сервьер, но голос его прозвучал фальшиво. Аптекарь держал в одной руке стакан, в другой – бутылку.

– Стрихнин... – тихо сказал доктор.

Он вытолкнул аптекаря за дверь и вернулся к столу изжелта-бледный, с низко опущенной головой.

– Почему вы решили позвать его?.. – начал Мегрэ.

– Не знаю... Случайно я увидел белую крупинку в своем стакане... Мне не понравился запах...

– Коллективное самовнушение! – уверенно сказал журналист. – Достаточно написать об этом в газете – и все кабаки Франции окажутся на грани разорения...

– Вы всегда пьете перно?

– Всегда перед обедом... Эмма настолько привыкла к этому, что, не дожидаясь заказа, подает новую бутылку, как только пустеет прежняя... У нас свои привычки... Вечером мы пьем кальвадос...

Мегрэ подошел к стойке и стал искать бутылку кальвадоса.

Ему крикнули:

– Не та!.. Ищите пузатенькую...

Он нашел бутылку, поднял ее к свету и увидел в кальвадосе несколько белых крупинок. Говорить было излишне, все поняли и так.

Вошел инспектор Леруа и сказал безразличным голосом:

– Жандармы не заметили ничего подозрительного. Бродяг вокруг города не обнаружено. Люди в полном недоумении.

Он удивился, так как никто ему не ответил, и только тогда понял, что тревога сжимает горло каждого. Табачный дым медленно вился вокруг электрических лампочек. Старый бильярд показывал зеленое сукно, похожее на истоптанный газон. Окурки сигар валялись на заплыванном полу среди опилок.

– Семь и один в уме... – бормотала Эмма, слюнявя карандаш.

Вдруг она подняла голову, крикнула: «Иду, мадам!» – и исчезла в задних комнатах.

Мегрэ набивал свою трубку. Доктор Мишу упорно смотрел в пол, и нос его казался еще более кривым, чем обычно. Краги Ле-Поммерэ сверкали, точно он никогда не ходил по земле. Жан Сервьер пожимал плечами, ведя молчаливый спор с самим собой.

Появился аптекарь с бутылкой, и все взгляды устремились к нему.

По-видимому, он бежал, так как еле переводил дух. В дверях он лягнул ногой, проворчав:

– Мерзкая собака!..

Едва войдя в кафе, он сказал:

– Плохи дела, господа! Надеюсь, никто не пил из этой бутылки?

– Что вы нашли?

– Стрихнин! Яд был всыпан в бутылку не более получаса назад!

Он с ужасом посмотрел на еще полные стаканы и пятерых мужчин, молча сидевших вокруг стола.

– Что это значит, господа? Это неслыханно! Черт возьми, имею же я право знать! Ночью рядом с моей аптекой убивают человека... А сейчас – это...

Никто не ответил. Мегрэ встал и взял бутылку из рук аптекаря. Вернулась Эмма, и снова над кассой появилось ее узкое равнодушное лицо. Как всегда, под глазами у нее были черные круги, тонкие губы поджаты, а белый бретонский чепец съехал с плохо причесанных волос. Эмма поправляла его поминутно, но он неизменно сползал.

Ле-Поммерэ крупными шагами ходил по комнате, любясь отблеском света на новеньких крагах. Жан Сервьер сидел неподвижно, уставясь на стаканы. Вдруг он взорвался и крикнул, словно хотел заглушить рыдание:

– Дьявольщина!..

Доктор взглянул на него и еще больше сгорбился.

ГЛАВА 2

ДОКТОР В ХАЛАТЕ

Инспектору Леруа было только двадцать пять лет. Он походил скорее на тех, кого принято называть «хорошо воспитанными молодыми людьми», чем на полицейского.

Леруа недавно окончил полицейскую школу и теперь вел свое первое дело. Он смотрел на Мегрэ грустными глазами, пытаясь незаметно привлечь его внимание. Наконец он не выдержал и, покраснев, тихо сказал:

– Простите меня, комиссар... Но отпечатки пальцев...

Он, очевидно, подумал, что его начальник принадлежит к старой школе и недооценивает научные методы расследования, потому что Мегрэ глубоко задумался и небрежно бросил:

– Сделайте одолжение!..

Инспектор Леруа тотчас же исчез. Как сокровище, отнес он бутылку и стаканы к себе в комнату и провел вечер за изготовлением образцовой упаковки по схеме, которая всегда была при нем, и которая гарантировала полную сохранность отпечатков при перевозке предмета.

А Мегрэ тем временем сидел в углу кафе. Хозяин гос-

тиницы, в белой блузе и поварском колпаке, оглядывал зал с видом земледельца, подсчитывающего убытки после циклона.

Когда аптекарь умолк, остальные зашептались. Жан Сервьер поднялся первым и нахлобучил шляпу.

– Все это хорошо, но я человек женатый, и мадам Сервьер ждет меня... До скорого, комиссар!..

Ле-Поммерэ прервал свою прогулку по залу.

– Подождите меня, я тоже иду обедать... Ты остаешься, Мишу?

Доктор только пожал плечами. Аптекарью очень льстило играть первую скрипку. Мегрэ услышал, как он говорил хозяину:

– ...разумеется, необходимо взять анализ содержимого всех бутылок!.. И раз здесь есть представитель полиции, он может мне это предписать!..

На стойке и на шкафу стояло не меньше шестидесяти бутылок разных аперитивов и ликеров.

– Ваше мнение, комиссар?

– Пожалуй... Это не мешает...

Аптекарь был маленький, тощий и нервный человечек. Он делал движений в два раза больше, чем это было нужно. Принесли корзинку, чтобы сложить в нее бутылки. Аптекарь позвонил в кафе Старого города и попросил передать своему помощнику, чтобы тот явился немедленно.

С непокрытой головой, он озабоченно бегал между гостиницей и прилавком своей аптеки, перетаскивая бутылки, и еще успевал перекинуться словечком с зеваками, собравшимися на тротуаре.

– А я? – застонал хозяин. – Что будет со мной, если у

меня заберут все напитки?.. Обедов и так никто не заказывает... Вы будете обедать, комиссар?.. Нет? А вы, доктор? Или вы пойдете домой?

– Нет. Моя мать в Париже, а служанка в отпуске...

– Значит, вы будете ночевать у нас?..

* * *

Шел дождь. Черная грязь покрыла улицы, и ветер сердито трепал занавеси на окнах. Мегрэ пообедал в столовой гостиницы. Через два столика от него с похоронным видом ел доктор.

Сквозь зеленые стекла виднелись лица любопытных, иногда они прилипали к окну. Официантка отлучилась на полчаса – наверное, тоже обедала. Затем она появилась на своем обычном месте возле кассы и оперлась на нее локтем, перебросив полотенце через руку.

– Дайте-ка мне бутылку пива! – сказал ей Мегрэ.

Пока он пил, он ощущал на себе внимательный взгляд доктора. Тот, казалось, ожидал признаков отравления.

Жан Сервьер больше не показывался, как и обещал, Ле-Поммерэ тоже. Кафе опустело, никто не рисковал заходить в него, а тем более пить. На улице клятвенно заверяли, что бутылки отравлены все до одной.

– Хватило бы, чтобы умертвить весь город!..

Со своей виллы на Белых песках позвонил мэр. Он хотел точно знать, что происходит. Последовал неопределенный ответ, и вновь воцарилось унылое молчание. Доктор Мишу сидел в углу и просматривал газеты. Официантка застыла на месте. Мегрэ невозмутимо курил. Время от времени в кафе заглядывал хозяин – хотел, видимо, удостовериться, что новой трагедии не случилось.

Городские часы исправно отзванивали положенное время, на улице затихли шепот и шаги любопытных. Слышались лишь монотонные жалобы ветра да шум дождя, стучавшегося в окна.

– Вы ночуете здесь? – спросил у доктора Мегрэ. Его громкий голос прозвучал так неожиданно, что доктор и официантка вздрогнули.

– Иногда... Я живу с матерью в трех километрах от города, в огромной пустой вилле... Мать уехала на несколько дней в Париж, а служанка отпросилась в деревню, у нее женится брат...

Доктор встал и после небольшой паузы сказал поспешно:

– Доброй ночи!

Он поднялся по лестнице на второй этаж. Слышно было, как он вошел в комнату, расположенную как раз над комнатой Мегрэ, как упали на пол снятые башмаки. В кафе не осталось никого, кроме комиссара и официантки.

– Поди-ка сюда, – сказал Мегрэ, откидываясь на спинку стула.

Официантка подошла и остановилась перед ним. Ее поза, ее движения казались заученными.

– Присядь... Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре...

Она была как-то преувеличенно скромна. Вечно опущенные глаза, бесшумная, скользящая походка, желание быть незаметной и привычка вздрагивать при каждом окрике – все это вполне вязалось с внешностью замарашки, запуганной и забитой. И все же в ней чувствовалась гордость, которую она всячески старалась подавить.

Малокровная и плоскогрудая, она была почти полностью лишена женской соблазнительности. И тем не менее что-то неясное, болезненное и унылое привлекало в ней.

– Что ты делала раньше, до этого кафе?

– Я сирота... Мой отец и брат погибли в море, на барке «Три волхва»... Мать умерла давно. Я работала продавщицей в писчебумажном магазине на Почтовой площади...

Почему у нее такой тревожный взгляд?

– У тебя есть дружок?..

Она молча отвернулась. Не спуская глаз с ее бледного лица, Мегрэ курил, медленно потягивая пиво.

– Наверное, клиенты пристают к тебе... Особенно постоянные, вроде тех, что сейчас ушли отсюда... Они бывают здесь каждый вечер и любят красивых девушек... Ну-ка, признавайся! Который из них?

Поблуднев еще больше, она прошептала с усталой гримасой:

– Да нет... Никто... Разве только доктор...

– Вот как... Ты живешь с ним?

Она доверчиво посмотрела на него.

– Нет. Когда он здесь ночует, он требует, чтобы я опраивляла ему постель...

Давно уже Мегрэ не приходилось выслушивать такой лаконичной исповеди.

– Он делал тебе подарки?

– Раз или два, когда уговаривал меня, чтобы я пришла к нему в свой свободный день... В последний раз это было позавчера... Он пользуется тем, что мамаша уехала... У него много женщин...

– А мосье Ле-Поммерэ?

– То же самое... Правда, у него я была только один раз, и то давно... Я пришла, а у него уже была девушка с консервной фабрики... И я ушла... Эти господа меняют девушек каждую неделю...

– А мосье Сервьер?

– Мосье Сервьер человек женатый, он совсем другое дело... Он ездит кутить в Брест. А здесь он только шутит да иногда ущипнет меня мимоходом...

Дождь не прекращался. Где-то очень далеко выла сирена корабля, разыскивавшего в тумане вход в порт.

– У вас всегда такая тоска?

– Что вы! Это зимой господа остаются одни и скучают. Только иногда разопьют бутылочку с каким-нибудь коммивояжером... А летом здесь полно приезжих. Наши господа гуляют с ними, пьют шампанское, ездят по богатым виллам... Летом здесь много машин, много красивых женщин, и мы сбиваемся с ног. Вместо меня в кафе работают три официанта, а я сижу в погребе и отпускаю вино...

Чего она ждала, чего искал ее тревожный взгляд? Она сидела в неудобной позе, на краешке стула, готовая вскочить по первому сигналу.

Прозвучал жиденский звонок. Эмма посмотрела на электрическое табло, помещавшееся над кассой, и перевела глаза на комиссара.

– Вы позволите?

Мегрэ кивнул. Эмма поднялась по лестнице, и в комнате доктора послышались приглушенные голоса.

С улицы вошел аптекарь, он был слегка навеселе.

– Все в порядке, комиссар! Сорок восемь бутылок проверено. И, могу поклясться, проверено на совесть! Яд

обнаружен только в перно и кальвадосе... Хозяин может забрать остальные бутылки... А что скажете вы, комиссар? Дело рук анархистов, не так ли?..

Вернулась Эмма, вышла на улицу, закрыла ставни и села за кассу. Как только за аптекарем захлопнулась дверь, Мегрэ шутливо спросил:

– Ну как?

Эмма отвернулась, не отвечая. В позе ее было столько неожиданного целомудрия, что Мегрэ смутился. Он понял, что если задаст еще один вопрос, Эмма зальется слезами.

– Покойной ночи, девочка! – сказал он ласково.

* * *

Когда утром комиссар спустился в зал, ему показалось, что он встал слишком рано – таким темным было покрытое облаками небо. В окно он увидел пустынную гавань. Одинокий кран медленно разгружал баржу с песком. Редкие прохожие в непромокаемых плащах бежали по улицам, прижимаясь к стенам домов.

На середине лестницы Мегрэ встретил только что приехавшего коммивояжера. Носильщик с трудом тащил его чемодан.

Эмма подметала кафе. На мраморном столике остывала на дне чашки кофейная гуща.

– Инспектор? – спросил Мегрэ.

– Да. Он узнал у меня дорогу на вокзал и потащил туда огромный пакет.

– А что доктор?

– Проснулся. Я подала ему первый завтрак. Он нездоров и не хочет вставать...

Метла Эммы продолжала вздымать пыль, смешанную с опилками.

— Что вам подать?

— Черного кофе.

Чтобы попасть на кухню, ей пришлось пройти мимо Мегрэ. Он положил ей на плечи свои огромные лапы, повернул к себе и хмуро, но в то же время ласково посмотрел ей в глаза:

— Слушай, Эмма...

Она робко попыталась сбросить его руки и осталась стоять неподвижно, съежившись и стараясь казаться как можно меньше.

— Ты что-то знаешь, я вижу... Молчи!.. Я не хочу, чтобы ты лгала. Ты славная девочка, и я не хочу, чтобы у тебя были неприятности... Посмотри-ка на меня!.. Бутылка, да? Ну, а теперь говори!..

— Клянусь вам...

— Не клянись.

— Это не я!

— Я знаю, черт возьми, что не ты!.. А кто?

Веки ее мгновенно покраснели, брызнули слезы. Нижняя губа задрожала, и лицо официантки стало таким жалким, что Мегрэ отпустил ее.

— Доктор опять приставал к тебе?

— Нет! Он позвал меня, но... совсем не для того...

— А что ему было нужно?

— Он меня спрашивал, как и вы... Только он угрожал... Он хотел знать, кто брал бутылку. Он чуть не избил меня... А я ничего не знаю!.. Клянусь жизнью матери, я ничего не знаю!..

– Ладно. Принеси мне кофе.

Было восемь часов утра. Мегрэ прогулялся по городу и зашел купить себе трубочного табаку. Он вернулся около десяти часов и застал в кафе доктора. Тот был в халате и туфлях, шея его была повязана пестрым фуляровым платком. Лицо доктора осунулось, рыжеватые редкие волосы были растрепаны.

– Что с вами, доктор? Похоже, вы не в своей тарелке...

– Я заболел. Этого следовало ожидать, у меня больные почки. Если только я поволнуюсь хоть немного – приступ обеспечен. Я не спал всю ночь...

Он не сводил с входной двери своих зеленоватых глаз.

– Почему бы вам не поехать домой?

– Там никого нет. Здесь меня обслуживают, здесь мне удобнее...

На столе перед доктором лежали все утренние газеты, какие можно было найти в городе.

– Вы не видели никого из моих друзей, комиссар? Ни Сервьера, ни Ле-Поммерэ?.. Странно, что они не пришли узнать, как идут у вас дела...

– Они, наверное, еще спят, – вздохнул Мегрэ. – Кстати, я нигде не заметил этого ужасного желтого пса... Эмма!.. Вы не видели его? Не видели?.. Вот и Леруа... Леруа, вам не попадался этот пес?.. И вообще, что новенького?

– Бутылка и стаканы отправлены в лабораторию. Я ходил в мэрию и жандармерию... Вы спрашивали о псе? Какой-то крестьянин видел его в саду мосье Мишу...

Доктор вскочил, его белые пальцы дрожали.

– В моем саду? Как он попал в мой сад?..

– Говорят, он лежал на пороге вашего дома. Когда па-

рень подошел поближе, пес зарычал так страшно, что у парня сразу пропало любопытство...

Мегрэ незаметно, но внимательно следил за лицами собеседников.

— А что, доктор, если нам вместе прогуляться до вашей виллы?

Доктор принужденно улыбнулся.

— В такой дождь? Да еще с приступом? Эта прогулка будет мне стоять недели постельного режима... И потом: какое отношение к делу может иметь эта собака? Обыкновенный бродячий пес...

Мегрэ надел пальто и шляпу.

— Куда вы, комиссар?

— Так, подышать воздухом... Прогуляемся, Леруа?..

Выйдя на улицу, они увидели в окне вытянутое лицо доктора. Толстое цветное стекло делало его зеленым и еще более длинным.

— Куда мы идем? — спросил инспектор. Мегрэ только пожал плечами. С четверть часа они гуляли вокруг доков, словно их очень интересовали корабли. Затем Мегрэ свернул вправо от мола, и они пошли по дороге, на которой был указатель: «К Белым пескам».

— Если бы взять на анализ пепел от сигарет, найденный в пустом доме... — покашляв, начал Леруа.

— Что вы думаете об Эмме? — перебил его Мегрэ.

— Не знаю... По-моему, в таком городишке, как этот, где все знают друг друга, чертовски трудно раздобыть такую пропасть стрихнина...

— Я спрашиваю вас не о стрихнине, а об Эмме... Хотели бы вы, например, стать ее любовником?..

Бедный инспектор растерялся и не нашелся, что ответить. Мегрэ остановил его и попросил распахнуть пальто: укрывшись за полой, он раскурил трубку.

* * *

Им пришлось прошагать около трех километров. Белые пески оказались огромным пляжем, по краям которого были расположены виллы. Среди них выделялось роскошное обиталище мэра, напоминавшее средневековый замок. По обе стороны пляжа возвышались скалы, поросшие елями. Увязая в покрытом водорослями песке, Мегрэ и Леруа пересекли пляж. Вокруг стояли пустые дома с заколоченными ставнями.

Море набегало на холмы, шумели сосны.

Они увидели огромный фанерный щит с надписью: «Белые пески. Продажа и аренда земельных участков». Ниже пестрыми красками был изображен план местности. Одни участки были проданы, другие арендованы, третьи ждали своей очереди. Рядом стоял деревянный киоск с вывеской: «Бюро продажи участков».

Киоск был заколочен, и на Окне красовался плакат: «Обращаться к мосье Эрнесту Мишу, администратору».

Вероятно, под летним солнцем эти свежепокрашенные строения выглядели весело. Но сейчас, когда их затопили грязные осенние дожди и неумолчно рокотал прибой, они были мрачны, как надгробья.

Неподалеку стояла большая новенькая вилла из серого камня с застекленной террасой и бетонированным бассейном. Огромные клумбы были вскопаны, но не засажены.

Дальше виднелись стены, поднимавшиеся прямо из земли, и намечавшие будущие комнаты. Там строились новые виллы.

Мегрэ заметил, что стекла в киоске выбиты. Рядом лежали кучи красноватого песка, которым уже была посыпана часть дорожек. Неподалеку стоял каток. Дальше над скалами возвышалась недостроенная гостиница с белыми стенами и с окнами, заколоченными фанерой.

Мегрэ спокойно толкнул металлическую решетку ворот, ведущих к вилле доктора. Когда они подошли к дверям и комиссар потянулся к ручке, инспектор Леруа заколебался:

– Ордера на обыск у нас нет... Не лучше ли подождать?

Мегрэ опять недовольно пожал плечами. Аллея была испещрена отчетливыми следами. Отпечатки собачьих лап шли рядом со следами огромных сапог, подбитых гвоздями. Размер этих сапог был никак не меньше сорок шестого.

Мегрэ повернул ручку, и дверь сразу же открылась. Передняя была устлана ковром, на котором следы огромных сапог и собачьих лап были видны еще яснее.

Внутренняя архитектура виллы оказалась сложной, а мебель весьма претенциозной. В комнатах было много укромных уголков, диванов, низких книжных полок, турецких и китайских столиков. Старинные бретонские кровати, закрытые, словно гробы, были переделаны в витрины и набиты безделушками. Повсюду висело множество ковров и портьер.

Судя по всему, хозяин использовал старые вещи для создания современного сельского стиля.

Кое-где висели бретонские пейзажи и изображения не

слишком одетых дам с неясными подписями: «Дорогому другу Мишу»... или «Неизменному другу артистов»...

Комиссар сердито поглядывал на этот хлам, что же касается Леруа, то он был просто подавлен необыкновенной изысканностью обстановки.

Мегрэ прошелся по вилле и осмотрел все комнаты. Некоторые были совсем без мебели, и штукатурка на их стенах едва успела просохнуть.

Добравшись до кухни, Мегрэ толкнул дверь ногой, и тотчас же послышалось его довольное ворчанье: на некрашеном столе стояли две пустые бутылки из-под бордо.

Рядом валялось не меньше десятка консервных банок, грубо вскрытых ножом. Весь стол был заляпан грязью и салом. Судя по всему, здесь прямо из банок ели сельдей в белом вине, грибы, холодных рябчиков и консервированные абрикосы.

На испачканном полу возле стола валялись кусочки мяса. Разбитая бутылка коньяку лежала в углу, и острый запах алкоголя смешивался с запахом еды.

Мегрэ со странной улыбкой смотрел на своего спутника.

— Как вы думаете, Леруа, это доктор устроил здесь такой свинарник?

Инспектор молчал, точно громом пораженный, а Мегрэ продолжал:

— Не думаю, чтобы это могла сделать его почтеннейшая мамаша!.. Ни тем более служанка!.. Смотрите, вы ведь любитель отпечатков... А вот следы грязи и контур подошвы. Та же самая ножка сорок шестого размера и собачьи лапы рядышком...

Мегрэ набил трубку и взял с этажерки коробку серных спичек.

– Займитесь-ка всем этим, Леруа. Работы здесь хватит на троих... До скорого свидания!..

Мегрэ поднял воротник пальто, заложил руки в карманы и зашагал обратно к пляжу Белые пески.

Когда он вошел в кафе гостиницы, первым, кого он увидел, был доктор. Небритый, в туфлях и халате, он все еще сидел в своем углу.

Рядом с ним помещался Ле-Поммерэ, такой же корректный и подтянутый, как накануне. Они сразу перестали говорить и смотрели на Мегрэ, пока он не подошел к ним.

Тогда доктор откашлялся и сказал надтреснутым голосом:

– Слышали новость? Сервьер исчез... Его жена почти обезумела. Он расстался с нами вчера вечером, и больше никто его не видел...

Мегрэ вздохнул и отшатнулся, но не слова доктора были тому причиной: комиссар увидел, что возле кассы, у самых ног Эммы, спокойно лежит желтый пес.

ГЛАВА 3

КОНКАРНО ОХВАЧЕН УЖАСОМ

Ле-Поммерэ охотно подтвердил, ибо всегда слушал самого себя с большим удовольствием:

– Да, да... Она была здесь совсем недавно и умоляла меня возглавить розыски... Сервьер – наш старый товарищ. Кстати, настоящая его фамилия – Гойяр.

Мегрэ перевел взгляд с желтого пса на распахнувшуюся дверь. Вихрем ворвался газетчик, и Мегрэ издали прочел жирную шапку:

КОНКАРНО ОХВАЧЕН УЖАСОМ

Чуть пониже следовали подзаголовки:

**КАЖДЫЙ ДЕНЬ – НОВАЯ ТРАГЕДИЯ! ИСЧЕЗНО-
ВЕНИЕ НАШЕГО СОТРУДНИКА ЖАНА СЕРВЬЕРА.
ЕГО МАШИНА ЗАЛИТА КРОВЬЮ! ЗА КЕМ ТЕПЕРЬ
ОЧЕРЕДЬ?**

Мегрэ поймал мальчишку за рукав:

– Как дела? Много продал?

– Вдесятеро против обычного! Всю дорогу бежал, от самого вокзала!

И мальчишка помчался по набережной, истошно вопя:

– «Фар де Брест»! Покупайте «Фар де Брест»!.. Сенсационное сообщение!..

Комиссар еще не начал читать газету, когда подошла Эмма:

– Вас просят к телефону...

В трубке раздался взбешенный голос мэра:

– Алло! Комиссар? Это вы дали разрешение на нелепую статью в «Фар де Брест», даже не поставив меня в известность?.. Как мэр, я первым должен знать о том, что происходит в моем городе, слышите?.. Я настаиваю, я здесь хозяин!.. Что за нелепая история с автомашиной?.. И еще какие-то следы огромных ног? За полчаса мне звонили человек двадцать! Люди в панике, они хотят знать правду! И я ее требую, комиссар...

Мегрэ спокойно повесил трубку, вернулся в кафе, уселся и начал читать статью. Мишу и Ле-Поммерэ вместе

просматривали газету, разложенную на мраморном столике.

«Наш уважаемый сотрудник Жан Сервьер осветил на страницах нашей газеты события, недавно происшедшие в городе Конкарно. События начались в пятницу. Почтенный городской коммерсант мосье Мостагэн вышел вечером из кафе «Адмирал», остановился на пороге нежилого дома, чтобы закурить сигару, и... получил пулю в живот. Выстрел был произведен через щель почтового ящика, висевшего на дверях этого дома.

В субботу в Конкарно прибыл комиссар Мегрэ, командированный из Парижа в Ренн для реорганизации оперативных бригад уголовной полиции. Прибытие комиссара не помешало в тот же вечер свершиться второму злодеянию.

Ночью нам сообщили по телефону, что в бутылке перно, которую уважаемые граждане Конкарно – господа Сервьер, Ле-Поммерэ и д-р Мишу – собирались распить совместно с лицами, ведущими следствие, была растворена смертельная доза стрихнина.

В воскресенье утром автомобиль Жана Сервьера был найден на берегу реки Сен-Жак. Мосье Жан Сервьер исчез, последний раз его видели в субботу вечером.

Сиденье машины залито кровью, ветровое стекло разбито вдребезги, есть основания предполагать, что в машине происходила отчаянная борьба.

Итак, за три дня – три трагедии! Вполне понятно, что ужас охватил обитателей Конкарно, каждый с тревогой вопрошает: кто из нас на очереди?

Особенно встревожено население Конкарно таинст-

венным появлением некоего желтого пса. Пес этот не имеет хозяина, никто его не знает, и он непременно присутствует при каждом новом несчастье.

Неужели этот пес не может навести полицию на весьма очевидную догадку? Ведь рядом со следами собаки обычно видны следы человека, личность которого пока не установлена, но следы которого очень характерны – они гораздо больше среднего размера человеческой ступни.

Безумец он или просто бродяга? Он ли виновник всех злодеяний, и на кого он нападет сегодня вечером?..

Во всяком случае, сопротивление ему обеспечено. Жители Конкарно вооружились и будут стрелять в злоумышленника при малейшем подозрении.

Но пока даже сегодня, в воскресенье, город Конкарно кажется вымершим. Он очень напоминает города северных районов во время войны, когда объявлялась воздушная тревога.»

* * *

Мегрэ посмотрел в окно. Дождь перестал, но улицы под низким свинцово-серым небом все еще были покрыты липкой грязью. Ветер яростно дул с моря.

Горожане возвращались с воскресной мессы, и в руках почти у каждого был номер «Фар де Брест». Проходя мимо гостиницы «Адмирал», люди оглядывались и ускоряли шаг.

Город словно был поражен каким-то мертвящим дыханием. Но разве оно не чувствуется воскресным утром во всех провинциальных городах? Снова раздался телефонный звонок, и слышно было, как Эмма подошла к аппарату:

– Не знаю, мосье... Я не в курсе дела... Позвать к телефону комиссара?... Алло! Алло!.. Разъединили...

– Что там такое? – проворчал Мегрэ.

– Из какой-то парижской газеты. Спрашивали, есть ли новые жертвы, и просили приготовить комнату для их сотрудника...

– Соедини-ка меня с «Фар де Брест»...

В ожидании Мегрэ стал шагать по залу, не поднимая глаз ни на доктора, поникшего на стуле, ни на Ле-Поммерэ, внимательно рассматривавшего свои унизанные кольцами пальцы.

– Алло! «Фар де Брест»? Ответственного редактора просит комиссар Мегрэ... Ответственный редактор? Скажите, в котором часу вышла из печати ваша утка? Что?.. В половине девятого? А кто автор статьи о драме в Конкарно? Нет-нет, я говорю вполне официально. Ах, вы не знаете... Вы получили материал в конверте без всякой подписи... Стало быть, вы печатаете без проверки любые анонимки? Поздравляю вас...

Мегрэ повесил трубку и хотел выйти в дверь, ведущую на набережную. Дверь оказалась запертой.

– Что это значит? – спросил Мегрэ, в упор глядя на Эмму

Она отвела глаза:

– Это доктор...

Мегрэ посмотрел на доктора. Его лицо было еще более унылым и желтым, чем обычно. Мегрэ пожал плечами и прошел через подъезд гостиницы. Ставни магазинов были закрыты, прифранченные по-воскресному горожане торопились домой.

За гаванью, где корабли натягивали якорные цепи, на самой окраине города Мегрэ увидел устье реки Сен-Жак. Здесь были разбросаны редкие жилые домики и возвышались кораблестроительные мастерские. Несколько недостроенных судов стояло на стапелях. В тинистых заводах реки гнили старые барки.

Недалеко от каменного моста, возведенного там, где воды реки устремляются в гавань, собралась кучка зевак. Они окружили маленький автомобиль.

Набережная была порядком загромождена, и, чтобы добраться до автомобиля, Мегрэ пришлось сделать круг. По любопытным и настороженным взглядам Мегрэ понял, что его уже все знают. Стоя на пороге своих домишек, люди переговаривались вполголоса.

Подойдя к брошенной на краю дороги машине, Мегрэ резко открыл дверцу. Из машины посыпались осколки стекла.

На светлой материи сиденья бросались в глаза бурые пятна засохшей крови.

Вокруг комиссара образовалась тесная группа мужчин и мальчишек, смотревших на него во все глаза.

— Где живет мосье Сервьер?

Желающих проводить комиссара оказалось не менее десятка. Шагах в трехстах, немного в стороне, стоял окруженный садом приветливый домик. Свита Мегрэ остановилась у садовой решетки, а сам он вошел и позвонил. Дверь открыла молоденькая служанка с заплаканным лицом.

— Могу я видеть мадам Сервьер?

Но мадам Сервьер уже распахнула дверь из столовой.

– Комиссар!.. Неужели его убили? Я схожу с ума!..

Это была симпатичная дама лет сорока, с наружностью отличной хозяйки. Безупречная чистота комнат подтверждала это впечатление.

– Скажите, мадам, когда вы в последний раз видели вашего мужа?

– Вчера он вернулся домой к обеду... Я заметила, что он озабочен и нервничает, но он ничего не захотел рассказать. Он оставил машину на улице, он всегда так делал, если ему надо было уезжать вечером... Я знала, что они собираются играть в карты в кафе гостиницы, как обычно... Я спросила его, когда он вернется, но он только пожал плечами. Я легла спать около десяти, но долго не могла заснуть. Я слышала, как часы пробили одиннадцать, потом половину двенадцатого... Но иногда он возвращался и позднее... Я заснула и проснулась среди ночи, потому что его все еще не было возле меня. Я подумала, что кто-то уговорил его ехать в Брест... Здесь невесело, господин комиссар. Иногда они ездят развлечься... Больше заснуть я не смогла... В пять часов утра я была на ногах и не отходила от окна... Он не любит, когда я жду его и особенно если я беспокоюсь... В девять утра я побежала к мосье Ле-Поммерэ... От него я возвращалась другой дорогой и увидела... увидела людей, стоявших вокруг машины... Неужели его убили?.. За что? Не было человека добрее его, и врагов у него не было, я в этом уверена...

Группа любопытных продолжала дежурить возле решетки.

– Говорят, обивка вся в крови... Я видела, как люди читают газеты, но никто из них ничего не сказал мне!..

– У вашего мужа было много денег при себе?

– Не думаю... Не больше обычного... Три-четыре сотни франков...

Мегрэ обещал держать ее в курсе расследования. Он даже сделал над собой усилие и произнес несколько неопределенных, но успокоительных фраз. Из кухни соблазнительно пахло жареной бараниной. Служанка в белом фартуке проводила Мегрэ до дверей.

Не успел комиссар сделать и ста шагов, как к нему поспешно подошел какой-то прохожий.

– Извините, господин комиссар... Позвольте представиться – Дюжардэн, преподаватель... Вот уже несколько часов родители моих воспитанников осаждают меня, требуя ответа на вопрос: есть ли хотя бы доля правды в газетной статье? Люди хотят знать, имеют ли они право стрелять в человека с большими ступнями, если он им попадется?

Мегрэ мало походил на кроткого ангела. Он засунул руки в карман и проворчал:

– Оставьте меня в покое!

Мегрэ приближался к центру города. Невероятно! Он никогда ничего подобного не видел. Пожалуй, это очень напоминало грозу, как ее любят показывать на экране. Перед вами уютная улица, освещенная солнцем. Внезапно появляется темное облако, наплыв, солнце прячется. Резкий ветер метет улицу, зеленоватый воздух прорезают молнии. Хлопают ставни, вздымаются смерчи пыли, падают первые редкие и крупные капли.

И дождь, потоки дождя бегут по улицам, над которыми нависло трагически-черное небо...

Вот и город Конкарно менялся примерно с такой же быстротой. Статья в «Фар де Брест» явилась лишь отправной точкой, устные комментарии давно превзошли то, что было там напечатано.

К тому же было воскресенье. Никто не работал, и к малолитражке Жана Сервьера стала стекаться гуляющая публика. Возле машины пришлось поставить двух полицейских. Зеваки дежурили здесь часами, выслушивая пояснения и версии наиболее осведомленных граждан.

Когда Мегрэ возвратился в гостиницу, его поймал чрезвычайно взволнованный хозяин, белоснежный колпак которого съехал на затылок. Он схватил Мегрэ за рукав:

– Послушайте, комиссар!.. Нам нужно поговорить... Так продолжаться не может...

– Прежде всего дайте мне завтрак.

– Но...

Обозленный Мегрэ уселся за стол и крикнул:

– Бутылку пива!.. А где мой инспектор?

– Ушел. Кажется, его пригласил к себе господин мэр...

Опять звонили из Парижа. Какая-то газета заказала две комнаты: для репортера и для фотографа.

– Где доктор?

– Наверху. Он просил не пускать к себе никого.

– А мосье Ле-Поммерэ?

– Только что ушел...

Мегрэ внимательно осмотрел кафе – желтого пса не было. Какие-то молодые люди с цветами в бутоньерках и густо напomaженными волосами сидели за столиками. Перед ними стояли бутылки с лимонадом, но они его не пили, так как пришли сюда не за этим. Они пришли на-

блюдать, и собственное мужество им чрезвычайно нравилось.

– Пойди сюда, Эмма...

Между комиссаром и официанткой возникла необъяснимая симпатия. Эмма подошла и присела к столу.

– Ты уверена, что доктор не выходил ночью?

– Не знаю... Я не была у него в комнате...

– Как ты думаешь, он мог отлучиться незаметно?

– Нет, не думаю... Он так перепуган... Утром он заставил меня запереть дверь, выходящую на набережную.

– А что это за желтая собака? Почему она тебя знает?

– Не знаю. Я никогда раньше ее не видела. Этот пес появляется и исчезает, не представляю, кто его кормит.

– Давно он исчез?

– Я не обратила внимания.

Быстро вошел инспектор Леруа.

– Вам известно, господин комиссар, что мэр в бешенстве? Как-никак, он фигура! Он сообщил мне, что его кузен – хранитель государственной печати. Мэр разъярен, он говорит, что мы толчем воду в ступе, вообще теряем время даром и заражаем город излишней паникой. Он просит арестовать кого-нибудь, все равно кого, лишь бы успокоить население. Я обещал ему поговорить с вами... Он повторил дважды, что наша карьера на волоске...

Мегрэ неторопливо прочищал свою трубку.

– Что вы думаете предпринять?

– Ровно ничего.

– Но все же...

– Как вы еще молоды, Леруа!.. Скажите лучше, вы сняли отпечатки пальцев, найденные на вилле доктора?

– Конечно. Все отослано в лабораторию: стаканы, консервные банки, нож.. Я даже сделал гипсовые муляжи следов человека и собаки... Это было нелегко – здешний гипс никуда не годится. Что мы теперь будем делать, шеф?

Не отвечая, Мегрэ вытащил из кармана записную книжку. Окончательно сбитый с толку, Леруа прочел:

«Эрнест Мишу, он же доктор. Сын мелкого промышленника из департамента Сены-и-Уазы, который однажды был избран депутатом, но вскоре обанкротился и умер. Мать – интриганка. Пробовала совместно с сыном организовать спекуляцию земельными участками на южном побережье. Потерпела полную неудачу. Возобновила свои попытки в Конкарно. Используя имя покойного, создала акционерное общество, хотя наличного капитала не внесла. Сейчас стремится отнести расходы по благоустройству своих земельных угодий за счет города или департамента.

Эрнест Мишу был женат, но развелся. Его бывшая жена сейчас замужем за нотариусом в Лилле.

Типичный дегенерат, почти некредитоспособен».

Инспектор посмотрел на комиссара, точно хотел спросить: «Ну и что?»

Мегрэ дал ему прочесть дальше.

«Ив Ле-Поммерэ. Из старинной буржуазной семьи.

Брат Ива, Артюр, – владелец крупнейшей в Конкарно фабрики консервной тары. Сам Ив никогда не работал, он был красавчиком и баловнем семьи. Уже давно растратил в Париже большую часть наследства. Когда у него осталось всего двадцать тысяч годового дохода, он осел в Конкарно, где стал одним из самых уважаемых граждан, хотя сам чистит себе обувь. Прославился своими многочисленными

похождениями с работницами. Несколько скандалов удалось замять. Знаменитый охотник, его приглашают во все окрестные замки. Все еще красив. Используя свои прежние связи, добился назначения вице-консулом Дании. Домогается ордена Почетного легиона. Делает долги, а затем выпрашивает деньги у брата.

Жан Сервьер (псевдоним Жана Гойяра). Родился в департаменте Морбиан. Много лет был журналистом в Париже и администратором маленьких театров. Получил небольшое наследство и поселился в Конкарно. Женат на билетерше, своей старой любовнице. Принят в буржуазных домах, кутить ездит в Нант или Брест. Кормится не столько журналистской работой, сколько своей маленькой рентой, но с гордостью именуется литератором. Награжден пальмовой ветвью академии».

– Ничего не понимаю... – пробормотал инспектор.

– Еще бы!.. А ну, дайте мне ваши записи!

– Но откуда вы знаете, что я...

– Давайте, давайте!..

Записная книжка у комиссара была дешевая, в клеенчатом переплете и с бумагой в клетку. Зато блокнот инспектора был роскошный, с перекидными листками на стальной спирали. Со снисходительным, отеческим видом Мегрэ принялся читать:

«1. Линия Мостагэна. Пуля, настигшая виноторговца, без сомнения, предназначалась другому лицу. Нельзя было предвидеть, что Мостагэн остановится на пороге нежилого дома, где было назначено свидание человеку, против которого замышлялось убийство и который не явился или явился с опозданием.

Возможно, что основной целью убийцы было запугать население. Он превосходно знает Конкарно. (Допущена ошибка – не произведен анализ пепла, найденного в коридоре за дверью.)

2. Линия отравленного перно. Зимой кафе гостиницы «Адмирал» пустует, во всяком случае, днем. Человек, знающий это, вполне мог войти в кафе и всыпать в бутылки яд. Отравлены две бутылки, следовательно, имелись в виду любители перно и кальвадоса. (Впрочем, доктор своевременно обнаружил в вине маленькие белые зернышки.)

3. Линия желтого пса. Пес знает кафе гостиницы «Адмирал» У него есть хозяин, но кто? Псу не меньше пяти лет.

4. Сервьер. Необходимо срочно произвести экспертизу почерка, которым написана статья, присланная в «Фар де Брест»».

Мегрэ улыбнулся, вернул инспектору блокнот и протянул:

– Неплохо, мальчик, совсем неплохо...

Затем он сердито посмотрел на силуэты любопытных, мелькавшие за зелеными стеклами, и сказал:

– Пошли завтракать!

В обеденном зале не было никого, кроме их и коммивояжера, прибывшего утром. Немного погодя Эмма сообщила им, что состояние доктора ухудшилось. Он просил подать ему наверх легкий завтрак.

* * *

В первой половине дня кафе «Адмирал» со своими зелеными окошечками напоминало клетку в зоологическом саду, мимо которой дефилировали по-воскресному при-

наряженные горожане. Они с любопытством заглядывали в окна, а затем направлялись ко второму аттракциону – к машине Жана Сервьера, которую все еще охраняли жандармы.

Из своей роскошной виллы в Белых песках трижды звонил мэр:

– Ну, как? Произвели вы наконец хоть один арест?

Мегрэ отмалчивался. В кафе набилась молодежь от восемнадцати до двадцати пяти лет. Шумные компании занимали столики, заказывали напитки, но ничего не пили.

Стоило им посидеть пять минут, и смех постепенно замирал, разговор становился вялым. Чувство неловкости, которое они испытывали, с каждой минутой усиливалось, и компании одна за другой расходились.

После обеда, в четыре часа, когда зажгли лампы, разница стала особенно заметной. Обычно в это время посетителей бывает много. Однако в это воскресенье в кафе не было ни души, в нем царило гробовое молчание. Казалось, жители сговорились не заходить в это злополучное место. Вскоре и улицы опустели. Если и раздавались чьи-то топтливые шаги, то это были шаги горожан, спешивших укрыться за стенами своих домов.

Как всегда, Эмма сидела, облокотившись о кассу. Хозяин напрасно сновал из кухни в кафе и обратно – Мегрэ наотрез отказался выслушать его жалобы.

Около половины пятого спустился Эрнест Мишу, все еще в халате и туфлях. У него отросла борода, кремовый шарф был влажен от пота.

– Вы здесь, комиссар? – Очевидно, это его успокоило. – А где же ваш инспектор?

- Я послал его прогуляться по городу.
- А желтый пес?
- Его никто не видел с утра.

Пол в кафе был серый, и ослепительно белый мрамор столиков приобретал голубоватый оттенок. В окно был виден освещенный циферблат городских часов, показывавших без десяти пять.

- Так и не выяснилось, кто написал эту статью?

На столе лежала газета, заголовок «За кем очередь?» сразу бросался в глаза.

Зазвонил телефон, Эмма сняла трубку:

- Нет... Ничего... Мне ничего не известно...
- Кто звонил? – спросил Мегрэ.

– Опять из какой-то парижской газеты... Журналисты выехали на автомобиле...

Она не успела договорить, как телефон зазвонил снова.

– Теперь вас, комиссар. – Доктор, бледный как смерть, не спускал глаз с комиссара.

- Аллю! Кто говорит?

– Леруа. Я в Старом городе, у самой реки. Один сапожник увидел из окна желтого пса и выстрелил в него...

- Пес убит?

– Нет, ранен... У него поврежден позвоночник, и пес с трудом ползает на передних лапах... К нему никто не решается подойти... Я звоню из кафе. Отсюда я вижу собаку, она лежит посреди мостовой и жутко воет. Что мне делать, шеф?

Инспектор старался говорить спокойно, но в голосе его сквозили тревога и неуверенность, точно это раненое животное было каким-то сверхъестественным существом.

– Изю всех окон смотрят люди... Что делать, комиссар? Может, лучше пристрелить пса?

Свинцово-бледный доктор стоял за спиной Мегрэ и робко спрашивал:

– Что случилось? Что он говорит? Что там случилось?

Но комиссар смотрел на Эмму. Она оперлась о кассу, и взгляд ее блуждал где-то далеко.

ГЛАВА 4

НА РОТНОМ КП

Мегрэ прошел по подъемному мосту, пересек линию заброшенных укреплений и двинулся по извилистой, слабо освещенной улочке. Этот район, окруженный полуразрушенными крепостными стенами, который жители Конкарно называют Старым городом, был одним из самых населенных кварталов.

Однако, по мере того как комиссар углублялся в Старый город, молчание вокруг становилось все более обманчивым. Так молчит толпа, загипнотизированная каким-нибудь зрелищем, с нетерпением и страхом ожидая развязки.

Слышались лишь одинокие голоса мальчишек, которым все нипочем.

Еще один поворот – и комиссар увидел картину, которую описал ему Леруа. Все окна, выходящие на узенькую улочку, были раскрыты, в каждом виднелись лица любопытных. С улицы можно было разглядеть освещенные керосиновыми лампами комнаты, и в них – раскрытые на

ночь постели. Толпа преградила путь комиссару. Люди окружили жалобно хрипевшего пса, однако никто не рисковал к нему приблизиться.

Зрители были по большей части молодые парни. Они удивленно оборачивались, когда комиссар начал пробиваться через толпу. Двое из них продолжали бросать камни в беспомощного пса. Товарищи пытались остановить их. Мегрэ скорее угадал, чем услышал торопливый шепот: «Осторожно, полиция!..»

Один из парней, бросавших камни (это был сапожник), покраснел до ушей и отошел в сторону. Мегрэ оттолкнул второго и подошел к раненому животному. Теперь молчание стало другим, хотя, судя по всему, еще пять минут назад толпа зевак была во власти жестокого, нездорового возбуждения.

Какая-то старуха в окне возмущенно кричала:

– Постыдились бы... Составьте-ка на них протокол, господин комиссар!.. Накинулись всей оравой на несчастное животное! А почему? Я вам скажу почему: они до смерти боятся этой собаки!..

Сапожник еще больше смутился и молча убрался в свою мастерскую. Мегрэ наклонился и погладил пса по голове. Пес вздрогнул и посмотрел на комиссара скорее удивленным, чем признательным взглядом. Инспектор Леруа вышел из кафе, откуда звонил. Люди нехотя расходились.

– Раздобудьте-ка тачку или ручную тележку, Леруа, – сказал комиссар.

Одно за другим захлопывались окна, но за стеклами продолжали белеть физиономии любопытных. Пес был

грязный, его густая жесткая шерсть слиплась от крови, живот был вымазан в глине, а нос – сухой и горячий. Однако теперь пес почувствовал, что пришла помощь. Он лежал спокойно и не делал никаких попыток уползти. Вокруг валялись булыжники, которыми в него швыряли.

– Куда его везти, комиссар?

– В гостиницу. Только осторожно... Надо подложить под него соломы.

Эта процессия могла бы показаться смешной. Однако не засмеялся никто. Тревожные события утра того дня еще не утратили своей власти над людьми. Какой-то старик толкнул тележку, и колеса запрыгали по неровному булыжнику переулка. Когда тележка въехала на подъемный мост, зеваки отстали; никто не посмел следовать дальше. Желтый пес прерывисто дышал и судорожно вытягивал лапы.

Когда шествие приблизилось к гостинице, Мегрэ заметил перед ее подъездом машину, которой раньше не видел. Войдя в кафе, комиссар сразу почувствовал, что обстановка изменилась.

Незнакомый человек почти оттолкнул комиссара и направил фотоаппарат на желтого пса, которого в это время снимали с тележки. Дважды ослепительно вспыхнул магний. Второй незнакомец, в брюках гольф и красном свитере, с записной книжкой в руках, подошел к комиссару и притронулся пальцем к кепке.

– Комиссар Мегрэ?.. Я Васко, из парижской газеты «Журналь». Мы только что приехали, и нам сразу же повезло: мосье дал интереснейший материал...

Репортер показал на доктора Мишу, который сидел в углу, привалившись к спинке дивана.

– Машина «Пти Паризьен» все время шла рядом с нашей, но нам и тут повезло: она сломалась километрах в десяти от Конкарно...

Эмма спросила комиссара:

– Куда поместить пса?

– Неужели в доме не найдется для него места?..

– Можно положить в чуланчик, возле черного хода...

Там мы обычно складываем пустые бутылки...

– Вот и отлично. Эй, Леруа! Позвоните ветеринару...

Всего час назад в кафе было пустынно, в зале царила какая-то напряженная, тревожная тишина. А сейчас фотограф в белом непромокаемом плаще двигал столы и стулья и умоляюще кричал:

– Одну минуточку! Не шевелитесь, прошу вас!.. Поверните морду пса ко мне!..

Снова и снова вспыхивал магний.

– А где Ле-Поммерэ? – спросил комиссар доктора Мишу.

– Он ушел вскоре после вас. Опять звонил мэр... Я думаю, он скоро будет здесь...

* * *

К девяти часам вечера кафе «Адмирал» превратилось в ротный командный пункт. Прибыли еще два репортера. Один из них за самым дальним столиком писал корреспонденцию. Время от времени сверху сбегал по лестнице фотограф.

– У вас не найдется девяностоградусного спирта?.. Мне необходимо срочно высушить пленки. Этот пес – просто чудо! Вы говорите, спирт бывает только в аптеке?.. И она уже закрыта? Не беда, для меня откроют...

В коридорчике у телефона какой-то журналист безразличным голосом диктовал в трубку:

– Мегрэ... Морис – Этьен – Грегуар... М-е-г-р-э... Передаю все имена. Мишу... Мишель – Ирэн – Шарлотта... Да не болото, а Шарлотта!.. Так, правильно. Надеюсь, мой материал пойдет на первой полосе? Скажите патрону, что это совершенно необходимо...

Растерявшийся от шума и сутолоки, Леруа с тоской искал глазами Мегрэ, словно мог уцепиться за него, как за якорь спасения. В уголке единственный заезжий коммивояжер вырабатывал маршрут завтрашней поездки. Он листал толстый путеводитель по департаменту и время от времени обращался к Эмме:

– Деревня Шоффье... Там, кажется, развито скобяное производство? Благодарю вас...

Ветеринарный врач вытащил из тела желтого пса десятков дробинок и наложил на заднюю часть туловища тугую повязку

– Может быть, он и оправится! – сказал врач. – Эти звери невероятно живучи.

Из чуланчика было два выхода: во двор и на лестницу, которая вела в погреб. На гранитные плиты бросили охапку соломы, прикрыли ее старым одеялом и опустили на нее пса. Рядом положили кусок говядины, но пес к ней и не притронулся.

В собственном автомобиле прибыл мэр – холеный старик с белоснежной бородкой. Его движения были резки и порывисты. Он нахмурился, попав в прокуренную атмосферу гауптвахты, или, точнее, ротного командного пункта.

– Кто эти господа?

– Журналисты из Парижа...

Мэр разбушевался:

– Восхитительно! Значит, завтра вся Франция будет болтать об этой дурацкой истории!.. Разумеется, ничего путного вы еще не нашли?

– Следствие продолжается! – проворчал Мегрэ таким тоном, каким обычно говорят: «Не ваше дело!».

Раздражением был пропитан далее воздух. Люди нервничали и не собирались этого скрывать.

– А вы, Мишу, почему не возвращаетесь домой?

Мэр презрительно шурился, трусость доктора бесила его.

– Если так будет продолжаться, через двадцать четыре часа всех охватит паника... Как я уже говорил, необходимо кого-нибудь арестовать... Безразлично кого, но сделать это нужно.

При этих словах мэр многозначительно покосился на Эмму.

– Я понимаю, что не могу вам приказывать, комиссар... Но должен сказать, что нашей городской полиции вы отводите до смешного жалкую роль. А между тем, если последует еще одно убийство – одно-единственное! – мы окажемся перед катастрофой. Уже сейчас все чего-то ждут... Лавки, которые по воскресеньям обычно закрываются в девять часов, сегодня уже давным-давно на запоре. Дурацкая статья в «Фар де Брест» всполошила население...

Мэр говорил, не снимая с головы котелка. Потом он надвинул его на глаза и ушел, сказав на прощание:

– Прошу вас, господин комиссар, держать меня в курсе... Кроме того, напоминаю вам, что за все, что сейчас происходит, ответственность несете вы!

– Кружку пива, Эмма! – крикнул Мегрэ.

Журналистов становилось все больше. Ничто не могло помешать им останавливаться в «Адмирале», спускаться в кафе, болтать и звонить по телефону, наполняя весь дом шумом и суетой. Они то и дело требовали чернил и бумаги, задавали бесконечные вопросы Эмме, лицо которой было заплаканным и жалким.

За стеклами сгустилась ночь. Узенький снопик лунного света не освещал улицы, а лишь подчеркивал театральность лилового неба, покрытого тяжелыми тучами. И всюду грязь, липнущая к ногам, ибо в Конкарно – увы! – улицы не были вымощены.

– Ле-Поммерэ сказал вам, что вернется? – спросил Мегрэ доктора Мишу.

– Да... Он пошел домой обедать...

– А где он живет? – спросил журналист, которому нечем было заняться.

Доктор назвал адрес, а Мегрэ, пожав плечами, отвел в угол инспектора Леруа.

– У вас есть оригинал статьи, появившейся сегодня утром?

– Я только что его получил. Он у меня в комнате. Текст явно написан левой рукой, кто-то боялся, что его почерк узнают.

– Почтового штемпеля нет?

– Нет. Письмо было брошено в почтовый ящик, висящий на дверях редакции. На конверте написано: «Чрезвычайно важно»...

– Получается, что в восемь часов утра или немного позднее кто-то уже узнал об исчезновении Жана Сервьера, о том, что его машина брошена возле реки Сен-Жак и что на сиденье имеются пятна крови... Кроме того, он предвидел, что будут найдены следы большего...

– Просто невероятно! – вздохнул инспектор. – Что касается отпечатков пальцев, то я уже передал их в Сюрте по фототелеграфу. Они перерыли все картотеки и ответили мне, что таких отпечатков у них не имеется...

Ошибиться было невозможно: Леруа успел заразиться общей паникой, хоть и не в очень тяжелой форме. Гораздо сильнее был поражен этим вирусом Мишу. Изможденный доктор выглядел особенно нелепо рядом с самоуверенными, развязными журналистами в спортивных костюмах.

Доктор не находил себе места. Мегрэ спросил его:

– Почему вы не ложитесь спать?

– Еще рано... Я никогда не ложусь раньше часа. – Показав золотые зубы, он пытается изобразить улыбку.

– Скажите откровенно, комиссар, что вы думаете обо всем этом?..

Над Старым городом светящиеся часы медленно пробили десять ударов. Комиссара позвали к телефону, звонил мэр.

– Ничего нового?

Неужели он все еще ждал нового несчастья?

Впрочем, стоило ли удивляться? Разве не ждал его и сам Мегрэ? Упрямо насупясь, комиссар пошел проводить желтого пса. Тот дремал, но когда комиссар вошел, открыл один глаз: в его взгляде теперь не было страха. Мегрэ погладил животное по голове и подложил соломы под его парализованные лапы.

В эту минуту к комиссару подошел хозяин «Адмирала».

– Как вы думаете, эти господа из газет долго пробудут здесь? Если да, то мне придется подумать о провизии... Ведь торговля на рынке начинается только с шести утра...

Мегрэ уставился своими большими глазами на середину лба хозяина, затем проворчал что-то неразборчивое и прошел мимо, словно не замечая его. Надо было привыкнуть к комиссару, чтобы не обижаться на подобные выходы, которые сбивали с толку всех, кто его не знал.

Страхивая воду с плаща, вошел репортер «Пти Паризьен».

– Что, опять дождик?.. Что у тебя новенького, Гролэн?

Глаза молодого репортера сверкали. Он сказал что-то на ухо фотографу, который приехал вместе с ним, и кинулся к телефону.

– Соедините меня с «Пти Паризьен», мадемуазель... Служба прессы... Вне очереди... Что? Можете связаться прямо с Парижем? Отлично, соедините меня поскорей... Алло... Алло! «Пти Паризьен»? Это вы, мадемуазель Жермен? Дайте мне дежурную стенографистку. Говорит Гролэн!..

В голосе журналиста звучало нетерпение, он бросал вызывающие взгляды в сторону коллег. Проходивший мимо Мегрэ остановился, чтобы послушать.

– Алло! Это вы, мадемуазель Жанна? Только побыстрее, хорошо? Мы еще успеем дать это в провинциальные выпуски, а другим газетам придется перепечатывать с парижского выпуска. Скажите секретарю редакции, чтобы он отредактировал мою заметку, у меня нет ни минуты... Пишите: «Конкарно. Наши предположения оказались

правильными, запятая, в городе совершилось новое преступление... Алло! Да, да, преступ-ле-ние... Найден еще один убитый, если вам так больше нравится...»

Все замолчали. Доктор, как зачарованный, двинулся к журналисту, а тот продолжал диктовать торжествующим голосом, вздрагивая от возбуждения и восторга:

– После мосье Мостагэна, после журналиста Жана Сервьера убит мосье Ле-Поммерэ... Да, Ле-Поммерэ. Я уже диктовал вам по буквам эту фамилию... Он найден мертвым в своей комнате... Да, у себя дома... На теле нет никаких ранений... Мышцы судорожно сведены, все указывает на отравление... Обождите... Закончить можно так: в городе царит ужас, понятно? А теперь немедленно покажите все это секретарю редакции. Через полчаса я позвоню еще раз и дам заметку для парижского выпуска, а то, что я продиктовал, пойдет в провинциальные, дорога каждая минута...

Журналист повесил трубку, вытер лоб и обвел окружающих счастливым взглядом.

Телефон зазвонил опять:

– Алло! Комиссар? Говорят из дома мосье Ле-Поммерэ, мы минут двадцать не можем до вас дозвониться... Мосье Ле-Поммерэ мертв... Вы слышите?

Голос еще раз повторил сквозь треск: «Он мертв...» Мегрэ повесил трубку и оглянулся. Почти на всех столах стояли пустые стаканы. Эмма повернула к комиссару свое бескровное лицо.

– Не прикасаться ни к одной бутылке, ни к одному стакану! – громко приказал Мегрэ. – Вы слышите, Леруа?.. Все должны остаться на своих местах.

По лбу доктора стекали крупные капли пота. Он сорвал фуляровый платок, обнажив худую, длинную шею; на вороте рубашки поблескивала медная запонка.

Когда Мегрэ вошел в дом мосье Ле-Поммерэ, там находился врач, живший по соседству, он уже констатировал наступившую смерть.

Кроме врача, присутствовала домовладелица, особа лет пятидесяти. Она и звонила комиссару в «Адмирал».

Красивый домик, сложенный из серого камня, стоял лицом к морю. Каждые двадцать секунд яркий луч маяка, словно кисть художника, скользил по окнам.

На балконе торчало древко флага и был прибит щит с гербом Дании.

Тело Ле-Поммерэ было распростерто на красноватом ковре студии, загроможденной дешевыми безделушками. У дома начинала собираться толпа, люди молча смотрели на комиссара.

На стенах гостиной висели фотографии актрис, некоторые с дарственными надписями. Все они были старательно застеклены, как и легкомысленные картинки, вырезанные из журналов.

Рубашка на трупе была изорвана, башмаки густо облеплены грязью.

— Стрихнин! — уверенно сказал врач. — Я мог бы поклясться в этом... Посмотрите на его глаза... И обратите внимание на то, как сведены мышцы. Агония длилась не менее получаса... а может быть, и больше...

— Где вы находились в это время? — спросил домохозяйку Мегрэ.

— Я была внизу, у себя. Мосье Ле-Поммерэ снимал у меня целый этаж с пансионом. Он вернулся к обеду, около восьми часов, и почти ничего не ел. Он сказал, что электрические лампы плохо горят, хотя они горели нормально... Потом он сказал, что уйдет вечером, он сначала примет аспирин, у него была сильная головная боль.

Комиссар вопросительно взглянул на врача, тот кивнул:

— Именно так!.. Типичные первые симптомы...

— А как скоро они начинают проявляться?

— Это зависит от дозы и от того, насколько крепок организм человека. Иногда через полчаса, а то и через два.

— А смерть?..

– Она наступает позднее как результат общего паралича. Сначала наблюдаются явления местного паралича... Весьма возможно, что Ле-Поммерэ пытался звать на помощь... Видимо, он лежал на этом диване...

Мегрэ посмотрел на широкий диван, благодаря которому квартира Ле-Поммерэ именовалась «домом непристойности». Над этим диваном фривольные картинки были прибиты особенно густо. Ночник источал розовый свет.

– Судороги, напоминающие припадок белой горячки, заставили его скатиться на пол, где смерть и настигла его.

В дверь просунулся фотограф. Мегрэ шагнул и захлопнул ее у него под носом. Он подсчитывал вполголоса:

– Ле-Поммерэ покинул кафе «Адмирал» в самом начале восьмого... Там он выпил порцию коньяка с водой. Спустя четверть часа, придя домой, он ел и пил... Следовательно, если принять во внимание то, что вы говорили о стрихnine, Ле-Поммерэ мог проглотить яд дома или еще где-нибудь..

Мегрэ быстро спустился на первый этаж. Домовладелица, окруженная соседками, горько плакала.

– Где у вас грязные тарелки и стаканы?

Она смотрела на комиссара, не понимая, чего он от нее хочет. Не дожидаясь ответа, Мегрэ прошел в кухню, там он увидел таз с теплой водой, справа от которого лежали вымытые тарелки, а слева – грязные. Тут же стояли стаканы.

– Я только что начала мыть посуду... – всхлипывала хозяйка.

Вошел полицейский.

– Охраняйте дом! – приказал ему Мегрэ. – Удалите отсюда всех, кроме хозяйки. И чтобы ни одного журнали-

ста, ни одного фотографа близко не было. К тарелкам и стаканам не прикасаться!

Мегрэ вышел на улицу. Под порывами штормового ветра ему предстояло прошагать до гостиницы метров пятьсот. Город погрузился во тьму, лишь несколько окон светились далеко одно от другого.

Зато на площади, ярко горели все три окна гостиницы «Адмирал». Их зеленоватые стекла делали здание похожим на огромный аквариум, освещенный изнутри.

Подойдя к дверям гостиницы, Мегрэ слышал громкие голоса, телефонные звонки и ворчание автомобильного мотора.

— Куда вы собрались? — спросил Мегрэ у журналиста, заводившего машину.

— Телефонная линия перегружена. Попробую соединиться с редакцией из другого места... Через десять минут будет поздно, мой материал не попадет в парижский выпуск...

Инспектор Леруа стоял посреди кафе с видом классного наставника, наблюдающего за приготовлением уроков. Журналисты писали не поднимая головы. Лицо у коммивояжера было по-прежнему ошарашенное, но он явно наслаждался непривычной обстановкой.

Посуда все еще стояла на столах. Здесь были бокалы на ножках — для аперитивов, маленькие ликерные стаканчики, пивные кружки с еще пузырявшейся пеной.

— Когда вы прекратили подавать, Эмма?

Официантка тщето напрягла память.

— Не знаю, мосье Мегрэ, не могу сказать... Часть стаканов я успела прибрать до вашего приказа, а другие стоят здесь с самого завтрака...

– Где стакан мосье Ле-Поммерэ?

– А что он пил? Вы не помните, мосье Мишу?..

Мегрэ ответил за доктора:

– Он пил коньяк с водой.

Эмма задумчиво смотрела на блюдечки⁴.

– Шесть франков... Но одному из этих господ я подавала виски, а оно тоже стоит шесть франков... Быть может, он пил из этого стакана... Или из этого?..

Фотограф, решивший не терять времени даром, фотографировал зеленоватые стаканы, разбросанные на мраморе столиков.

– Разыщите аптекаря! – приказал Леруа комиссар.

Поистине это была ночь тарелок и стаканов. Их принесли из дома покойного вице-консула Дании. В лаборатории аптекаря толкались журналисты, чувствовавшие себя как дома. Один из них, учившийся когда-то на медицинском факультете, даже принялся помогать аптекарю.

Снова позвонил мэр и едва процедил в трубку:

– ...ответственность несете вы...

Анализы ничего не дали. Появился хозяин гостиницы и недоуменно спросил:

– Комиссар, а куда девался пес?..

Чулан, где пса уложили на солому, был пуст. Парализованное животное, которое не могло не только ходить, но даже ползать из-за повязки, стягивавшей ему задние лапы, исчезло.

Анализ стаканов не обнаружил решительно ничего!

⁴ Во Франции напитки подают на разноцветных блюдечках, по ним производится расчет с клиентом.

– Возможно, я успела вымыть стакан мосье Ле-Поммерэ, – вздыхала Эмма. – Разве упомнишь в этой суматохе...

Половина посуды в кухне домовладелицы также успела побывать в тазу с теплой водой.

Землистое лицо Эрнеста Мишу было искажено гримасой ужаса – исчезновение пса его потрясло.

– За ним пришли со двора, я знаю... Там есть ход со стороны набережной... Что-то вроде тупичка. Надо поскорее забить эту дверь, комиссар. Подумать только, ведь в любую минуту он может проникнуть к нам незамеченным... Нет, это невероятно – унести такого пса на руках!..

Доктор не осмеливался покинуть своего места в глубине зала, стараясь держаться как можно дальше от дверей.

ГЛАВА 5

ЧЕЛОВЕК С МЫСА КАБЕЛУ

Было восемь часов утра. Мегрэ не ложился спать в эту ночь. Он принял горячую ванну и теперь брился перед окном, повесив зеркальце на шпингалет.

За ночь похолодало, шел мелкий дождь вперемешку с мокрым снегом. Внизу репортеры ждали парижских газет. Послышались свистки поезда, прибывающего на вокзал Конкарно в начале девятого. Сенсационные сообщения могли поступить каждую минуту.

На рыночной площади, перед окнами гостиницы, началась торговля. Однако на этот раз она шла менее оживленно, чем обычно. Люди шептались, приезжие крестьяне

были явно встревожены новостями, которые они слышали.

На немощенной площадке разместилось приблизительно с полсотни деревянных лотков и прилавков. Здесь торговали сливочным маслом и овощами, подтяжками и шелковыми чулками. Слева стояли самые разнообразные повозки, и над всем этим белыми чайками скользили накрахмаленные кружевные чепцы крестьянок. Но вот Мегрэ увидел – что-то произошло. Крестьяне прекратили торговать и сгрудились, все смотрели в одну сторону. Окно было закрыто, и Мегрэ слышал лишь невнятный гул голосов.

Комиссар приподнялся на цыпочки, чтобы дальше видеть. Близ портовых причалов рыбаки грузили на барки пустые корзины и сети. Вдруг они бросили работу и выстроились в ряд. По узкому проходу двое полицейских провели по направлению к мэрии какого-то человека.

Один из полицейских был безбородый юноша с наивным, почти детским лицом. У другого были густые усы цвета красного дерева; мохнатые брови придавали ему грозный вид.

Рынок замолк. Все смотрели на приближавшуюся тройку, показывая на наручники, соединявшие обе руки арестованного с руками его конвоиров.

Задержанный был гигант. Он шел, наклоняясь вперед, и от этого плечи его казались еще шире. С трудом вытаскивал он ноги из липкой грязи, и казалось, что он тянет за собой обоих полицейских.

На арестованном был ветхий пиджак. Он был без шляпы, его густые черные волосы были подстрижены очень коротко.

Журналист взбежал по лестнице и принялся трясти дверь комнаты, в которой спал фотограф:

– Бенуа! Бенуа! Скорее вставай! Можно сделать потрясающий снимок!..

Снимок действительно мог получиться потрясающим. Пока Мегрэ, не спуская глаз с площади, стирал остатки мыльной пены с лица и натягивал пиджак, там произошло нечто невероятное.

Рыночная толпа сомкнулась вокруг задержанного и полицейских. Внезапно пленник, по-видимому уже давно ждавший подходящего момента, остановился и с бешеной силой рванул обе руки.

Комиссар увидел, что на руках полицейских остались лишь жалкие обрывки цепей. Задержанный кинулся в толпу, упала сбитая с ног женщина. Люди бросились врассыпную. Еще никто не успел прийти в себя от изумления, как он одним прыжком достиг тупика, находившегося в двадцати метрах от здания гостиницы, совсем рядом с тем самым домом, из дверей которого в пятницу вылетела пуля, угодившая в Мостагэна.

Младший из полицейских хотел стрелять, но замешкался. Он устремился вслед за беглецом, держа пистолет так неумело, что Мегрэ начал опасаться несчастного случая. Навес из некрашенного дерева затрещал под напором метнувшейся толпы, и парусина упала прямо на масло.

Молодой полицейский смело продолжал преследование. Мегрэ, хорошо изучивший местность, неторопливо одевался.

Он понимал, что изловить беглеца здесь было бы чудом. Тупичок изгибался под прямым углом и был не шире

двух метров. Двери по крайней мере двадцати домов, фасад которых был обращен на набережную или площадь, выходили в эту кишку.

Кроме того, вокруг были амбары, склады торговца канатами и корабельными товарами, склады консервной тары и множество других беспорядочно разбросанных строений. И повсюду масса щелей и закоулков. А забраться на невысокую крышу одного из складов для рослого человека было совсем не трудно. Преследование в таких условиях становилось почти безнадежным.

Толпа теперь держалась в стороне. Женщина, которую неизвестный сбил с ног, багровая от злости, грозила кулаком, и крупные слезы стекали ей на подбородок.

Наконец из гостиницы появился фотограф. Он был бос и в дождевике, натянутом прямо поверх пижамы.

Получасом позже прибыл мэр, а следом за ним лейтенант жандармерии со своими людьми. Жандармы немедленно принялись обыскивать все соседние дома.

Увидев Мегрэ и Леруа, мирно поглощавших бутерброды за столиком кафе, первый сановник города затрепетал от негодования.

— Я вас предупреждал, комиссар, что вы несете ответственность за... за... Но вас это, видимо, совершенно не волнует! Я дам телеграмму в министерство внутренних дел, я сообщу им об... об... и спрошу: кто должен за это отвечать?.. Вы хотя бы видели, что происходит в городе? Люди в ужасе покидают свои дома! Парализованный старик кричит в страхе, потому что все удрали, оставив его одного!.. Сбежавший убийца мерещится всем!..

Мегрэ обернулся. Эрнест Мишу, точно испуганный ребенок, старался держаться ближе к нему. Он был по-прежнему бледен, как привидение.

— Заметьте, комиссар: арест был произведен местной полицией, ее рядовыми агентами, в то время как вы...

— А вы все еще настаиваете на аресте?

— Что вы хотите сказать? Неужели вы сможете вновь поймать беглеца?

— Вчера вы требовали, чтобы я арестовал кого-нибудь, все равно кого...

Все журналисты вышли на улицу помогать жандармам разыскивать преступника. В кафе было пусто и грязно.

Убрать еще не успели, противно пахло застоявшимся табачным дымом. Заплеванный пол, посыпанный древесными опилками, был усеян окурками и осколками битой посуды.

Комиссар неторопливо достал из бумажника незаполненный ордер на арест.

— Так скажите же одно слово, господин мэр, и я с удовольствием...

— Любопытно было бы узнать, кого вы собираетесь арестовать?

— Эмму, разумеется... Дайте-ка нам, пожалуйста, чернила и перо...

Мегрэ попыхивал трубкой. Он слышал, как мэр проворчал не без надежды, что его услышат:

— Блеф!

Мегрэ и ухом не повел. Своим размашистым, некрасивым почерком он писал:

«...означенного мосье Мишу Эрнеста, администратора акционерного общества недвижимости Белых песков...»

Это скорее напоминало комедию, чем трагедию. Мэр через плечо Мегрэ прочел то, что он писал.

— Вот так! — сказал Мегрэ. — Раз вы этого хотите, я арестую доктора!

Доктор посмотрел на обоих и попытался изобразить улыбку, как человек, который не знает, как реагировать на подобную шутку. Но комиссар смотрел не на него, а на Эмму, которая подошла к кассе и вдруг обернулась. На бледном лице официантки мелькнула слабая улыбка. Видно было, что она едва сдерживает радость.

— Я полагаю, комиссар, вы сознаете серьезность принятого вами решения?..

— Это мое ремесло, господин мэр.

— Значит, после всего происшедшего вы не находите ничего лучшего, как арестовать моего товарища, я бы сказал, друга... Арестовать одного из самых уважаемых граждан Конкарно... Человека, который...

— Скажите лучше, есть ли в вашем городе благоустроенная тюрьма?

Доктор Мишу, казалось, всецело был занят тем, чтобы проглотить набежавшую слюну.

— В мэрии имеется полицейский пост... Есть еще помещение в жандармерии Старого города...

Вошел инспектор Леруа. У него перехватило дыхание, когда Мегрэ обратился к нему самым непринужденным тоном:

— Вот что, старина... Вы окажете мне большую услугу, если сведете доктора в жандармерию. Это надо сделать аккуратно, наручники не понадобятся... Вы заключите его

под стражу и будете следить, чтобы он не испытывал ни в чем недостатка...

– Но это же сумасшествие! – пробормотал наконец доктор. – Я ничего не понимаю... Это неслыханно... Это, наконец, неблагородно!..

– Ну еще бы! – буркнул Мегрэ и повернулся к мэру. – Я не возражаю, чтобы полиция продолжала розыски сбежавшего бродяги, раз это забавляет население... Быть может, это даже будет полезно. Но не следует придавать его поимке слишком большое значение, господин мэр. Во всяком случае, постарайтесь успокоить жителей...

– А вы знаете, что при аресте бродяги мои люди обнаружили у него в кармане здоровенный складной нож?

– Вполне возможно...

Мегрэ начинал терять терпение. Он встал, натянул свое тяжелое драповое пальто с бархатным воротником и принялся счищать рукавом пыль с котелка.

– До скорого свидания, господин мэр. Буду держать вас в курсе. И еще один совет – не стоит пока ничего рассказывать журналистам. Откровенно говоря, дело это пустяковое, выведенного яйца не стоит... Пошли?

Вопрос относился к молодому сержанту, который кинул на мэра взгляд, словно желая сказать: «Извините, господин мэр, но я обязан повиноваться этому господину...»

Инспектор Леруа ходил вокруг доктора с видом человека, которому на плечи внезапно свалилась непосильная ноша.

Мегрэ пересек кафе, мимоходом потрепав по щеке Эмму. Затем он вышел на площадь, не обращая внимания на устремленные к нему любопытные взгляды жителей.

– Сюда? – спросил он у полицейского.

– Сюда, но придется обогнуть дом. Минут тридцать ходу, господин комиссар...

События, развернувшиеся в Конкарно, взволновали рыбаков гораздо меньше, чем городских жителей. Пользуясь относительным затишьем, десяток рыбацких баркасов выбирались из гавани. Рыбаки гребли кормовыми веслами к выходу из рейда, чтобы в море поставить паруса.

Полицейский смотрел на комиссара, как смотрит ученик на преподавателя, когда желает завоевать его благосклонность.

– А знаете, господин комиссар, доктор и господин мэри играли в карты не меньше двух раз в неделю... Для господина мэра это был такой удар...

– А что говорят в городе?

– Смотри кто... Те, что попроще, рабочие, рыбаки... не очень-то волнуются. По-моему, некоторые даже довольны. Господина доктора, господина Ле-Поммерэ и господина Сервьера не очень любили в наших местах. Конечно, они образованные господа, но... Никто, понятно, ничего им не говорил, но вели они себя не очень хорошо... Портили девчонок с рыбозавода... А в прошлом году, когда сюда приехали их парижские приятели, началось настоящее безобразие... Они пили и шумели до двух часов ночи, точно были хозяевами города... К нам часто поступали жалобы на них... Особенно безобразничал господин Ле-Поммерэ, он не пропускал ни одной юбки... Страшно вспомнить: рыбозаводы в то время стояли, девчонок выбросили на улицу... Но у этих господ были деньги.

– В таком случае кто же волнуется?

– Волнуются другие!.. Буржуа, лавочники, коммерсанты... Они водились с этой компанией из кафе «Адмирал». Оно вроде центра в нашем городе... Сам господин мэр бывал там...

Полицейский был явно польщен вниманием комиссара.

– Где мы находимся?

– Мы только что вышли из города. Здесь берег почти безлюден. Только скалы, пески и дюны... Кое-где виллы парижан, но там живут только летом. Это место называется мысом Кабелу...

– Почему вы решили искать именно здесь?

– Когда вы приказали нам с товарищем искать бродягу, которому, очевидно, принадлежит желтый пес, мы начали со старой барки, что стоит в заводи... Там иногда укрываются те, у кого нет крова... В прошлом году сгорел баркас: какой-то бродяга разводил в нем огонь, чтобы согреться, и ушел, не потушив костра...

– Так вы ничего не нашли?

– Ничего... Потом товарищ вспомнил, что на мысе Кабелу стоит заброшенная сторожка, и мы пришли сюда... Видите, на последнем выступе – каменный домик. Он, наверное, был построен в то же время, что и городские укрепления. Теперь идите сюда... Осторожно, здесь грязно. Когда-то в этом домике жил наблюдатель, который должен был сообщать в город о приближавшихся кораблях... Отсюда видно далеко вокруг... Это фарватер Гленан, проплыть в нашу гавань можно только по нему. Но все здесь вот уже много лет заброшено...

Мегрэ перешагнул порог. Двери не было, пол в комнате был земляной. В сторону моря смотрели узкие бойницы,

пробитые в стене. В другой стене было одно-единственное окно без рам и стекол.

Стены были покрыты надписями, нацарапанными кончиком ножа. На полу валялись клочки бумаги, какие-то обломки, мусор.

— Смотрите, господин комиссар... Здесь лет пятнадцать жил один чужак... Он был не совсем нормальный, дичился людей... Спал вот в этом углу, на сырость и холод ему было наплевать. А ведь во время шторма волны доходили до бойниц... Интересный был тип. Летом специально, чтобы посмотреть на него, приезжали парижане, давали ему деньги... А потом один ловкий продавец открыток додумался сфотографировать его и продавать снимки при входе в домик. Но во время войны бедняга умер, и дело лопнуло... Как видите, прибраться в домике никто не догадался. И я подумал вчера: если он прячется где-то поблизости, искать надо здесь...

Мегрэ поднялся по узенькой каменной лесенке, выбитой в толще утеса, и оказался в сторожевой будке — маленькой башенке, сложенной из гранита. Отсюда на все четыре стороны открывался чудесный вид.

— Здесь был пост наблюдателя. Когда маяки еще не были изобретены, здесь зажигали костер... Так, значит, сегодня утром мы с товарищем пришли сюда. Шли тихо, на цыпочках. Видим, на том самом месте, где спал сумасшедший, храпит какой-то здоровенный детина... Храп был слышен шагов за пятнадцать. Мы изловчились надеть ему наручники, так что он даже не успел проснуться!..

Они спустились в комнату, там гуляли пронизывающие сквозняки.

– Он отбивался? – спросил Мегрэ.

– Нет. Товарищ потребовал у него документы, но он даже не ответил. Если б вы его видели, господин комиссар! Он вполне мог справиться с нами обоими... Я все время держал его под прицелом. Ручищи у него!.. У вас тоже не маленькие, но у него вдвое больше, честное слово, и татуированные...

– Успели заметить, какая татуировка?

– На одной руке – якорь и буквы «С» по бокам... И еще какие-то рисунки, может быть, змея. Мы не стали ничего трогать, так все и было... Посмотрите, господин комиссар!..

В углу были свалены бутылки из-под дорогих, тонких вин и ликеров и пустые консервные коробки, а также не открытые – их было штук двадцать.

В центре комнаты остались следы догоревшего костра. Рядом валялась обглоданная дочиста кость бараньей ноги, хлебные корки, рыбы хребты, раковины и разгрызанные клешни омара.

– Настоящий пир! – воскликнул полицейский, видимо сроду не пробовавший таких деликатесов. – Вот почему за последнее время нам подали столько жалоб! Мы, правда, не обращали внимания, дела все были пустячные. У булочника украли шестифунтовый хлеб... С рыбацкой барки исчезла корзина свежих мерланов... Управляющий складом Прюнье жаловался, что у него по ночам воруют омаров...

Мегрэ был занят не совсем обычным подсчетом: за сколько дней мог управиться со всем этим здоровый человек с превосходным аппетитом?

– Пожалуй, за неделю, – бормотал он. – Никак не меньше. Да еще баранья нога... – Вдруг он спросил:

– А как же пес?..

– В самом деле! Мы его не нашли, господин комиссар... Весь пол покрыт следами лап, но пса мы не видели... А уж господин мэр, наверное, на стенку лезет из-за ареста доктора... Он грозился телеграфировать в Париж, самому министру... Держу пари, так он и сделает!..

– У этого человека было оружие?

– Нет. Я сам обыскивал его карманы, пока мой товарищ Пьебеф одной рукой наводил на него револьвер, а другой – держал цепь от наручников. В кармане его брюк я нашел жареные каштаны, штук пять или шесть... Их продают в субботу и воскресенье с тележки, что стоит возле кинотеатра... Еще у него было немного мелочи, франков на десять... И нож. Такими ножами матросы режут хлеб.

– И он ничего не сказал?

– Ни единого слова. Пьебеф и я, мы даже подумали, что он не в своем уме, как и прежний здешний жилец. Он волком смотрел на нас... Не брился, должно быть, дней восемь, и два передних зуба у него были сломаны.

– Что на нем было?

– Не обратил внимания, господин комиссар... Какой-то изодранный пиджачишко... А под ним – не помню, не то рубашка, не то фуфайка... Он пошел за нами как миленький... Мы с Пьебефом были горды такой добычей. Если б он захотел, он мог бы сбежать десять раз, пока мы добивались до города... Мы уж совсем успокоились, и вдруг, возле самого рынка, он так рванул наручники, что цепи не выдержали... Я думал, он мне руку оторвет... Видите?

Синяки до сих пор не прошли... Кстати, насчет доктора Мишу...

– Ну?

– Его мамаша должна вернуться сегодня или завтра. Вы знаете, что она вдова депутата? Говорят, у нее есть связи. Она дружна с женой господина мэра...

Сквозь узкие бойницы Мегрэ пристально смотрел на стальную поверхность океана. Крохотные парусники скользили между мысом Кабелу и подводной скалой, о существовании которой можно было догадаться по белым барашкам. Кораблики разворачивались и уходили в море ставить сети.

– Неужели вы действительно считаете, что доктор Мишу...

– Пошли! – сухо сказал комиссар.

Начинался прилив. Когда они вышли, свинцовые волны уже лизали гранитную площадку. Сотней метров ниже, у самой воды, прыгал по камням босоногий мальчишка. Видимо, при низкой воде он поставил ловушку для крабов и теперь торопился забрать добычу. Молодой полицейский не мог заставить себя молчать.

– Самое странное – это, конечно, выстрел в мосье Мостагэна. Ведь он лучший человек во всем Конкарно... Его даже хотели выбрать муниципальным советником... Правда, он как будто выкарабкался, но извлечь пулю не удалось... Бедняга так и будет ходить всю жизнь с куском свинца в животе. Подумать только, не начни он раскуривать сигару на ветру, ничего бы не случилось...

Обратно Мегрэ и сержант шли другим путем. Док остался справа, а они поехали на пароме, ходившем между портом и Старым городом.

Совсем близко от перекрестка, где накануне добивали камнями желтого пса, Мегрэ увидел стену с внушительной дверью. На ней развевался флаг и виднелась надпись: «Национальная жандармерия».

Мегрэ и сержант вошли во двор дома, построенного еще во времена Кольбера. В канцелярии инспектор Леруа о чем-то спорил с жандармским бригадиром.

– Где доктор? – спросил Мегрэ.

– Понимаете, комиссар, бригадир ни за что не разрешает приносить ему еду из ресторана...

– Только под вашу личную ответственность! – заявил бригадир. – И напишите мне расписку, чтобы я мог оправдаться.

Дворик был тих и безлюден, словно в монастыре. С пленительным журчанием плескалась вода в фонтане.

– Где он?

– Видите дверь? За ней будет коридор. Вторая дверь направо. Если хотите, могу вас проводить. Кстати, мне недавно звонил мэр и приказал обращаться с арестованным как можно мягче...

Мегрэ почесал подбородок. Инспектор Леруа и сержант – наверно, ровесники – смотрели на него с одинаково робким любопытством.

Спустя несколько минут комиссар вошел в камеру. Стены ее были выбелены известью, и помещение выглядело не более унылым, чем любая казарма.

Доктор Мишу сидел за маленьким некрашеным столом. Увидев комиссара, он встал и после короткого колебания заговорил, глядя куда-то в сторону:

– Я полагаю, комиссар, что вы разыграли эту комедию

лишь для того, чтобы избежать новой драмы и защитить меня от нападения этого... этого...

Мегрэ обратил внимание, что у доктора в нарушение устава не были отобраны ни подтяжки, ни фуляровый шарф, ни шнурки. Комиссар зацепил носком ботинка стул, подтянул его к себе и удобно уселся. Затем он достал трубку, набил ее и проворчал добродушно:

– Ну еще бы... Да вы присаживайтесь, доктор!..

ГЛАВА 6

ТРУС

– Скажите, комиссар, вы суеверны?

Мегрэ сидел верхом на стуле, положив локти на спинку. Он скорчил гримасу, которая могла означать все что угодно. Доктор так и не сел.

– Я думаю, комиссар, что все мы суеверны, но проявляется это лишь в определенный момент. Когда мы, если разрешите так выразиться, ощущаем, что нас взяли на прицел...

Доктор откашлялся в платок, озабоченно посмотрел в него и продолжал:

– Всего неделю назад я сказал бы вам, что не верю никаким оракулам. Но теперь!.. Лет пять назад мы, несколько друзей, обедали у одной парижской актрисы. После обеда, за кофе, кто-то предложил погадать на картах... Погадали и мне... Знаете, что мне выпало? Заметьте, я не верил, я хотел до слез... Я знал наперед все эти гадания: светловолосая дама, трфовый король, желающий вам добра,

письмо издалека и прочее. Но мне сказали совсем другое: «Вы умрете страшной смертью... Остерегайтесь желтых собак!...»

Эрнест Мишу еще ни разу не посмотрел на комиссара. Теперь он на мгновение остановил на нем свой бегающий взгляд. Мегрэ благодушествовал. Огромный на маленьком стульчике, он очень смахивал на статую Благодушия.

– Вас это не удивляет, комиссар? Много лет подряд я и не слыхал ни о каких желтых псах... И вот в пятницу разыгрывается первая трагедия, и жертвой оказывается один из моих ближайших друзей... С таким же успехом я сам мог укрыться на крыльце, чтобы закурить!.. И получил бы пулю в живот!.. А желтый пес тут как тут!.. Затем исчезает второй мой друг... Исчезает при неслыханно таинственных обстоятельствах. И снова бродит вокруг этот проклятый пес... Вчера пришла очередь Ле-Поммерэ – и здесь не обошлось без следов этого чудовища... Как же мне не волноваться, комиссар?

Все это доктор Мишу выпалил единым духом, но к концу своей тирады он заметно успокоился. Чтобы подбодрить его, Мегрэ поддакнул:

– Безусловно. Несомненно...

– Разве это не ужасно?.. Я прекрасно понимаю, что могу показаться трусом. Пусть так! Да, я боюсь! После выстрела в Мостагэна какой-то безотчетный страх схватил меня за горло и не отпускает... Особенно – когда я слышу об этом желтом псе!..

Доктор маленькими шажками бегал по камере, упорно глядя в пол. Лицо его покраснелось.

– Я сам собирался попросить у вас защиты, комиссар,

но боялся вашей презрительной усмешки... Ваше презрение ранило бы меня... Я знаю, что сильные люди презирают трусов...

Голос доктора стал пронзительным.

— Так вот, комиссар, я признаюсь вам в том, что я трус... Четыре дня я живу в мучительном страхе, я умираю от страха. Но я в этом не виноват. Я достаточно опытный врач, чтобы понимать, в чем тут дело. Я родился семимесячным, и меня поместили в «инкубатор». Ребенком я переболел решительно всеми детскими болезнями... Когда началась война, врачи признали меня годным к военной службе. А мне уже дважды накладывали пневмоторакс, удалили часть ребра, и каверна едва успела зарубцеваться... Одной почки у меня уже не было. Но врачи тогда осматривали по пятьсот человек в день, они признали меня годным и отправили на фронт. И тут я узнал настоящий страх!.. Мне казалось, что я схожу с ума! При разрыве снаряда меня засыпало землей, санитары еле откопали меня. После этого я был признан непригодным к военной службе и демобилизовался... Конечно, то, что я рассказываю вам, не очень приятно. Но я внимательно наблюдал за вами, и мне кажется, вы способны понять многое... Презирать слабого легче всего. Гораздо труднее понять до конца причины страха. Так вот, комиссар: я прекрасно знал, что вы смотрели на нашу компанию весьма неодобительно. Вам, конечно, рассказали, что я, сын покойного депутата, доктор медицины, занимаюсь продажей земельных участков... И провожу вечера в кафе «Адмирал» в кругу таких же неудачников, как я сам... Впрочем, что мне оставалось делать, комиссар?.. Мои родители тратили

много, но были небогаты. Для Парижа это не редкость. Я рос в роскоши, меня возили по всем модным курортам. Потом отец умер, а матери пришлось выкручиваться, интриговать, ведь она осталась все той же тщеславной светской дамой, а кредиторы уже начали нас осаждать. Я стал помогать ей!.. Все, на что я оказался способен, – это торговля земельными участками... Конечно, занятие не из блестящих. К тому же оно вынуждает меня жить в этой дыре... Зато здесь мы уважаемые граждане... Правда, у каждого из этих уважаемых граждан своя червоточинка... Мы знакомы всего три дня, комиссар, но мне хочется говорить с вами начистоту... Я был женат, но жена бросила меня... Ей был нужен человек энергичный, честостлюбивый... А у меня не хватает почки... Три или четыре дня в неделю я болею, еле дотаскиваю ноги от кровати до кресла...

Доктор устало опустил на стул.

– Вероятно, Эмма сказала вам, что я был ее любовником... Глупо, не правда ли?.. Но что делать, комиссар, иногда женщина бывает вам необходима... Хотя о таких вещах не принято говорить во всеуслышание. В кафе «Адмирал» я мог бы постепенно сойти с ума. Этот желтый пес... Исчезновение Сервьера, пятна крови в его машине... И самое страшное – ужасная смерть Ле-Поммерэ... Почему он?.. Почему не я?.. За два часа до его гибели мы сидели за одним столом, пили из одной бутылки... У меня было предчувствие, что если я выйду на улицу, то наступит мой черед. Потом я понял, что кольцо смыкается. Даже в гостинице, запершись в своей комнате, я не мог считать себя в безопасности... Поэтому я так обрадовался, когда увидел, что вы подписываете ордер на мой арест. И все же...

Доктор обвел взглядом стены, посмотрел на зарешеченное окно, выходящее во двор.

– Все же я думаю передвинуть свою койку в тот угол, подальше от окна... Ну разве это не странно? Мне гадали пять лет тому назад, а ведь желтого пса, конечно, тогда и на свете не было! Я боюсь, комиссар, я готов кричать во все горло, что я боюсь... Мне наплевать, что скажут люди, узнав, что я в тюрьме. Я думаю только об одном: я не хочу умирать!.. А ведь кто-то подстерегает меня. Кто он, я не знаю, но он убил Ле-Поммерэ, убил Гойяра, тяжело ранил Мостагэна... Объясните мне: зачем он это сделал? Вероятнее всего, это сумасшедший. Но он на свободе, он бродит где-то рядом, а мы не можем с ним справиться. Он уже знает, что я здесь. Вы заметили, что у этого ужасного пса глаза человека?..

Мегрэ поднялся со стула и выколотил трубку о каблук. Доктор Мишу жалобно повторил:

– Я знаю, вы считаете меня трусом... Что ж! У меня опять начались боли в почке, и я промучаюсь всю ночь.

Мегрэ как бы олицетворял собой полную противоположность доктору, которого снедали какое-то лихорадочное волнение, физическая боль и отвратительный, нездоровый ужас.

– Прислать вам врача?

– Не надо! Если я стану кого-то ждать, это будет еще страшнее... Мне будет казаться, что сейчас войдет он, сумасшедший убийца... Вместе со своим псом...

Зубы доктора стучали.

– Вы арестуете его, комиссар, или просто застрелите как бешеную собаку? Он хуже бешеной собаки!.. Ведь он убивает людей без цели, без причины...

Казалось, еще три минуты – и у него начнется нервный припадок. Мегрэ счел за лучшее подняться и выйти. Заключенный проводил его взглядом. Он втянул голову в плечи, глаза его тускло мерцали под красноватыми веками.

– Вы хорошо меня поняли, бригадир?.. Никто, кроме вас, не имеет права входить в камеру. Вы будете приносить ему пищу и все, что ему понадобится. Но смотрите, чтобы в камере не было ничего такого, с помощью чего он мог бы покончить с собой. Отберите у него шнурки, галстук... Во дворе под окном установите круглосуточное дежурство. И будьте с ним вежливы!.. Безупречно вежливы!..

– Такой достойный человек! – вздохнул жандармский – бригадир. – Неужели вы думаете, что он...

– Что он очередная жертва? Да!.. Помните: вы отвечаете за его жизнь!..

Мегрэ вышел и зашагал по узкой улице, шлепая по лужам. Теперь уже весь город знал его. При его появлении на окнах приподнимались занавески. Мальчишки прекращали игры и провожали его почтительными и боязливыми взглядами.

Комиссар пересекал подъемный мост, соединяющий Старый город с Новым, когда навстречу ему попался инспектор Леруа. Он искал комиссара.

– Есть новости, Леруа? Как прошла облава на медведя?

– На какого медведя?

– На медведя с большими лапами... Удалось вам его поймать?

– Нет. Мэр распорядился прекратить розыски, так как

они нервируют население. Мы ограничились тем, что установили жандармские посты в наиболее важных местах... Но я искал вас не поэтому. Я хотел поговорить с вами насчет исчезнувшего журналиста Гойяра, он же Жан Сервьер... Из Бреста приехал один коммивояжер, который с ним знаком. Он утверждает, что вчера видел Сервьера в Бресте. Сервьер отвернулся и сделал вид, что не узнает его...

Леруа был очень удивлен тем равнодушием, с каким встретил это известие комиссар.

— Мэр убежден, что коммивояжер обознался... Коротеньких, толстых мужчин немало в любом городе. Я слышал, как он тихо сказал одному из своих помощников, очевидно все же рассчитывая, что я его услышу: «Вот увидите, комиссар устремится по ложному следу. Держу пари, что он уедет в Брест, оставив убийцу у нас на шее...» Это его точные слова...

Мегрэ молча прошел еще шагов двадцать. Они вышли на рыночную площадь, где уже разбирали ларьки и прилавки.

— Я хотел ему ответить...

— Что?

Леруа покраснел и отвернулся.

— В том-то и дело, что я не знал, что. Мне тоже казалось, что вы не придаете большого значения поимке бродяги.

— Как здоровье Мостагэна?

— Ему лучше... Он ничего не мог сказать по поводу выстрела. Он просил прощения у жены за то, что засиделся в кафе... За что, что выпил лишнее... Он плакал и клялся, что никогда в жизни не возьмет в рот и капли спиртного...

Мегрэ остановился на набережной метрах в пятидесяти

от кафе «Адмирал». Рыбачьи лодки возвращались в порт. Огибая мол, они спускали свои бурые паруса и тихо двигались к причалам на кормовых веслах.

У стен Старого города отлив обнажил ржавую железную посуду, дырявые кастрюльки и прочий хлам.

За плотной завесой облаков едва угадывалось солнце.

— А вы что скажете, Леруа?

Инспектор растерялся.

— Не знаю... Конечно, не упусти мы этого бродягу... И потом, исчезновение пса... Зачем бродяга оказался на вилле доктора?... Очевидно, искал там яд... Из этого я делаю вывод...

— Понятно. Только я, инспектор, никогда не делаю преждевременных выводов.

— Я очень хотел бы посмотреть на этого бродягу вблизи... Судя по отпечаткам ног, он должен быть великаном...

— Разумеется!

— И что вы на это скажете?

— Ничего.

Мегрэ стоял неподвижно. Казалось, он был зачарован видом маленькой гавани. Слева чернел скалистый мыс Кабелу, поросший сосновым лесом. Черно-красные вехи и яркие буи указывали путь к островам Гленан, а дальше все тонуло в серой дымке.

Инспектору еще многое нужно было сказать комиссару.

— Я звонил в Париж, чтобы навести справки о Гойяре, ведь он долго там жил...

Мегрэ взглянул на него с добродушной усмешкой, и задетый за живое Леруа заторопился:

— Сведения получил самые противоречивые... К теле-

фону подошел бригадир светской полиции, который знал его лично. Так вот, Сервьер много лет занимался журналистикой... Начал с хроникера. Потом стал директором-распорядителем какого-то маленького театра. Потом – владельцем кабаре на Монмартре... Дважды банкротился. Около двух лет был главным редактором провинциальной газетки, кажется в Невере... Потом заправлял в каком-то ночном кабаке... «Этот господин умеет плавать!» Бригадир отозвался о Сервьере именно так... Но потом добавил: «Парень он неплохой; когда увидел, что ничего в Париже не добьется, а только проест свои сбережения и что ему грозят неприятности, он предпочел опять нырнуть в провинцию...»

– Итак?

– Итак, я не понимаю, зачем ему понадобилась эта инсценировка... Я видел его машину, на сиденье самые настоящие пятна крови... Но если он жив, какой ему смысл скрываться? Ведь его видели гуляющим по Бресту!..

– Вот и отлично!

Инспектор живо повернулся к Мегрэ. Уж не шутит ли он? Но нет! Лицо комиссара было серьезно, а взгляд прикован к светлому краешку солнца, которое появилось из-за туч.

– Что касается Ле-Поммерэ...

– Есть какие-нибудь сведения?

– В гостиницу приходил его брат, хотел повидаться с вами... Но ждать у него не было времени. Он чернил его, как только мог... Покойный Ив был бездельником, а это, с его точки зрения, непростительно... У него были две страсти – охота и женщины. Он влезал в долги и любил

корчить из себя аристократа... И еще одна характерная деталь: брат Ле-Поммерэ, один из богатейших промышленников города, заявил мне: «Я, например, шью у брестских портных. Это не роскошно, но вполне прилично и недорого... А Ив одевался только в Париже! И обувь он заказывал только у хороших мастеров... А ведь даже моя жена носит фабричную обувь!...»

— Какая чепуха! — фыркнул Мегрэ к великому удивлению своего собеседника.

— Почему?

— Вернее, ценная чепуха, Леруа! Как вы только что выразились, мы с вами нырнули в провинциальную жизнь... Это прекрасно: знать, носил Ив Ле-Поммерэ обувь фабричную или сделанную на заказ!.. Кажется, что это не имеет никакого значения, но можете мне поверить, Леруа: это решающий момент трагедии. Пойдемте, Леруа, пить аперитив, как пили его ежедневно эти почтенные господа... В кафе «Адмирал», разумеется...

Инспектор внимательно посмотрел на своего начальника, стараясь понять, не издевается ли тот над ним. Он ожидал благодарности и поздравлений за бурную деятельность, которую развернул в это утро. А Мегрэ сделал вид, что не принимает его сообщений всерьез.

По залу кафе прошло волнение, как по классу, когда входит преподаватель, а ученики еще болтают и смеются. Разговоры сразу стихли. Журналисты окружили комиссара тесной толпой.

— Об аресте доктора можно писать? Он в чем-нибудь признался?

– Ровно ни в чем!

Мегрэ рукой раздвинул толпу и крикнул Эмме:

– Два раза перно, милочка!..

– Но, господин комиссар, раз вы арестовали доктора Мишу...

– Хотите знать правду, господа?

Сразу зашуршали блокноты, взвились вечные перья. Журналисты ждали.

– Так вот, правды пока еще нет. Быть может, мы ее узнаем в один прекрасный день... А может быть, и не узнаем.

– Говорят, что Жан Гойяр...

– Жив и здоров? Тем лучше для него!

– Но есть еще неизвестный, который скрывается, которого преследуют и не могут найти...

– Это только доказывает, что дичь сильнее охотников! – Мегрэ потянул за рукав Эмму и тихо сказал:

– Принеси мне поесть в мою комнату, ладно? – Комиссар залпом выпил аперитив и поднялся со стула:

– Послушайте моего совета, господа: не увлекайтесь преждевременными умозаключениями. И самое главное: не делайте никаких выводов!

– Но кто же убийца?

Мегрэ пожал своими широкими плечами и вздохнул:

– Кто знает, господа, кто знает...

Он уже подошел к лестнице. Инспектор Леруа вопросительно посмотрел на него.

– Нет, старина, вы лучше позавтракайте в общем зале... Мне надо отдохнуть.

Лестница закрипела под тяжелыми шагами комиссара. Спустя десять минут Эмма понесла наверх блюдо с закусками.

Потом она поднялась вновь, неся кастрюльку со свежими омарами и порцию телятины со шпинатом.

В общем зале разговор постепенно затихал. Одного из журналистов вызвали к телефону. Возвратясь, он заявил:

– Часа в четыре... да, пожалуй, не раньше... я сообщу вам потрясающую новость. Но пока придется подождать, понятно?

За маленьким столиком в углу сидел инспектор Леруа. Он ел не торопясь, как хорошо воспитанный молодой человек, то и дело вытирая рот уголком чистой салфетки.

На рыночной площади толпились любопытные, они не сводили глаз с фасада кафе, ожидая новых событий.

На углу тупичка, в том самом месте, где сбежал арестованный бродяга, стоял, прислонившись спиной к стене, дежурный жандарм.

Зазвонил телефон.

– Господин мэр просит комиссара Мегрэ!

Леруа встрепенулся и приказал Эмме:

– Поднимитесь наверх и позовите комиссара!

Через минуту официантка вернулась и заявила:

– В комнате его нет!

Инспектор стремглав взбежал по лестнице, потом спустился бледный как полотно и схватил трубку.

– Алло!.. Да, господин мэр. Не знаю, господин мэр... Я... я очень беспокоюсь. Комиссара здесь нет! Алло! Нет! Ничего не могу сказать... Он завтракал у себя в комнате... Я не заметил, чтобы он спускался... Я позвоню вам через час...

Салфетка все еще была в руках у Леруа, он вытер ею пот, проступивший на лбу.

ГЛАВА 7

ДВОЕ ПРИ СВЕЧЕ

Инспектор Леруа поднялся в свою комнату лишь полчаса спустя. На столе лежала записка, зашифрованная азбукой Морзе. Расшифровав, Леруа прочел:

«Сегодня вечером после одиннадцати незаметно вылезьте на крышу гостиницы. Я буду там. Не шумите. Возьмите с собой оружие. Скажите, что я уехал в Брест и позвонил вам оттуда. Никуда не выходите из гостиницы. Мегрэ».

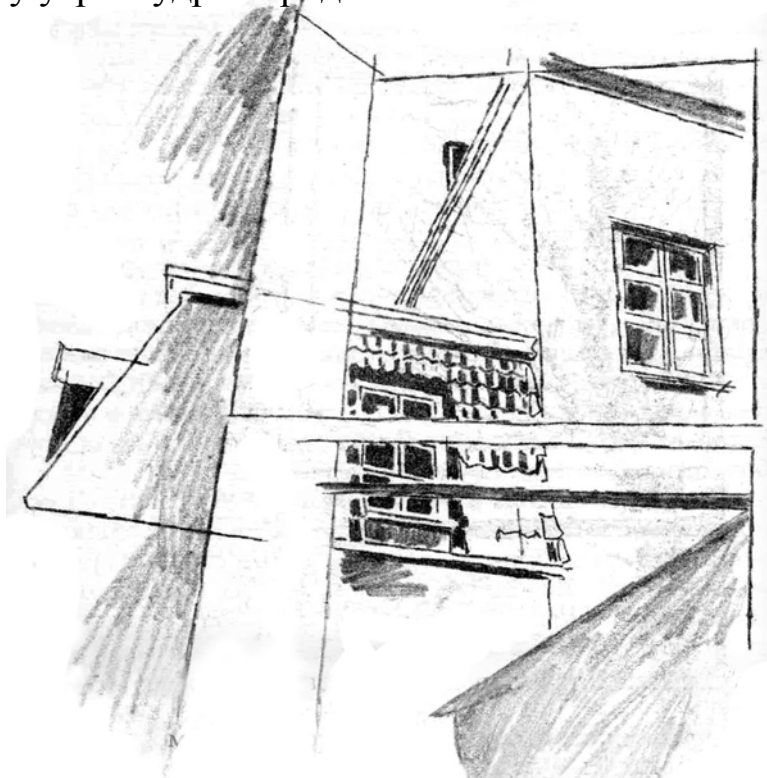
Незадолго до одиннадцати Леруа снял ботинки и надел войлочные туфли. Он купил их днем специально для этой экспедиции, которая его очень заинтересовала.

Лестница доходила только до второго этажа. Поэтому на чердак можно было попасть, лишь взобравшись по стремянке, приставленной к люку в потолке. Там было холодно – сквозняки свободно гуляли под высокой крышей дома. Очутившись на чердаке, инспектор отважился зажечь спичку.

Спустя несколько секунд он вылез через слуховое окно, но спуститься к карнизу решил не сразу. Все предметы вокруг были ледяные, пальцы стыли, когда прикасались к цинковой крыше. Леруа пожалел, что не надел пальто.

Когда глаза начали привыкать к темноте, Леруа увидел перед собой черную глыбу, точно притаился в засаде какой-то огромный зверь. Леруа почувствовал запах трубочного табака и чуть слышно свистнул.

Спустя мгновение, он сидел рядом с Мегрэ, упершись подошвами в карниз крыши. Отсюда не было видно ни моря, ни города. Они находились на той стороне крыши, которая спускалась к набережной, под их ногами открывалась темная пропасть. Это был тот самый тупичок, по которому утром удрал бродяга.

Дома, очевидно, не строились по единому плану. У одних были низкие крыши, у других они поднимались на высоту приблизительно четырех метров. Город спал, но кое-где еще светились окна. Некоторые из них были затянуты шторами, за которыми, подобно китайским тням, мелькали силуэты людей. В одном окне виднелась женщина, моющая грудного ребенка.

Массивная фигура комиссара зашевелилась и поползла поближе. Рот Мегрэ оказался возле уха инспектора.

– Поосторожнее, Леруа! Не шевелитесь! Карниз не так уж крепок, и водосточная труба в любую минуту может загреметь... Где газетчики?

– Внизу. Все, кроме одного. Он уехал в Брест, полагая, что вы бросились по следу Гойяра...

– А Эмма?

– Не знаю, не обратил внимания... Она подавала мне кофе после обеда, и больше я не видел ее.

Нелепо было сидеть на крыше, забравшись сюда тайком от всех. Внизу жизнь шла своим чередом, слышались голоса и смех. Люди сидели в теплых, светлых комнатах, им не нужно было шептаться...

– Осторожно повернитесь и поглядите на нежилой дом.

Этот дом стоял вторым справа и был одним из немногих домов, таких же высоких, как здание гостиницы. Он стоял окутанный густым, бархатным мраком, и инспектору показалось, что на стекле незавешенного окна во втором этаже играет желтоватый отблеск.

Присмотревшись внимательнее, Леруа понял, что ошибся: слабый свет горел внутри пустого дома. Инспектор продолжал пристально вглядываться и немного погодя смог различить то, что было возможно.

Он увидел пол, застланный линолеумом, свечу, сгоревшую наполовину. Язычок пламени стоял ровно, окруженный золотистой дымкой.

– Он здесь! – От неожиданности Леруа сказал это почти полным голосом.

– Шш!.. Конечно!

Действительно, в комнате кто-то лежал на полу. Свеча освещала лежавшего только с одной стороны, поэтому половина его тела тонула во мраке. Они увидели могучий торс, обтянутый матросской тельняшкой, и огромный башмак.

Леруа вспомнил, что у входа в тупичок стоит жандарм, на площади – второй, а третий патрулирует по набережной.

– Задержим его?

– Не знаю. Он спит уже три часа.

– Оружие у него есть?

– Утром не было.

Они с трудом понимали тихий шепот друг друга, который сливался с их осторожным дыханием.

– Чего мы ждем?

– Не знаю... Я не могу понять одного: ведь он знает, что его ищут, к тому же сейчас он спит – так зачем же ему зажженная свеча?.. Внимание!

На стене нежилого дома вдруг появился желтый прямоугольник.

– Это зажгли свет в комнате Эммы, как раз под нами. И отблеск падает на стену дома напротив...

– Вы обедали, комиссар?

– Я взял с собой хлеба и колбасы.

– Вам не холодно?

И тот, и другой уже продрогли. По небу через каждые несколько секунд скользил яркий луч маяка.

– Она погасила свет...

– Вижу... Тише.

Еще пять минут тишины, пять минут томительного ожидания. В темноте рука Леруа нашла руку Мегрэ и многозначительно стиснула ее.

– Посмотрите вниз!

– Вижу...

Черная тень мелькнула на выбеленной известью стене, отделявшей сад пустого дома от тупика.

– Она пошла к нему! – прошептал Леруа, не в силах справиться с охватившим его волнением.

Человек в комнате продолжал спать. В саду зашуршали кусты смородины. Испуганный кот метнулся по переулку.

– Нет ли у вас зажигалки с трutowым фитилем? – Мегрэ не решался разжечь погасшую трубку. Он долго колебался. Наконец прикрылся полрой пиджака Леруа и быстро чиркнул спичкой. Инспектор ощутил теплый запах табачного дыма.

– Смотрите!..

Оба замолчали. Человек в комнате так стремительно вскочил на ноги, что чуть не опрокинул свечу. Он отодвинулся в тень, дверь открылась, и в освещенную часть комнаты вступила Эмма. Она вошла с таким нерешительным и жалким видом, словно в чем-то была очень виновата.

Подмышкой у нее были бутылка вина и сверток, который она положила на пол. Бумага на свертке разорвалась, оттуда торчала ножка жареной курицы.

Эмма заговорила, видно было, как движутся ее бледные губы. Печально и покорно произнесла она несколько слов. Собеседника не было видно.

Что такое? Неужели Эмма плачет? На ней было все то же черное платье официантки и на голове накрахмаленный бретонский чепец. Она не успела снять фартука и поэтому казалась еще более неуклюжей, чем обычно.

Да. Эмма плакала, говорила и плакала... Она с трудом

выдавливала из себя слова. Вот она прислонилась спиной к дверному косяку и закрыла лицо согнутой рукой. Плечи ее судорожно вздрагивали.

Мужчина вышел на середину комнаты и заслонил собой светлый прямоугольник окна, но тут же шагнул к двери, и опять комнату стало хорошо видно. Огромная рука схватила женщину за плечо и тряхнула так, что Эмма отлетела и едва удержалась на ногах. Она повернулась к окну. Ее лицо было бледным и измученным, губы распухли от слез.

Все это напоминало демонстрацию фильма при зажженном свете. Лица Эммы и бродяги были видны расплывчато и неясно. Их шагов и голосов не было слышно.

Совсем как в немом кино, не хватало только тапера.

Теперь говорил мужчина. Видимо, он говорил громко, этот медведь. Его голова на короткой шее, казалось, ушла в плечи, полосатая тельняшка обтягивала могучую грудь. Волосы его были острижены коротко и неровно, как у каторжника. Упершись кулаками в бока, он, видимо, в чем-то упрекал ее или ругал... А может быть, и угрожал.

Видно было, что он взбешен и вот-вот бросится на Эмму. Леруа далее дотронулся до Мегрэ, словно желая удостовериться, что комиссар рядом.

Эмма все еще плакала. Накрахмаленный чепец съехал набок, казалось, ее густые волосы сейчас рассыпятся. Где-то в стороне захлопнулось окошко, и это на мгновение отвлекло Мегрэ и Леруа.

– Комиссар... А что если...

Облачко табачного дыма окутывало обоих мужчин призрачным теплом.

Почему Эмма так умоляюще складывает руки?.. Опять говорила она. На лице ее застыло выражение ужаса, боли и мольбы, и Леруа услышал, как щелкнул предохранитель револьвера Мегрэ.

Расстояние между комнатой и сидевшими на крыше не превышало двадцати метров. Сухой треск выстрела, звон разбитого стекла – и великан будет обезврежен...

Бродяга метался по комнате. Он заложил руки за спину и от этого казался еще шире, еще приземистее. Он чуть не споткнулся о жареную курицу и яростно пнул ее ногой. Курица отлетела в тень. Эмма проводила ее грустным взглядом.

О чем говорили эти двое? Что было лейтмотивом этого патетического диалога?

Мужчина, видимо, повторял одно и то же. Но теперь он как будто говорил более вяло.

Вдруг Эмма бросилась на колени, преградив ему путь, и протянула дрожащие, умоляющие руки. Даже не посмотрев на нее, он резко отвернулся, а она, рухнув на пол, продолжала тянуться к нему.

Мужчина ходил по комнате, то появляясь в окне, то исчезая. Вот он остановился возле Эммы и поглядел на нее сверху вниз.

И снова зашагал, то приближаясь к Эмме, то удаляясь от нее. У Эммы, видимо, не было больше сил умолять, а может, ее оставило мужество. Она опустилась на пол, тело ее безжизненно вытянулось. Бутылка оказалась рядом с ее рукой.

Бродяга неожиданно наклонился, схватил женщину за плечо и грубым рывком поставил ее на ноги. Эмма, когда

он ее отпустил, неуверенно качнулась, но ее измученное лицо озарила робкая улыбка надежды. Чепец остался на полу, волосы рассыпались.

Мужчина продолжал шагать. Дважды он прошел мимо обессиленной женщины, потом вдруг обнял ее, прижал к себе, запрокинул ей голову и впился в ее губы.

Теперь видна была только спина, нечеловечески широкая спина и маленькая женская рука, вцепившаяся в плечо мужчины. Мужчина не отрывал губ, звериная лапа медленно гладила рассыпавшиеся волосы женщины, точно он хотел ее раздавить, уничтожить, вобрать в себя...

— Что же это такое?.. — дрожащим голосом прошептал инспектор.

Мегрэ был настолько поражен этим неожиданным переходом, что едва удержался от смеха.

Прошло минут пятнадцать с тех пор, как Эмма вошла в комнату. Грубое объятие кончилось, свеча почти догорела. Ее оставалось еще минут на пять. Атмосфера в комнате разрядилась.

Теперь Эмма смеялась. Она раздобыла где-то осколок зеркала и устроилась с ним возле самой свечи. Было видно, как она закалывает свои длинные волосы, как поднимает с полу выпавшую шпильку и, держа ее во рту, надевает смятый чепец.

Сейчас Эмма казалась почти красивой. Да она и была красива! Даже ее плоская фигура, заплаканные глаза, ее поношенная черная юбка казались очаровательными. Мужчина тем временем занялся курицей. Не спуская с

Эммы глаз, он впился зубами в нежное мясо, жадно рвал его, обсасывал кости.

Он искал в карманах нож, но не нашел и, ударив бутылкой по каблуку, отбил горлышко. Потом сделал несколько глотков и протянул бутылку Эмме. Она, смеясь, покачала головой. Быть может, боялась, что порежет губы? Но бродяга заставил Эмму открыть рот и стал осторожно поить ее.

Эмма поперхнулась и закашлялась. Бродяга снова обнял ее и поцеловал, но не в губы. Он осыпал короткими поцелуями ее щеки, глаза, волосы, далее накрахмаленный чепец.

Эмма привела себя в порядок. Мужчина подошел к окну и прижался к стеклу лицом. Опять его огромное тело заслонило светлый прямоугольник. Затем он повернулся и потушил свечу.

Инспектор Леруа беспокойно зашевелился.

– Они уходят вместе, комиссар...

– Конечно.

– Но их схватят жандармы...

Зашелестели смородиновые кусты. Над низкой стеной появился темный силуэт – Эмма спрыгнула в тупик и остановилась, ожидая любовника.

– Проследи за ними! – шепнул Мегрэ. – Только смотри, чтобы они тебя не заметили. Доложишь, когда будет возможность.

Пока бродяга перелезал через стену, Мегрэ помог инспектору добраться до чердачного окна. Затем он вернулся на прежнее место и осмотрел тупичок: теперь виднелись лишь головы удалявшейся пары.

Эмма и бродяга остановились и нерешительно перешептывались. Затем официантка увлекла его в какой-то сарайчик, который был закрыт только на щеколду, и они в нем исчезли.

Это был склад торговца канатами. Он сообщался с магазином, который, разумеется, был пуст в это время. Стоило сломать замок входной двери – и пара окажется на набережной.

Но Леруа будет там раньше них.

Как только комиссар спустился с чердачной лестницы, ему стало ясно: что-то случилось. Вся гостиница гудела. Слышались телефонные звонки и громкие голоса. И среди них голос Леруа, который, очевидно, говорил по телефону, так как изъяснялся в весьма повышенном тоне.

Мегрэ кубарем скатился по лестнице и в коридоре столкнулся с одним из журналистов.

– Что тут происходит?

– В городе случилось новое убийство... Всего четверть часа назад. Пострадавший перевезен в аптеку...

Мегрэ поспешил на набережную и увидел жандарма, который бежал, размахивая револьвером. Пожалуй, еще никогда Мегрэ не видел такого черного неба. Он догнал жандарма.

– Что у вас случилось?

– Какая-то пара вышла из магазина... Я немного отошел с поста, а они прямо как с неба свалились. Теперь уже не стоит догонять, они, должно быть, далеко.

– Объясните, как было дело!

— Я услышал шум в магазине, хотя свет там уже был погашен. Я вынул револьвер и подошел... Дверь раскрылась, из магазина вышел мужчина... Но я не успел даже прицелиться... Он так ударил меня кулаком в лицо, что я упал... Я выронил револьвер и страшно испугался, что он его подберет... Но куда там! Он подбежал к женщине, которая ждала его на пороге магазина, и схватил ее на руки — наверно, она не могла бежать, и пока я приходил в себя... Посмотрите, я весь в крови, у этого бродяги такие ручищи... Но я все же заметил, что он побежал вдоль набережной, обогнул дом и скрылся... В той стороне много узких улочек и переулков, а потом начинается поле.

Жандарм вытирал платком кровь, лившуюся из носа.

— Он мог убить меня наповал! У него же не кулак, а паровой молот!

Из освещенного здания гостиницы все еще доносились встревоженные голоса. Мегрэ оставил жандарма и свернул за угол. Перед ним была аптека. Ставни ее были закрыты, но из раскрытой двери лился яркий свет.

У порога сгрудились человек двадцать любопытных. Комиссар растолкал их локтями и вошел.

Посреди комнаты на полу лежал раненый. Запрокинув голову, он тихо и равномерно стонал. Одна штанина его брюк была распорота.

Жена аптекаря, дама в ночной рубашке, шумела больше, чем все остальные вместе взятые.

Аптекарь, успевший накинуть пиджак поверх пижамы, бестолково суетился, гремел склянками и разрывал пакеты с гигроскопической ватой.

— Кто это? — спросил Мегрэ.

Он не стал дожидаться ответа, увидев, что лежавший на полу был в форме таможенной охраны. Присмотревшись, он узнал и его самого.

Это был тот самый таможенник, который дежурил в пятницу и явился свидетелем драмы, жертвой которой оказался Мостагэн.

Прибежал врач, торопливо осмотрел раненого, повернулся к Мегрэ и возмущенно воскликнул:

– Опять? Когда же это кончится?

На полу между тем образовалась лужица крови. Аптекарь промыл рану перекисью водорода, и она покрылась розоватой пеной.

Снаружи какой-то мужчина все еще взволнованным голосом, очевидно уже в десятый раз, рассказывал:

– Мы с женой спали, когда нас разбудил странный звук, похожий на выстрел... Потом послышался крик. Потом минут на пять все стихло... Я не мог больше заснуть, жена уговаривала меня пойти узнать, в чем дело... Тут послышался стон. Кто-то стонал на тротуаре у самых наших дверей. У меня было оружие, и я открыл дверь. На тротуаре лежала темная фигура... Я начал кричать, чтобы разбудить соседей. Пришел торговец фруктами. Он на своей машине помог мне привезти раненого в аптеку.

– В котором часу вы услышали выстрел? – спросил Мегрэ.

– Ровно полчаса назад!

То есть в самый разгар сцены между Эммой и бродягой.

– Где вы живете?

– Я парусный мастер... Вы несколько раз проходили мимо моих дверей, господин комиссар... Живу я правее

гавани, недалеко от рыбного рынка, на углу набережной и переулка... Дальше дома стоят особняком, начинаются виллы...

Четверо мужчин подняли раненого, перенесли его в заднюю комнату и уложили на диван. Врач отдавал распоряжения. Снаружи послышался голос мэра:

– Где комиссар?

Сунув руки в карманы, Мегрэ вышел ему навстречу.

– Вы сами понимаете, комиссар...

Мегрэ смотрел на мэра таким тяжелым взглядом, что мэр на мгновение смешался.

– Новое преступление вашего бродяги, не так ли?

– Нет, не так.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, потому что в тот момент, когда раздался выстрел, я видел его почти так же близко, как вижу вас.

– И вы не арестовали его?

– Нет.

– Мне сказали, что пострадал жандарм...

– Совершенно верно.

– Вы отдаете себе отчет в том, какие последствия повлекут за собой эти события, комиссар? Подумайте! С тех пор как вы появились в нашем городе...

Мегрэ снял телефонную трубку.

– Жандармерию, прошу вас... Да... Спасибо. Алло, жандармерия? Это вы, бригадир?.. Говорит комиссар Мегрэ... Полагаю, доктор Мишу находится в целости и сохранности? Что? Пойдите проверьте еще разок... Так. Наружный пост под окном установлен? Очень хорошо, я подожду...

– Неужели вы думаете, комиссар, что доктор...

– Что вы! Я ничего не думаю, господин мэр. Алло!.. Значит, доктор и не пошевелился? Он все еще спит?.. Очень хорошо, благодарю вас... Что? У нас? У нас все в порядке.

Из соседней комнаты доносились стоны. Вскоре слышался чей-то голос:

– Можно вас на минутку, комиссар?

Это был врач. Он вытирал салфеткой руки, которые были в мыльной пене.

– Можете допрашивать его, комиссар. Пуля скользнула по икре, повредив только кожу. Он не столько пострадал, сколько перепугался... Правда, кровотечение было довольно сильное...

На глазах у таможенника были слезы, он покраснел, когда врач заговорил опять:

– Он, видите ли, перепугался, что ему отрежут ногу. Но ровно через неделю он позабудет об этой царапине.

На пороге, в рамке двери, появился мэр.

– Расскажите, как это произошло, – мягко сказал Мегрэ, присаживаясь на краешек дивана. – И не бойтесь ничего. Вы слышали, что сказал врач?

– Я ничего не понимаю, господин комиссар...

– Расскажите все как было.

– Мое дежурство кончалось в десять часов... Живу я недалеко от того места, где меня ранили...

– Стало быть, вы не сразу пошли домой?

– Да, не сразу... Я увидел, что в кафе «Адмирал» еще горит свет... Я решил зайти туда, посидеть, узнать новости... Клянусь вам, комиссар, нога у меня прямо горит!

– Пустяки! Не стоит преувеличивать! – усмехнулся врач.

– Но мне больно! Впрочем, раз вы утверждаете, что это пустяки... Так вот, комиссар, я выпил в кафе кружку пива. Там были только журналисты, расспрашивать их я не посмел...

– Кто подавал вам пиво?

– Кажется, горничная. Эммы, по-моему, не было.

– А потом?

– Потом я решил отправиться домой. Я проходил мимо таможенной будки и прикурил сигарету от трубки товарища, который меня сменил... Затем я пошел по набережной... и повернул направо. Вокруг не было ни души. Море было тихим. Я сворачивал за угол, как вдруг почувствовал острую боль в ноге и тут же услышал звук выстрела... Будто кто-то швырнул булыжник мне в ногу... Я упал и услышал, что кто-то убегает... Я хотел подняться и не смог... Моя рука коснулась чего-то горячего и мокрого... Уж не знаю, как это случилось, только я потерял сознание. Когда пришел в себя, надо мной стояли парусный мастер и торговец фруктами. Больше я ничего не знаю...

– Значит, вы не видели, кто стрелял?

– Нет, не видел... Все это произошло очень быстро... Я сразу упал... А потом моя рука оказалась выпачканной в крови...

– У вас есть враги?

– Что вы! Какие враги! Служу я здесь всего два года, родился и вырос в центре страны. Но и за эти два года мне

ни разу не пришлось иметь дело с контрабандистами...

– Вы всегда возвращаетесь домой этим путем?

– Нет, не всегда. Это путь самый длинный. Но у меня не было спичек, и я специально пошел мимо нашей будки, чтобы прикурить у товарища. Поэтому, вместо того чтобы идти через город, я пошел по набережной...

– Но путь через город короче?

– Немного.

– Значит, если кто-то, увидев, как вы выходите из кафе, решил бы поджидать вас на набережной, он успел бы дойти до места?

– Конечно... Но зачем? Денег я с собой никогда не ношу... Да меня и не пытались ограбить...

– А вы уверены, комиссар, что не спускали глаз с вашего бродяги на протяжении всего вечера?.. – в голосе мэра звучали язвительные нотки.

Но тут подошел Леруа с бумагой в руке.

– Телеграмма, господин комиссар. Из Парижа. Ее передали по телефону в гостиницу.

Мегрэ прочел:

«Сюрте Женераль, комиссару Мегрэ, Конкарно. Жан Гойяр, псевдоним Сервьер, вашему указанию арестован понедельник вечером восемь часов. Париже, отеле Бельвю, улице Лепик, занимал комнату пятнадцать. Признал прибытие Бреста шестичасовым поездом. Настаивает на невиновности, требует присутствия адвоката при допросах. Ждем указаний».

ГЛАВА 8

ЕЩЕ ОДИН!

– Согласитесь, комиссар, что нам с вами пора поговорить серьезно...

Мэр произнес эти слова с ледяной вежливостью. Инспектор Леруа знал комиссара Мегрэ совсем недавно и не мог судить о его мыслях и чувствах по тому, как он курит трубку.

Он заметил только, что комиссар выпустил тонкую струйку дыма и прикрыл глаза в знак согласия. Затем вытащил из кармана записную книжку и оглядел стоящих вокруг – аптекаря, врача и любопытных.

– Я к вашим услугам, господин мэр... Так вот...

– Может быть, мы поедem ко мне и побеседуем за чашкой чая? – поторопился мэр прервать его. – Машина стоит у дверей, и я охотно подожду, пока вы сделаете все необходимые распоряжения...

– Какие распоряжения?

– Ну... относительно этого бродяги... убийцы... И официантки, разумеется...

– Да-да, конечно... Если жандармерии нечего делать, пусть она установит наблюдение на всех близлежащих вокзалах.

Все это комиссар произнес с самым наивным видом.

– А вы, Леруа, телеграфируйте в Париж, пусть они доставят сюда господина Гойяра, и отправляйтесь спать.

Мегрэ сел в машину мэра. За рулем был шофер в черной ливрее. Подъезжая к Белым пескам, они увидели виллу,

стоявшую на прибрежной скале, что придавало ей сходство со средневековым замком. Окна виллы были освещены. В пути комиссар и мэр не обменялись и двумя фразами.

– Разрешите показать вам дорогу.

Мэр сбросил меховое пальто на руки метрдотеля.

– Мадам уже спит?

– Мадам ожидает господина мэра в библиотеке...

Жена мэра действительно была там. Ей было около сорока лет, но рядом с мужем, которому было шестьдесят пять, она казалась совсем юной. Она кивнула комиссару и спросила:

– Что там у вас произошло?

– Не волнуйтесь, дорогая, – мэр, как истинно светский человек, поцеловал жене руку и продолжал, не выпуская ее руки из своей: – Ранен таможенный надзиратель, вот и все... Надеюсь, что после разговора, который состоится сейчас у меня с комиссаром Мегрэ, этот невероятный кошмар рассеется.

Жена мэра вышла, шурша шелками. Синяя бархатная портьера опустилась за ней. Стены просторной библиотеки были обшиты красивыми панелями. Потолок, как в английских замках, поддерживали некрашенные балки.

На полках виднелись переплеты довольно богатых изданий, но наиболее ценные книги, по-видимому, стояли в шкафу, занимавшем всю стену.

Библиотека была поистине роскошной, очень комфортабельной и обставлена с большим вкусом. И хотя в ней было паровое отопление, в громадном камине пылали толстые поленья.

Вся обстановка библиотеки резко контрастировала с

дешевым шиком виллы доктора Мишу. Мэр перебрал несколько сигарных ящиков, выбрал один из них и протянул его Мегрэ.

– Благодарю вас... Если позволите, я закурю свою трубку...

– Садитесь, господин комиссар, прошу вас... Будете пить виски?

Мэр нажал кнопку звонка и принялся раскуривать сигару. Вновь появился метрдотель. Быть может, нарочно Мегрэ принял нелепый вид мелкого буржуа, случайно попавшего в аристократическую гостиную. Черты его лица стали как будто тяжелее, взгляд – тупым.

Мэр дождался, пока вышел лакей, и начал:

– Вы сами понимаете, комиссар, что эта цепь преступлений должна быть прервана... Давайте подсчитаем... Вот уже пять дней как вы в нашем городе, и каждый день...

Мегрэ неторопливо вытащил из кармана свою клеенчатую, как у прачки, записную книжку.

– Разрешите, господин мэр... Вы сказали «цепь преступлений» Позвольте заметить, что все жертвы здоровы, за исключением мосье Ле-Поммерэ... Стало быть, смертельный случай пока всего один!.. Что касается таможенника, то сами понимаете: если бы кто-нибудь покушался на его жизнь, он вряд ли стал бы стрелять в ногу... Место, откуда стреляли, вам известно: увидеть стреляющего нельзя, у него вполне хватило бы времени прицелиться... Хотя, может быть, он никогда раньше не держал в руках револьвера?

Мэр удивленно посмотрел на Мегрэ и взял стакан с виски.

– Стало быть, вы полагаете...

– Что таможенника хотели ранить в ногу. Во всяком случае, любую другую гипотезу вам придется доказывать...

– Быть может, мосье Мостагэна тоже хотели ранить в ногу?

Мэр не скрывал иронии. Его ноздри вздрагивали. Он хотел быть вежливым и приветливым, как это подобает хозяину, но голос его стал скрипучим.

Мегрэ продолжал с видом исправного служаки, отчитывающегося перед начальством:

– Вполне возможно... Не угодно ли вам, господин мэр, прослушать мои записи по порядку? Я начал их с пятницы седьмого ноября... Из почтового ящика нежилого дома произведен пистолетный выстрел в мосье Мостагэна.

Заметьте, что решительно никто, даже сам потерпевший, не мог предвидеть, что ему придет в голову подняться на крыльцо, чтобы укрыться от ветра и закурить сигару... Не будь в тот вечер сильного ветра – преступление не состоялось бы!.. И тем не менее за дверью находился человек с пистолетом в руках... Одно из двух – или это был сумасшедший, или поджидали не мосье Мостагэна, а кого-то другого, кто должен был прийти... Обратите внимание на время! Стреляли в одиннадцать часов, то есть когда в городе Конкарно все уже спят. Все, кроме завсегдатаев кафе «Адмирал»...

Не будем торопиться с выводами. Рассмотрим возможных убийц. Приходится сразу исключить господ Ле-Поммерэ, Жана Сервьера и Эмму, поскольку они были в кафе.

Остаются доктор Мишу, который вышел из кафе за четверть часа до выстрела, бродяга с огромными ступнями и один еще не установленный персонаж, которого мы условимся называть Иксом. Согласны?

Отметим в скобках, что Мостагэн не умер; через две недели он будет на ногах. Переходим ко второй трагедии.

На следующий день, в субботу, я и инспектор Леруа находимся в кафе, собираемся пить аперитив с господами Мишу, Ле-Поммерэ и Жаном Сервьером. Доктор смотрит в свой стакан, и у него зарождаются подозрения... Анализ показывает, что перно в бутылке отравлено.

Возможные виновники – господа Мишу, Ле-Поммерэ, Сервьер, официантка Эмма, большеногий бродяга – он мог незаметно проникнуть в кафе днем и отравить перно – и снова наш незнакомец, которого мы условно назвали Иксом. Продолжаем:

В воскресенье утром исчезает Жан Сервьер. Неподалеку от его дома обнаруживают испачканную в крови машину. Еще до этого газета «Фар де Брест» получила подробное описание этих событий, явно рассчитанное на то, чтобы усилить панику в Конкарно. Однако Сервьера потом видели в Бресте, а позже в Париже, он не пытался скрыться и, очевидно, находился там по доброй воле.

Здесь может быть только один виновный – сам Жан Сервьер.

В то же самое воскресенье мосье Ле-Поммерэ пьет аперитив с доктором Мишу, возвращается домой обедать и умирает, отравленный стрихнином.

Возможные виновники: если Ле-Поммерэ отравлен в кафе: Эмма, доктор Мишу и наш Икс. Бродягу здесь при-

ходится исключить – кафе не пустовало ни минуты. Кроме того, на этот раз была отравлена не вся бутылка, а лишь один стакан. Если его отравили дома, то виновными могут быть домовладелица, бродяга и все тот же неизменный Икс... Еще немного терпения, господин мэр, мы подходим к концу.

Сегодня вечером таможенник, проходя по безлюдной улице, был ранен в ногу... Доктор находится в тюрьме, под бдительным присмотром... Ле-Поммерэ мертв... Сервьер в Париже, в руках Сюрте Женераль... Эмма и бродяга в этот час на моих глазах сначала обнимались, потом ели курицу...

Остается один возможный виновник – таинственный Икс.

Имеется, стало быть, еще одно лицо, с которым мы пока не столкнулись в процессе следствия. Оно могло совершить лишь последнее преступление, а могло совершить и все...

Но мы не знаем его. Мы не знаем даже, как он выглядит. У нас есть одна-единственная примета – этому человеку нужно было, чтобы сегодня ночью разыгралась новая драма... Ему это было крайне необходимо!.. Мне ясно, что выстрел в таможенника не был случайным.

Во всяком случае, господин мэр, больше не требуйте от меня арестов. Поймите, что любой житель Конкарно, а также все те, кто знает лиц, замешанных в этой истории, в частности любой из завсегдатаев кафе, могут быть взяты на подозрение... Даже вы сами, господин мэр!..

Последние слова Мегрэ произнес легким, шутливым тоном. Он развалился в кресле и протянул ноги к огню. Мэр едва заметно вздрогнул:

– Надеюсь это лишь маленькая месть с вашей стороны...

Мегрэ внезапно поднялся, выколотил трубку в камин и принялся шагать по библиотеке.

– Отнюдь!.. Хотите выводы?.. Пожалуйста! Я просто хотел показать вам, что такое дело, как это, не является примитивной полицейской операцией. Его нельзя вести, сидя в кресле и раздавая приказания по телефону... И поэтому, господин мэр, при всем своем уважении к вам, я должен сказать следующее: когда я берусь за дело, я, черт возьми, прежде всего требую, чтобы мне не мешали вести его так, как я считаю нужным!

Это накапливалось уже давно и прорвалось совершенно неожиданно. Чтобы успокоиться, Мегрэ отхлебнул из стакана виски и посмотрел на дверь с видом человека, который сказал все, что собирался сказать, и теперь ждет лишь разрешения уйти.

Собеседник его довольно долго рассматривал белый пепел на кончике своей сигары. Затем стряхнул его в пепельницу синего фаянса и медленно поднялся, стараясь поймать взгляд комиссара.

– Послушайте, комиссар. – Видимо, слова эти дались мэру нелегко. Он говорил запинаясь. – Возможно, что по отношению к вам я был неправ, проявляя нетерпение.

Признание было неожиданным. Особенно в этой обстановке, где мэр со своими белоснежными волосами, в пиджаке, обшитом шелковой тесьмой, и серых панталонах с негнущимися складками казался еще более породистым, чем обычно.

– Только теперь, комиссар, я начинаю ценить вас по

достоинству. В несколько минут вы перечислили простые факты, и дали мне возможность коснуться жуткой тайны, лежащей в основе этого дела... Все оказалось гораздо сложнее, чем я думал. Признаюсь, ваше равнодушие к поимке бродяги вселило в меня недоверие к вам...

Мэр подошел к комиссару и коснулся его плеча.

– Я прошу вас не сердиться на меня больше... Ведь и на мне лежит бремя ответственности...

Трудно было определить, что испытывает комиссар Мегрэ. Его массивные пальцы развязали потертый кисет и набили трубку. Его взгляд был устремлен через бухту к бескрайнему морю.

– Что там за свет? – спросил он.

– Это маяк...

– Нет... Я говорю о маленьком огоньке справа...

– Это дом доктора Мишу.

– Значит, служанка вернулась?

– Нет. Вернулась мадам Мишу, мать доктора. Она приехала сегодня днем.

– Вы ее видели?

Мегрэ показалось, что хозяин немного смутился.

– Она удивилась, не найдя сына дома... И пришла ко мне узнать, в чем дело. Я объяснил ей, что доктор арестован в целях его же полной безопасности... Ведь это и в самом деле так, не правда ли?.. Она попросила у меня разрешения на свидание с сыном... В гостинице никто не знал, куда вы исчезли, я решил взять ответственность на себя и дал ей разрешение. Перед самым обедом она пришла ко мне вторично – узнать, нет ли новостей... Ее встретила моя жена и пригласила пообедать с нами.

— Дамы дружны между собой?

— Как вам сказать... Пожалуй, точнее будет назвать их отношения добрососедскими. Зимой в Конкарно так мало людей...

Мегрэ возобновил свою прогулку по библиотеке.

— Значит, вы обедали втроем?

— Да... Это и раньше случалось довольно часто... Я, как мог, успокаивал мадам Мишу... Путешествие в жандармерию сильно ее разволновало. Она потратила немало сил на воспитание сына, а здоровье его далеко не блестяще...

— Вы не говорили с ней о Ле-Поммерэ или Жане Сервьере?

— Она терпеть не могла Ле-Поммерэ... Ей казалось, что из-за него доктор много пьет. Но дело в том, что...

— А Жан Сервьер?

— Его она почти не знала... Это был человек другого круга, маленький газетчик... Так, ресторанное знакомство... Он был очень забавным парнем... Но невозможно было принимать у себя в доме его жену... У этой женщины небезупречное прошлое... А городок у нас маленький, комиссар! Ничего не поделаешь, приходится мириться со многими условностями... Быть может, в какой-то мере ими и объясняется моя раздражительность. Вы не представляете, что значит управлять рыбаками и все время стараться не обидеть хозяев. И, наконец, я ведь соприкасаюсь и с буржуазией...

— В котором часу ушла от вас мадам Мишу?

— Около десяти... Моя жена отвезла ее на машине.

— Однако этот свет свидетельствует о том, что мадам Мишу все еще бодрствует...

– Она никогда не ложится рано... Впрочем, как и я. В нашем возрасте начинаешь страдать бессонницей... Я часто читаю напролет всю ночь или просматриваю бумаги...

– Дела семейства Мишу идут неплохо?

Опять еле заметная неловкость.

– Пока не блестяще... Но цена на Белые пески неуклонно повышается... У мадам Мишу в Париже большие связи, так что препятствий не будет... Многие участки уже проданы, весной начнется строительство дач... Мадам Мишу за время своего пребывания в Париже уговорила одного крупного финансиста... извините, что я не называю его имени... построить виллу на вершине горы...

– Еще один вопрос, господин мэр... Кому принадлежали эти земли, прежде чем их стало арендовать семейство Мишу?

Мэр ответил без колебаний.

– Мне! Они были собственностью нашей семьи, как и этот дом. Но на этой пустоши росли только дрок и вереск, и вот мосье Мишу пришло в голову...

В эту минуту огонек на вилле Мишу погас.

– Еще стаканчик виски, комиссар? Не беспокойтесь, мой шофер отвезет вас в гостиницу!

– Вы очень любезны, господин мэр. Я обожаю ходить пешком, особенно когда мне нужно подумать...

– Как вам угодно... А что вы думаете о желтом псе?.. Должен признаться, его появление полностью сбивает меня с толку... И потом еще отравленное перно... Так как в конце концов...

Мегрэ тщетно разыскивал свою шляпу и пальто. Мэру оставалось только позвонить лакею.

– Подайте комиссару его вещи, Дельфэн!

Наступило молчание. Стало слышно, как бьются волны прибоя у каменного подножия виллы.

– Так значит, комиссар, машина вам не нужна?.. Решительно?..

– Решительно, господин мэр!

Казалось, в воздухе клубится облачко неловкости, как клубятся вокруг лампы облачка табачного дыма.

– Хотел бы я знать, как будут настроены горожане утром... Если установится хорошая погода, в городе по крайней мере не будет рыбаков. Они воспользуются штилем и уйдут в море ставить сети...

Мегрэ взял у лакея пальто и протянул мэру свою большую руку. Тому явно хотелось задать еще несколько вопросов, но присутствие лакея связывало его.

– Как вы полагаете, комиссар, сколько времени еще понадобится...

Городские часы показывали час ночи.

– Надеюсь, господин мэр, что сегодня к вечеру все будет кончено.

– Так скоро?.. Несмотря на то что вы мне говорили?.. Значит, вы рассчитываете на показания Гойяра? Или, может быть...

Было уже очень поздно. Мегрэ вышел на лестницу. Мэр искал прощальную фразу и не находил ничего, что могло бы выразить его чувства.

– Мне просто совестно отпускать вас пешком по этим дорогам...

Дверь захлопнулась. Мегрэ вышел на дорогу. Низко над головой висело бледное небо. Темные облака скользили по нему, обгоняя луну.

Было холодно. Свежий ветер дул с моря, неся с собой запах водорослей, которые огромными кучами чернели на песке побережья. Комиссар шел медленно, глубоко засунув руки в карманы, крепко сжимая трубку зубами. Отойдя подальше, он обернулся. Огонь в библиотеке погас, за ним погасли огни во втором этаже, в других окнах свет был приглушен плотными занавесями.

Комиссар не пошел через город, он избрал путь вдоль берега, по которому шел таможенник. Мегрэ постоял на углу, где того ранили, и внимательно осмотрелся вокруг. Все было тихо, Конкарно спал. Кое-где горели редкие уличные фонари.

Выйдя на площадь, комиссар увидел, что окна кафе еще светятся, отбрасывая ядовито-зеленый отблеск далеко в ночной мрак.

Комиссар толкнул дверь. Журналист диктовал в телефонную трубку:

— ...неизвестно, кого следует подозревать. На улицах города с тревогой оглядывают друг друга. В каждом незнакомце они готовы видеть убийцу. Никогда еще пелена тайны и страха не была столь густой...

За кассой сидел мрачный хозяин. Увидев комиссара, он хотел что-то сказать. Нетрудно было догадаться о его претензиях.

Кафе было не убрано, на всех столах валялись газеты, стояли грязные стаканы. На батарее центрального отопления какой-то фотограф сушил пробные отпечатки.

К комиссару подошел инспектор Леруа.

— Вас ждет мадам Гойяр! — сказал он вполголоса, указывая на кругленькую женщину, сидевшую в углу.

Женщина поднялась, всхлипывая и вытирая заплаканные глаза.

– Неужели это правда, комиссар? Я уж и не знаю, во что мне верить... Говорят, Жан жив... Но это невозможно, он не стал бы разыгрывать эту комедию... Уже хотя бы ради меня он не стал бы этого делать! Он не заставил бы меня так волноваться... Мне кажется, я схожу с ума... Зачем вдруг Жану понадобилось ехать в Париж: и оставлять меня здесь? Скажите мне правду, комиссар!..

Она плакала. Она плакала, как умеют плакать некоторые женщины: по ее щекам струились и сбегали к подбородку обильные потоки слез, а к полной груди она прижимала руку.

Она всхлипывала, искала платок. И не переставая говорила.

– Уверяю вас, что это невозможно! Я не слепая и знаю, что Жан был немножко легкомысленным... Но такого он никогда не смог бы сделать... Возвращаясь, он всегда просил у меня прощения. Вы меня понимаете, комиссар?.. А эти господа говорят...

Она показала на журналистов.

– Они говорят, что он нарочно вымазал машину кровью, чтобы заподозрили преступление... Но ведь это значит, что он решил исчезнуть из Конкарно!.. А я вам скажу, что, будь он жив, он вернулся бы непременно! Это друзья вовлекли его в кутежи и во всякие грязные истории... Мосье Ле-Поммерэ, доктор Мишу... И даже сам господин мэр!.. И все они даже не кланялись мне на улице!.. Я была для этих господ слишком ничтожной!.. Потом мне сказали, что Жан арестован... Я не верю в это, не могу поверить... Он ни-

когда никому не делал зла... Он зарабатывал вполне достаточно, и мы ни в чем не нуждались... Мы были счастливы... Что ж из того, что он иногда любил покутить?..

Мегрэ посмотрел на нее, вздохнул и взял со стола полный стакан. Он залпом проглотил жидкость и пробормотал:

— Извините меня, мадам... Дело в том, что мне необходимо поспать...

— Неужели вы тоже думаете, что он в чем-то виновен?

— Я никогда ничего не думаю... Ложитесь спать, мадам, завтра все выяснится...

Тяжелыми шагами Мегрэ поднялся по лестнице. Журналист, сидевший у телефона, решил немедленно сообщить о заявлении комиссара.

— Последние новости. Комиссар Мегрэ обещал раскрыть тайну не позднее завтрашнего дня...

Потом он прибавил другим тоном:

— Вот и все, мадемуазель... Скажите патрону, чтобы в моей заметке не меняли ни единой буквы... Ничего, что он не поймет, не важно... Я должен быть здесь...

Он повесил трубку, засунул в карман блокнот и распорядился:

— Грогу, хозяин! Побольше рому и самую капельку теплой водички!..

Тем временем другой репортер предложил мадам Гойяр проводить ее домой. По дороге она продолжала свои излияния.

— Что из того, что он был немножко легкомысленным?.. Все мужчины таковы, вы же сами понимаете, мосье!

ГЛАВА 9

ШКАТУЛКА ИЗ РАКУШЕК

Мегрэ в это утро был в столь хорошем настроении, что Леруа отважился завести с ним разговор и далее задать кое-какие вопросы.

Никто не мог объяснить почему, но атмосфера в кафе «Адмирал» стала значительно менее напряженной. Быть может, причиной тому была погода, которая вдруг улучшилась. Небо казалось свежевывытым. Оно было бледно-голубое, и по нему бежали серебристые легкие облака. Горизонт стал шире, словно лопнул и раздался небесный купол. Море, тихое и блестящее, было усеяно белыми клиньями парусов, как карта генерального штаба – флажками.

Достаточно было одного солнечного луча – и Конкарно преобразился. Стены Старого города, казавшиеся такими унылыми под дождем, теперь засияли ослепительной белизной.

Журналисты, уставшие после трехдневной беготни, собрались в зале кафе. Они пили кофе и рассказывали друг другу разные истории! Один из них даже был в халате и ночных туфлях на босу ногу.

Мегрэ тем временем поднялся в каморку Эммы. Это была крохотная мансарда, скошенный потолок позволял выпрямиться лишь в одной половине комнаты. Слуховое окно выходило в тупичок.

Теперь око было распахнуто настежь, в каморку вливался свежий воздух, начинавший нагреваться от ласковых

солнечных лучей. Внизу какая-то хозяйка, пользуясь погодой, развешивала в палисаднике белье. Из двора школы, расположенной неподалеку, доносился веселый шум перемены.

Инспектор Леруа присел на край узенькой железной кровати и начал:

– Не могу сказать, чтобы я полностью разгадал вашу систему, господин комиссар, но мне кажется, что я начинаю понимать...

Мегрэ посмотрел на него смеющимися глазами и выпустил большой клуб дыма прямо в золотые лучи.

– Вам повезло, старина! Именно в этом деле я применил новую систему, заключающуюся в том, что никакой системы как раз и не было... Я дам вам добрый совет. Если вы хотите продвинуться по службе, никогда не берите пример с меня и никогда не пытайтесь делать теоретические выводы, построенные на моей практике!

– Однако... Я вижу, вы решили собирать вещественные доказательства... После того как...

– Вот именно – после! После всего! Я вел расследование в обратном порядке, но это не значит, что следующее дело я не буду вести обычным путем... Все зависит от особенностей дела, Леруа, от лиц, замешанных в нем... Когда я приехал сюда, я сразу вцепился в одну личность... Она настолько пленила меня, что я не выпускал ее из своих рук до конца!..

Но о ком шла речь, комиссар так и не сказал. Он откинул старенькую простыню, которая прикрывала вешалку. На ней висел бретонский народный костюм из черного бархата, видимо, праздничное одеяние Эммы.

На туалете лежала гребенка с выломанными зубьями, шпильки и коробка чересчур розовой пудры. Наконец, в ящике туалета Мегрэ обнаружил то, что, по-видимому, искал. Это была шкатулка, оклеенная блестящими ракушками. Такие шкатулки продают на всех морских побережьях мира. Эту, очевидно, купили лет десять назад. Бог весть, какими путями попала она сюда, ибо на крышке было написано: «На память об Остенде».

Из шкатулки пахло пылью и долго лежавшей бумагой. Мегрэ присел на кровать рядом с инспектором. Его крупные пальцы бережно перебирали вещи, сложенные в шкатулке.

Сначала он достал голубые четки из граненых стеклянных бусин, затем – тоненькую серебряную цепочку. Потом круглый образок, сохранившийся от первого причастия, и флакон из-под дорогих духов. Очевидно, он остался после постояльцев, и Эмма соблазнилась его изысканной формой.

Ярким пятном краснела бумажная роза – воспоминание о каком-то празднике или танцульке.

Следом за ней появился маленький золотой крестик – единственный предмет, имевший хоть какую-то ценность...

Затем Мегрэ достал целую пачку почтовых открыток. На одной из них был изображен фасад большого отеля в Каннах. На обороте женским почерком, с множеством орфографических ошибок было написано:

«Лутче бы ты приехала чем тарчать в своей дыре где всегда дожж. Тут неплохо. Платят и есть дают чиво хочишь. Цалую тебя. Луиза».

Мегрэ передал открытку инспектору, а сам занялся снимком. Это была премия, из тех, что обычно выдают на ярмарках стрелку, угодившему в самое яблочко.

На снимке лицо стрелка было наполовину закрыто прикладом карабина и один глаз был прищурен. Однако вполне можно было разглядеть могучие плечи и морскую фуражку на его голове. Сияющая Эмма держала моряка за локоть обеими руками и улыбалась в объектив... Внизу была подпись «Кемпер».

Потом появилось засаленное, измятое письмо – видно, его не раз перечитывали:

«Дорогая моя!

Все сделано, все подписано. У меня своя шхуна. Я назову ее «Красавица Эмма». Кемперский кюре обещался освятить ее святой водой, зерном, солью и всем, чем положено. Поставлю настоящее шампанское, пускай помнят о моем празднике много лет.

Выплачивать спервоначалу будет тяжело: я должен вносить в банк по десять тысяч франков в год. Но подумай только: на шхуне сто квадратных броссов парусов, и делает она десять узлов в час. Можно отлично заработать, перевозя в Англию лук. А коли так, мы скоро поженимся. Я уже нашел фрахт для первого рейса, но меня хотят обжулить, потому что я новенький.

Твоя хозяйка должна была отпустить тебя на освящение шхуны не на один день, а на два, потому что все будут пьяные и ты все равно не сможешь вернуться в Конкарно. Мне уже не раз пришлось раскошеливаться, все требуют, чтобы я обмывал шхуну, она стоит в гавани под новеньким флагом.

*Я снимусь на капитанском мостике и карточку при-
шлю тебе.*

*Целую тебя и обнимаю. Я тебя люблю и не дождусь,
когда ты станешь моей женой.*

Леон».

Мегрэ сунул письмо в карман. Он задумчиво глядел на белье, сушившееся на другой стороне тупичка. В шкатулке не оставалось ничего, кроме костяной ручки без пера. В ручку была вделана стеклянная линза с видом усыпальницы Лурдской богоматери.

– Сейчас живет кто-нибудь в той комнате, которую раньше занимал доктор? – спросил Мегрэ.

– Кажется, нет. Газетчики живут на третьем этаже.

Для очистки совести комиссар еще раз осмотрел мансарду, но ничего заслуживавшего внимания не нашел. Он спустился на первый этаж и открыл дверь комнаты номер три. Небольшой балкончик выходил на набережную; порт и гавань были как на ладони.

Кровать была оправлена, пол натерт, кувшин на тумбочке накрыт чистой салфеткой.

Инспектор следил за своим шефом с несколько скептическим любопытством. Посвистывая, Мегрэ огляделся вокруг и направился к маленькому дубовому столику возле окна. На нем стояла пепельница и лежал бювар.

Мегрэ открыл бювар. В нем хранились почтовая бумага с маркой отеля и голубой конверт, тоже с маркой отеля. Кроме того, в папке было два больших листа промокательной бумаги: один – почти черный от пропитавших его чернил, другой – использованный, очевидно, один раз.

– Принесите-ка мне зеркало, старина!

– Зеркало? Большое?

– Какое хотите. Только чтобы я мог поставить его на стол.

Когда инспектор вернулся с зеркалом, Мегрэ был уже на балконе. Он заложил большие пальцы в проймы жилета и с наслаждением дымил трубкой.

– Такое подойдет?

Мегрэ вошел в комнату и прикрыл окно. Затем взял зеркало, поставил его на стол и при помощи двух подсвечников, снятых с камина, приладил против зеркала промокательную бумагу.

Теперь каракули отражались в зеркале, но разобрать их было отнюдь нелегко. Многие буквы и даже слова вообще не отпечатались на промокательной бумаге, другие расплылись, и прочесть их можно было лишь с большим трудом.

– Понятно! – с хитрым видом сказал Леруа.

– И отлично. Тогда пойдите к хозяину и попросите у него кассовую книгу Эммы... Или что-нибудь еще, написанное ее рукой... Все равно что.

Мегрэ карандашом перенес на чистый лист бумаги следующие слова:

«... видеть... часов... пустой... обязательно...».

Когда инспектор вернулся, комиссар был занят восстановлением недостающих слов в предполагаемом тексте записки.

«Мне необходимо тебя видеть. Приходи завтра в одиннадцать часов в пустой дом, что стоит на площади возле гостиницы. Мы обязательно должны встретиться. Постучи, и я открою».

– Вот книжка, куда Эмма записывала белье, которое отдавала в стирку! – торжественно объявил Леруа.

– Спасибо, уже не нужно... Записка подписана, видите – ...мма. То есть: Эмма. И записка была написана здесь, в этой комнате!

– Где официантка встречалась с доктором?! – вытаращил глаза инспектор.

Мегрэ понял, что после сцены, которую они наблюдали накануне с крыши гостиницы, мысль о близости Эммы и доктора вызывала у него отвращение.

– Так, значит, она...

– Спокойнее, молодой человек, спокойнее!.. Не надо поспешных умозаключений. И особенно дедуктивных выводов! Когда приходит поезд, в котором везут Гойяра?

– В одиннадцать тридцать две.

– Вот им вы и займитесь, старина. Предложите коллегам, которые его сопровождают, отвести нашего приятеля в жандармерию... Он будет там около полудня, правильно? Затем вы сообщите по телефону господину мэру, что я очень прошу его прибыть туда же и в то же время... Подождите!.. Вы позвоните на виллу мадам Мишу и скажете ей то же самое, понятно? И, наконец, вполне возможно, что жандармы с минуты на минуту приведут к вам официантку Эмму и ее любовника... Позаботьтесь, чтобы и они были в жандармерии к полудню... Кажется, я никого не забыл? Да, еще одна важная просьба: пусть Эмму без меня не допрашивают... Не давайте ей даже рта раскрыть...

– А как же таможенник?

– Он мне не нужен.

– А мосье Мостагэн?..

– Хм... Хотя... Нет. Он тоже не нужен.

Мегрэ спустился в кафе и заказал рюмку местного коньяку. Он неторопливо и с удовольствием выпил его и, уходя, бросил журналистам:

– Дело идет к концу, господа! Сегодня вечером вы сможете вернуться в Париж...

От прогулки по извилистым улицам Старого города настроение Мегрэ стало еще лучше. Он подошел к дверям жандармерии, над которыми развевался французский флаг. Волшебство солнечного дня, яркие цвета национального флага, веселый блеск белых стен создавали ощущение радостной атмосферы праздника 14 июля...

За дверью на месте дежурного сидел жандарм с юмористическим журналом в руках. Тихий и пустынный дворик, между каменными плитами которого пробивался пушистый зеленый мох, очень напоминал монастырский.

– Где бригадир?

– На задании. Лейтенант, бригадир и почти все жандармы ушли ловить бродягу, вам, конечно, известно, какого...

– Доктор Мишу на месте?

Жандарм улыбнулся и глянул на зарешеченное окошечко камеры.

– Будьте покойны, господин комиссар! Никуда он не денется...

– А ну-ка, откройте камеру.

Звякнули засовы. Комиссар крикнул сердечно и весело:

– Добрый день, доктор! Надеюсь, вы хорошо спали?

На комиссара смотрело серое лицо, заострившееся, как лезвие ножа. Доктор лежал на койке, до подбородка укрывшись грубым солдатским одеялом. Глаза его ввалились и лихорадочно горели.

– Что случилось? Вам нездоровится?

– Мне очень плохо, комиссар, – еле слышно прошептал доктор Мишу и со вздохом приподнялся на койке. – Это моя почка...

– Надеюсь, вам дают все, что вам нужно?

– Да, конечно. Вы очень любезны, комиссар.

Доктор лежал одетый. Он спустил ноги с кровати, сел и провел рукой по лбу. Комиссар тут же уселся верхом на стул и оперся локтями о спинку. Его цветущее лицо сияло неподдельной юношеской радостью.

– Я вижу, вы заказывали бургундское!

– Эту бутылку принесла мне вчера мать... Откровенно говоря, я предпочел бы не видеть ее... Но она кое-что прослышала в Париже и примчалась сюда...

Черные круги под глазами доктора были чуть ли не в пол-лица, и от этого небритые щеки казались еще более впалыми. Отсутствие галстука и измятый костюм усиливали впечатление отчаяния и растерянности, которое производила его жалкая фигура.

Доктор замолчал, чтобы откашляться. Он сплюнул в носовой платок и долго рассматривал мокроту, как человек, боящийся туберкулеза. Лицо доктора было сосредоточенно и тревожно.

– Есть новости? – спросил он устало.

– Жандармы ничего не говорили вам о том, что случилось ночью?

– Нет... А что случилось?... Кого...

Он прижался к стене, словно боялся, что его ударят.

– Чепуха! Просто одного прохожего ранили в икру.

– А поймали того... того, кто стрелял? Я больше не могу, комиссар, я сойду с ума... И, согласитесь, есть от чего... Вероятно, пострадал еще один клиент кафе «Адмирал»? Ведь преследуют только нас... Я ломаю себе голову, но никак не могу понять, почему? За что?... Мостагэн... Ле-Поммерэ... Гойяр!.. И яд, который предназначался всем сразу!.. Вот увидите, даже здесь, в тюрьме, они доберутся до меня... Но за что, за что?

Теперь лицо доктора было не только бледным, оно приобрело зеленоватый оттенок. Вид доктора вызывал отвращение, он казался живым воплощением ужаса, причем самого жалкого, самого отталкивающего.

– Я не могу спать... Смотрите, ведь это окно совсем близко. Оно зарешечено, но выстрелить можно и через решетку... Особенно ночью. Дежурный жандарм может заснуть или просто задуматься... Нет, комиссар, я не рожден для такой жизни!.. Вчера вечером, рассчитывая заснуть, я выпил целую бутылку вина... И не мог сомкнуть глаз. Мне было очень плохо... Хоть бы пристрелили этого бродягу с его желтым псом... Кажется, пса видели опять? Неужели он продолжает бродить вокруг кафе?... Неужели никто не догадается прикончить его?... А заодно и хозяина...

– Хозяин сегодня ночью покинул Конкарно.

– Вот как!

Доктор, очевидно, не мог в это поверить.

– Значит, он скрылся тут же после... после нового преступления?

– Он скрылся до!

– То есть как?.. Это же невозможно... Значит...

– Вот именно! Так я и сказал мэру сегодня ночью. Кстати, между нами говоря, ваш мэр тоже порядочный чудак!.. Как вы полагаете?

– Я?.. Не знаю... Не знаю...

– Неужели? А ведь он продал вам земельный участок. То есть между вами были какие-то отношения. Больше того, вы даже были друзьями...

– Нет, у нас были чисто деловые... хотя и хорошие отношения... Знаете, в провинции...

Мегрэ отметил, что голос доктора окреп и взгляд стал не таким тусклым.

– Так что же вы сказали мэру, комиссар?

Мегрэ вытащил свою клеенчатую записную книжку.

– Я сказал ему, что серия преступлений, или, точнее, серия покушений на убийство не могла быть совершена ни одним из известных нам лиц. Я не стану перечислять эти преступления, а перейду прямо к выводам... Я вполне объективен, не правда ли?.. И безупречно логичен... Вы, например, физически не могли стрелять в таможенника сегодня ночью... Стало быть, вас надо исключить из списка возможных виновников... Не мог стрелять и Ле-Поммерэ, поскольку завтра утром состоится его похороны... Не стрелял и Гойяр, которого обнаружили в Париже... Ни тот, ни другой не могли также оказаться за дверью нежилого дома в пятницу вечером, когда был ранен Мостагэн... Приходится также исключить и Эмму...

– Но бродяга?.. Бродяга с желтым псом?

– Я о нем думал! Но он не мог отравить Ле-Поммерэ...

В ту ночь он был совсем в другом месте, очень далеко отсюда, где разыгралась трагедия... Поэтому я и заявил мэру, что мы имеем дело с незнакомцем, с таинственным Иксом... Только он мог совершить все эти преступления... Если только...

– Если только?

– Если только не предположить, что преступников несколько! И что перед нами не односторонние преступления, а настоящая схватка между двумя группами... Или между двумя индивидуумами...

– Но, господин комиссар, что тогда будет со мной? Ведь неизвестные преступники бродят вокруг, кольцо сужается...

Лицо доктора вновь стало тусклым. Он схватился за голову обеими руками.

– Подумать только, ведь я так болен! Врачи предписали мне полнейший покой. О, для меня не понадобятся ни пуля, ни яд... Все необходимое сделает моя почка...

– Так какого же вы мнения о мэре?

– Не знаю. Ничего не могу сказать... Он из очень богатой семьи... Пожил в свое удовольствие в Париже, когда был молодым... Держал скаковую конюшню... Потом обрзумился. Часть состояния удалось спасти, он вернулся в дом своего деда, который тоже был когда-то мэром Конкарно... Потом продал мне земли, которые ему были не нужны... Мне думается, он хочет быть избранным в Совет республики и кончить свои дни сенатором...

Доктор встал. Можно было поклясться, что за последние два дня он потерял килограммов десять. И если бы он забился сейчас в истерике, в этом не было бы ничего удивительного.

– Вы окончательно сбили меня с толку, комиссар... Значит, Гойяр в Париже, а все думали... Но что он там делает? И зачем...

– Все это мы скоро узнаем. Гойяр сейчас прибудет в Конкарно... Пожалуй, даже, он уже тут...

– Он арестован?

– Во всяком случае, его сопровождают два господина... Но это не то же самое...

– Что он говорит?

– Ничего. Правда, его ни о чем и не спрашивали.

Резко повернувшись, доктор посмотрел в лицо комиссару. На его скулах появились неровные красные пятна.

– Что вы имеете в виду?... Мне кажется, один из нас сошел с ума!.. Вы почему-то говорите со мной о мэре и о

Гойяре... А я чувствую – вы слышите? – я чувствую, что меня могут убить в любую минуту!.. Меня не спасут эти решетки!.. Не спасет толстый дурак-жандарм, разгуливающий во дворе!.. А я не хочу умирать. Не хочу!.. Пусть мне дадут револьвер, чтобы я мог защищаться!.. Или пусть арестуют тех, кто покушается на мою жизнь!.. Тех, кто убил Ле-Поммерэ и отравил перно...

Доктор дрожал всем телом.

– Я не герой! Рисковать жизнью не мое ремесло! Я просто человек, и наконец, я тяжело болен!.. Я и так еле жив, еле нахожу силы бороться со смертью... А вы говорите... Говорите без конца!.. А что вы сделали, чтобы спасти мою жизнь?

В ярости он боднул стену.

– Все это очень похоже на заговор!.. Вы все сговорились свести меня с ума!.. Да! Вы хотите упрятать меня в дом для умалишенных!.. Может быть, все это происки матери?.. Я всегда мешал ей, потому что строго следил за своей долей в отцовском наследстве... Но я не сдамся без боя.

Мегрэ не шелохнулся. Он по-прежнему сидел посреди белой камеры, одна стена которой была залита солнцем, верхом на стуле, опершись локтями о спинку и зажав трубку в зубах.

Доктор возбужденно бегал по камере взад и вперед и, казалось, вот-вот забьется в истеричном припадке.

Внезапно в камере послышалось негромкое:

– Ку-ку!

Это произнес веселый, чуть насмешливый голос с чисто детскими модуляциями. Эрнест Мишу подскочил от неожиданности и осмотрел все углы. Лишь после этого он перевел взгляд на Мегрэ. Комиссар вынул трубку изо рта и посмеивался, искоса глядя на доктора.

Казалось, щелкнула соскочившая пружина.

Мишу замер, обмякший, растерянный. Он расплывался, таял, становился прозрачным, казалось, он вот-вот исчезнет.

– Неужели это вы...

Можно было подумать, что его голос доносится откуда-то издалека.

Так чревовещатели заставляют говорить неодушевленные предметы. Их голос раздается неизвестно откуда – с потолка или из фарфоровой вазы.

Глаза Мегрэ все еще смеялись, когда он неторопливо встал со стула и произнес серьезным, успокаивающим тоном, который совсем не вязался с выражением его лица:

– Не надо так волноваться!.. Я слышу шаги во дворе. Через несколько секунд убийца будет здесь, в этой камере...

Дежурный жандарм впустил в камеру мэра. Но во дворе снять раздались шаги и голоса людей.

ГЛАВА 10

«КРАСАВИЦА ЭММА»

– Вы просили меня приехать, комиссар?

Мегрэ не успел ответить. Во дворе появились два полицейских инспектора, между ними шел Жан Гойяр. За воротами бурлила возбужденная толпа.

Рядом со своими телохранителями журналист казался еще меньше, еще толще и короче. Он нахлобучил шляпу до самых бровей и, без сомнения боясь фотографов, прикрыл низ лица носовым платком.

– Давайте его сюда! – сказал Мегрэ инспекторам. – А сами не откажите в любезности сходить за стульями, так как я уже слышу женские голоса.

Пронзительный женский голос кричал:

– Где он?.. Я хочу его видеть немедленно! И я вас сотру в порошок, инспектор! Вы слышите?.. Сотру в порошок!

Ворвалась мадам Мишу, накрашенная, напудренная, в шелковом платье цвета мов. Она была увешана драгоценностями и задыхалась от негодования.

– Ах!.. Вы здесь, дорогой друг!.. – зажеманничала она, увидев мэра. – Можете себе представить подобную наглость?.. Этот молодой человек является ко мне, когда я еще не одета!.. Моя прислуга в отпуске... Я говорю ему через дверь, что не могу его принять, а он настаивает, он требует, он заявляет, что получил приказ привести меня!.. Представляете? Он дожидался в гостиной, пока я заканчивала туалет!.. Это просто невероятно!.. А ведь мой покойный муж был депутатом, он был почти избран председателем Совета!.. И этот лоботряс... да, именно лоботряс...

Она была так возмущена, что вряд ли понимала, что происходит вокруг. И вдруг она увидела Гойяра, упорно отворачивавшегося к стене, и сына, который сидел на краю койки, сжав голову руками. В залитый солнцем дворик медленно въехала открытая машина. Синели мундиры жандармов, невидимая толпа орала и свистела.

– Что это?.. Что происходит?

Ворота пришлось закрыть на засов, иначе толпа ворвалась бы во двор. Из машины вытащили бродягу. Теперь он был не только в наручниках; щиколотки его ног были связаны толстой веревкой, поэтому его волочили, как плотно упакованный тюк.

Следом за ним появилась Эмма. Наручников на ней не было, но лицо ее застыло, точно во сне.

– Развяжите ему ноги! – сказал комиссар.

Жандармы были горды своей добычей и все еще не остыли после охоты. Судя по всему, охота была нелегкой. Их мундиры были измяты и порваны, а лицо бродяги было в крови, которая текла из рассеченной губы.

Мадам Мишу издала вопль ужаса и попятилась к стене,

словно увидела нечто отвратительное. Бродяга молча позволил развязать себе ноги. Он поднял голову и очень медленно осмотрелся.

– Без глупостей, Леон!.. Понятно? – проворчал Мегрэ. Бродяга вздрогнул и стал взглядом искать того, кто произнес эти слова.

– Дайте ему стул и носовой платок, – сказал комиссар.

Он заметил, как Гойяр скользнул в глубину камеры и скрылся за спиной мадам Мишу. Доктор, не глядя ни на кого, громко стучал зубами. Лейтенант жандармерии растерянно оглядывал собравшихся, стараясь угадать свою роль в предстоящей сцене. По-видимому, его немало удивило это необычное собрание.

– Закройте дверь! – скомандовал комиссар. – И пусть все сядут... Лейтенант, ваш бригадир может вести протокол? Может? Очень хорошо. Пусть он сядет за столик... Попрошу сесть и вас, господин мэр...

Толпа на улице замолкла, но даже здесь, в камере, ощущался ее накал, ее нетерпеливое ожидание.

Мегрэ ходил по камере взад и вперед, неторопливо набивая трубку. Затем он повернулся к инспектору:

– Вы бы позвонили в Кемпер, Леруа, секретарю профсоюза моряков, и спросили его: что случилось пять или шесть, а может быть, и семь лет назад со шхуной «Красавица Эмма»...

Леруа направился к двери, но мэр кашлянул и сделал знак, что хочет говорить.

– Могу вас проинформировать, комиссар... Историю шхуны «Красавица Эмма» в наших краях знают решительно все...

– Говорите.

Бродяга в своем углу заворчал, как злая собака. Эмма, сидя на краешке стула, не сводила с него глаз. Случайно она оказалась рядом с мадам Мишу, приторный запах духов этой дамы постепенно заполнял камеру.

– Сам я этой шхуны не видел, – непринужденно, чуть-чуть позируя, начал мэр. – Но знаю, что принадлежала она некоему Ле-Глену, или Ле-Гэреку... Он слыл отличным моряком, но был отчаянный парень... Как и все местные шхуны, «Красавица Эмма» доставляла ранние овощи в Англию... Но однажды все узнали, что «Красавица Эмма» ушла в более дальнее плавание... Два месяца о ней ничего не было слышно... Потом пришло известие, что шхуна была задержана по прибытии в маленький порт неподалеку от Нью-Йорка и что весь экипаж ее арестован... На шхуне был найден и конфискован груз кокаина... Конфисковали, разумеется, и шхуну... В то время почти все торговые суда, совершавшие рейсы через Атлантику и на Новую Землю, занимались контрабандной торговлей наркотиками...

– Благодарю вас... Сидеть смирно, Леон!.. Отвечайте со своего места. И главное – отвечайте на вопросы и только на вопросы. Вы поняли? Итак, прежде всего: где вас арестовали сегодня?

Бродяга вытер кровь, продолжавшую струиться по его подбородку, и глухим голосом ответил:

– Нас арестовали в Роспордене, на товарной станции... Мы ждали темноты, чтобы забраться в какой-нибудь поезд...

– Сколько денег было у вас при себе?

За бродягу ответил лейтенант:

– Одиннадцать франков и несколько монет.

Мегрэ взглянул на Эмму. Слезы бежали по ее щекам. Бродяга сидел согнувшись, как зверь, готовящийся к прыжку. Комиссар посмотрел на доктора. Эрнест Мишу не двигался, но, казалось, был на грани нервного припадка. Комиссар сделал знак одному из жандармов, и тот пересел поближе к доктору, чтобы следить за каждым его движением.

Бригадир прилежно писал, перо с металлическими скрипом царапало бумагу.

– Расскажите подробно, Ле-Гэрек, как, когда и где на шхуну был погружен кокаин.

Бродяга поднял голову. Он пристальным, тяжелым взглядом смотрел на доктора. Искривив рот, стиснув огромные кулаки, он проворчал:

– Банк дал мне ссуду на постройку шхуны...

– Это я знаю. Дальше!

– Это был плохой год... Франк падал, Англия стала меньше покупать овощей и фруктов... Я ломал голову, как заплатить банку проценты... Мы с Эммой отложили свадьбу, хотели сначала погасить основную часть долга... Тут ко мне пришел один журналист... Я знал его раньше, он часто вертелся в порту...

К всеобщему удивлению, Эрнест Мишу вдруг отнял руки от лица. Оно было бледно, но гораздо спокойнее, чем можно было ожидать. Он вытащил карандаш, записную книжку и написал несколько слов.

– Значит, погрузить кокаин предложил вам Жан Сервьер?

– Не сразу! Сначала он говорил о выгодном деле, на котором можно заработать... И назначил мне свидание в Бресте, в одном кафе... Там с ним были еще двое...

– Доктор Мишу и Ле-Поммерэ?

– Они!

Доктор продолжал делать пометки. На его лице появилось пренебрежительное выражение, на губах заиграла ироническая улыбка.

– Кто же из них троих передал вам товар?

Доктор застыл с карандашом в руке.

– Никто! Они только говорили, что за месяц или два я смогу заработать кучу денег... А через час появился американец. Имени его я так и не узнал. Я и видел-то его всего раза два... Похоже, он разбирался в морском деле... Он расспросил меня обо всем, что касается шхуны: какой экипаж мне понадобится и сколько нужно времени, чтобы установить еще один мотор... Я подумал, что речь идет о контрабанде спиртным... Тогда этим занимались все, даже офицеры казенных пакетботов... Через неделю пришли механики и установили на «Красавице Эмме» полудизель нового типа...

Он говорил медленно, уставясь перед собой. Руки Ле-Гэрека судорожно шевелились, они были выразительнее его окаменевшего лица.

– Мне дали английскую мореходную карту... Там были все курсы для парусников, все направления ветров... Сами понимаете, через Атлантику я шел первый раз... Из осторожности я взял с собой всего двух человек... И о деле не говорил никому, кроме Эммы. Она была на молу в ночь, когда мы уходили... И те трое тоже были там, они стояли

возле машины с потушенными фарами... Груз мы погрузили еще раньше, днем... И тут я сдрейфил... Не из-за контрабанды, нет. Но ведь в школе-то я не учился... Пока можно обходиться лотом и компасом, я ничего не боюсь. Но там, в океане... Один старый капитан учил меня пользоваться секстантом... Я купил логарифмические таблицы и все прочее... Но я знал, что непременно запутаюсь в расчетах!.. И все же при удаче я мог выплатить за шхуну все до гроша... и тысяч двадцать франков осталось бы у меня в кармане... Ветер в ту ночь был страшный... Сначала исчезла в темноте машина и те трое... А потом Эмма. Она стояла на самом конце мола... Два месяца мы были в море.

Доктор Мишу продолжал писать, не поднимая глаз на говорившего.

– Я получил точные инструкции насчет выгрузки... Господь его знает, как это вышло, но мы пришли как раз туда, куда было нужно, в маленький порт около Нью-Йорка... Мы далее не успели причалить... Три полицейских катера встретили нас в гавани... На катерах были установлены пулеметы, и полицейские были вооружены. Они окружили нас, взяли на прицел и забрались на мостик... Они орала что-то по-своему и лупили нас прикладами, пока мы не подняли руки вверх...

Мы даже не успели ничего понять, так быстро все это произошло... Не знаю, кто привел шхуну в порт и как нас захихнули в грузовик. Через час мы оказались в тюрьме Синг-Синг, каждый – в отдельной клетушке...

Тут было от чего взбеситься... Никто из американцев не говорил по-французски. Тюремщики издевались над нами, как только могли...

В Америке не любят канителиться. Наутро нас привезли в суд... Какой-то парень изображал адвоката, но ни с кем из нас он говорить не стал... Когда все кончилось, мне объяснили, что я приговорен к двум годам каторжных работ и штрафу в сто тысяч долларов и что шхуна моя конфискована. Я ничего не понимал... Сто тысяч долларов! Я клялся, что денег у меня нет... И тогда, ввиду неуплаты штрафа, мне прибавили еще несколько лет.

Меня оставили в Синг-Синге, а товарищей отвезли в какую-то другую тюрьму... Во всяком случае, я никогда их больше не видел. Меня обрили наголо и каждый день выводили на работу – камни дробить. Тюремный капеллан стал читать мне Библию...

Нет, вы никогда не сможете этого понять... Заключенных побогаче чуть не каждый вечер отпускали в город... А те, что победнее, прислуживали им. Но это еще не главное: примерно через год, когда к одному из заключенных пришли на свидание, я увидел того самого американца, который говорил со мной в Бресте. Я сразу его узнал... Я окликнул его. Он довольно долго припоминал, кто я такой, а затем расхохотался. Он сказал сторожам, чтобы меня отвели в приемную.

Он был со мной очень прост, ни дать ни взять старый товарищ... Он сказал, что много лет был агентом службы наблюдения за торговлей наркотиками. Он работал за границей в Англии, Германии, Франции – и оттуда уведомлял американскую полицию о судах, выходивших с запрещенными грузами...

Иногда он не прочь был провернуть дельце и для себя... Так ему подвернулась партия кокаина, которая сулила не

один миллион. Перевезти надо было десять тонн, а грамм кокаина стоил тогда несколько франков... Американец договорился с французами, чтобы они нашли шхуну и внесли часть денег... Эти французы и были те трое... И, разумеется, прибыль они поделили бы на четверых.

Но подождите!.. Самое главное еще впереди!.. В тот самый день, когда я грузил кокаин на «Красавицу Эмму», американец получил известие из Америки: в их отдел был назначен новый начальник. Новая метла чисто метет... Покупатели заколебались, могло случиться, что товар остался бы в трюме. А тут еще новый указ: тот, кто поможет захватить запретный груз, получает премию в размере третьей части его стоимости... Все это я узнал гораздо позже, уже в тюрьме.

Я понял, что, когда я выходил в море, не зная, доберемся ли мы до Америки, тут же на набережной начался торг... Трое французов и американец обсуждали вопрос: идти на риск или не идти? И я знаю, что доктор больше других настаивал на доносе. Он говорил, что лучше получить треть капитала без всякого риска, чем ждать неприятностей с властями... Американец его поддержал: он уже сговорился с одним своим коллегой, что часть конфискованного кокаина поступит в продажу немного позднее... Подумать только, на что они пускались.. А ведь тогда мне это и в голову не приходило!..

«Красавица Эмма» скользила по черной воде... Я глядел на свою невесту и думал, что скоро вернусь и женюсь на ней. А эти господа, которые смотрели нам вслед – уже знали, как нас встретят в Америке!.. Они рассчитывали, что мы будем обороняться, и надеялись, что нас убьют, как это

часто тогда случалось с контрабандистами, пойманными в американских водах. Они прекрасно знали, что за шхуну еще не уплачено и что, если ее конфискуют, другой у меня не будет никогда в жизни. Они знали, что я мечтаю жениться, и прекрасно смотрели, как мы отплываем!.. Все это мне рассказали в Синг-Синге. Я стал там такой же скотиной, как и все прочие. Там я многому научился. Американец, который растолковал мне все это, хлопал себя по ляжкам, хохотал до упаду и приговаривал: «Ну и жулики же твои друзья!»

Внезапно наступила полная тишина. Было даже слышно, как скользит по бумаге карандаш доктора Мишу.

Мегрэ посмотрел на татуировку на кисти Ле-Гэрека и понял: СС означало Синг-Синг...

— Не знаю, кажется, мне еще оставалось лет десять... Там у них ничего не разберешь. Стоит нарушить самое ничтожное правило внутреннего распорядка, и тебе прибавляют еще несколько лет... И избивают дубинкой до полусмерти... Страшно сказать, сколько меня били, и не только полиция, но и заключенные!.. А потом в моем американце совесть заговорила... Я думаю, ему стало стыдно за этих мерзавцев, за моих «дружков», как он их называл... У меня не было никого, кроме пса, моего друга... он рос у меня на шхуне и однажды спас меня, когда я упал за борт... Несмотря на режим, мне его оставили... Там, в этом аду, на многое смотрят иначе, чем у нас. В воскресенье вам играют гимны на органе, а потом спускают с вас шкуру... Я уже просто не знал, жив я еще или умер... Я ревел чуть не каждую ночь... А потом, в одно прекрасное утро, передо мной распахнули двери и дали

прикладом под зад, возвращая в цивилизованный мир... Я тогда лишился чувств здесь же, на тротуаре... Я разучился жить, и у меня ничего не было... Впрочем, нет! Кое-что у меня осталось!..

Рассеченная губа все еще кровоточила, но Ле-Гэрэк забывал вытирать кровь. Мадам Мишу спрятала нос в кружевной платок, одуряюще пахнувший духами. Мегрэ невозмутимо курил, не спуская глаз с доктора, который продолжал писать.

— У меня осталась воля к мести!.. Я дал себе клятву посчитаться с теми, кто мне подстроил эту подлость!.. Я не хотел их убивать, нет!.. Что такое смерть? Одно мгновение... Сидя в Синг-Синге, я мечтал о ней тысячи раз. Я объявлял голодовки, но мне искусственно вводили питание. За все это я решил отплатить им тюрьмой... Будь мы в Америке... Но это было невозможно. Я таскался по Бруклину и работал как лошадь, пока не набрал денег на билеты. Я взял два билета — для себя и для пса... Писем от Эммы я не получал и не знал, что с ней... В Кемпер я не поехал — боялся, что там меня узнают, несмотря на то, что я очень изменился... В Конкарно я узнал, что Эмма работает официанткой и путается с господином доктором Мишу... А может быть, и с другими... Чему же тут удивляться, если она служит в кафе... Я ломал себе голову, как засадить в тюрьму этих мерзавцев. Я должен был это сделать, это было моим единственным желанием... Вместе со своим псом я жил сначала в заброшенной барке, а потом в каменном домике на мысе Кабелу... Для начала я показался доктору Мишу, чтобы он увидел мою мерзкую, каторжную

физиономию... Понимаете?.. Я знал, что он трус, и хотел испугать его... Я хотел довести его до такого состояния, чтобы он не выдержал и выстрелил в меня! Пусть даже он убил бы меня, но потом! Потом он попал бы на каторгу, и его били бы ногами и прикладами!.. А его товарищи по камере, пользуясь тем, что они сильнее его, заставляли бы его прислуживать. Я начал бродить вокруг его виллы, я нарочно попадался ему на глаза... раз, другой, третий... Он узнал меня и почти перестал выходить на улицу. За все это время их жизнь не изменилась... По-прежнему они играли в карты и пили аперитивы... И люди им кланялись... А я воровал еду с витрин и не мог ничего ускорить...

Его перебил почти неслышный голос:

– Простите, комиссар! По-вашему, этот допрос, происходящий в отсутствие следователя, имеет законную силу?

Говорил доктор Мишу. Он поднялся, бледный как полотно, с бесцветными губами и осунувшимся лицом. Однако слова он произносил с почти путающей четкостью.

Мегрэ взглядом приказал одному из полицейских занять место между доктором и бродягой. И как раз вовремя: Леон Ле-Гэрек медленно встал и двинулся на доктора, стиснув тяжелые, как дубины, кулаки.

– Сидеть!.. Садитесь, Леон!..

Хрипло дыша, Ле-Гэрек повиновался. Комиссар выколотил пепел из трубки и сказал:

– Теперь говорить буду я...

СТРАХ

Низкий голос комиссара, его спокойная речь резко контрастировали с взволнованной скороговоркой моряка. Ле-Гэрек искоса посмотрел на Мегрэ и сел на свое место.

— Сначала, господа, два слова об Эмме... Она узнала, что жених ее арестован в Америке... Писем от него она больше не получала... Из-за какой-то ерундовой провинности ее выгоняют из магазинчика, в котором она работала. Она становится официанткой в кафе «Адмирал». Эта несчастная женщина потеряла все, что у нее было... Посетители кафе пристают к ней, полагая, что официантки для того и созданы. Проходит три года. Заметьте, она не знает о том, какую роль сыграл в ее судьбе доктор Мишу. Она иногда приходит по вечерам в его комнату. А время бежит, жизнь течет. У доктора есть другие женщины, но иногда он ночует в отеле, иногда, когда его мамаша в отъезде, он приглашает Эмму к себе домой. Это тусклая любовь без любви... И вся жизнь Эммы такая же тусклая. Она не героиня. Она хранит в шкатулке письмо и фото прежнего возлюбленного, но это лишь полузабытый сон, который с каждым днем становится бледнее. Ей и в голову не приходит, что Леон может вернуться. Она не узнала желтого пса, который бродит вокруг, ведь ему было четыре месяца, когда Леон уходил в море.

Однажды ночью Мишу диктует Эмме письмо, не говоря, кому оно будет послано. В письме назначается свидание на одиннадцать часов вечера в пустом доме. И она

пишет, ничего не поняв... Она ведь только официантка. Леон Ле-Гэрек не ошибся: Мишу струсил! Он понимает, что его жизнь в опасности. И он хочет убрать врага, который бродит поблизости. Но Мишу трус! Он сам кричал мне недавно, что он трус. Он привязал письмо Эммы к ошейнику пса, а сам спрятался за дверью с пистолетом в руках.

Поверит Ле-Гэрек или не поверит? Захочет он, не смотря ни на что, увидеть свою прежнюю возлюбленную? Все очень просто: когда в дверь постучат, надо выстрелить в отверстие почтового ящика и сразу же убежать через тупичок. Никто не сможет опознать труп жертвы, и преступление останется нераскрытым. Однако Леон недоверчив. Быть может, он и появился в эту ночь на площади и уже готов был решиться пойти на свидание, но вмешался слепой случай. Как раз в это время из кафе выходит мосье Мостагэн. Он слегка навеселе и хочет закурить сигару. Он поднимается на крыльцо пустого дома, теряет равновесие, ударяется о дверь и немедленно получает пулю в живот...

Вот объяснение первой трагедии. Мишу выстрелил неудачно и убрался восвояси. Гойяр и Ле-Поммерэ в курсе дела, они тоже заинтересованы в исчезновении Ле-Гэрека, появление которого угрожает им троим, они тоже подавлены и запуганы.

Теперь Эмма поняла, в какой грязной игре ее заставили участвовать. Может быть, она увидела Леона? Или наконец узнала в желтом псе маленького щенка?

На следующий день приехал я. Увидев этих троих господ, я сразу понял, что они перепуганы насмерть, что они ожидают трагедий. И я решил узнать, откуда они ждут

удара... Я неоднократно проверял свои расчеты, чтобы не ошибиться. Стрихнин в бутылку перно бросил я. Разумеется, я никому не позволил бы пригубить, но меня предупредил Мишу: он настороже, он никому не доверяет. Он следит за всеми, кто проходит мимо, проверяет все, что ест или пьет. Он боится даже выйти из гостиницы...

Эмма застыла в каменной неподвижности, как искусно изваянная статуя Изумления. Доктор Мишу поднял голову, посмотрел в глаза Мегрэ и опять принялся что-то лихорадочно записывать.

– Вот вам и вторая трагедия, господин мэр! А ваши три господина по-прежнему трясутся от страха. Гойяр – самый впечатлительный из них и самый порядочный... Отравленное перно вывело его из равновесия, он почувствовал, что дело принимает скверный оборот и что я напал на след... Он решил исчезнуть немедленно, исчезнуть, не оставив следов, чтобы его ни в чем нельзя было обвинить... Он инсценировал нападение и убийство, пусть думают, что тело брошено в воды гавани...

Сначала он вертится вокруг Мишу, быть может, в надежде увидеть Леона и предложить ему мировую. В доме Мишу он видит следы Ле-Гэрека и понимает, что рано или поздно я тоже их увижу. Он журналист и хорошо знает, как впечатлительна толпа. Он понимает, что пока жив Ле-Гэрек, он нигде не найдет покоя. И он делает гениальный ход: пишет левой рукой заметку и подкидывает ее в редакцию «Фар де Брест» В заметке говорится о желтом псе и большеногом бродяге... Каждая фраза рассчитана на то, чтобы посеять ужас среди жителей Конкарно. В этом есть определенный смысл: вполне возможно, что при

встрече с бродягой кто-нибудь с перепугу влепит в него заряд свинца...

И это едва не произошло! Выстрелили в собаку, но могли ведь выстрелить и в человека!.. Перепуганный обыватель способен на все... В воскресенье страх горожан достигает апогея. Мишу не выходит из гостиницы, он болен. Он болен страхом. Но он полон решимости защищаться до конца и всеми возможными средствами.

Я оставляю его вдвоем с Ле-Поммерэ. Не знаю точно, что произошло между ними... Гойяр исчез. Ле-Поммерэ принадлежал к почтенному аристократическому семейству. Он неминуемо должен был обратиться в полицию и потребовать защиты. Лучше признаться во всем, чем жить в этом кошмаре... Да и что в конце концов ему грозило? Штраф? Кратковременное заключение? Вряд ли! Ведь основное преступление совершилось на территории Соединенных Штатов... Мишу чувствует, что Ле-Поммерэ сдает. На его совести – ранение Мостагэна, он решает любой ценой выйти из положения и не останавливается перед отравлением Ле-Поммерэ. Он надеется, что заподозрят Эмму... Ведь напитки подавала она!..

Мне хочется более подробно поговорить о страхе, потому что страх – пружина этого дела. Мишу страшно. И Мишу хочет победить свой страх, пожалуй, не меньше, чем он хочет победить своего противника. Он знает Леона Ле-Гэрека, знает, что тот не даст так просто засадить себя. Мишу надеется на пулю какого-нибудь нетерпеливого жандарма или перепуганного горожанина.

Доктор не выходит из гостиницы. Я нарочно привожу туда смертельно раненного пса... Мне нужно знать, придет

ли за ним Ле-Гэрек, и Ле-Гэрек приходит... С тех пор пса никто не видел; вероятно, он подох...

В горле Леона что-то булькнуло.

— Да. Он сдох.

— И вы похоронили его?

— На мысе Кабелу. Я поставил над ним крестик из еловых ветвей...

— Ле-Гэрека находит полиция. Он вырывается и бежит, потому что твердо решил вынудить Мишу к активным действиям. Он сам сказал нам об этом: он хочет увидеть их в тюрьме... Вы понимаете, что я должен был предупредить новую трагедию. Я арестовываю Мишу, заверяя его, что это делается ради его же безопасности. И это не ложь. Но в то же время я хочу помешать ему совершить новые преступления. Он дошел до точки, чувствует себя затравленным и способен на все. Это, впрочем, не мешает ему играть комедию и рассказывать мне о своем слабом здоровье. Он пытается объяснить свой мерзкий страх мистическими причинами, каким-то давнишним предсказанием, которое он выдумал от начала до конца, а мечтает о том, что перепуганные горожане набросятся на его врага и прикончат его.

Доктор достаточно умен, чтобы понять: было бы логично предположить, что все происшедшее имеет какое-то отношение к нему. И здесь, в этой камере, он ломает голову, придумывая, как отвести от себя подозрения. А если новое преступление совершится, когда он под замком, не явится ли это превосходным алиби?.. Его навещает мать, которая все знает. Она должна спасти его, но сделать это так, чтобы ее не застигли на месте преступления и далее не

заподозрили. Поэтому она обедает у мэра, ее отвозят домой на машине. Затем в доме зажигается лампа и горит весь вечер... Она пешком возвращается в город. Кажется, ночью все спят? Но нет. В кафе «Адмирал» еще сидят запоздалые посетители. Достаточно спрятаться и подождать, пока кто-нибудь выйдет. А чтобы жертва не убежала — стрелять надо в ногу.

Это бессмысленное преступление было бы весьма тяжким обвинением против Мишу, даже если бы у нас не было других. Когда я утром пришел сюда, Мишу с нетерпением ждал известий. Он не знал, что Гойяр арестован в Париже, что в момент выстрела, которым был ранен таможенник, я не спускал глаз с Ле-Гэрека... Ибо Ле-Гэрек, преследуемый полицией и жандармерией, решил укрыться в пустом доме, чтобы быть поближе к Мишу. Он спит на полу, и Эмма замечает его из окна. Ночью она приходит к нему и клянется в своей невиновности... Она рыдает и валяется у него в ногах. Он видит ее впервые за много лет и впервые за много лет слышит звук ее голоса... Он понимает, что она другая, совсем не та, что прежде... Но ведь и сам он пережил немало... Сердце его смягчается. Он грубо хватается ее, точно хочет убить, и... целует. Он простил, он уже не одинокий человек, одержимый навязчивой мыслью. Увидев слезы Эммы, он понял, что счастье возможно и жизнь можно начать сначала... и они бегут вдвоем в ночь и неизвестность, без гроша в кармане. Им все равно куда ехать. Они оставляют доктора Мишу на съедение страху. Они хотят попытаться счастья где-нибудь в другом месте...

Комиссар Мегрэ медленно набил трубку и обвел взглядом всех сидящих в камере.

– Вы извините меня, господин мэ́р, что я не держал вас в курсе следствия... Когда я приехал сюда, мне было ясно, что драма еще только начинается. Чтобы обнаружить ее тайные пружины, надо было дать ей развернуться, по возможности избегая жертв. Ле-Поммерэ умер, отравленный своим сообщником, но это ничего не изменило: он непременно – я в этом не сомневаюсь, поскольку достаточно изучил его, – непременно покончил бы с собой при аресте... Затем таможенник был ранен в ногу. Рана пустяковая, через неделю он забудет о ней. Но я могу подписать ордер на арест доктора Эрнеста Мишу за покушение на убийство мосье Мостагэна и нанесение ему ранений, а также за предумышленное отравление мосье Ле-Поммерэ, являвшегося его другом. А вот второй ордер, на имя мадам Мишу. Она обвиняется в нападении на таможенника и нанесении ему ран. Что же касается Жана Гойяра, он же Сервьер, то ему вменяется в вину оскорбление властей комедией, которую он пытался разыграть.

Теперь настала очередь комического инцидента. Толстенький журналист глубоко и блаженно вздохнул. У него хватило наглости пробормотать:

– В таком случае, я полагаю, меня оставят на свободе?.. Могу дать подписку о невыезде и внести залог в пятьдесят тысяч франков...

– Это будет решать прокуратура, мосье Гойяр.

Мадам Мишу в полуобморочном состоянии откинулась на спинку стула, зато сын ее не утратил хладнокровия.

– Вы ничего не имеете добавить? – спросил его Мегрэ.

– Извините! Я буду отвечать только в присутствии своего адвоката... И буду настаивать на незаконности этой очной ставки!..

Доктор вытягивал свою длинную, как у тощего петуха, желтую шею с торчащим кадыком. Его нос казался еще более кривым, чем обычно. В его руках по-прежнему была зажата записная книжка.

— А что делать с ними?.. — вставая, прошептал мэр и указал глазами на Эмму и Ле-Гэрека.

— Против них нет решительно никаких обвинений. Леон Ле-Гэрек признался, что хотел вынудить доктора Мишу стрелять в себя. Он попадался ему на глаза — и только. Нет статьи, по которой можно было бы привлечь его за это к ответственности...

— А если привлечь за бродяжничество? — вмешался жандармский лейтенант.

Комиссар Мегрэ так выразительно пожал плечами, что жандарм покраснел.

Час завтрака давно наступил, но на улице все еще теснилась толпа любопытных, и мэр предложил комиссару свою машину, занавески в которой задергивались почти герметически.

Первыми в машину сели Эмма и Ле-Гэрек. За ними — Мегрэ. Он уселся рядом с Эммой на заднем сиденье, а моряк кое-как пристроился на откидном.

На полной скорости машина промчалась по улицам, заполненным толпой, и выехала на шоссе, ведущее к Кемперу. Ле-Гэрек смущенно спросил, не глядя на комиссара:

— Зачем вы это сказали?

— Что?

— Будто перно отравили вы...

Эмма была бледна, как бумага. Она сидела выпря-

мившись, словно боялась откинуться на подушки. Вероятно, в лимузине она ехала впервые в жизни.

– Ерунда!.. – проворчал Мегрэ и крепче сжал зубами чубук трубки. И тогда Эмма в отчаянии крикнула:

– Клянусь вам, господин комиссар, я сама не знала, что я делаю!.. Мишу заставил меня написать записку... А потом я узнала пса... Утром в воскресенье я издалека увидела Леона и все поняла... Я хотела заговорить с ним, но он прошел мимо, даже не взглянув на меня, и плюнул в мою сторону... И я решила отомстить за него... Я хотела... Я сама не знаю, чего я хотела, я была как безумная... Я знала, что они хотят убить Леона... А я его любила по-прежнему и целыми днями думала, как бы им помешать. Днем, во время завтрака, я сбегала на виллу доктора, чтобы взять там яд... Я не знала, какой мне выбрать. Он не раз показывал мне пузырьки и говорил, что этим количеством можно отравить весь Конкарнр... Но я клянусь, что вам бы я не дала пить... По крайней мере, я не думала, что...

Она рыдала. Леон неуклюже гладил колени Эммы, успокаивая ее.

– Никогда, никогда в жизни я не смогу отблагодарить вас, комиссар! – захлебываясь в рыданиях, кричала она. – Вы спасли нас обоих, вы... вы... вы сотворили чудо!.. Я прямо не знаю...

Мегрэ молча переводил взгляд с лица мужчины на лицо женщины. Рассеченная губа Ле-Гэрека, его коротко остриженные волосы – облик зверя, стремящегося стать человеком... И бледная Эмма, увядшая в стеклянном аквариуме кафе «Адмирал»...

– Что вы теперь собираетесь делать?

– Мы еще не решили... Уедем куда-нибудь подальше... Не беда, прокормился же я в нью-йоркских доках!.. Возможно, удастся устроиться в Гавре...

– Кстати, ваши одиннадцать франков вам не вернули? Леон покраснел и не ответил.

– А сколько стоит билет до Гавра?

– Не надо, комиссар!.. Мы и так не знаем, как нам вас... Нет, нет!

Машина бежала мимо маленькой железнодорожной станции. Мегрэ постучал в стекло, отделяющее шофера от пассажиров, и вытащил два стофранковых билета.

– Вот, возьмите... Я внесу их в расходы по делу...

Комиссар почти вытолкнул Ле-Гэрека и Эмму из машины и захлопнул дверцу, пока они пытались найти слова благодарности.

– В Конкарно... Только побыстрее!..

Теперь комиссар Мегрэ остался один, он несколько раз недоуменно пожал плечами, как человек, испытывающий очень сильное желание посмеяться над самим собой.

Процесс длился целый год. И на протяжении этого года доктор Мишу не менее пяти раз в неделю являлся к следователю со своим неизменным сафьяновым портфелем, набитым документами.

После каждого допроса обязательно следовал новый поток жалоб и протестов. Каждый документ досье подвергался сомнению и служил поводом для научных дискуссий и исследований.

Доктор Мишу похудел и осунулся еще больше, стал еще желтее. Но не сдавался.

– Разрешите человеку, которому осталось жить только три месяца.

Эта фраза стала его любимой. Доктор защищался с удивительным упорством. Он пускался в коварные маневры, проявлял неожиданную находчивость. Ему удалось найти адвоката, еще более язвительного и желчного, чем он сам, который с успехом заменял его во время процесса.

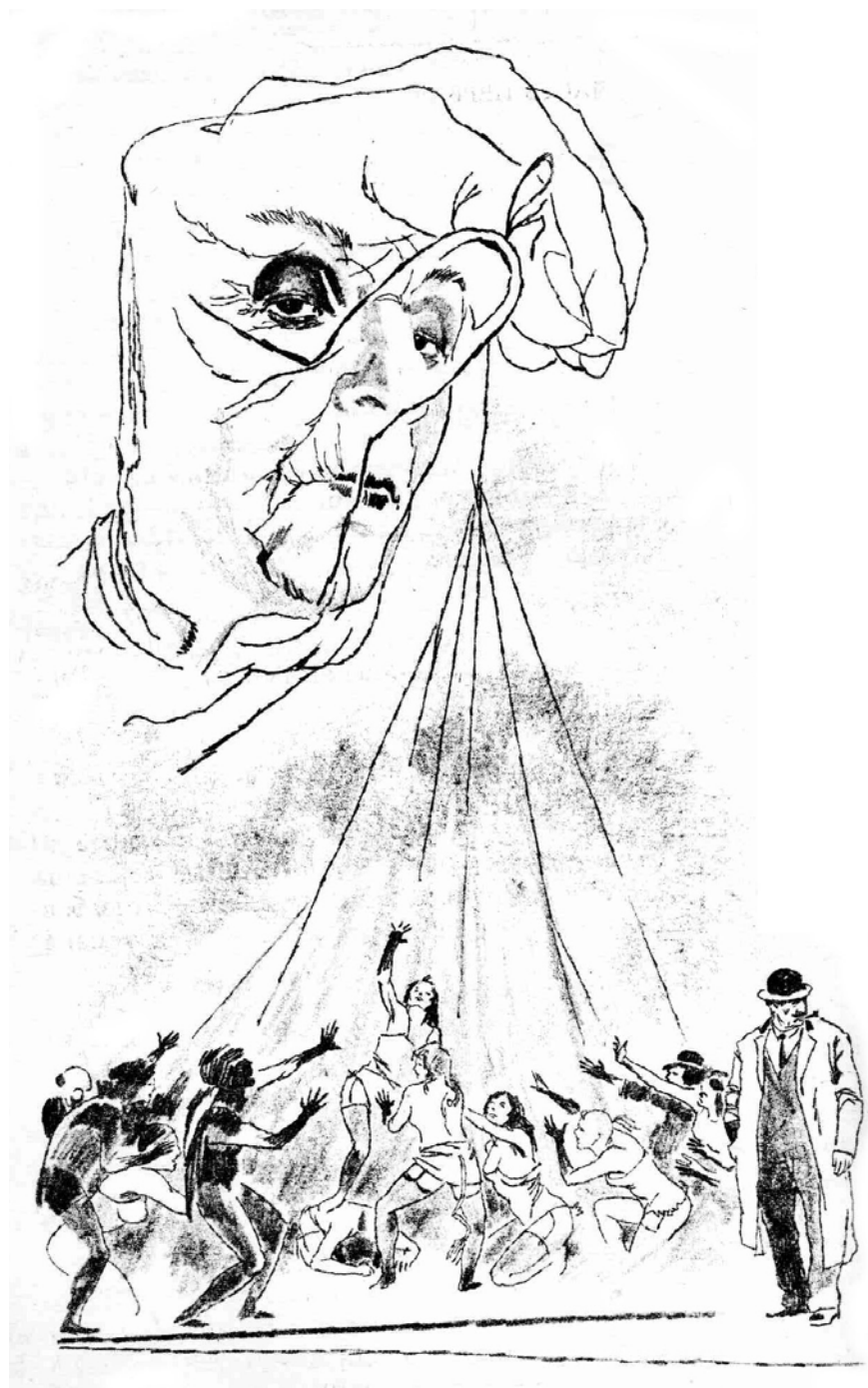
Суд присяжных департамента Финистер приговорил доктора Мишу к двадцати годам каторжных работ. Еще шесть месяцев доктор ждал, пока рассматривалось дело, посланное на кассацию.

В прошлом месяце во всех газетах появилась фотография: доктор Эрнест Мишу, все такой же худой и унылый, в арестантской шапочке, поднимается по трапу на корабль в гавани Иль-де-Франс. Это – «Мартиньера», которая отвезет в Кайенну сто восемьдесят преступников, приговоренных к каторге. За спиной у доктора вещевой мешок, а нос кажется окончательно свернутым в сторону.

Мадам Мишу проживает в Париже. Она давно отбыла трехмесячное тюремное заключение и деятельно интригует в политических кругах. Она пытается добиться пересмотра приговора, вынесенного ее сыну.

Ей удалось привлечь на свою сторону редакции двух газет.

Леон Ле-Гэрек на шхуне «Франсетта» ловит сельдь в Северном море, а его жена ожидает ребенка.

СМЕРТЬ СЕСИЛИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Утренняя трубка, которую Мегрэ закурил у порога своего дома на бульваре Ришар-Ленуар, показалась ему приятнее, чем обычно. И первому туману он обрадовался, как дети радуются первому снегу. Особенно же потому, что это был не тот противный желтоватый туман, какой бывает в иные зимние дни, а молочный пар, пронизанный там и сям бликами света. Было холодно. Пощипывало нос и кончики пальцев, стук шагов по мостовой четко отдавался в морозном воздухе.

Засунув руки в карманы теплого грубошерстного пальто с бархатным воротником, так хорошо известного на набережной Орфевр, от которого еще пахло нафталином, в низко надвинутом на лоб котелке, Мегрэ не спеша направился к зданию криминальной полиции. Его забавляло, когда какая-нибудь девчонка, вынырнув из тумана, належала на него.

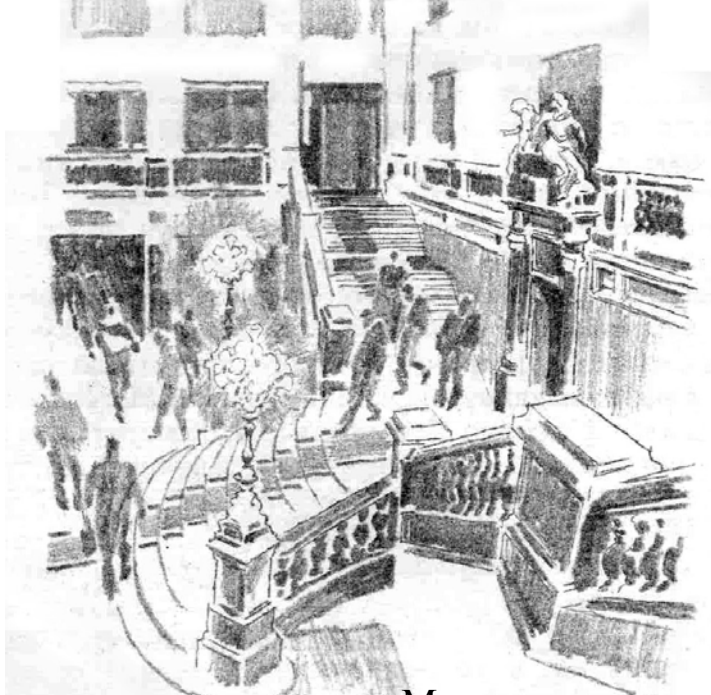
– Ой, простите, пожалуйста...

И она опрометью бежала дальше, торопясь на автобус или в метро.

Казалось, в это утро весь Париж радовался туману так же, как Мегрэ, и только буксирные катера на невидимой Сене перекликались тревожными хриплыми голосами.

Память невольно фиксировала все: вот он пересек площадь Бастилии, свернул на бульвар Генриха IV и ми-

новал маленькое бistro. Дверь приоткрылась (в этот день впервые после лета двери кафе плотно затворялись, чтобы в помещение не проникал холодный воздух), и Мегрэ обдало волной запахов, тесно связанных в его сознании с парижским рассветом: то был смешанный аромат горячих булочек, кофе, сладкий запах рома.

Сквозь запотевшие стекла Мегрэ с трудом различал силуэты людей, теснившихся у оцинкованной стойки, торопливо глотавших перед работой свой завтрак.

Ровно в девять часов он вступил под своды здания криминальной полиции и вместе с другими стал подниматься по широкой, всегда пыльной лестнице. Когда голова его оказалась на уровне второго этажа, он машинально бросил взгляд сквозь стеклянную перегородку зала ожидания и, заметив Сесиль, сидевшую на одном из зеленых

плюшевых стульев, нахмурился.

Или, если уж говорить начистоту, напустил на себя хмурый вид.

– Глядите-ка, Мегрэ... Она уже здесь!..

Эти слова произнес Кассье, комиссар полиции нравов, шедший вслед за ним. Посыпались шутки, неизменно встречавшие каждое появление Сесили.

Мегрэ сделал попытку незаметно для нее проскользнуть мимо. Давно ли она здесь? Она способна часами неподвижно сидеть, сложив руки на сумке, в своей нелепой зеленой шляпке, вечно съезжавшей набок на туго стянутых волосах.

Ну конечно, она его увидела! Она порывисто вскочила,

рот ее приоткрылся. Стеклопанная перегородка не позволяла услышать ее слова, но, должно быть, она вздохнула с облегчением:

– Наконец-то...

Втянув голову в плечи, Мегрэ устремился в свой кабинет в глубине коридора. Служитель подошел к нему, чтобы доложить о посетительнице...

– Знаю... знаю... Мне сейчас некогда... – проворчал Мегрэ.

В это туманное утро в кабинете было темно, и он зажег настольную лампу с зеленым абажуром. Снял пальто, шляпу, взглянул на печку и подумал, что, если завтра будет так же холодно, он потребует, чтобы развели огонь. Затем, потерев озябшие руки, Мегрэ грузно опустился в кресло, удовлетворенно крякнул и снял телефонную трубку:

– Алло... «Старый нормандец»... Попросите, пожалуйста, господина Жанвье... Алло!.. Это ты, Жанвье?

Инспектор Жанвье находился сегодня с семи утра в маленьком ресторанчике на улице Сент-Антуан, откуда вел наблюдение за отелем «Аркады».

– Что нового?

– Сидят в своем гнездышке, патрон... Полчаса назад женщина выходила купить хлеба, масла и молотого кофе... Она только что вернулась...

– Люка на месте?

– Я видел его в окне, когда проходил мимо...

– Ладно! Журдан скоро сменит тебя... Не очень продрог?

– Да так, немного... Не беда...

Мегрэ усмехнулся, подумав о бригадире Люка, четыре

дня назад преобразившемся в старого инвалида. Нужно было установить наблюдение за бандой поляков – их было пять или шесть человек, – поселившихся в убогой комнатухе убогого отеля «Аркады». Никаких улик против них не было, кроме той, что один из них, по кличке Барон, разменял на скачках в Лоншане ассигнацию, украденную на ферме Ванзитар.

Эти люди слонялись по Парижу без всякой видимой цели, собирались они в квартире у одной молодой женщины на улице Бираг; неизвестно было, чья она любовница и какую роль играет во всех этих делах.

Переодетый инвалидом Люка, закутавшись в старые шали, следил за ними с утра до вечера из окна квартиры в доме напротив.

Мегрэ встал, выбил трубку в ведро с углем. Выбирая другую трубку из целой коллекции, лежавшей у него на столе, он заметил карточку, заполненную Сесилью. Он собирался уже прочесть, что она там написала, но в эту минуту в коридоре раздался настойчивый звонок.

Рапорт! Он схватил приготовленные бумаги и отправился вместе с другими полицейскими комиссарами в кабинет начальника полиции. Это была каждодневная утренняя церемония. Начальник носил длинные седые волосы и мушкетерскую бородку. Войдя в кабинет, они обменивались рукопожатиями.

– Видели ее?

Мегрэ притворился удивленным:

– Кого?

– Сесиль!.. Знаете, на месте госпожи Мегрэ я бы...

Бедная Сесиль! А ведь она была еще молода! Мегрэ

знал по документам, что ей недавно минуло двадцать восемь. И однако трудно было представить себе существо более нескладное, так напоминавшее старую деву, несмотря на все ее старания выглядеть привлекательной.

Должно быть, она сама по скверным выкройкам шила свои неизменные черные платья... А ее нелепая зеленая шляпка... Невозможно вообразить, что за всем этим таится какое-то женское очарование. Бескровное бледное лицо и вдобавок ко всему легкое косоглазие...

— Она косая! — уверял комиссар Кассье.

Конечно, он преувеличивал. Косой ее нельзя было называть. Хотя левый ее глаз смотрел не совсем в том направлении, что правый.

Она являлась к восьми утра, готовая к покорному ожиданию.

— Мне к комиссару Мегрэ, пожалуйста...

— Право, не знаю, будет ли он сегодня утром... Вы могли бы пройти к инспектору Берже...

— Благодарю вас... Я лучше подожду...

И она ждала весь день, неподвижная, не выказывая никаких признаков нетерпения, и каждый раз порывисто вскакивала, словно охваченная волнением, едва комиссар показывался на лестнице.

— Держу пари, старина, она влюблена в вас...

Комиссары толпились в кабинете начальника полиции, переговариваясь между собой; незаметно перешли от болтовни к делам.

— Как с «Пеликаном», Кассье? Что нового?

— Я вызвал хозяина к десяти... Придется ему заговорить...

– Только действуйте осторожно, слышите!.. Ему покровительствует какой-то депутат, и я не намерен влипнуть в историю... Как с поляками, Мегрэ?

– Пока выжидаю... Сегодня ночью думаю засесть сам... Если к завтрашнему дню ничего нового не выяснится, я попытаюсь побеседовать с глазу на глаз с той женщиной...

Ну и гнусная банда! Три преступления за полгода.

Всякий раз на уединенных фермах Севера. Зверский, скотский бандитизм – убивали прямо топором...

Туман начинал золотиться. Можно было погасить лампы. Начальник пододвинул к себе одну из папок.

– Найдется у вас свободная минута сегодня утром, Мегрэ... Вот тут розыски по заявлению семьи... Пропал девятнадцатилетний юноша, сын крупного промышленника...

– Ну что ж, давайте...

Рапорт, прерываемый изредка телефонными звонками, длился полчаса среди клубов табачного дыма.

– Хорошо, господин министр... Да, господин министр...

Слышно было, как полицейские инспектора ходят взад и вперед по широкому коридору, как хлопают двери, как звонят в кабинетах телефоны.

С папкой под мышкой Мегрэ вернулся к себе. Он размышлял о банде поляков. Машинально он положил папку на карточку, заполненную Сесилью. Не успел он сесть, как постучался служитель.

– Я насчет этой девушки...

– Ну что такое?

– Вы примете ее?

– Немного погодя...

Мегрэ хотелось сначала покончить с делом, которое поручил ему начальник. Он знал, где найти юношу, ибо уже занимался им раньше.

– Алло! Соедините меня с гостиницей «Миозотис», улица Бланш...

В этой обшарпанной гостинице собирались такие же молодые люди, как этот юноша, отличавшиеся сомнительными нравами и пристрастием к кокаину.

– Алло! Вот что, Франсис... Как видно, мне все-таки придется прикрыть ваше заведение... Что? Тем хуже для вас!.. Вы утратили чувство меры... Если хотите последовать доброму совету, то пришлите ко мне немедленно мальчишку Дюшмена... А еще лучше, приведите его сами... Мне нужно сказать ему пару слов... Да нет же, он у вас... А если его там нет, не сомневаюсь, что до полудня вы его отыщете... Рассчитываю на вас!

Зазвонил другой телефон. Мегрэ услышал смущенный голос одного из следователей:

– Комиссар Мегрэ?.. Я насчет Пенико, господин комиссар... Он утверждает, что вы запугали его, чтобы вырвать показания, что вы заставили его раздеться в своем кабинете и продержали голым целых пять часов...

Затем пришлось давать указания инспекторам, ожидавшим в соседнем кабинете. Они сидели в шляпах, лихо сдвинутых на ухо, зажав в зубах сигареты... И только в одиннадцать часов он вспомнил о Сесили и нажал кнопку звонка.

– Впустите эту девушку...

Служитель вернулся через минуту:

– Она уже ушла, господин комиссар...

– Вот как!

Сначала он пожал плечами. Потом, усаживаясь в кресло, нахмурился. Что-то не похоже на Сесиль, однажды неподвижно просидевшую битых семь часов в зале ожидания. Он поискал ее карточку среди бумаг, наваленных на столе. В конце концов он нашел ее под досье юного Дюшмена.

«Совершенно необходимо, чтобы вы приняли меня.

Сегодня ночью произошло ужасное несчастье.

Сесиль Пардон».

На звонок явился служитель.

– Скажите, Леопольд, в котором часу она ушла?

Служителя звали не Леопольд, его окрестили так потому, что он стригся как бывший бельгийский король.

– Право, не знаю, господин комиссар... Меня то и дело вызывали в разные кабинеты... Полчаса назад она еще сидела здесь...

– Были ли другие посетители в зале ожидания?

– Да, двое ждали приема у шефа... Один из них пожилой мужчина, который хотел, чтобы его направили в Коллегию по уголовным делам. Ну а потом... Сами знаете, утром кто-то входит, кто-то выходит... Я только сейчас заметил, что девушки уже нет...

Мегрэ почувствовал смутную тревогу. Ему стало не по себе. Это было неприятно. Шутки над Сесилью зашли слишком далеко.

– Если она вернется, вы...

А впрочем, нет! Он решил иначе. Вызвал одного из инспекторов.

— Хозяин гостиницы «Миозотис» явится сюда через несколько минут с молодым человеком по фамилии Дюшмен... Попросите их подождать... Если я не вернусь к двенадцати, задержите молодого человека, а хозяина отпустите...

На мосту Сен-Мишель он чуть было не взял такси, что уже само по себе было дурным признаком. И именно поэтому он удержался и сел в трамвай.

Не к чему придавать этой Сесили слишком большое значение! А то, пожалуй, придется признать...

Немного потеплело, однако туман не рассеялся, а стал еще плотнее. Мегрэ курил трубку, стоя на открытой площадке, и голова его покачивалась в такт движению трамвая.

Когда Сесиль впервые появилась в полиции? Примерно полгода назад. Записная книжка осталась в кабинете; вернувшись, он сможет проверить это. Она сразу же спросила комиссара Мегрэ. Правда, она могла знать его имя из газет. Держалась она спокойно. Вряд ли она отдавала себе отчет, что ее рассказ походил на бредни полоумной.

Она старалась говорить сдержанно, неторопливо, глядя собеседнику прямо в глаза и смягчая улыбкой неправдоподобие своего повествования.

— Клянусь вам, господин комиссар, я ровно ничего не выдумываю и не так уж я впечатлительна... Но я сама убираю квартиру и поэтому хорошо знаю, где что лежит... Тетя не хотела, чтобы в доме была прислуга...

Когда это случилось в первый раз, я решила, что ошиблась... Но потом стала следить. А вчера я сделала отметки. Больше того, я протянула нитку перед входной

дверью... И вот, два стула переставлены на другое место, а нитка оказалась порванной... Значит, кто-то входил в дом. Какой-то человек провел некоторое время в гостиной и даже открывал тетин секретер, потому что там я тоже оставила отметки. Это уже третий раз за два месяца. С некоторых пор тетя почти не передвигается... Ни у кого нет ключа от нашей квартиры, и однако, замок не был взломан... Я не хочу говорить об этом тете Жюльетте, чтобы не волновать ее... И как ни странно, я убедилась, что ничего не пропало. Уж тетя обязательно сказала бы мне об этом, она очень подозрительна...

— Короче говоря, — заключил Мегрэ, — вы уверяете, что в третий раз за два месяца неизвестный проникает ночью в квартиру, где вы живете со своей тетей, что он располагает в гостиной, передвигает стулья с места на место...

— А также бювар, — уточнила она.

— Переставляет с места на место стулья и бювар, роется в секретере, который тем не менее заперт на ключ и не хранит никаких следов взлома...

— Могу добавить, что сегодня ночью кто-то курил, — настойчиво продолжала Сесиль. — Ни я, ни тетя не курим. Ни одного мужчины у нас вчера не было, а сегодня утром в гостиной пахло табаком...

— Хорошо, я приду посмотрю...

— Мне как раз хотелось бы избежать этого... Характер у тети не слишком покладистый. Она рассердится на меня, тем более что я ничего ей не говорила...

— Чего же в таком случае вы ждете от полиции?

— Право, я и сама не знаю... Я доверяю вам. Может быть, если бы вы провели несколько ночей на нашей лестнице...

Святая простота! Она воображает, будто комиссар полиции для того и существует, чтобы ночевать на лестнице, проверяя девичьи бредни!

— Я пошлю вам завтра на ночь Люка.

— А вы сами не могли бы?

Ну нет! Тысячу раз нет! Эх куда хватила! Ее разочарование походило на досаду влюбленной. Тут коллеги Мегрэ были правы.

— Но может быть, это случится не сегодня ночью... Может быть, это произойдет через три, пять или десять дней... Разве я могу знать? Мне просто страшно, господин комиссар... Когда я думаю, что какой-то неизвестный мужчина...

— Где вы живете?

— В предместье Бур-ла-Рен, в километре от Орлеанской заставы, на шоссе... как раз напротив пятой остановки трамвая. Большой шестиэтажный кирпичный дом... На первом этаже вы увидите бакалейную лавку и магазин, где продают велосипеды... Мы живем на верхнем этаже...

Люка побывал там и справился у соседей. Он вернулся настроенный весьма скептически:

— Старуха уже несколько месяцев не выходит из квартиры, а племянница у нее и за прислугу, и за сиделку...

Об этом доме было сообщено в местный комиссариат полиции, целый месяц за ним вели наблюдение, но ни разу никто, кроме жильцов, не входил туда ночью.

А между тем Сесиль снова появилась на набережной Орфевр:

— Он опять приходил, господин комиссар... На этот раз он оставил следы чернил на бюваре, я накануне как раз сменила бумагу...

– Он ничего не унес?

– Ничего...

Мегрэ неосмотрительно передал ее рассказ своим коллегам, и вся набережная Орфевр со смехом повторяла эту историю.

– У Мегрэ появилась вздыхательница...

Подходили по очереди к стеклянной перегородке, рассматривали посетительницу с косящими глазами. Заглядывали в кабинет комиссара.

– Скорее. К тебе пришли!

– Кто?

– Твоя поклонница...

Целую неделю Люка сидел на лестнице и ничего не увидел и не услышал.

– Может быть, это случится завтра, – уверяла Сесиль.

Но выдача средств на эту затею была прекращена.

– Пришла Сесиль...

Сесиль уже знали все. Все звали ее по имени. Когда кто-либо из своих хотел войти к комиссару, его предупреждали:

– Осторожно, он занят...

– Кто у него?

– Сесиль!

У Орлеанской заставы Мегрэ пересел на другой трамвай. На пятой остановке он сошел. Справа между двумя пустырями одиноко возвышался большой дом, похожий на ломоть торта, – точно отрезанный кусок улицы.

Ничего необычного. Машины едут к Арпажону и Орлеану. С Центрального рынка возвращаются грузовики.

Входная дверь дома зажата между бакалейной лавкой и магазином велосипедов. Консьержка чистит морковь.

– Вернулась ли мадемуазель Пардон?

– Мадемуазель Сесиль?.. Не думаю... Да вы позвоните, госпожа Буанэ вам откроет...

– А я думал, она не ходит....

– Вроде того. Но у нее в квартире есть такое приспособление, что она может открыть дверь, не вставая с кресла. Так же как я отворяю входную дверь... И если она захочет...

Шесть этажей. Мегрэ терпеть не мог лестниц. А эта была темной, с дорожкой табачного цвета и засаленными стенами. Кухонные запахи менялись с каждым этажом, так же как и шумы. Пианино, детский плач, раздраженные голоса.

На шестом этаже на двери слева под звонком висела пожелтевшая визитная карточка: Ян Сивеши. Значит, дверь Буанэ была направо. Он позвонил. Звонок прокатился по комнатам, но в ответ не раздалось ни звука, и дверь не открылась. Он снова позвонил. Беспокойство перешло в тревогу, а тревога в угрызения совести.

– Вам кого нужно? – услышал он за спиной женский голос.

Он обернулся и увидел пышногрудую девушку в кокетливом голубом халате.

– Госпожу Буанэ...

– Да, это здесь, – ответила она с легким иностранным акцентом. – Вам никто не ответил?.. Странно...

Она тоже позвонила, рукав ее откинулся, обнажив полную руку.

– Даже если Сесиль вышла, ее тетка...

Мегрэ потоптался минут десять на лестничной пло-

щадке, затем отправился на поиски слесаря, для чего ему пришлось пройти пешком не меньше километра.

На этот раз на шум прибежала не только девушка, но и мать ее и сестра.

– Вы думаете, произошло несчастье?

Дверь открылась легко, замок не повредили, и следов взлома не обнаружили. Мегрэ первым вступил в квартиру, заставленную старой мебелью и безделушками. Он не стал все это разглядывать. Прошел в гостиную... В столовую... Потом увидел открытую дверь и на кровати красного дерева старую женщину с крашеными волосами, которая...

– Прошу вас выйти... Слышите? – крикнул он, обернувшись к трем соседкам. – А если все это вас развлекает, тем хуже для вас...

Странный труп: маленькая толстая старуха, напомаженная, с вытравленными перекисью волосами, седыми у корней. Она была в красном халате, на свисавшей с кровати ноге был надет чулок.

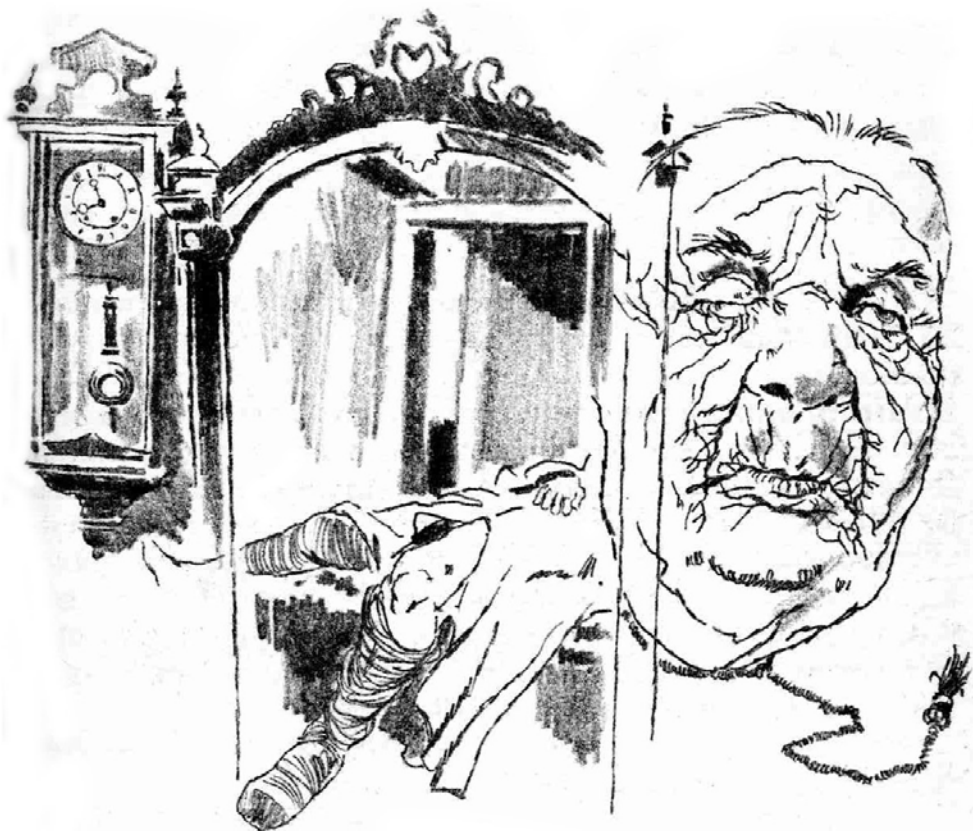
Ни малейших сомнений: она была задушена.

Суровый и озабоченный, Мегрэ вернулся на лестничную площадку:

– Пусть кто-нибудь сходит за полицейским...

Через пять минут он звонил из стеклянной кабинки соседнего бистро:

– Алло... Да, говорит комиссар Мегрэ... Кто у телефона? Так! Узнай, пожалуйста, дружок, Сесиль не вернулась?.. Сбегай в прокуратуру. Попытайся лично увидеть прокурора... Скажи ему... Слышишь?.. Я остаюсь здесь... Алло! Предупреди также отдел криминалистики... Если Сесиль чудом появится... Что такое? Да брось, милый, сейчас не до смеха...

Когда, выпив рюмку рома у стойки, он вышел из бистро, перед домом, напоминающим ломоть полосатого торта, толпилось уже человек пятьдесят.

Он невольно стал искать глазами Сесиль.

Только в пять часов вечера ему суждено было узнать, что Сесиль мертва.

Глава 2

В который уж раз госпожа Мегрэ напрасно будет ждать его к обеду за накрытым столом с двумя приборами.

Ожидание давно вошло у нее в привычку. В квартире поставили телефон, но это мало что изменило: Мегрэ забывал предупреждать жену. Ну а молодой Дюшмен выслушает сегодня традиционные наставления от Кассье.

Медленно, с озабоченным лицом комиссар поднялся на шестой этаж, не замечая жильцов, выглядывавших из всех дверей. Он думал о Сесили, о невзрачной девушке, над которой столько смеялись и которую в криминальной полиции называли зазнобой Мегрэ.

Вот здесь, в этом доме в пригороде, она жила, по этой темной лестнице ежедневно поднималась и спускалась. Духом этого дома веяло от ее одежды, когда, запуганная и терпеливая, она приходила в приемную на набережной Орфевр.

Если Мегрэ снисходил наконец до того, чтобы принять ее, в его вопросах звучала плохо скрытая ирония:

– Итак, сегодня ночью предметы снова передвигались по комнате? Чернильница оказалась на другом конце стола, а разрезальный нож удрал из своего ящика?

Добравшись до шестого этажа, он приказал полицейскому не впускать никого в квартиру. Он толкнул было дверь, но остановился, разглядывая звонок. Это был не электрический звонок, а длинный красный с желтым шнур. Он дернул за него, и в гостиной раздался какой-то монастырский звон.

– Сержант, я попрошу вас проследить, чтобы к этой двери никто не прикасался...

Нужно было проверить оставленные на двери отпечатки пальцев, хотя он не слишком рассчитывал на результаты. На душе у него было скверно. Его преследовал

образ Сесили, сидящей в аквариуме, как называли на набережной Орфевр зал ожидания с его стеклянной перегородкой.

Не будучи врачом, он тем не менее без труда определил, что смерть старой дамы наступила много часов назад, еще до прихода племянницы в полицию.

Присутствовала ли Сесиль при убийстве? Если даже это было так, она никого не позвала на помощь, не закричала. Всю ночь она провела в квартире наедине с трупом и утром оделась, как всегда. Взглянув на нее в зале ожидания, Мегрэ не заметил ничего необычного в ее туалете. Он мгновенно подмечал такие подробности, которым придавал большое значение.

Он стал искать комнату Сесили и долго не мог ее найти. Со стороны фасада были расположены три комнаты: гостиная, столовая и спальня госпожи Буанэ.

Справа по коридору помещались кухня и чулан.

И только за кухней он обнаружил полутемную клетушку, где находились железная кровать, умывальник и вешалка. Это была комната Сесили.

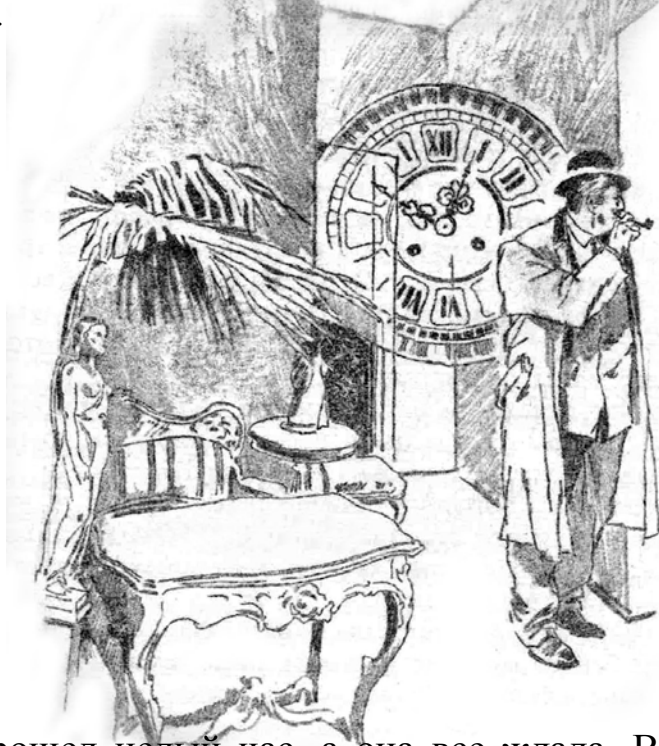
Кровать была не прибрана. В тазу темнела мыльная вода. В гребешке застряло несколько темных волос. Розоватый фланелевый халат валялся на стуле.

Знала ли уже Сесиль о том, что произошло, когда она одевалась? День чуть брезжил, когда она вышла на улицу, вернее, на шоссе, проходившее у самого дома, и направилась к остановке трамвая в двухстах метрах отсюда. Густой туман окутывал все вокруг.

В криминальной полиции она заполнила карточку посетителя и села в приемной напротив заключенных в чер-

ную рамку фотографий инспекторов полиции, погибших при исполнении служебного долга.

Вот наконец на лестнице показался Мегрэ. Она порывисто встала. Сейчас он примет ее. Она сможет все рассказать...

Но прошел целый час, а она все ждала. В коридорах стало оживленнее. Перекликались инспектора. Хлопали двери. В аквариум входили посетители, и служитель вызывал их одного за другим. Она одна продолжала сидеть...

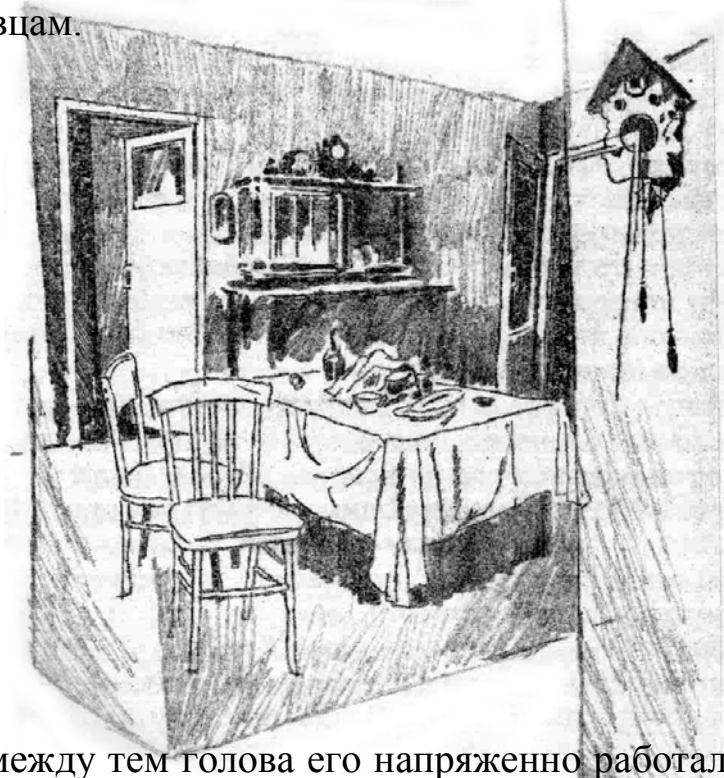
Как всегда, она одна бесконечно ждала, дольше всех...

Что могло заставить ее уйти?

Мегрэ машинально набил трубку. На лестнице раздавались голоса. Жильцы обсуждали событие, полицейский не очень уверенно уговаривал их разойтись.

Что случилось с Сесилью?

Эта мысль не покидала его весь тот час, что он провел в одиночестве в квартире, и на лице его застыло угрюмое и словно сонное выражение, так хорошо знакомое его сослуживцам.

А между тем голова его напряженно работала. Он уже успел проникнуться атмосферой этого дома. Едва вступив в переднюю, вернее, в длинный темный коридор, который ее заменял, он ощутил запах старья, убожество всей обстановки. Мебели, загромождавшей тесные комнаты, хватило бы на две такие квартиры, но все это была старая, разномастная и разнотильная мебель, не представлявшая ни малейшей ценности. Невольно приходили на память торги в провинциальном городке, когда, вследствие чьей-то кончины или разорения, тайны суровых буржуазных домов внезапно становились всеобщим достоянием.

Впрочем, всюду здесь царили безупречный порядок и чистота, все блестело, каждая безделушка знала свое место.

Обстановка была настолько вне времени, что любое освещение – свечи, керосин, газ, электричество – равно подошли бы к ней. И действительно, с потолка свисали старинные керосиновые люстры, в которые были вставлены электрические лампочки.

Гостиная скорее напоминала лавку старьевщика, стены ее были увешаны семейными портретами, акварелями, дешевыми гравюрами в черных и позолоченных гипсовых рамах под резное дерево. У окна громоздился огромный секретер красного дерева с откидывающейся доской, какие можно встретить у управляющих поместьями.

Обернув руку платком, Мегрэ открыл один за другим все ящики секретера. Тут лежали ключи, куски сургуча, коробочки из-под пилюль, оправа от ручного зеркала, записные книжки двадцатилетней давности, пожелтевшие счета. Нигде никаких следов взлома. Четыре ящика были пусты.

Рядом кресла с потертой обивкой, маленький дамский секретер, столик для рукоделия, двое стенных часов в стиле Людовика XIV. В столовой Мегрэ также увидел стенные часы и в передней еще одни, наконец, он с удивлением обнаружил двое стенных часов в спальне убитой. Это его даже позабавило.

Очевидно, часы были ее манией. Самое любопытное, что все часы шли. Мегрэ убедился в этом в полдень, когда одни за другими они начали бить.

Столовая тоже была заставлена мебелью – просто негде было повернуться. Здесь, как и в других комнатах, на окнах

висели плотные шторы, словно обитатели квартиры боялись дневного света.

Почему ночью, когда старую женщину застигла смерть, на одной ноге у нее оказался чулок? Он стал искать второй и нашел его на коврике. Чулки были черные, из грубой шерсти. По распухшим синеватым ногам Мегрэ заключил, что тетка Сесили страдала водянкой. Трость, которую он поднял с пола, доказывала, что старуха могла передвигаться по квартире.

Наконец, над постелью он увидел шнур, такой же, как на лестничной площадке. Он потянул за него, прислушался, дверь квартиры открылась. Он пошел и затворил ее, проворчав несколько нелюбезных фраз по адресу жильцов, все еще толпившихся на площадке.

Почему Сесиль внезапно покинула набережную Орфевр? Что могло побудить ее сделать это как раз тогда, когда у нее было столь важное сообщение для комиссара?

Она одна знала это. Она одна могла все объяснить.

Время шло, тревога Мегрэ возрастала.

Невольно напрашивался вопрос, что могли делать по целым дням две женщины среди всей этой мебели, уставленной хрупкими безделушками из стекла и фаянса, одна уродливее другой, стеклянными шарами с изображением грота в Лурде или Неаполитанского залива, косо висящими портретами в рамках из медной проволоки, прозрачными японскими чашками с приклеенными ручками и искусственными цветами в разномастных бокалах для шампанского.

Мегрэ снова вошел в комнату старухи, которая по-прежнему лежала на кровати красного дерева, свесив одну ногу в этом загадочном чулке.

Около часу дня послышался шум, сначала на улице перед домом, затем на лестнице, на площадке. Комиссар грузно сидел в кресле, так и не сняв пальто и шляпу. Он столько курил, что в комнате было сине от дыма.

Услышав громкие голоса, он вздрогнул, словно очнувшись ото сна.

— Ну как дела, дорогой комиссар?

Бидо, товарищ прокурора, с улыбкой протянул ему руку. За ним вошли низенький следователь Мабий, судебно-медицинский эксперт и секретарь, который тут же принялся раскладывать на столе свои бумаги.

— Как будто интересное дело, а? Однако здесь не слишком весело...

Минуту спустя около дома остановился крытый грузовичок отдела криминалистики, и скоро фотографы, вооруженные своими громоздкими аппаратами, наводнили здание. Комиссар полиции Бур-ла-Рена робко пытался протиснуться вперед, терзаясь тем, что никто не обращает на него внимания.

— Разойдитесь, господа, — повторял полицейский, охранявший вход в квартиру. — Нечего тут смотреть... Скоро вас будут вызывать одного за другим... А сейчас, ради Бога, освободите проход! Дайте дорогу! Да расходитесь же!..

Было около пяти часов вечера. Туман превратился в изморось, и фонари загорелись раньше обычного. Мегрэ, надвинув шляпу на глаза, вошел в ледяной вестибюль криминальной полиции и торопливо поднялся по плохо освещенной лестнице.

Он невольно бросил взгляд на аквариум, который теперь, при электрическом освещении, больше чем когда-либо оправдывал свое название. Там сидело четыре или пять неподвижных фигур, похожих на восковые экспонаты паноптикума. Почему, подумал комиссар, выбрали для этого зала ожидания зеленые обои, зеленую обивку стульев и зеленую скатерть на стол? От всего этого на лицах лежал какой-то мертвенный отсвет.

— Вас, кажется, ищут, господин комиссар, — сказал один из инспекторов, проходя мимо с папкой под мышкой.

— Шеф спрашивал вас, — подтвердил служитель, наклеивавший марки на конверты.

Не заходя к себе, Мегрэ постучался к начальнику.

В кабинете горела только настольная лампа.

— Ну как дела, Мегрэ?

Молчание.

— Довольно неприятная история, старина?.. Ничего нового?

Мегрэ почувствовал, что шеф собирается сообщить ему что-то не слишком приятное, и ждал, нахмутив лохматые брови.

— Я послал предупредить вас, но вы уже успели уехать из Бур-ла-Рена... Это по поводу той девушки... Не так давно Виктор...

Заика Виктор служил привратником во Дворце правосудия. У него были моржовые усы и голос, хриплый, как у морского волка.

— ...Виктор встретил в коридоре прокурора... весьма не в духе... «Подметать разучились, друг мой?»

Все знали, когда прокурор называет кого-нибудь «друг

мой» – дело плохо... Мысль Мегрэ старалась опередить слова начальника.

– Короче говоря, перепуганный Виктор бросился в чулан, где стоят метлы... Угадайте, что он там увидел?..

– Сесиль! – проговорил комиссар, словно ждал этого, и опустил голову.

В Бур-ла-Рене, пока вокруг него выполнялись обычные процедуры следствия, он успел перебрать все гипотезы относительно ее судьбы, и ни одна не показалась ему правдоподобной. Он неизменно возвращался все к тому же вопросу: что могло заставить ее уйти с набережной Орфевр, куда она пришла сделать такое важное сообщение?

Он все больше убеждался в том, что Сесиль ушла не по собственному побуждению. Какой-то человек подошел к ней в самом лоне полиции, в двух шагах от Мегрэ, и Сесиль последовала за ним.

Каким доводом ее убедили? У кого была такая власть над девушкой?

Он вдруг понял.

– Как это я не додумался, – прорычал он, ударив себя кулаком по лбу.

– Что вы хотите сказать?

– Я должен был догадаться, что она не выходила из здания, что ничто не могло заставить ее уйти...

Он был зол на самого себя.

– Она мертва, конечно, – буркнул он, не поднимая глаз.

– Да... Если хотите взглянуть...

Начальник нажал кнопку звонка и сказал вошедшему секретарю:

– Если ко мне придут или позвонят, скажите, что я скоро вернусь.

Лица обоих были озабочены, комиссара мучила совесть. День так хорошо начинался! Он вспомнил аромат кофе, горячих булочек, рома... Пронизанный светом утренний туман.

— Да, кстати... Звонил Жанвье... Оказывается, ваши поляки...

Мегрэ махнул рукой, словно хотел выбросить из головы всех поляков на свете.

Начальник толкнул стеклянную дверь. Вот уже лет десять шли разговоры о том, чтобы ее уничтожить, однако все не решались из чисто практических соображений. Эта дверь соединяла криминальную полицию с Дворцом правосудия и отделом уголовной регистрации. Переход напоминал театральные кулисы: узкие лестницы, запутанные коридоры... По ним можно было провести подследственного прямо в прокуратуру...

Направо — лестница, которая вела наверх в отдел криминалистики и в лабораторию... Дальше — дверь с матовыми стеклами, за которой слышался гул Дворца правосудия — сновали взад-вперед адвокаты, любопытные, публика наполняла залы, где заседали уголовные суды и суды присяжных.

Перед узенькой дверью, пробитой неведомо зачем в толще стены, стоял и курил инспектор; при виде начальника он потушил сигарету.

Кто знал о существовании этой двери? Только завсегдаи здешних мест! За дверью находился просторный стенной шкаф — глубокая ниша, где Виктор, не любивший далеко ходить, держал щетки и ведра.

Инспектор посторонился, начальник открыл дверь и зажег спичку, чтобы осветить темный чулан.

– Вот она... – сказал он.

Тело Сесили не могло лежать во всю длину в тесном чулане, она почти сидела, прислонившись спиной к стене и свесив голову на грудь.

Мегрэ бросило в жар, он вытер лицо платком и сунул раскуренную трубку в карман.

Слов не требовалось. Оба, начальник и комиссар, молча смотрели. Мегрэ машинально снял шляпу.

– Знаете, что мне пришло в голову, шеф? Кто-то вошел в приемную и сказал Сесили, что я жду ее в другом помещении... Какой-то человек, которого она сочла нашим служащим.

Начальник молча кивнул.

– Нужно было торопиться, понимаете?.. Я мог принять ее с минуты на минуту... Она знала убийцу тетки...

Кто-то привел ее сюда, открыл дверь, за которой царил полный мрак... и когда Сесиль шагнула...

– Ее сначала оглушили дубинкой или каким-то тяжелым предметом...

Нелепая зеленая шляпка, валявшаяся на полу, подтверждала это предположение. Кроме того, в темных волосах девушки запеклась кровь.

– Вероятно, она зашаталась, стала падать, и убийца, желая покончить с ней без шума, задушил ее...

– Вы уверены, шеф?

– Таково мнение судебного врача... Я просил не производить вскрытия без вас... Что вас удивляет? Ведь тетка ее также была задушена, верно?

– Вот это как раз и...

– Что вы хотите сказать, Мегрэ?

– Мне кажется, что один и тот же человек не мог бы совершить оба преступления. Ведь когда Сесиль пришла сюда сегодня утром, она знала, кто убил ее тетку...

– Вы так думаете?

– Иначе она подняла бы тревогу раньше... По заключению врача, тетка была убита около двух часов ночи...

– Может быть, Сесиль оказалась свидетельницей преступления...

– Так почему же убийца не прикончил и ее в Бур-ла-Рене?

– Может быть, она спряталась... Рассуждаем дальше... А возможно, она обнаружила труп тетки утром, когда поднялась, примерно в половине седьмого. По будильнику я убедился, что она встает в это время... Она никому ничего не сказала и прибежала сюда...

– Странно...

– Не так уж странно, если предположить, что она знала убийцу... Она хотела назвать его мне лично и не доверяла комиссару полиции Бур-ла-Рена... Предположение, что она знала убийцу, подтверждается тем, что ее убрали с целью помешать ей говорить...

– А если бы вы приняли ее тотчас по приходе?

Мегрэ покраснел, что редко с ним случалось.

– Да, конечно... Здесь что-то неясное... Может быть, в то время убийца был связан в своих действиях... Или же в этот момент он еще не знал...

Он вздрогнул, словно гнал от себя какую-то мысль.

– Нет, маловероятно, – пробурчал он.

– Что маловероятно?

– Мое предположение. Если бы убийца старухи вошел в аквариум...

– Аквариум?!

– Простите, шеф... Инспектора прозвали так зал ожидания... Сесиль не пошла бы за ним. Значит, за ней явился кто-то другой, кто-то, кого она не знала или кому доверяла...

Мегрэ не сводил упорного мрачного взгляда с темной фигуры, прислонившейся к стене чулана меж щеток и ведер.

– Она пошла за человеком, которого не знала! – решил он внезапно.

– Почему?

– Она могла бы последовать за кем-то знакомым на улицу. Но внутри здания!.. По правде сказать, я ожидал, что ее найдут в Сене или где-нибудь на пустыре... Но здесь...

Он шагнул вперед, нагнувшись под низким косяком двери, чиркнул спичкой, потом другой и слегка отодвинул труп.

– Что вы ищете, Мегрэ?

– Ее сумку...

Сидя в аквариуму Сесиль всегда бережно держала на коленях объемистую, словно чемодан, сумку, столь же неотъемлемую ее принадлежность, как и эта немислимая зеленая шляпка.

– Она исчезла.

– Вывод?

Забыв в раздражении о служебной иерархии, Мегрэ рявкнул:

– Вывод! Вывод! А вы-то сами способны сделать из этого вывод?

Он заметил, что светловолосый инспектор, стоявший в двух шагах от них, отвернулся, и взял себя в руки.

– Простите, шеф... Но согласитесь, что народу у нас как на проходном дворе... Подумать только: к нам в зал ожидания могли проникнуть и...

Он был вне себя. В его стиснутых зубах торчала потухшая трубка.

– Я уже не говорю об этой треклятой двери, которую давно следовало забить...

– Да, но если бы вы приняли эту девушку немедленно...

Бедный Мегрэ! Тяжело было смотреть, как этот рослый, сильный человек, с виду крепкий, как скала, понурился, глядя на безжизненное тело у своих ног; он снова вытащил платок и вытер потное лицо.

– Итак, что же мы предпримем? – спросил начальник, чтобы переменить тему.

Неужели публично признать, что преступление было совершено в самом помещении криминальной полиции, точнее, в этой узкой трубе, соединяющей полицию с Дворцом правосудия?

– Я хочу просить вас кое о чем... Может ли Люка заниматься поляками без меня?

Внезапно он почувствовал голод. Он ничего не ел с Утра, но зато выпил три рюмки, и теперь у него сосало под ложечкой.

– Я не возражаю...

– Заприте эту дверь, старина, и продолжайте охранять ее. Я скоро вернусь...

Из своего кабинета, не снимая пальто и шляпы, Мегрэ позвонил жене:

– Нет... Не знаю, когда приду... Слишком долго объяснять... Нет, нет, я остаюсь в Париже...

Не заказать ли, как обычно, бутерброды из пивной на площади Дофина? Нет, ему необходимо проветриться. На улице по-прежнему моросило. Он выбрал маленький бар напротив памятника Генриху IV на Новом мосту.

– Один с ветчиной, – заказал он.

– Как дела, господин комиссар?

Гарсон знал его. Когда у Мегрэ тяжелые веки и это угрюмое выражение, значит...

– Не ладится?

Около стойки какие-то люди играли в карты, другие толпились у денежного автомата.

Мегрэ ел бутерброд, думая о том, что Сесиль мертва, и от этой мысли мороз пробежал у него по спине, несмотря на теплое пальто.

Глава 3

Когда кто-нибудь умилялся смирению, с которым бедняки, больные, калеки и тысячи других обездоленных безропотно влачат свое беспросветное существование в тисках большого города, Мегрэ пожимал плечами.

Опыт давно убедил его, что человеческое существо может приспособиться к любой дыре, стоит ему наполнить ее своим теплом, запахами, привычками.

Он сидел в скрипучем плетеном кресле в тесной – два с половиной на три метра – комнатке консьержки.

Потолок низко нависал над головой. Стеклянная без занавесок дверь вела в неосвещенный подъезд, где лампы зажигались только в тот момент, когда жильцы входили

или выходили из дому. В комнатке стояла кровать с красной периной, на столе – обглоданная свиная ножка с застывшим салом, крошки хлеба на темной клеенке, нож и немного красного вина на дне стакана.

Консьержка, госпожа С-вашего-позволения, сидела на стуле, скособочившись из-за хронического прострела, щека ее, казалось, приросла к плечу. Грязно-розовая вата торчала клоками из-под черного платка, обматывающего шею.

– Нет, господин комиссар... С вашего позволения, я уж в это кресло не сяду... Это кресло моего покойного мужа, и, хотя мне немало лет и забот у меня тоже немало, я не позволю себе сесть в это кресло!

В затхлом воздухе пахло кошками. Кот мурлыкал у печки. Электрическая лампочка, заросшая двадцатилетним слоем пыли, освещала комнату красноватым светом. Было жарко. Дождь громко барабанил по железной крыше, время от времени слышался шум стремительно пронесившегося по шоссе автомобиля, грохот грузовика и скрежет трамвая.

– Как я вам уже сказала, эта бедная дама была, с вашего позволения, владелицей нашего дома... Жюльетта Буанэ – она носила фамилию покойного супруга... И если я говорю «бедная дама», господин комиссар, то только от хорошего воспитания, потому что это была сушая мерзавка, да будет ей земля пухом... Создатель еще был к нам милостив и почти лишил ее ног в последнее время... Не подумайте, что я такая уж ведьма или желаю зла ближнему, но, пока она могла ходить, как все, нам никакой жизни не было...

Только что, наводя справки в комиссариате полиции Бур-ла-Рене, Мегрэ с удивлением узнал, что покойнице не

было и шестидесяти лет. Опухшее лицо и выпученные глаза делали ее много старше, несмотря на крашенные волосы.

«...Жюльетта-Мария-Жанна-Леонтина Казенов, вдова Буанэ, 59 лет, родившаяся в Фонтене-ле-Конте в Вандее, не имеющая профессии...»

Свернутая набок шея, острый пучок на макушке, черный шерстяной платок, завязанный накрест на тощей груди, – до чего же, верно, уродлива эта старческая грудь! Госпожа С-вашего-позволения перебирала свой запас сплетен с тем же упоением, с каким незадолго до того обсасывала свиную ножку. Время от времени она бросала взгляд на застекленную дверь.

– Как видите, в доме все спокойно... Обычно в этот час почти все жильцы уже у себя.

– С какого времени госпожа Буанэ владела этим домом?

– Да, наверно, всегда... Муж ее имел строительную контору и построил немало домов в Бур-ла-Рене. Он помер молодым, ему не было и пятидесяти, да, впрочем, для бедняги оно и лучше было... После его смерти она поселилась здесь, тому уж лет пятнадцать... В ту пору, с вашего позволения, она была точно такая же, как сейчас, только тогда она ходила и поедом ела и меня, и всех жильцов... Не дай Бог, если ей попадалась на лестнице кошка или собака... А если кто-нибудь набирался смелости просить ее о ремонте... Да что там! В нашем доме провели электричество позже, чем во всей округе...

С лестницы доносились шаги, на втором этаже хныкал ребенок.

– Это у госпожи Бурникель, – пояснила госпожа С-вашего-позволения. – Ее муж коммивояжер. У него малолитражная машина. Сейчас он наверняка разъезжает по Юго-Западу. Его по три месяца дома не бывает. У них уже четверо детей, ждут пятого. Из-за детской коляски разгорелся тут целый сыр-бор. Госпожа Буанэ, упокой, Господи, ее душу, не разрешала оставлять коляску в подъезде, и им приходилось дважды в день таскать ее вверх и вниз... Вон как раз их нянька выносит помойное ведро...

Вспыхнул свет, и они увидели, как прошла девушка в белом переднике. Она шла, откинувшись назад, держа обеими руками тяжелый бак с мусором.

– О чем это я говорила?... Ах да!.. Не хотите ли стаканчик вина, господин комиссар?... Ну да, у меня осталась еще одна славная бутылочка, которую принес мне господин Бурникель, он ведь агент по продаже вин... Лет двенадцать тому назад сестра госпожи Буанэ, тоже вдова, померла в Фонтене, и госпожа Буанэ выписала сюда ее троих детей – двух девочек и мальчика. Весь квартал дивился такой ее щедрости... Она тогда занимала весь шестой этаж целиком... Племянник, месье Жерар, первым ушел из дома. Он стал солдатом, только бы не жить с теткой. Потом он женился... Живет в Париже недалеко от площади Бастилии. Сюда заглядывает редко... По-моему, дела у него идут неважно.

– Вы видели его в последнее время?

– Большой частью он дожидался на улице, когда выйдет сестра... Парень он не гордый, к тому же жена его ждет прибавления семейства. На прошлой неделе он приходил сюда и даже поднялся наверх... Я думаю, ему нужны были

деньги. Вышел он невеселым... Чтобы выудить денежки у тетки, надо, с вашего позволения, немало потрудиться... Ваше здоровье!

Она быстро обернулась и уставилась на дверь. Свет не зажегся, послышался легкий шорох. Госпожа С-вашего-позволения встала и резко распахнула дверь. Они увидели удаляющуюся девичью фигуру.

– Все-то она бродит по лестницам, эта мадемуазель Нуши!.. Ну что ты с ней поделаешь!

Консьержка, охая, уселась на свое место.

– Нелегко это – тащить на своем горбу такой большой дом... Взять хоть этих жильцов с шестого этажа, они как раз были соседями хозяйки... О чем, бишь, я говорила? Ах да... Так, значит, месье Жерар ушел в армию. А потом и младшая из племянниц, Берта, которая тоже не ладила с теткой, ушла из дома и работает продавщицей в универсальном магазине. Вот старуха и воспользовалась этим и сдала половину квартиры венграм Сивеши... У них две дочери – Нуши и Почи...

Почи – толстуха, разгуливает чуть не полуголая. Да и Нуши, надо сказать, хотя ей всего шестнадцать, ведет себя немногим лучше... Вечерами вечно таскается по углам или вертится в подъезде...

Лучше всего не прерывать консьержку и попытаться понять смысл ее слов. Итак, на втором этаже – семейство Бурникель, четверо детей. Хозяин уехал, есть служанка, ожидают еще одного младенца.

На шестом – семья Сивеши. Утром Мегрэ уже видел одну ее представительницу – толстую бесстыдницу Почи, а только что промелькнула и худышка Нуши.

– ...И мать им не перечит... Что вы хотите, у этих людей совсем другие понятия... Вот хоть к примеру... Не далее как на прошлой неделе разношу я почту... Стучусь. Кричат: «Войдите!» Я, ничего не подозревая, вхожу, и что же я вижу? Госпожа Сивеши сидит в чем мать родила, курит себе сигарету и смотрит на меня без малейшего стыда... И это при обеих дочерях!..

– А что за профессия у этого Сивеши?

– Уж какая там, с вашего позволения, профессия. Таскается без дела туда-сюда, вечно у него под мышкой книги... И за провизией тоже он ходит. За два квартала у него не плачено, но его ничуть не смущает, что к нему явится судебный исполнитель. Можно подумать, это его развлекает... А вот милейший господин Лелу – месье Гастон, как я его называю, – совсем не таков... Он торгует велосипедами. Очень достойный молодой человек, когда-то он продавал газеты и немало приложил усилий, чтобы открыть собственное дело. В конце месяца ему всегда трудно, и тогда, клянусь вам, ему совестно смотреть людям в глаза, даже мне, хотя я уж... Он всего три месяца женат, и, чтобы сэкономить на квартире, они спят в чулане за лавкой, там, где сложены шины и колеса... Постойте, наверняка эта мерзавка Нуши опять...

Мегрэ встал и открыл дверь, за которой в потемках смутно различил лицо молоденькой венгерки с большими темными глазами и вызывающе красным ртом.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил он.

Она ответила без тени смущения:

– Хотелось взглянуть, какой вы... Мне сказали, что знаменитый комиссар Мегрэ...

Она смотрела ему прямо в глаза. Она была худая и узкобедрая, но грудь у нее уже была вполне развита, и облегающая кофта дерзко подчеркивала это.

– Ну что ж, теперь вы меня видели и...

– А разве вы не будете меня допрашивать?

– Вы хотите мне что-нибудь сообщить?

– Может быть...

Госпожа С-вашего-позволения с негодующим видом вздохнула и покачала головой, насколько прострел позволял ей это.

– Войдите... Что же вы хотели сказать?

В комнате консьержки девчонка чувствовала себя как дома. По ее торжествующему виду можно было подумать, будто она побилась об заклад, что сумеет завязать разговор с комиссаром.

– Я хотела рассказать вам о господине Дандюране...

– Кто это? – повернулся Мегрэ к консьержке.

Возмущенная самим присутствием Нуши, консьержка сказала:

– Не знаю, что она вам собирается наплести, но этим девчонкам, с вашего позволения, соврать – что плюнуть... Господин Дандюран – бывший адвокат, очень приличный, степенный, спокойный жилец и вообще... Он уже который год занимает пятый этаж... Столуется не дома. Никто к нему не ходит... Да он и сам скоро появится.

– Ну так вот, – деловито сообщила Нуши, – господин Дандюран просто старый кобель... Каждый раз, как я спускаюсь, он стоит за своей дверью... Несколько раз он шел за мной по улице... А в прошлом месяце, когда я проходила мимо его квартиры, он стал знаками зазывать меня к себе...

Госпожа С-вашего-позволения воздела руки к небу, словно говоря: «Подумать только, какие мерзости приходится слушать!»

– В понедельник я из любопытства зашла к нему, и он стал показывать мне свою коллекцию открыток. Клянусь вам, сроду я таких гнусностей не видела. Он сказал, что, если время от времени я буду его навещать, он даст мне...

– Не верьте ей, господин комиссар...

– Даю слово, что это правда... Я тут же все рассказала Почи, и она тоже пошла посмотреть открытки. Он и ей стал предлагать то же самое...

– Что же он ей предложил?

– Как и мне, часы с браслетом... Не иначе, у него их целый склад... А теперь я еще вот что расскажу. Однажды ночью, когда мне не спалось, я услышала какой-то шум на площадке... Я встала и подошла к двери... Посмотрела в замочную скважину и увидела его...

– Простите, – прервал Мегрэ. – На лестнице горел свет? Он почувствовал, что она колеблется, слегка растерялась.

– Нет, – произнесла она наконец, – но ночь была лунная.

– Разве луна может освещать лестницу?

– Да, через слуховое окошко, как раз над площадкой...

Это была правда, Мегрэ вспомнил про окошечко. Но почему же она вдруг заколебалась?

– Благодарю вас, мадемуазель... Можете идти домой. Ваши родители, наверно, беспокоятся...

– Они с сестрой пошли в кино.

На лице у нее было написано разочарование. Уж не рассчитывала ли она, что Мегрэ поднимется с ней?

– Вы больше ни о чем не хотите меня спросить?

– Нет... До свидания.

– Это верно, что Сесиль умерла?

Он не ответил и притворил за ней дверь.

– Ну и срам, с вашего позволения, – вздохнула консьержка. – Еще стаканчик, господин комиссар. Того и гляди, она начнет принимать мужчин у себя дома, когда нет родителей... Вы заметили, как она на вас поглядывала?.. Я просто покраснела за весь женский пол...

С улицы по-прежнему доносился грохот грузовиков и легковых машин. Мегрэ снова уселся в плетеное кресло, затрепавшее под его тяжестью. Консьержка подбросила угля в печку и тоже села, кот вскочил к ней на колени. Стало жарко. Казалось, автомобили и грузовики проносятся где-то в чужом, далеком мире, словно на другой планете, и живым остался только этот ставший таким привычным дом. Над кроватью консьержки висела резиновая груша, с помощью которой открывалась входная дверь.

– Без вашего ведома в дом никто не может войти, верно?

– Да это невозможно: ключей ведь нет.

– А через лавки?

– Внутренние двери, ведущие из лавок в дом, забиты. Госпожа Буанэ очень боялась воров...

– Вы сказали, что она уже многие месяцы не выходила из дому?

– Видите ли, она была не совсем недвижима. Она передвигалась по квартире, опираясь на палку. Иногда она даже выползала на площадку, чтобы следить за жильцами

или проверить, хорошо ли я делаю уборку... Не услышишь, как она появится. Прямо крадется в своих войлочных туфлях и даже на палку нацепила резиновый наконечник.

— У нее бывало много народу?

— Никого... Вот разве что ее племянник, месье Жерар, иногда заходил. Племянница, мадемуазель Берта, и носа к тетке не казала. Сдается мне, с вашего позволения, что она завела дружка. Как-то в воскресенье, идя на кладбище, я ее встретила с очень видным мужчиной лет тридцати, и я сразу подумала, что он человек женатый... Только вот не разглядела, есть ли у него кольцо...

— Словом, госпожа Буанэ жила совершенно одна с Сесилью?

— Бедная девушка! Такая обходительная, такая преданная! Тетка обращалась с ней как с прислугой, а она никогда не жаловалась. Вот уж эта сроду не бегала за мужчинами. Слабенькая, здоровье никудышное, что-то с желудком, а ведь ей приходилось выносить мусор с шестого этажа и таскать вверх уголь...

— А деньги в банк относил Сесиль?

— В какой банк?

— Когда госпожа Буанэ получала квартирную плату с жильцов...

— Да ни за какие блага на свете она не стала бы помещать в банк свои деньги... Она никому не доверяла!.. Помню, вначале господин Бурникель хотел заплатить чеком, так она возмутилась: «Это еще что за новости! Передайте этому господину, что я принимаю только наличные!» Господин Бурникель заупрямился... Две недели они препирались, и в конце концов ему пришлось уступить... Еще

стаканчик вина, господин комиссар? Я вовсе не так часто пью, с вашего позволения, но ради такого случая...

Затрещал звонок над кроватью. Она встала и, перегнувшись над постелью, сжала резиновую грушу, говоря:

— Это господин Дезеглиз, жилец с третьего этажа, дверь налево. Он кондуктор автобуса, и каждую неделю его рабочие часы меняются...

И действительно, они увидели, как прошел мужчина в форменной фуражке кондуктора.

— На том же этаже живет незамужняя учительница музыки, мадемуазель Поко. Каждый час к ней приходят ученицы, и, когда на улице дождь, можете себе представить, какая грязь на лестнице... На четвертом этаже никто не живет... Вы, верно, заметили объявление на парадном. Прежних жильцов пришлось выселить: они задолжали за полгода. Между прочим, это были очень воспитанные люди и меня не забывали... Что поделаешь!.. Не всегда деньги водятся у хороших людей. Странно, что господин Дандюран еще не вернулся... Нет, подумать только, какие мерзости плела тут про него эта негодница... Такие испорченные девчонки, как она, не постесняются засадить человека в тюрьму ради того только, чтобы покрасоваться перед людьми!.. Вы заметили, как она вам глазки строила? Это вам, человеку в годах, женатому, да еще официальному лицу... Уж я-то в этом смысле, мой муж тоже был служащим... на железной дороге... А вот и господин Дандюран...

Она встала и снова наклонилась, чтобы сжать рукой грушу. В коридоре и на лестнице вспыхнул свет. Послышалось глухое щелканье закрываемого зонта и старательное шарканье подошв о коврик.

– Да, уж этот лестницы не запачкает...

Сухое покашливание. Медленные, размеренные шаги.

Дверь в комнату приоткрывается.

– Нет ли почты для меня, госпожа Бенуа?

– Сегодня ничего, с вашего позволения, господин Дандюран...

Это был пожилой человек с землистым цветом лица, седоватый, одетый во все черное, с мокрым зонтом в руках. Он взглянул на комиссара, который сдвинул брови, сиюсь вспомнить, где он видел это лицо.

Однако, когда говорили о Дандюране, его фамилия ничего не сказала Мегрэ. А между тем он был уверен, что знает этого человека. Мегрэ напрягал память. Где же?..

– Комиссар Мегрэ, если не ошибаюсь? – спокойно произнес жилец, все еще стоя в дверях. – Представьте, господин комиссар, я только что заходил к вам. Я понимаю, что время сейчас неурочное, но мне стало известно, что произошло...

Внезапно в уме Мегрэ всплыло имя... Месье Шарль...

У него появилась уверенность, что между этим именем и стоящим перед ним человеком существовала связь. Что же все-таки оно ему напоминает? Маленькое кафе со своими обычными посетителями...

– Вы хотите сообщить мне что-то срочное?

– Как вам сказать... Я подумал... Не подниметесь ли вы ко мне ненадолго? Вы позволите, госпожа Бенуа? Простите, что заставляю вас взбираться на пятый этаж, господин комиссар. Только что на набережной Орфевр я узнал, что бедная мадемуазель Сесиль... Признаюсь, я был потрясен...

Мегрэ встал и вышел вслед за Дандюраном на лестницу.

– Я увидел, что вы как будто узнаете меня, но не можете вспомнить. Пойдемте немного быстрее, а то свет сейчас погаснет...

Он нащупал в кармане ключ и вложил его в замочную скважину. Мегрэ поднял голову и в темноте различил силуэт Нуши, наклонившейся над перилами. Через мгновение смачный плевок шлепнулся на площадку у их ног.

Господин Дандюран зябко ежился. Он носил пальто, еще более толстое и тяжелое, чем у Мегрэ, и закутывал шею шерстяным шарфом. Весь он был какой-то бесцветный, облезлый, типичный старый холостяк, и в квартире его тоже все дышало одинокой старостью, остывшей трубкой и сомнительной чистоты бельем.

– Одну минуточку, если позволите. Я зажгу свет.

Комната – типичный кабинет адвоката или дельца.

Темная мебель, черные книжные шкафы, битком набитые юридической литературой, на столах груды зеленых папок, журналов и досье.

– Вы, конечно, курите?

На письменном столе у него было аккуратно разложено с десятков трубок, одну из которых хозяин набил, задернув предварительно штору на окне.

– Вы все еще не узнаете меня? Мы встречались, правда, всего дважды: один раз в кафе Альбера на улице Бланш...

– Знаю, месье Шарль...

– Другой раз...

– В моем кабинете на набережной Орфевр, восемь лет назад, когда мне понадобились от вас кое-какие объясне-

ния... Нужно признаться, что у вас на все был готов ответ...

Холодная, ледяная улыбка на холодном бледном лице, на котором только мясистый нос выделялся розовым пятном.

– Присядьте... Сегодня утром меня не было дома...

– Разрешите узнать, где вы находились?

– Сейчас, когда я уже в курсе дела, я понимаю, что это обернется против меня. А между тем у меня вошло в привычку ходить во Дворец правосудия... Причуда старого адвоката... С тех пор как...

– С тех пор как вас исключили из адвокатского сословия Фонтене-ле-Конта...

Он неопределенно повел рукой, как бы говоря: «Верно, но какое это имеет значение...»

Вслух бывший провинциальный стряпчий продолжал:

– Большую часть времени я провожу во Дворце правосудия. Не далее как сегодня там в Тринадцатой палате слушалось любопытное дело... Дело о вымогательстве в одной семье. И мэтр Бонифас, который защищал зятя...

Господин Дандюран, в прошлом мэтр Дандюран, живший прежде в одном из самых старинных особняков в Фонтене, имел неприятную привычку хрустеть суставами пальцев.

– Если вам все равно, оставьте, пожалуйста, в покое свои пальцы и скажите, зачем вы явились в мой кабинет, – со вздохом проговорил Мегрэ, разжигая потухшую трубку.

– Извините... Когда сегодня утром около восьми часов я вышел из дому, я не знал о том, что произошло на шестом этаже... И только в четыре часа во Дворце правосудия один приятель сообщил мне...

– Об убийстве госпожи Жюльетты Буанэ, урожденной Казенов, родом из того же Фонтене-ле-Конта, что и вы.

– Совершенно точно, господин комиссар... Я вернулся сюда, но вас здесь не было. Я предпочел ничего не говорить полицейскому, охранявшему вход в квартиру. Я сел в трамвай, надеясь увидеть вас на набережной Орфевр. Вероятно, мы разминулись. Комиссар Кассье, который меня знает...

– Начальник полиции нравов действительно не может не знать месье Шарля...

Собеседник продолжал, словно не слышал реплики:

– Комиссар Кассье рассказал мне о Сесили и о...

Мегрэ встал и на цыпочках прошел через переднюю, дверь в которую оставалась открытой. Когда он резко рванул входную дверь, Нуши, подсматривавшая в замочную скважину, чуть не упала на него. Увертливая, как угорь, она тотчас выпрямилась и бросилась вверх по лестнице.

– Итак, вы говорили...

– Тогда я решил, что успею пообедать. Потом я довольно долго ждал трамвая на площади Сен-Мишель, и вот я дома... Я знал, что найду вас здесь... Я вам хотел сообщить, что прошлой ночью, между двенадцатью и часом, я находился в квартире госпожи Буанэ, моей приятельницы и в некотором роде клиентки...

Он хрустнул пальцами, но тут же спохватился:

– Простите, пожалуйста, старая привычка...

Глава 4

Был одиннадцатый час вечера. Госпожа Мегрэ сидела перед зеркальным шкафом около приготовленной на ночь двуспальной кровати и закручивала волосы на бигуди. Бульвар Ришар-Ленуар был пустынен. Блестевшее от дождя шоссе за Орлеанской заставой тоже было пустынно, но время от времени стремительно проносились одна за другой машины, выбрасывая перед собой сноп мертвенно-белых лучей.

Свет пролетающих фар почти не касался дома госпожи Буанэ, несоразмерно высокого и узкого, казавшегося еще уродливее оттого, что по соседству не стояли другие дома и его оголенные бока были словно обрублены.

В бакалейной госпожи Пьешо все еще горел свет, хозяйка, экономя уголь, сидела в лавке перед печкой. По другую сторону от подъезда дома, в велосипедном магазине, было темно, но за витриной видна была приоткрытая в заднее помещение дверь, а за ней кровать и молодой человек с сапожной щеткой и ботинком в руках...

Семья Сивеши отправилась в кино. Консьержка не хотела ложиться до ухода Мегрэ и, чтобы не заснуть, допивала бутылку красного вина, беседуя о событиях дня со своим котом.

А на другом конце Парижа, в Институте судебной экспертизы, в огромном холодильном шкафу застыли в неподвижности два тела...

Квартира Дандюрана, как видно, никогда не проветривалась, и все ее запахи образовывали какую-то отврати-

тельную удушливую смесь, которая пропитывала одежду и даже на улице долго преследовала вас. Мегрэ курил, выпуская густые клубы дыма, и старался не смотреть в лицо собеседнику.

– Скажите-ка, господин Дандюран... Если я не ошибаюсь, вам пришлось оставить Фонтене из-за нарушения кодекса нравов? Так... Хотя это было давно, но несколько недель назад о вас вспоминали в криминальной полиции. Вы тогда получили два года тюрьмы...

– Совершенно верно, – холодно подтвердил страпчий.

Мегрэ еще плотнее укутался в толстое пальто, словно оно защищало его от тошнотворных испарений этой ком-

наты. Он даже шляпы не снял. Несмотря на внешнюю угрюмость, он обычно снисходительно относился ко многим человеческим слабостям; но некоторые люди вызывали в нем непреодолимое физическое отвращение.

Господин Дандюран был из их числа.

Это отвращение доходило до того, что Мегрэ всегда чувствовал себя не в своей тарелке, даже в присутствии своего коллеги Кассье, который ведал полицией нравов.

Он-то и рассказывал Мегрэ о человеке, известном под именем «месье Шарль», провинциальном стряпчем, замешанном в грязной истории с растлением несовершеннолетних и отсидевшем два года в тюрьме перед тем, как осесть в Париже.

История его была довольно необычна и могла бы служить примером извилистости иных человеческих судеб. Выброшенный из сословия своих коллег, затерявшийся в столице, где никто его не знал, Дандюран жил на вполне приличную ренту и мог свободно предаваться своему пороку. Он был из породы унылых пакостников, которые целыми днями слоняются по улицам, пряча бегающий взгляд, и оживляются, только преследуя в толпе случайную жертву.

Его встречали близ заставы Сен-Марсель, на Севастопольском бульваре и на площади Бастилии. Он был из тех, кто, притаившись в тени подъезда, подкарауливал девушек, выходявших из мастерских и магазинов, и большей частью кончал свой день тем, что, ссутулившись и подняв воротник, проскальзывал в плохо освещенную дверь какого-нибудь притона.

Он довольно быстро узнал все значные места и их содержательниц.

– Здравствуйте, месье Шарль... Что вы хотите сегодня заказать?

Здесь он чувствовал себя как дома. Он сжился с атмосферой этих заведений, нуждался в ней ежедневно.

Очень скоро там узнали, что он бывший адвокат, и при случае прибегали к его советам.

В конце концов он сделался своим человеком. Его встречали уже не как клиента, а как друга.

– Вы знаете, что дом на улице Антен продается? У Дэдэ неприятности, и он на следующей неделе отплывает в Южную Америку... Везет с собой пятьсот тысяч наличными...

Можно было подумать, что Мегрэ о чем-то мечтает. Опустив голову, он упорно смотрел на выцветший красный ковер на полу. Но вдруг он вздрогнул, услышав шум над головой. На миг ему почудилось, будто шум доносится из квартиры госпожи Буанэ, и перед ним возник образ Сесили...

– Это Нуши, – пояснил Дандюран со своей обычной тусклой улыбкой.

Ну конечно, ведь Сесиль умерла!

Сесиль умерла! А в это время начальник криминальной полиции, сидя у друзей за партией бриджа, рассказал в двух словах о том, что произошло, описав чулан, труп, прислоненный к стене, и высокую фигуру Мегрэ на пороге.

– Ну и что же он сказал?

– Ничего... Только глубже засунул руки в карманы... Я думаю, это один из самых болезненных ударов за все годы

его службы... Он ушел, и я очень сомневаюсь, что он лег спать сегодня ночью... Бедняга Мегрэ...

А Мегрэ тем временем выбивал трубку о каблук, вытряхивая золу на ковер.

— Вы, кажется, вели дела госпожи Буанэ? — медленно спросил он, морщась, словно слова были горькими.

— Я знал ее и ее сестру по Фонтене-ле-Конту. Мы жили почти рядом. А здесь я вновь встретил ее, когда снял эту квартиру... Она была уже вдовой. Вы не знали ее?.. Не скажу, что она была сумасшедшей, но отличалась большими странностями. Деньги были ее страстью. Все свои капиталы она держала дома, боялась, что в банке ее обворуют.

— И вам это было на руку!

Мегрэ нетрудно было представить себе этого субъекта в домах терпимости и его беседы с их содержательницами, поверявшими ему свои тайны. Затем Дандюран поднялся еще на одну ступень и познакомился с владельцами этих заведений; он встречался с ними в барах Монмартра, где вечерами они собирались за карточным столом.

Так адвокат из Фонтене Шарль Дандюран стал месье Шарлем, советчиком и соучастником этих господ, полностью доверявших ему, ибо его познания в уголовном кодексе оказывали им неоценимые услуги.

— Напротив, ей это было на руку, господин комиссар!

Его длинные, бледные, покрытые волосами руки перебирали трубки на письменном столе. Из ноздрей торчали пучки седоватых волос.

— Неужели вы никогда не слыхали о старой Жюльетте? Хотя вы занимались только сыскной полицией. Зато ваш

коллега Кассье... Все началось с того дома, который продавался на улице Антен... Я сказал об этом госпоже Буанэ, которую всегда называл просто Жюльеттой: ведь мы росли вместе... Она купила этот дом... Год спустя я приобрел для нее «Парадиз» в Безье, а «Парадиз» – одно из самых доходных заведений во Франции...

– Было ли ей известно, в какого рода предприятия вы помещали ее деньги?

– Послушайте, господин комиссар, я знал немало скряг... Провинциальному адвокату часто доводится иметь дело со всякого рода людьми. Но их скупость ничто по сравнению со скупостью Жюльетты. Она испытывала почти мистическую страсть к деньгам. Расспросите содержателей домов, они вам скажут, сколько подобных заведений финансировала Жюльетта... Хотите, я приведу цифры?

Он встал, подошел к сейфу, вделанному в стену, достал потрепанную записную книжку и, посплюнув грязные пальцы, стал ее листать.

– В прошлом году я передал Жюльетте в банкнотах пятьсот девяносто тысяч франков... Пятьсот девяносто тысяч чистой прибыли.

– И все эти деньги находились у нее?

– Полагаю, что да, поскольку она не выходила из дому и ни за что не доверила бы такие суммы племяннице... Я догадываюсь, о чем вы подумали... Мое положение может показаться ложным... Но вы ошибаетесь, господин комиссар, уверяю вас. Я никогда не присвоил ни одного сантима из чужих денег... Расспросите моих клиентов... Вы же знаете, такие люди не прощают никаких наруше-

ний... Они все подтвердят вам, что месье Шарль – человек безупречный... Не хотите ли табачку?

Мегрэ отстранил протянутый ему кисет и вытащил из кармана свой.

– Нет, благодарю.

– Как хотите... Я честно ввожу вас в курс дела. Карты на стол, как говорят у Альбера.

На лице этого человека, который половину жизни прожил в самой ханжеской среде Фонтене, появлялась странная усмешка, когда он употреблял жаргонные словечки.

– У Жюльетты были нелепые причуды. Она до смерти боялась, что как-нибудь обнаружится, куда именно она вкладывает деньги... Заметьте, никто не приходил к ней, никто ею не интересовался... Тем не менее она принимала смехотворные, прямо умилительные меры предосторожности... Последние полгода, когда она не покидала больше своей квартиры, я должен был посещать ее... А знаете ли вы, как я вынужден был обставлять эти визиты?

На лестнице слышались шаги. Семья Сивеши возвращалась домой, возбужденно переговариваясь по-венгерски, затем с верхнего этажа донеслись их громкие голоса, спорившие о чем-то.

– ...Каждое утро консьержка разбирает у себя почту и газеты жильцов и раскладывает их по ящикам. Мне надо было, доставая свою газету, начертить карандашом крестик на газете Жюльетты. Ни о чем не подозревавшая бедняжка Сесиль обычно спускалась за газетой несколько позже... В полночь я бесшумно поднимался по лестнице, а за дверью меня уже ждала Жюльетта, опираясь на свою палку... А

ведь вся криминальная полиция насмеялась над Сесилью, когда она рассказывала, что некоторые предметы меняют по ночам свое место!

– И племянница ее ни разу не проснулась?

– Сесиль? Тетка не допустила бы этого. Если вы обыскали помещение – а вы, несомненно, это сделали, – то вы, конечно, обнаружили в ящике комода снотворное. В те вечера, когда Жюльетта ждала меня, она принимала меры, чтобы Сесиль спала беспробудным сном и... Извините, я до сих пор ничего не предложил вам. Выпьете чего-нибудь?

– Нет, благодарю вас.

– Понимаю... Однако вы на ложном пути, господин комиссар. Можете мне не верить, но я не способен убить даже цыпленка и падаю в обморок при виде крови...

– Госпожа Буанэ была задушена...

Бывший адвокат на мгновение умолк, словно смущенный этим аргументом. Он взглянул на свои бледные руки.

– На это я тоже не способен... К тому же я нисколько не был заинтересован в ее смерти...

– Скажите, господин Дандюран, сколько, по-вашему, денег хранилось у госпожи Буанэ?

– Примерно восемьсот тысяч франков.

– Вам известно, где она их прятала?

– Этого она мне никогда не говорила... Но, хорошо зная ее, я предполагаю, что она никогда с ними не расставалась, что они постоянно находились у нее под рукой, что она, возможно, спала со своим состоянием...

– А между тем при обыске ничего не обнаружили...

Ведь у нее, вероятно, были процентные бумаги, купчие... Из секретера они исчезли... В котором часу вы ушли от нее прошлой ночью?

– Между часом и половиной второго.

– По заключению судебного эксперта, госпожа Буанэ была убита около двух часов ночи... Консьержка утверждает, что никто из посторонних не проникал в дом... И еще вопрос: во время последнего посещения госпожи Буанэ был ли у вас повод думать, что Сесиль не спит?

– Нет.

– Постарайтесь припомнить... Уверены ли вы, что не забыли в квартире ничего, что могло навести на мысль о вашем визите?

Месье Шарль спокойно размышлял:

– Не думаю.

– Это все, что я хотел узнать от вас... Разумеется, я прошу вас не уезжать из Парижа и постараться вообще не уходить из дома надолго...

– Понимаю...

Мегрэ был уже в передней.

– Да, простите, чуть не забыл... Часто ли вы принимаете здесь ваших друзей?

Он подчеркнул слово «друзей».

– Ни один из них не входил в этот дом. Я тоже соблюдаю осторожность, господин комиссар... Разумеется, не в такой чудовищной форме, как Жюльетта, я ведь не маньяк... Мои друзья, как вы их называете, не знают моего адреса и пишут мне до востребования. И уж конечно, они не знали не только адреса госпожи Буанэ, но даже ее настоящего имени... Так что многие из них даже убеждены, что

никакой Жюльетты никогда не существовало и что я выдумал ее в своих целях.

Снова слышались шаги на лестнице и голос запыхавшейся консьержки:

– Месье Жерар, подождите же!

Затем она громко крикнула:

– Господин комиссар! Господин комиссар!

Мегрэ открыл дверь и нажал на кнопку, так как свет в эту минуту погас. Перед ним, дрожа от нервного возбуждения, стоял незнакомый молодой человек.

– Где моя сестра? – спросил он, глядя на Мегрэ блуждающим взглядом.

– Это месье Жерар, – объяснила госпожа Бенуа. – Он прибежал сюда как сумасшедший... Я ему сообщила, что мадемуазель Сесиль...

– Вернитесь к себе, господин Дандюран! – проговорил Мегрэ.

Дверь квартиры Сивеши была открыта. И еще одна дверь отворилась этажом ниже.

– Пойдемте со мной, месье Жерар... Вы можете спуститься к себе, госпожа Бенуа...

Комиссар нащупал в кармане ключ от квартиры убитой. Он пропустил молодого человека вперед и запер дверь.

– Вы только сейчас об этом узнали?

– Значит, это правда? Сесиль умерла?

– Кто вам сказал?

– Консьержка...

В квартире все было перевернуто вверх дном после визита экспертов из отдела криминалистики. Все ящики выдвинуты, и содержимое вывалено как попало.

– Значит, моя сестра...

– Да, Сесиль умерла.

Жерар был так взволнован, что не мог даже плакать.

Он оглядывался, словно ничего не понимая, и лицо его болезненно дергалось.

– Это невозможно! Где она?

Он рванулся к ее комнате, но комиссар удержал его:

– Ее здесь нет... Успокойтесь... Подождите...

Он вспомнил про бутылку рома, которую заметил в шкафу, и протянул ее молодому человеку.

– Выпейте... Так как же вы узнали?

– Я сидел в кафе, когда...

– Простите, я буду задавать вам вопросы... Так пойдет быстрее... Что вы делали сегодня днем?

– Я ходил по трем адресам... Я ищу работу...

– Какую?

– Любую, – лицо его исказилось гримасой, – жена на днях разродится. Хозяин выставляет нас из дома... Я...

– Вы вернулись домой обедать?

– Нет... Я зашел в кафе...

Тут только Мегрэ заметил, что Жерар, несомненно, уже выпил, хотя и не был пьян.

– Вы искали работу в кафе?

Ответом ему был злобный, ненавидящий взгляд.

– И вы тоже, ну конечно!.. Как моя жена!.. Где уж вам понять, что значит зря гонять с утра до вечера... Знаете, чем я занимался на прошлой неделе три ночи сряду? Откуда вам знать... Вам-то ведь все равно! Ну так вот, я выгружал овощи на Центральном рынке, чтобы заработать на обед... А сегодня в кафе я надеялся встретить кое-кого, кто обещал устроить меня на работу...

– Кого же?

– Я не знаю его имени... Высокий рыжий парень, который продает приемники.

– В каком кафе?

– Вы что, подозреваете, что я убил тетку?

Он дрожал с головы до ног. Казалось, он вот-вот набросится как безумный на комиссара.

– Я был в «Пушке Бастилии», если вас это интересует... Я живу на улице Па-де-ла-Мюль. Парень все не шел. А я не хотел возвращаться домой ни с чем...

– Вы не пообедали?

– Вам-то какое дело?.. На диване в кафе валялась газета. Я, как всегда, стал просматривать объявления... Вы себе не представляете, что значит читать подобные объявления... Словом...

Он махнул рукой, как бы отгоняя от себя кошмарное видение.

– И вдруг на третьей странице я вижу имя тетки... Я не сразу сообразил... Всего несколько строчек... «Домовладелица из Бур-ла-Рена задушена в своей постели. Минувшей ночью госпожа Жюльетта Буанэ, домовладелица, проживающая в Бур-ла-Рене...»

– В котором часу вы это прочли?

– Не знаю, право... У меня уже давно нет часов... Может быть, в половине десятого. Я побежал домой и сказал Элен...

– Это ваша жена?

– Да... Я сказал ей, что тетка умерла, и бросился к автобусу...

– Вы ничего не выпили перед уходом из дому?

– Всего одну рюмку для бодрости... Я не мог понять, почему Сесиль не известила меня...

– Вероятно, вы должны стать наследником тетки?

– Да, наравне с моими сестрами... На площади Шатле я ждал трамвая, и вот... Но что же с Сесилью? За что ее убили? Консьержка сказала...

– Сесиль была убита, потому что знала имя убийцы, – медленно произнес Мегрэ.

Молодому человеку никак не удавалось обрести хладнокровие, и он протянул руку к бутылке рома.

– Нет, хватит, – сказал комиссар. – Сядьте. Вам больше нужна чашка крепкого кофе.

– На что вы намекаете?

Держался он весьма агрессивно и смотрел на своего собеседника, как на врага.

– Надеюсь, вы не предполагаете, будто я убил тетку и сестру? – вдруг крикнул он в бешенстве.

Мегрэ не ответил, он даже не услышал этих слов. С ним иногда случалось подобное: он словно исчез из этой комнаты, вернее, он мысленно воскресил всю обстановку; он увидел эту квартиру, какой она была несколько лет назад, тетку-маньячку, троих детей – подростка Сесиль, Берту, еще носившую распущенные по плечам волосы, и Жерара, готового записаться в солдаты, лишь бы вырваться отсюда, избавиться от этой давящей атмосферы...

Он вздрогнул, когда молодой человек вцепился в отвороты его пальто и завопил:

– Почему вы молчите? Что вы вообразили?.. Неужели вы думаете, что я...

Резко пахнуло перегаром. Мегрэ отодвинулся, схватил его за руки.

– Спокойнее, мой мальчик, спокойнее, – шепнул он.

Он забыл, какая сила в его руках, юноша застонал, вырываясь из железных тисков комиссара.

– Мне больно...

Слезы наконец хлынули из его глаз.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Уж не эпидемия ли свирепствует в Бур-ла-Рене? Мегрэ мог бы навести справки, но, едва подумав об этом, он сразу же забыл. Служащий похоронного бюро, вероятно, ответил бы ему, что покойники идут партиями: то по пять дней кареты для похорон по первому и второму разряду стоят без дела, то вдруг заказы начинают сыпаться со всех сторон.

В это утро похоронное бюро было так загружено, что одну из лошадей для катафалка, на котором везли Жюльетту Буанэ, пришлось нанять на стороне, и она раз десять пыталась перейти на рысь; от этого процессия двигалась словно скачками, слишком торопливо, что никак не соответствовало чинному ритуалу похорон.

Распоряжался всем некто Монфис, страховой агент из Люсона. Едва лишь газеты сообщили об убийстве Жюльетты Буанэ, как он прибыл в Париж уже в глубоком трауре (видимо, воспользовавшись траурным одеянием, сохранившимся с предыдущего погребения). Он появлялся повсюду, высокий, худой, бледный, с красным носом от насморка, который схватил в поезде.

Он приходился Жюльетте Буанэ двоюродным братом.

— Я знаю, что говорю, господин комиссар. У нас давным-давно было договорено, что она нам оставит кое-какое наследство, она даже согласилась быть крестной матерью нашего старшего сына... Я убежден, что завещание существует... Если его до сих пор не нашли, значит, кое-кому выгодно, чтобы оно исчезло. Впрочем, я намерен возбудить гражданский иск.

Он потребовал, чтобы похороны были по всей форме, с ритуальными светильниками у гроба, и чтобы шествие начиналось от дома покойной.

— У нас в семье не принято хоронить кое-как.

Утром в день церемонии он встречал на вокзале жену в глубоком трауре и пятерых сыновей; сейчас они следовали за гробом, выстроившись по росту, держа в руках шляпы, пять одинаково белобрых мальчишек с одинаково торчащими вихрами.

В это время дня движение на шоссе особенно оживленное. Крытые грузовики с Центрального рынка двигались непрерывной вереницей. Погода стояла ясная, солнечная, с легким морозцем. Люди притопывали ногами, стараясь согреться, и поглубже засовывали руки в карманы.

Мегрэ не ложился в эту ночь. Вместе с Люка он наблюдал из окна комнаты на улице Бираг за бандой поляков. Все три дня, прошедшие со смерти Сесили, он был мрачен и раздражителен. Поляки, отвлекавшие его от дела в Бур-ла-Рене, надоели комиссару. В семь утра он принял решение:

— Оставайся здесь!.. Я задержу первого, кто покажется...

– Осторожно, шеф... Они вооружены...

Он пожал плечами, вошел в «Аркады» и стал ждать на лестничной площадке. Спустя четверть часа дверь комнаты поляков отворилась. Оттуда вышел огромный детина и начал спускаться по лестнице. Мегрэ набросился на него сзади, они покатались вниз и катились так до первого этажа, пока комиссар не защелкнул наручники на запястьях противника; только тогда он поднялся на ноги.

Торанс уже спешил к нему, услышав свисток.

– Отведи его в полицию... Предоставляю тебе подготовить его к допросу... Заставь его заговорить, понятно? Если потребуется, попроси смену... И не церемоньтесь с ним.

Затем, отряхнув пыль с одежды, он зашел в кафе и у стойки выпил чашку кофе с коньяком и съел две булочки.

В криминальной полиции все знали, что в такие дни лучше ему не перечить. Госпожа Мегрэ также не отважилась спросить, в котором часу ждать его к завтраку или обеду.

Нахмуренный и упрямый, стоял он на тротуаре перед витриной бакалейной лавки и сердито попыхивал трубкой. Газетные сообщения о преступлении в Бур-ла-Рене привлекли к дому множество любопытных, собралось также с полдюжины репортеров и фотографов. Два катафалка ждали перед домом – первый для Жюльетты Буанэ, второй для Сесили. Жильцы по настоянию госпожи С-вашего-позволения, уверявшей, будто это самое малое, что необходимо сделать, сложились и купили венок с надписью: «Нашей домохозяйке с прискорбием».

Кроме Монфисов, представлявших семейство Жюль-

етты Буанэ, урожденной Казенов, явились еще некие Буанэ и Маршепье из Парижа, представлявшие семью ее покойного мужа.

Оба лагеря с ненавистью следили друг за другом. Буанэ и Маршепье также считали себя обкраденными, заявляя, что покойница, когда умер ее муж, обещала вернуть со временем часть состояния в его семью. Накануне они явились в криминальную полицию. Их принял сам начальник, поскольку это были люди с положением, а один из них даже муниципальный советник.

– Скажите-ка, Мегрэ... Эти господа утверждают, будто существует завещание, и сколько я им ни толкую, что был произведен тщательный обыск...

Они сердились на Мегрэ, на Монфиса, на Жюльетту. Словом, каждый считал себя обобраным, и больше всех Жерар Пардон, который был возбужден сильнее обычного и ни с кем не разговаривал.

За неимением денег он не мог облачиться в траур.

Вместо пальто на нем был старый плащ цвета хаки и на рукаве черная повязка.

Его сестра Берта не отходила от него, видимо встревоженная его лихорадочным состоянием. Эта миловидная, пухленькая, кокетливая девушка не сочла нужным сменить свою вишневую шляпку на черную.

Господин Дандюран также был здесь; он явился на роскошной машине в обществе четырех или пяти разодетых самоуверенных господ, пальцы которых были унижены перстнями. Пришло и семейство Сивеши, кроме матери, которая еще не вставала. Бакалейщица, госпожа Пьешо, оставила на минуту свою лавку на госпожу Бенуа, чтобы сбегать наверх и окропить оба гроба святой водой.

Распорядитель похоронного бюро нервничал, постольку на одиннадцать часов были назначены следующие похороны, и бегал от одной группы собравшихся к другой, тщетно стараясь отыскать официального представителя семьи усопших. Кроме того, фоторепортеры наводили на него страх.

— Не сейчас, господа, умоляю вас... Подождите хотя бы, пока каждый займет свое место!.. Что, если в газетах появится снимок, где будет изображена такая неорганизованная процессия!

Мегрэ привлекал к себе всеобщее внимание, но, казалось, не замечал этого. Когда стали выносить гробы, он коснулся плеча вздрогнувшего Жерара Пардона.

— Прошу вас на минуточку! — шепнул он, отводя его в сторону.

— Что вам еще от меня нужно?

— Ваша жена, вероятно, сообщила вам, что вчера я заходил к ней, когда вас не было дома...

— Вы хотите сказать, что делали обыск в квартире... — Болезненная усмешка исказила его черты. — Вы нашли то, что искали?

Услышав утвердительный ответ комиссара, Жерар с ужасом взглянул на него.

— Представьте себе, улучив минуту, когда ваша жена отвернулась, я из любопытства сунул руку в цветочный горшок... Я ведь люблю копаться в саду на досуге... Что-то в этом горшке показалось мне странным!.. И действительно, под слоем земли я обнаружил вот это...

На ладони у него лежал маленький ключик от квартиры Жюльетты Буанэ.

– Забавно, не правда ли? – продолжал он. – И удивительное совпадение... Когда через некоторое время я вернулся к себе в кабинет, меня поджидал слесарь, живущий в двух шагах отсюда, он сообщил мне, что недели две назад ему был заказан точно такой ключ...

– Ну и что из этого?

Жерара трясло, он оглядывался по сторонам, словно надеялся, что кто-то придет к нему на помощь. Взгляд его упал на гроб сестры, который люди в черном ставили на похоронные дроги.

– Вы хотите арестовать меня?

– Еще не знаю...

– Если вы допросили слесаря, вы должны знать, от кого я получил этот ключ...

Ключ дала ему Сесиль! Показания слесаря не оставляли в том ни малейшего сомнения.

– В понедельник двадцать пятого сентября, – заявил он, – молодая особа лет тридцати явилась ко мне в мастерскую и, показав ключ от квартиры, спросила, не могу ли я изготовить другой такой же... Я попросил ее оставить этот ключ для образца. Она возразила, что он у нее один и она без него не может обойтись, так что мне пришлось снять с него слепок... Назавтра она пришла за заказом и заплатила мне двенадцать франков семьдесят пять сантимов... И только когда я прочитал в газетах описание примет Сесили Пардон, которая была убита, и особенно когда я узнал, что она слегка косила, я...

Процессия тронулась, распорядитель, отчаянно жестикулируя, бросился к Жерару, и Мегрэ сказал вполголоса:

– Поговорим потом...

Жерара и его сестру Бертю поставили сразу за каталком, но они не прошли и десяти метров, как Монфисы оттеснили их и заняли место в первом ряду.

Буанэ и Маршепье держались скромнее, они не пытались изобразить на своих лицах скорбь и дорогой толковали о завещании. За ними следовал Дандюран и господа с массивными перстнями на пальцах, один из них медленно ехал за кортежем в машине.

С самого начала из-за норовистой лошади процессия продвигалась быстрее обычного. Но когда пришлось повернуть налево, к церкви, кортеж так медленно пересекал шоссе, что образовалась пробка, движение замерло на несколько минут, и три трамвая, стоя друг за дружкой, ждали, когда освободится путь.

Жена Жерара побоялась прийти из-за своего состояния. Со дня на день она должна была родить. Накануне Мегрэ час просидел с ней в двухкомнатной квартире над лавкой мясника, которую чета занимала на улице Па-де-ла-Мюль.

Элен едва минуло двадцать три года, но ее лицо, уже успевшее утратить свежие краски молодости, выражало унылое смирение, свойственное жене бедняка. Во всем чувствовались жалкие, отчаянные попытки придать уют этому убогому жилищу. Некоторые вещи, должно быть, уже попали в ломбард. Мегрэ заметил также, что газ отключен.

— Жерару никогда не везло, — беззлобно вздохнула она. — А ведь он способный... Он гораздо умнее столько других, которые хорошо устроены... Может быть, он слишком умен?

Отец Элен служил в налоговом управлении. Она не

решалась открыть ему истинное положение дел и давала понять, что Жерар работает и что они счастливы.

– Вероятно, он показался вам немного озлобленным, но войдите в его положение... Последнее время ни в чем ему нет удачи... С утра до вечера он бегает по объявлениям... Я надеюсь, вы, по крайней мере, его-то не подозреваете?.. Он не способен ни на малейший нечестный поступок. Может быть, именно из-за своей щепетильности он не может добиться успеха... Вот, например, у последнего его хозяина, торговца пылесосами, случилась кража. Жерар подозревал одного служащего, но ничего не сказал... Патрон допрашивал его с пристрастием, словно обвинял, и Жерар предпочел уйти... Да, вы можете перерыть всю квартиру, но ничего интересного, кроме счетов и накладных, не найдете.

А на окошке стоял цветочный горшок! Мегрэ заметил, что земля в нем свежая, хотя герань давно засохла.

И он воспользовался моментом, когда Элен отвернулась...

Засунув руки в карманы, Мегрэ шел по тротуару чуть в стороне от процессии, что позволяло ему курить трубку. В хвосте кортежа он увидел обеих сестер Сивеши – Нуши и Почи; для них все происходящее было занятым зрелищем, и они старались ничего не упустить.

Госпожа С-вашего-позволения доверила на час свой пост соседке, не подозревая, что Мегрэ поставил инспектора у дома напротив. Она дойдет только до церкви, но на кладбище не поедет: из-за прострела она боялась сквозняков.

Неожиданно шествие остановилось, что вовсе не было

предусмотрено программой. Каждый поднимался на носки, чтобы узнать, что произошло.

Жюльетте Буанэ и Сесили действительно не везло.

Их кортеж вышел раньше времени и столкнулся с другой, запаздывающей процессией, которая появилась из поперечной улицы, направляясь к церкви. Пришлось переждать. Лошади нетерпеливо били копытами о мостовую. Некоторые мужчины отделились от колонны, чтобы пропустить стаканчик; они поспешно выходили из бистро, утирая губы.

Из церкви доносились звуки органа, сзади, с шоссе, — шум пронесившихся машин. Кюре торопливо совершал обычный обряд, и вскоре церковные двери снова широко распахнулись.

— И не введи нас во искушение...

Распорядитель в треуголке ходил взад и вперед вдоль процессии, словно овчарка, бегающая вокруг своего стада.

— Избави нас от лукаваго...

— Аминь...

Они стали входить в церковь, хотя предыдущая процессия не успела еще выйти оттуда. Только один гроб — Жюльетты Буанэ — был установлен на возвышении. Гроб Сесили поставили сзади прямо на каменные плиты, и кюре начал:

— Избави нас, Господи...

Поскрипывали подошвы и ножки стульев, сквозь широко открытые двери врывались волны свежего воздуха, сверкала залитая солнцем улица. Сидевший в первом ряду Жерар то и дело оборачивался. Не Мегрэ ли он искал? Господа, пришедшие с Шарлем Дандюраном, держались с

достоинством, каждый положил на поднос по сто франков. Берта в вишневой шляпке неотступно следила за братом, словно опасаясь какой-нибудь выходки с его стороны.

– Отче наш...

Какой-то бесцеремонный фотограф дал вспышку магния, и все невольно вздрогнули. Мегрэ в своем толстом пальто с бархатным воротником стоял, прислонившись плечом к колонне, губы его шевелились, словно повторяя слова молитвы. Может быть, он молился за бедную Сесиль, которая так долго ждала его на набережной Орфевр?

Последние три дня никто не решался к нему подступиться. Он проходил по коридору Дворца правосудия, массивный, с грозным выражением лица, жуя мундштук трубки и пережевывая свои мрачные мысли.

– Что, не ладится? – спросил его накануне вечером шеф.

Мегрэ поднял на него глаза, и этот взгляд, тяжелый и мрачный, стоил любого ответа.

– Не расстраивайтесь, старина... Нужно только найти концы...

Витражи с фигурами евангелистов вдруг засияли на солнце, и Мегрэ беспричинно уставился на изображение святого Луки с темной квадратной бородой.

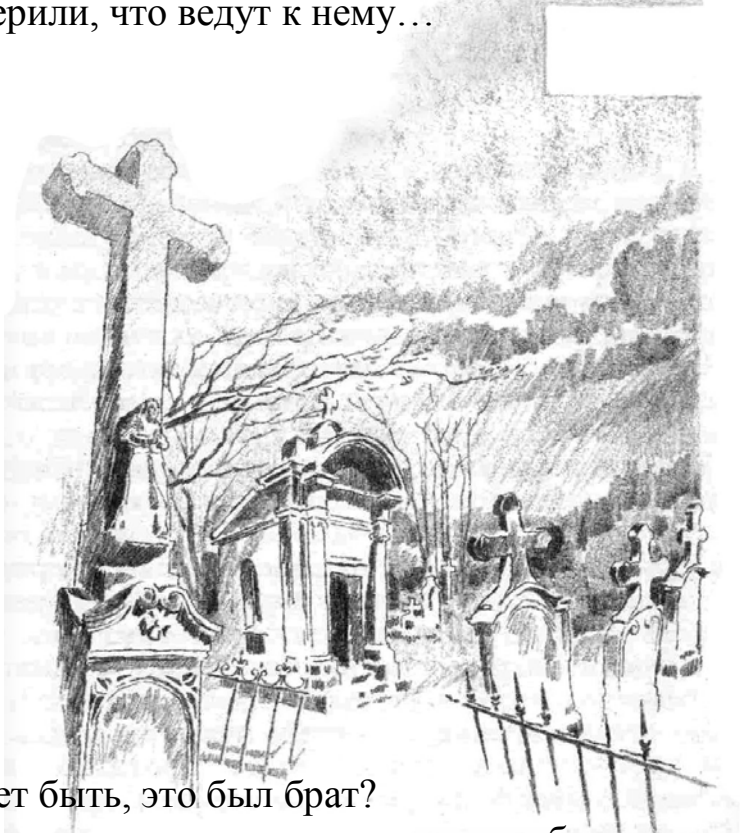
– И не введи нас во искушение...

Уж не ждала ли на улице еще одна похоронная процессия, что кюре отправлял службу с такой поспешностью? Непривычная к похоронам лошадь поминутно издавала громкое ржание, отдававшееся жизнерадостным эхом под сводами церкви...

Зачем две недели назад понадобилось Сесили заказать тайком от тетки второй ключ? И она ли передала этот ключ брату? А если так...

Он снова видел Сесиль в зале ожидания, способную неподвижно сидеть часами с сумкой на коленях, не меняя положения.

Мегрэ вспомнил свои предположения. Или она последовала за кем-нибудь, кого она знала, кому доверяла, или же ее уверили, что ведут к нему...

Может быть, это был брат?

Комиссар испытывал неловкость, избегал взгляда Жерара, не сводившего с него глаз. Берта тщетно пыталась успокоить брата, касаясь его руки.

— Сюда, господа... Поспешите, пожалуйста!..

На кладбище в этот день царила та же суматоха. Процессия торопливо прошла мимо семейных склепов и каменных надгробий и достигла новых участков, где над

четырехугольными холмиками возвышались скромные деревянные кресты. Дальше похоронные дроги не могли проехать, оба гроба пришлось нести на носилках, пробираясь друг за другом по узким дорожкам.

Монфис на ходу поймал Мегрэ:

- Когда я смогу вас увидеть, господин комиссар?
- Где вы остановились?
- В гостинице «Центральная» на бульваре Монпарнас...
- Постараюсь заглянуть к вам до вечера...
- Может быть, мне лучше зайти к вам в кабинет?

– Я не знаю, когда буду там...

И Мегрэ подошел к Берте, которую толпа на миг отеснила от ее брата.

– Не оставляйте его одного... Он слишком возбужден... Постарайтесь увести его к себе, а я потом зайду навещу его...

Она опустила ресницы в знак согласия. Весь ее облик не вязался с происшедшей трагедией – она была невысокого роста, пухленькая и миловидная.

– Послушайте, господин комиссар...

Мегрэ обернулся к одному из господ, сопровождавших Дандюрана.

– Нельзя ли потолковать с вами минутку-другую? У кладбищенских ворот есть тихое бистро...

К могиле подошел диакон, за ним торопливо поспевал мальчик-певчий, путаясь в черной рясе, из-под которой выглядывали грубые, подбитые гвоздями башмаки. Диакон наклонился над ямой, пошевелил губами, перевернул несколько страниц в требнике и бросил первую горсть земли. Жерар и кузен Монфис одновременно нагнулись.

Из-за спин стоявших впереди людей Мегрэ не смог разглядеть, кому из них удалось бросить землю первому.

Затем все начали торопливо расходиться. Нуши подошла к комиссару и нагло уставилась на него, словно собиралась просить автограф, как у киноактера.

Когда Мегрэ вошел в бистро у мастерской надгробных памятников, ожидавшие его за столиком господи разом встали.

– Уж вы извините нас за беспокойство... Что вы будете пить? Гарсон!.. То же самое для господина комиссара...

Шарль Дандюран тоже был здесь, гладко выбритый и землисто-серый, как могильные плиты.

– Присядьте, господин комиссар. Мы могли бы прийти к вам на прием, но, быть может, так лучше...

Перед Мегрэ была вся компания крупных притонодержателей, каждый вечер собиравшихся в кафе Альбера, и держались они так же спокойно, как за зеленым сукном стола во время заседаний правления.

– Ваше здоровье!.. Пожалуй, не стоит бродить вокруг да около, перейдем к сути дела. Комиссар Кассье знает нас и может засвидетельствовать, что мы законов не преступаем.

Их роскошная машина стояла у дверей быстро, и мальчишки с восхищением разглядывали ее хромированные части, сверкавшие на солнце.

– Сами понимаете, речь пойдет о бедняге Жюльетте... Вы ведь знаете, под предлогом охраны нравственности закон не защищает интересов тех, кто вкладывает средства в наши заведения. Так что нам приходится самим выпутываться... Старая Жюльетта имела долю по крайней мере в добром десятке заведений, не считая Безье и того, что на улице Антен: они принадлежали ей одной... Месье Шарль подтвердит вам, что вчера мы совещались, как нам дальше быть...

Остальные молчали, важно кивая головами. Месье Шарль сидел, положив на стол бледные волосатые руки.

– Гарсон, еще по рюмке того же!.. Вы, наверно, не знаете, господин комиссар, какую сумму составляет ее доля в чистых деньгах?.. Больше трех тысяч мешков, то есть больше трех миллионов... Нам чужого не надо. Завещания как будто не существует... Месье Шарль не же-

дает иметь неприятности, и он прав... Так вот, мы хотим знать ваше мнение – как нам поступить... Уже двое заявляли о своих правах на эти деньги. Некий Монфис, с виду ни дать ни взять гробовщик, вы видели его со всем выводком... И затем брат мадемуазель Сесили – Жерар... И тот и другой рвутся к денежкам... Мы не отказываем, но мы хотим знать, кому положено... Вот какое дело... Ведь нельзя же прикрыть такие доходные заведения оттого только...

Говоривший вдруг встал и тронул комиссара за рукав:

– Может, выйдем на минутку?

Он отвел Мегрэ в заднее помещение.

– Верно, ремесло мое не слишком почтенное, но тут уж ничего не поделаешь. Однако я готов поклясться и компаньоны мои подтвердят: месье Шарль закона не преступает... Старухины бумаги исчезли, но мы не станем придираться к тому, что нет документов. Я сказал – три миллиона, а может, там и больше... Будут бумаги или нет, никто ничего не получит, пока вы не подадите нам знака...

– Я доложу начальству, – проронил Мегрэ.

– Одну минуточку... Еще два слова, но теперь пусть мои компаньоны это услышат.

Они вернулись в зал.

– Так вот, господин комиссар!.. Мы решили выделить двадцать тысяч в ваше распоряжение, на розыски того негодяя, который пришел беднягу Жюльетту... Идет? Хватит? Договорились? Месье Шарль вручит вам деньги...

Бывший адвокат решил, что момент подходящий, и вытащил из кармана туго набитый бумажник.

– Нет, не сейчас, – сказал комиссар. – Мне нужно до-

ложить об этом. Гарсон, сколько с меня?.. Нет уж, простите, я плачу сам...

И он рассчитался под недовольное бормотание своего собеседника:

— Как хотите, дело ваше, но так не годится...

Слегка разгоряченный выпитым, Мегрэ вышел из бистро. Не пройдя и десяти шагов, он остановился как вкопанный.

Перед ним вырос Жерар, взвинченный более обычного. Берта, стоявшая рядом с братом, бросила на комиссара красноречивый взгляд, говоривший: я изо всех сил старалась увести его. Но вы сами видите, ничего с ним не поделаешь...

Брат Сесили уже ухитрился где-то выпить, о чем свидетельствовал запах перегара, голос у него срывался, губы дрожали.

— Ну а теперь, господин комиссар, я надеюсь, что вы сообразоволяете дать мне кое-какие объяснения...

Гробовщики прямо запарились в этот день. Их уже звали к другим могилам, и на гробу Сесили по-прежнему лежало лишь несколько комьев желтоватой глины.

Глава 2

— Проходите, дружок...

В дверях Мегрэ произвольным движением положил руку на округлое плечо Берты Пардон, хотя это отнюдь не входило в его привычки. Пожилые мужчины часто позволяют себе такие жесты, принимая отеческий вид, и обычно на это не обращают внимания.

Но комиссар был, как видно, неловок, потому что девушка с удивлением обернулась и взглянула на смущенное лицо Мегрэ, словно говоря: «И вы тоже!...»

Первым прошел в квартиру ее брат. Только что отсюда удалились служащие похоронного бюро, которых они встретили внизу на лестнице со всем их реквизитом.

Мегрэ собирался переступить порог, когда молодой голос с легким акцентом произнес за его спиной:

– Мне очень нужно поговорить с вами, господин комиссар...

Он узнал Нуши, одетую в черный костюм по случаю похорон. Костюм, сшитый, должно быть, года два-три назад, был ей мал и узок и придавал девушке еще более вызывающий вид.

– Потом, – возразил он недовольно, не желая проявлять снисходительность к этой наглой девице.

– Имейте в виду, это очень важно!

Мегрэ вошел в квартиру покойной Жюльетты Буанэ и, прикрывая за собой дверь, пробурчал:

– Важно или нет, придется подождать...

Поскольку Жерар здесь, надо с ним все выяснить, а присутствие Берты даже кстати. Квартира старухи более подходящее место для этой беседы, чем кабинет на набережной Орфевр. Уже сама обстановка нервировала Жерара. Он с каким-то страхом оглядывался на стены, с которых только что сняли черные полотнища, и с отвращением вдыхал запах свечей и цветов, приторный запах смерти.

Берта Пардон держалась так же непринужденно, как и за прилавком магазина или за столиком дешевого кафе, где она обычно обедала. От ее по-детски круглого лица веяло

безмятежностью и даже самодовольством, что иногда принимают за чистую совесть. Она казалась живым воплощением невинной молодой девушки, которой даже самая мысль о грехе ни разу не коснулась.

– Присаживайтесь, дети мои, – сказал Мегрэ, вытаскивая из кармана трубку.

Жерар был слишком возбужден, чтобы спокойно сидеть в кресле. В отличие от сестры он был настороже, снедаемый тревожными мыслями, и взгляд его перескакивал с предмета на предмет.

– Признайтесь, что вы подозреваете меня в убийстве тетки и сестры, – произнес он дрожащими губами. – Только потому что я беден, что меня преследуют неудачи!.. Какое вам дело, что вы взволнуете мою беременную жену, которая и без того слаба здоровьем... Вы пользуетесь моим отсутствием, чтобы рыться в квартире... Вы нарочно пошли туда, когда меня не было дома...

– Это верно... – проронил комиссар, разжигая трубку и разглядывая портреты на стенах.

– Ведь ордера на обыск у вас не было! И вы знали, что я бы не допустил этого...

– Да полно, перестань!

Берта сняла горжетку – длинную и узкую куницу, и комиссар заметил, что шея у нее круглая и белая.

– Спросили вы хотя бы у этого лицемера Монфиса, где он находился в ночь, когда было совершено убийство? Уверен, что не спросили. Как же, ведь он не мне чета...

– Я как раз собираюсь сегодня вечером задать ему этот вопрос...

– Тогда спросите у него заодно, почему это меня и сестер вечно обкрадывали...

Он указал на женский портрет, увеличенную фотографию, от этого немного расплывчатую.

— Это моя мать. Она была похожа на Сесиль... И не только внешне, но и характер у нее был такой же... Да где вам понять... Полная смирения, в постоянном страхе, что всех стесняет, что берет больше, чем ей положено. И эта болезненная потребность вечно жертвовать собой... Вот и бедная сестра была такой же и прожила всю свою жизнь в служанках... Разве не правда, Берта?

— Правда, — подтвердила девушка. — Тетя Жюльетта обращалась с ней как с прислугой.

— Этого комиссару не понять...

Мегрэ сдержал улыбку; ведь его кипевший негодованием собеседник даже не подозревал, что сам комиссар страдал комплексом неполноценности. Это страшно угнетало его, и, желая освободиться от унижительного недостатка, он порой ударялся в другую крайность, держался грубо и вызывающе.

— Мать была старшей из сестер. Ей было двадцать четыре, когда тетка познакомилась с Буанэ. Он был богат. Сестры давно осиротели и жили в Фонтене на ренту, оставленную родителями. И вот что произошло.

Чтобы выйти замуж за Буанэ, тетке нужно было приданое. Она добилась у нашей матери отказа от своей доли наследства. Все в семье это знают, и, если Монфис не бессовестный лжец, он подтвердит вам это. Таким образом, тетке Жюльетте удалось заключить столь выгодный брак только благодаря матери. «Я в скором времени отплачу тебе... Можешь быть спокойна, я этого никогда не забуду. Вот выйду замуж...» Не тут-то было! Выйдя замуж, она

сочла, что сестра слишком бедна, чтобы вводить ее в тот круг, куда попала она сама. Мать поступила продавщицей в один из магазинов в Фонтене.

Она стала женой приказчика, человека больного, и продолжала работать... Родились мы, и тетка насилу согласилась быть крестной Сесили. Знаете ли вы, сколько она послала ей к первому причастию? Всего сто франков! А ведь муж ее уже владел десятком домов...

«Не беспокойся, Эмилия, – писала она матери, – если с тобой что-нибудь случится, я не оставлю твоих детей».

Отец умер первым, а вскоре за ним и мать. Тетя Жюльетта к тому времени овдовела и поселилась в этой квартире, но занимала тогда весь этаж. Из Фонтене нас привез кузен Монфис... Ты, Берта, была тогда совсем маленькой и не можешь помнить...

«Боже мой, какие они худые! – вскричала тетка, увидев нас. – Можно подумать, что сестра вообще не кормила их...»

И пошла критиковать все подряд – и нашу одежду, и белье, и слишком тонкую кожу на башмаках, и то, как нас воспитывали... Сесиль была уже взрослой девушкой, и тетка сразу превратила ее в прислугу. Меня же решили отдать в учение – бедняки должны знать какое-нибудь ремесло. Если мне случалось порвать штаны, попрекам не было конца... Меня корили за неблагодарность, я не хотел ценить того, что делалось для меня и сестер, мне предрекали дурной конец... Сесиль страдала молча. Прислугу уволили, поскольку сестра одна управлялась со всей работой. Хотите взглянуть, как нас одевали?

Он подошел к полке и взял фотографию, изображав-

шую всех троих: Сесиль в черном, как привык ее видеть Мегрэ, волосы слишком гладко зачесаны назад; пухленькая маленькая Берта была в длинном не по росту платье; Жерар, которому на вид было лет пятнадцать, одет в костюм явно с чужого плеча.

— Я предпочел уйти на военную службу, и мне не присылали из дому даже пяти франков в месяц... Товарищи получали посылки, сигареты... Всю жизнь я с завистью глядел на других...

— В каком возрасте вы оставили дом тетки? — спросил Мегрэ у девушки.

— В шестнадцать лет, — ответила она. — Я пришла сама в большой магазин. Они спросили, сколько мне лет, я сказала, что восемнадцать...

— На мою свадьбу, — продолжал Жерар, — тетка прислала в подарок серебряную лопаточку для торта... Когда в трудную минуту я решил продать ее, мне дали всего тридцать франков... Сесиль жила впроголодь, а ведь тетка наша была богата... А теперь, когда ее не стало, вы хотите свалить вину на меня... и вы тоже...

На него больно было смотреть, столько скопилось в нем горечи и гнева.

— У вас никогда не возникало желания убить тетку? — спросил Мегрэ с таким спокойствием, что девушка вздрогнула.

— Если я отвечу да, вы сделаете из этого вывод, что я задушил ее?.. И все же я скажу, что не раз у меня появлялось такое желание. К сожалению, я слишком малодушен... А теперь думайте что хотите. Арестуйте меня, если вам угодно: одной несправедливостью больше, подумаешь...

Берта взглянула на ручные часики:

– Я еще нужна вам, господин комиссар?

– Почему вы спрашиваете?

– Уже двенадцать часов... Мой друг ждет меня у магазина.

С каким невинным выражением лица говорила она о своем любовнике!

– У вас есть мой адрес – улица Орденер, дом 22. Я почти всегда дома после семи, кроме тех вечеров, когда мы ходим в кино. Как вы думаете поступить с Жераром? Он ведь всегда был немного взбалмошным... Не обращайтесь, пожалуйста, на это внимания... Жерар, тебе деньги не нужны? Поцелуй за меня Элен и скажи ей, что я зайду к ней завтра или послезавтра... В магазине мне дали отпуск на три дня...

Она направилась к двери, с порога улыбнулась обоим мужчинам и вышла.

– Вот до чего мы докатились, – заключил Жерар. – Она сошлась с женатым человеком! Ах, если бы наша бедная мать...

– Скажите, с какой целью Сесиль передала вам этот ключ?

– Вы обязательно хотите это знать? Хорошо, я скажу вам. И тем хуже для вас. Она дала мне ключ, потому что полиция не выполняет своих обязанностей! Потому что, когда туда обращаются бедняки, их не хотят даже выслушать! Сесиль не раз приходила к вам, вы не посмеете это отрицать. Она призналась вам, что ей страшно, что в квартире происходит что-то непонятное. А вы? Вы стали над ней насмехаться. Вы дважды присылали какого-то

жалкого бригадиришку, и он слонялся перед домом... А когда Сесиль окончательно убедилась в том, что ночью кто-то проникает в гостиную, и явилась к вам, она почувствовала, что все там у вас в полиции смеются над ней... Подумать только, инспектора один за другим нарочно проходили мимо зала ожидания, чтобы поглазеть на нее...

Мегрэ опустил голову.

— И вот тогда она заказала ключ... Она попросила меня...

— Простите! Где вы встречались с сестрой?

— На улице! А когда мне нужно было ее видеть...

— Чтобы попросить у нее денег?

— Вот именно, попросить у нее денег! Можно подумать, вам доставляет удовольствие повторять это! Ей действительно удавалось выкроить для меня несколько франков из денег на хозяйство. Я поджидал ее на углу в тот час, когда она ходила за покупками... Вы это хотели знать? Пожалуйста!.. А дней десять назад она дала мне этот ключ... Она попросила меня иногда ночью приходить в квартиру, чтобы выяснить наконец, в чем дело.

— Вы приходили?

— Нет... Из-за жены. Врач боится преждевременных родов. Но я пообещал себе прийти после того, как она родит...

— А как бы вы вошли в подъезд?

— Сесиль все предусмотрела. Каждый вечер в семь часов консьержка разносит почту. Она всегда задерживается поболтать у Дезеглизов, которые живут на третьем этаже слева... И вот я должен был проскочить как раз в это время...

– А тетка?

– Ну что ж! Я знаю, мои слова могут обернуться против меня! Это ведь так легко! У тетки болели ноги, и каждый вечер в это самое время ей делали массаж горячим воздухом. Это ей как будто помогало. Сестра использовала электросушилку для волос, такую, как в парикмахерской... Она сильно гудит... Я должен был открыть дверь своим ключом и спрятаться под кроватью в комнате Сесили. Ну, вы удовлетворены?... А теперь признаюсь, что я голоден и жена ждет меня... Вы и так достаточно напугали ее своим посещением... Если я сейчас не вернусь, она вообразит невесть что... Или арестуйте меня, или разрешите уйти. Что касается наследства, на которое у нас все права, так мы еще посмотрим...

Он отвернулся, но Мегрэ успел заметить слезы бесильного гнева, сверкнувшие в его глазах.

– Можете идти, – сказал комиссар.

– Неужели? – с иронией спросил молодой человек. – Вы меня пока не арестуете? Вы слишком добры, и я, право, не знаю, как благодарить вас...

Когда Жерар подходил к дверям, ему почудилось, будто он услышал – правда, он не был в этом уверен, – что Мегрэ, пожимая плечами, проговорил:

– Дурачок!

Не иначе как Нуши решила соблазнить комиссара!

Во всяком случае, она делала для этого все возможное, действуя со странной смесью наглости и наивности.

Она даже постаралась, усаживаясь напротив него, задраить юбку так, чтобы были видны ее острые коленки.

– Где вы были в тот вечер? – спросил он хмуро.

– На улице.

– А что вы делали на улице?

– Разговаривала с одним знакомым...

– Вы уверены, что это было накануне преступления?

– Это записано в моем дневнике... Каждый вечер я записываю в дневник, что я делала в течение дня...

Мегрэ подумал, что в смешном дневнике этой беспутной девчонки, верно, найдется кое-что и о нем. Нуши была из тех, кто влюбляется без разбору – в полицейского на перекрестке, в соседа, проходящего мимо каждый день в один и тот же час, в киноактера, которого видела только на экране, или в знаменитого убийцу. А сейчас героем дня стал Мегрэ!

– Я не могу назвать вам имя моего друга, потому что он женат.

Ну и ну! Впрочем, Берта, благоразумная Берта в вишневой шляпке, тоже путается с женатым!

– Так, значит, вы находились на улице, неподалеку от дома... Вы не боялись, что вас увидят родители?

– Родителям нет до этого дела... Они у меня молодцы...

– Вы утверждаете, что видели, как Жерар Пардон вошел в дом...

– Он был одет точно так, как сегодня, в том же плаще и серой шляпе с опущенными полями. Он оглянулся и бросился в подъезд.

– Который был час?

– Семь часов вечера. В этом я уверена: как раз перед ним прошел почтальон с последней почтой.

– Благодарю вас.

– Это важно, да?

– Я еще не знаю.

– Но ведь если брат Сесили был в тот вечер в доме...

– Благодарю вас, мадемуазель...

– У вас больше нет ко мне вопросов?

– На сегодня нет.

Она все не вставала, она еще надеялась...

– Вы можете рассчитывать на мою помощь... Я хорошо знаю дом. Я многое могла бы рассказать вам...

– Благодарю вас.

Она направилась к двери. Проходя, Нуши задела его своим телом, упругим, как натянутая струна.

– Мне не нужно явиться в ваш кабинет и продиктовать свои показания?

– Не раньше, чем получите повестку.

– До свидания, господин комиссар.

– До свидания.

Положив ключ в карман, Мегрэ спустился по лестнице. На тротуаре по-прежнему дежурил инспектор Журдан. Мегрэ знаком приказал ему оставаться на месте и подозвал такси.

Дома на бульваре Ришар-Ленуар жене не удалось за завтраком вытянуть из него ни слова. Положив локти на стол, он крошил хлеб на скатерть, громко чавкал – все это были дурные признаки.

– Но ведь не ваша вина, что эта Сесиль... – рискнула она.

В такие минуты она обращалась к нему на «вы». Иногда даже называла его «комиссаром». А порой, случалось, даже говорила: «Я спрошу у господина Мегрэ, сможет ли он...»

Заметил ли он хотя бы, что ест чудесный карамельный крем? Едва он вытер губы салфеткой, как рука его уже потянулась к вешалке, где висело пальто, жесткое, как солдатская шинель. По выражению его лица госпожа Мегрэ поняла, что бесполезно спрашивать, когда он будет дома.

– Гостиница «Центральная», бульвар Монпарнас, – буркнул он, усаживаясь в такси.

Это была тихая гостиница, где останавливались провинциалы, наезжавшие в Париж по делам. В вестибюле стоял запах жареной телятины под соусом и сухого печенья.

– Мне нужен господин Монфис...

– Он уже ждет вас в оранжерее.

В гостинице действительно была оранжерея или, вернее, частично застекленное помещение с искусственным гротом, экзотическими растениями и фонтаном. Господин Монфис, по-прежнему в глубоком трауре, с платком в руке, с влажными, воспаленными ноздрями, расположившись в плетеном кресле, курил сигару. Рядом с ним сидел человек, чье лицо показалось Мегрэ знакомым.

– Представляю вам своего адвоката, мэтра Лелу. Отныне мэтр Лелу будет защищать мои интересы в Париже.

В противоположность тощему Монфису Лелу был весьма упитанным; на столе перед ним стоял большой стакан, из которого он потягивал коньяк.

– Добрый день, комиссар... Присаживайтесь... Мой клиент...

– Однако я не знал, что господину Монфису уже требуется адвокат, – прервал его Мегрэ.

– Не адвокат, а поверенный в делах! Ситуация выглядит и теперь достаточно запутанной, и до тех пор, пока завешание не будет найдено...

– Кто сказал вам, что завешание существует?

– Позвольте, но ведь это очевидно!.. Такая деловая женщина, ведущая денежные операции, как госпожа Буанэ, урожденная Казенов, не могла не подготовить...

В эту минуту в оранжерее появились госпожа Монфис и ее пятеро сыновей, шедшие гуськом по росту.

– Извините нас, – сказала супруга со скорбной, приличествующей случаю улыбкой. – Мы уезжаем, Анри! Мы едва успеем на вокзал. До свидания, господин комиссар... До свидания, мэтр Лелу... Вы не слишком долго застрянете в Париже, Анри?

Дети по очереди поцеловали отца. Слуга ждал с вещами. Когда семья его удалилась, Анри Монфис налил себе рюмку коньяку, не спрашивая, налил рюмку Мегрэ и заговорил:

– Я счел своим долгом, господин комиссар, и прежде всего долгом в отношении своей семьи, обратиться к юристу, который отныне будет держать с вами контакт, и...

Из носу у него текло, Монфис едва успел вытащить платок из кармана. И тут он с удивлением увидел, что комиссар встает и берет со стула свой котелок.

– Но куда же вы?

– Я охотно приму мэтра Лелу в своем кабинете, когда он найдет нужным сообщить мне что-либо, – ответил Мегрэ. – Всего хорошего, господа.

Анри Монфис не мог прийти в себя от изумления.

– Да что это с ним? Что на него нашло?

Адвокат, развалившись в плетеном кресле и согревая в пухлой руке рюмку с коньяком, сказал бодрым тоном:

– А вы не обращайтесь внимания... Уж он такой... Видите ли, эти полицейские не любят иметь дело с законниками. Увидев меня у вас, он почувствовал себя задетым. Можете во всем на меня положиться...

Он замолчал, озабоченно откусывая кончик предложенной ему сигары.

– Можете мне поверить...

Первые выпуски вечерних газет опубликовали снимки похорон. На одном из них был запечатлен Мегрэ у могилы Сесили, рядом с ним виднелась фигура диакона с кропилом в руке.

И Журдан, дежуривший у дома в Бур-ла-Рене, где в окнах уже начал зажигаться свет, и начальник полиции, не знающий, что ответить прокурору и беспрестанно звонивший комиссару из своего кабинета, и госпожа Мегрэ, начищавшая медные кастрюли, были бы немало поражены, увидев сейчас комиссара, который, засунув руки в карманы, с трубкой в зубах и нахмуренным лицом прогуливался по бульвару Монпарнас. Вот он замедлил шаг перед яркими афишами кинотеатра с непрерывной программой и, подойдя к окошку кассы, буркнул:

– Один билет на балкон...

Затем он покорно последовал за девушкой в черном шелковом платье со строгим воротничком, которая повела его по темному залу, освещая путь узким лучом карманного фонарика.

– Простите... Простите, пожалуйста.

Он протискивался между рядами, всем мешая и наступая на ноги сидящим.

Он не знал, какой здесь идет фильм. Слишком громкие и неизвестно откуда идущие голоса наполняли зал, а на экране в это время капитан судна грубо швырял молодую девушку на диванчик в своей каюте.

«А! Ты следишь за мной!..»

«Пощадите, капитан Браун... Если не ради меня, то хотя бы ради...»

– Извините, – произнес чей-то робкий голосок справа от комиссара.

И соседка вытащила из-под Мегрэ полу своего пальто.

Глава 3

Мегрэ согрелся. Он «угрелся», как он говорил, когда был ребенком, и, если бы в зале вдруг зажглись люстры и осветили его, лицо и поза комиссара явили бы собой воплощенное блаженство: он сидел, откинувшись в кресле, полузакрыв глаза, засунув руки в карманы и подняв воротник своего толстого теплого пальто.

На самом деле все это было маленькой хитростью, самообманом, на который он шел в те минуты, когда переутомлялся, напряженно размышляя над одним и тем же, и чувствовал, что его мозг работает вхолостую.

Будь теперь лето, он уселся бы на террасе кафе и, полуприкрыв веки, поджаривался бы на солнышке перед кружкой пива.

Когда на набережной Орфевр провели центральное отопление, а комиссар добился, чтобы в его кабинете оставили старую печку, молодые инспектора только пожимали плечами. Между тем это был все тот же излюбленный

прием самообмана. Когда дело не ладилось, когда задача, над разрешением которой он неотступно бился, вдруг лишалась своего реального содержания и начинала казаться сплетением бессвязных и нелепых обстоятельств, в такие моменты Мегрэ загружал печку углем до отказа, поворачивался к ней то спиной, то грудью, ворошил уголь, открывал заслонку, и мало-помалу тело его охватывала блаженная истома, веки слипались, предметы вокруг принимали туманные очертания, чему, впрочем, немало способствовали густые клубы дыма его неизменной трубки.

В этом состоянии физического оцепенения мысль, словно во сне, улавливала иногда неожиданные соотношения фактов, следуя путями, не доступными логике и разуму...

Госпожа Мегрэ никогда не могла этого понять. Просидев вечер в кино, она трогала мужа за рукав и говорила со вздохом:

— Ты опять все проспал, Мегрэ... Никак не возьму в толк, зачем ты платишь двенадцать франков за жесткое кресло и спишь здесь, когда дома у тебя такая удобная постель...

В зале было темно, его согревало человеческое тепло, здесь трепетала жизнь сотен людей, сидевших бок о бок, но не знавших друг друга. Над их головами протянулся длинный бледный треугольник света, вырывавшийся из кабинки киномеханика, и в нем плыли клубы табачного дыма.

Если бы у Мегрэ спросили, что за фильм показывают...

Да какое это имело значение!.. Перед ним мелькали отдельные кадры, которые он даже не пытался связать

между собой... Затем его взгляд скользнул вбок, привлеченный легким движением в соседнем кресле.

Этот сильный человек, который вот уже тридцать лет варился в водовороте страстей, доведенных до крайности, то есть до преступления, не утратил, однако, своего целомудрия. Он кашлянул, шокированный поведением соседки и ее спутника – он видел только его руку, смутно белевшую в темноте. Между тем, когда он уселся на полу ее пальто, девушка показалась ему совсем молоденькой. Она сидела неподвижно. Ее лицо, смутно белевшее в темноте, как и рука мужчины, как ее обнаженное колено, на котором лежала эта рука, было обращено к экрану.

Комиссар снова смущенно кашлянул.

Парочка не обратила на него внимания. Девушка, должно быть, не старше Нуши...

Кстати, Нуши утверждает, будто видела, как Жерар в семь часов вечера входил в дом в Бур-ла-Рене... Но так ли это? Ведь она тоже, наверно, стояла в темноте со своим дружкой, прижавшись к стене...

Он слышал звук поцелуя... И ему почудился на миг вкус чужой слюны на губах. Он глубже втянул шею в воротник своего пальто.

Только что Нуши нагло заманивала его. Стоило ему захотеть... Сколько таких вот молоденьких глупых девчонок вешаются на шею пожилым мужчинам, знаменитым или хоть сколько-нибудь известным!

«Пари держу, что дружок этой девицы гораздо старше ее», – решил он, покосившись на соседку.

Вот так он бездумно размышлял, перебирая отрывочные и бессвязные мысли.

Солгала ли молоденькая венгерка по поводу месье Шарля? Вряд ли. Дандюран как раз походил на человека, способного подстеречь девчонку у приоткрытой двери и показывать ей порнографические открытки.

Правда, и сама Нуши могла намеренно его разжигать, а потом позвать на помощь, когда он...

Комиссара тревожило ее заявление, будто она видела, как Жерар Пардон вошел в дом в семь часов вечера, то есть именно в то время, когда госпожа С-вашего-позволения заболталась с Дезеглизами и не следила за входной дверью.

Но если ее показания будут зафиксированы официально... Неужели достаточно свидетельства беспутной девчонки, чтобы засадить человека в тюрьму и, может, даже...

Он беспокойно заерзал на месте. Но не только образ Жерара, входящего ранним утром в ворота тюрьмы Санте, вызывал это беспокойство. Он продолжал смотреть на экран. Он хмурился. Вот уже несколько минут он чувствовал в фильме что-то неестественное.

Внезапно он сообразил: губы персонажей шевелились не в такт произносимым звукам. И действительно, актеры говорили по-английски, а зритель слышал французскую речь. Фильм был дублированный.

Парочка около него совсем разошлась, но мысли комиссара уже витали далеко. Эти три дня что-то мешало ему во всем разобраться. Он не отдавал себе в том отчета. И только теперь он понял. Что-то в этом деле неприятно задевало его. Его догадки строились на какой-то посылке, но, на какой именно, он еще не знал.

Полуприкрыв глаза, он видел так же четко, как если бы

стоял перед ним, дом-ломоть на Орлеанском шоссе, велосипедный магазин и бакалейную лавку вдовы Пьешо. Впрочем, вчера он узнал, что на самом деле она не была вдовой. Муж бросил ее ради гулящей девицы, как она выражалась, и она так этого стыдилась, что предпочитала слыть вдовой.

Ну а показания госпожи С-вашего-позволения, которая сидит в душевой своей комнате с замотанной шеей и свернутой набок головой?

Она не впускала в эту ночь никого постороннего, и из этого сделали слишком поспешное заключение, будто никто и в самом деле не входил в дом и не выходил из него.

А между тем выяснилось, что в семь часов вечера можно пройти в дом без ведома консьержки. Кто нам докажет, что такая возможность не появлялась в течение суток и в какие-то другие моменты?

На верхнем этаже одержимая манией старуха Жюльетта Буанэ в глубокой тайне принимала Шарля Дандюрана и обсуждала с ним по меньшей мере безнравственное помещение своего капитала. Все это было не слишком чисто, но не противоречило человеческой природе. За годы своей работы Мегрэ не раз сталкивался со многими подобными феноменами.

Да и Дандюранов он встречал немало!

Что же здесь его смущало? Что было неестественным?

Несомненно, старуха была задущена в тот момент, когда, проводив Дандюрана, собиралась лечь в постель.

Она успела снять только один чулок...

Следует ли допустить, что существовал третий ключ и что он находился у месье Шарля? Следует ли предполо-

жить далее, что он вернулся в квартиру, чтобы убить старуху?

Но ведь он человек состоятельный. Жюльетта при жизни больше дала бы ему заработать, чем мертвая.

Мог ли это быть кто-либо из его сомнительных компаньонов?.. Но они совсем не новички, не жалкие бродяги, готовые на что угодно, это были люди преуспевающие, имеющие собственные дома и отнюдь не желавшие «влипнуть в грязную историю».

Они были искренни, утверждая, что это дело грозит им неприятностями и наносит урон.

Может быть, Жерар Пардон?

Тут Мегрэ чуть не взорвался: соседи, перейдя все границы, вели себя совершенно бесстыдно, словно были одни в громадном темном зале. Ему хотелось крикнуть:

«Да сидите же спокойно, черт возьми!»

...Допустим, Жерар прятался с семи часов вечера в комнате сестры... Он тайно присутствовал при разговоре между Жюльеттой Буанэ и месье Шарлем. Быть может, он видел пачки денег и решил завладеть ими, как только тетка останется одна...

Допустим! Но в таком случае придется предположить, что, совершив преступление, Жерар оставался в квартире до утра, поскольку консьержка никому дверь в ту ночь не отпирала.

Придется также предположить, что именно на него собиралась донести Сесиль, ожидая Мегрэ в аквариуме на набережной Орфевр...

Значит, в чулан она пошла, следуя за Жераром.

Но откуда же Жерар Пардон, никогда не имевший дела

с полицией, мог знать не только об этом чулане, но и о двери, соединявшей криминальную полицию с Дворцом правосудия?

Внезапно Мегрэ почувствовал резкое движение подле себя и увидел, как девушка быстро натянула юбку на колени; на экране появилось слово «конец», вспыхнули все лампы, послышалось шарканье множества ног.

Медленно продвигаясь к выходу вместе со всеми, Мегрэ с любопытством взглянул на соседку и увидел юное округлое личико, свежее и спокойное, и невинно улыбающиеся глаза. Он не ошибся: ее спутнику было под сорок, и на пальце у него поблескивало обручальное кольцо.

Мегрэ, еще немного оглушенный, оказался на шумном бульваре Монпарнас. Было, должно быть, часов шесть, уже спустились сумерки. Силуэты прохожих быстро сновали мимо освещенных витрин. Ему хотелось пить, он вошел в «Купол», уселся у окна и заказал кружку пива.

Его охватила какая-то лень. Он оттягивал момент неминуемого возвращения к грубой действительности.

По-настоящему ему следовало бы отправиться без промедления на набережную Орфевр, где Люка сражался с поляком.

Но вместо этого он заказал сэндвич с ветчиной, взгляд его бесцельно скользил по нескончаемой веренице прохожих. Только что, сидя в кино, он долго, минут пятнадцать, не мог сообразить, что раздражает его в фильме несоответствие между артикуляцией и произносимыми слогами.

Сколько же времени уйдет у него на то, чтобы обнаружить несообразность в посылках дела в Бур-ла-Рене?

Сандвич оказался вкусным. Пиво тоже было хорошее, и он заказал вторую кружку.

Почти каждый раз, когда он вел расследование какого-нибудь нашумевшего дела, находился хоть один журналист, который помещал в газете статью под традиционным названием: «Методы комиссара Мегрэ».

Ну что ж, пусть он приходит и смотрит, этот репортер. Вот Мегрэ выходит из кино. Он закусывает... Он пьет пиво. Сидя у запотевшего окна кафе «Купол», он смахивал на толстого буржуа-провинциала, обалдевшего от суеты и шума Парижа.

По правде сказать, сейчас он ни о чем не думал. Он находился на бульваре Монпарнас и в то же время витал где-то далеко, ибо повсюду неотступно перед ним стоял все тот же дом, похожий на ломоть торта. Он входил в подъезд. Он выходил из него... Следил за госпожой С-вашего-позволения в ее логове. Он поднимался и спускался по лестнице...

Была задушена старуха домовладелица с крашеными волосами. Это первый факт. Исчезли ее деньги и бумаги. Это второй факт. Восемьсот тысяч франков.

В самом деле... восемьсот тысяч франков в тысячефранковых билетах... Он пытался представить себе эту кучу ассигнаций.

А Сесиль с восьми утра терпеливо ждала в аквариуме на набережной Орфевр...

Странное дело, ему уже трудно было восстановить в памяти ее лицо, хотя оно было таким привычным и своеобразным. Он вспомнил ее черное пальто, зеленую шляпку и огромную, похожую на чемоданчик, нелепую сумку, которую она всегда таскала с собой...

Но вот Сесиль тоже убита, и сумка исчезла.

И Мегрэ застывал с поднятой кружкой пива, забыв обо всем, что его окружало. Если бы его окликнули в этот момент, он не сразу сообразил бы, где находится.

В чем же все-таки кроется несообразность?

Только не нужно слишком спешить. Только бы не вспугнуть истину, а то ей недолго снова ускользнуть...

Сесиль... Сумка... Чулан...

Задушенная тетка...

Поскольку косящая девушка тоже была задушена, все, и Мегрэ в том числе, пришли к выводу, что оба преступления...

Он вздохнул с облегчением и отпил большой глоток пенистого пива.

Ошибка была в том, черт побери, и из-за этого он вертелся по кругу, точно слепая манежная лошадь, что он искал одного убийцу.

А вдруг их было двое? Зачем предполагать заранее, что оба преступления совершены одним и тем же человеком?

— «Энтрансижан»... Экстренный выпуск «Энтрансижана»...

Мегрэ купил газету. И невольно нахмурился, увидев на первой полосе снимок, изображавший его самого, более толстым, чем он себе казался, в свирепо зажатых челюстях трубка, рука лежит на плече молодого человека в плаще, и человек этот — Жерар. Он не помнил, как положил руку на плечо брату Сесили. Вероятно, это был машинальный жест.

Но журналист уже сделал из этого свои выводы. Подпись гласила:

«Чистая случайность? Или, может быть, комиссар

Мегрэ опустил свою тяжелую лапу на дрожащее плечо виновного?»

– Какая глупость!.. Гарсон!.. Сколько с меня?..

Он был взбешен и в то же время испытывал удовлетворение. Он вышел из «Купола» более бодрым шагом, чем вошел туда. Такси! Пусть бухгалтер ворчит, пусть уверяет, что на метро быстрее всего доберешься из одного конца города в другой.

Минут десять спустя он уже окунулся в привычную ему атмосферу, вошел в свой кабинет. Там на краешке стула жался поляк, а в кресле комиссара восседал Люка.

Мегрэ подмигнул ему, и Люка вышел за ним в комнату инспекторов.

– Уже десять часов мы с Жанвье допрашиваем его. До сих пор он держался, но, кажется, начинает поддаваться... Если чутье мне не изменяет, к рассвету он расколется. Не впервой приходилось им брать человека измором! Вот если бы вы заглянули к нам часам к двум-трем утра и нажали на него в последний раз...

– Мне некогда, – проворчал Мегрэ.

Скоро здание опустеет. Только одна лампочка будет гореть в большом пыльном коридоре, и останется только дежурный у телефона. А в кабинете Мегрэ по-прежнему будет сидеть поляк перед упорным, непреклонным Люка, которого придет подменить Жанвье, чтобы тот сбегал перекусить и пропустить кружку в пивной на площади Дофина.

– Мне никто не звонил?

– Какой-то Дандюран...

– Он ничего не просил передать?

– Что он будет сидеть дома... У него для вас есть интересная новость...

– Никто не приходил?

– Не знаю... Надо спросить у служителя...

– Вас спрашивал молодой человек в плаще с траурной повязкой. Он был очень взволнован... Спросил, когда вы придете. Я ответил, что не знаю... Он хотел узнать ваш домашний адрес, но я не дал...

– Жерар Пардон?

– Что-то вроде этого... Он не пожелал заполнить карточку...

– Давно он приходил?

– Да с полчаса назад...

– У него в руках или в кармане была газета, – сказал комиссар к большому удивлению служителя.

– Верно... Он держал в руках смятый номер «Энтранс-сижана»!

Мегрэ снова зашел в инспекторскую:

– Кто сейчас свободен?... Торранс?

– Я собираюсь в Бур-ла-Рен, шеф...

– Не стоит... Пойдешь на улицу Па-де-ла-Мюль, в дом двадцать два. Ты видел этого парня?

– Брата Сесили? Ну да, в Бур-ла-Рене...

– Хорошо! Пойдешь к нему, надеюсь, он вернулся домой... Если ты застанешь его, постарайся не спускать с него глаз. Чтобы он не наделал глупостей, понятно? Будь с ним помягче. Не пугай его, наоборот, попытайся успокоить...

– А если он не вернулся?

Лицо Мегрэ омрачилось. Он бессильно пожал плечами:

– Ну, если его нет... Тогда придется ждать звонка от речной спасательной команды, если только он не раздобыл револьвер... Постой! В любом случае позвони мне... Подожди... У кого в этом доме может быть телефон? Наверняка у Дандюрана. Позвони мне к Шарлю Дандюрану... Номер найдешь в телефонной книге. До скорого, старина...

Он на минуту вернулся в свой кабинет, медленно оглядел поляка с головы до ног, как бы проверяя его моральное состояние. Выходя, он подмигнул Люка, который продолжал допрос. Взгляд комиссара означал: «Готов!»

Такси доставило его на Орлеанское шоссе, и он сошел у дома, очертания которого уже стали ему привычны. Кто дежурит? Он огляделся. Из темноты выступила фигура:

– Я здесь, шеф...

Это был Вердюре, новичок, славный парнишка, который робел перед комиссаром до заикания.

– Ничего нового?

– Жилец с пятого этажа, месье Шарль, вернулся на трамвае в шесть часов. В подъезде его ждал низенький толстяк в сером макинтоше с портфелем под мышкой.

После легкого раздумья Мегрэ вспомнил. Без сомнения, это был мэтр Лелу, адвокат Монфиса.

– Долго он у него сидел?

– С полчаса... Около пяти вышел из дому венгр и еще не вернулся... Ну а дочь его...

Молодой инспектор показал два силуэта, еле различимые в темноте у забора, окружавшего пустырь.

– Это продолжается почти час... – вздохнул он. – И хоть бы пошевелились.

Мегрэ слегка покраснел и вошел в дом. Проходя мимо,

он поздоровался с госпожой Бенуа, сидящей перед тарелкой супа, и стал грузно подниматься на пятый этаж. Вероятно, месье Шарль узнал его шаги, потому что отворил дверь раньше, чем комиссар успел позвонить.

– Я ждал вас... Заходите, пожалуйста... После вашего разговора с моими друзьями сегодня утром...

Комиссар никак не мог привыкнуть к затхлому воздуху этого холостяцкого жилища. Царившая в квартире атмосфера вызывала у него непреодолимое отвращение, и он безостановочно курил, выпуская густые клубы дыма.

– С какой целью вас посетил мэтр Лелу?

– Вы уже знаете? Он грозился подать в суд по поводу присвоения наследства... Убежден, что Жюльетта оставила завещание. Он исходит из ее новогодних поздравительных писем кузену Монфису... Вы должны потребовать, чтобы он вам их передал. Она называет своих племянников дегенератами и бездельниками... Они, мол, неблагодарные, и после всего, что она сделала для них в память о сестре, они только о ее деньгах и помышляют... «Вот уж глупый вид у них будет, – заключает она, – так же как и у всех Буанэ и Маршепье, когда они узнают, что я оставляю вам все, что имею...»

– Мэтр Лелу ограничился угрозами?

Бледная улыбка тронула бесцветные губы месье Шарля.

– Он сделал мне, по его собственному выражению, честные и великодушные предложения...

– Барыш пополам?

– Примерно так... И это составило бы немалую сумму, если бы завещание существовало... – Господин Дандюран хрустнул пальцами. – Однако эти люди не знали Жюльет-

ту... По правде говоря, только мне одному довелось увидеть ее в настоящем свете. Она так боялась смерти, так боялась расстаться со своими деньгами, что почти убедила себя, будто никогда не умрет... Во всяком случае, очень не скоро... Она часто повторяла: «Когда я состарюсь...»

При всем своем отвращении к этому человеку Мегрэ чувствовал, что тот не лжет. И хотя сам видел только труп с крашеными волосами, его впечатление полностью совпадало со словами месье Шарля.

— Так что же?

— Я выставил мэтра Лелу за дверь. Впрочем, я звонил вам по другому поводу. Я отлично сознаю двусмысленность своего положения и понимаю, что в моих интересах, чтобы вы скорее разыскали убийцу.

— Или убийц, — проворчал Мегрэ, разглядывая акварель, висевшую на стене.

— Или убийц... Как вам угодно! Ведь и правда их могло быть несколько...

— Во всяком случае, есть два трупа, а значит, и два преступления...

Мегрэ медленно раскурил трубку.

— Это в теории... Я говорил вам, что после вашего ухода я вспомнил...

Дандюран взял со стола записную книжку в клеенчатой обложке.

— Я ведь недаром столько лет был адвокатом. У меня выработались даже кое-какие профессиональные причуды. Всякий раз, когда я вручал Жюльетте проценты с ее капиталовложений, я записывал номера купюр. Возможно, это нелепая привычка, но при нынешних обстоятельствах она может послужить вам.

В записной книжке Мегрэ увидел множество цифр.

– Досуга у меня, как вы знаете, было больше чем достаточно...

Мегрэ прекрасно представлял себе, как Дандюран сидит в своем кабинете, где пахнет раздавленными клопами, и с холодным удовлетворением переписывает колонки цифр. Пусть это были чужие деньги! Ему все равно доставляло наслаждение пересчитывать их, записывать номера, раскладывать по пачкам и скреплять пачки резинкой.

– Как видите, – заключил Дандюран, протягивая комиссару записную книжку, – если вы получите премиальные от моих друзей, то тут не обойдется без моей помощи...

Они услышали, как Нуши поднималась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и замерла на миг у двери адвоката. Вела ли она себя в кино так же непристойно, как та миловидная девушка? Впрочем, что за дело комиссару до слов и поступков этой девчонки?

– Вот и все! Поджидая вас, я не пошел, как обычно, в ресторан обедать и удовольствовался холодной котлетой. Вы уже поели? Надеюсь, вы согласитесь пропустить рюмочку?

– Нет, благодарю вас...

– Когда-нибудь вы убедитесь, что я сделал все возможное... Пожалуйста, как вам угодно...

Мегрэ открыл дверь, даже не предупреждая о своем уходе, и в квартиру ворвались бурные волны музыки.

Видимо, старая мадемуазель Поко отводила душу после опостылевших ей гамм учениц.

Глава 4

Однажды госпожа Мегрэ, задумчиво оглядывая мужа, вдруг вздохнула и спросила его с почти комической наивностью:

– Не возьму в толк, как это тебе за всю жизнь досталось так мало оплеух...

Она сказала это от чистого сердца. Бывали моменты, когда даже с ней Мегрэ вел себя с неслыханной наглостью, и, вероятно, одна только жена знала, что действовал он безотчетно. И наглость его заключалась не в дерзкой усмешке или ироническом взгляде. Она не ощущалась ни в чем конкретно и одновременно чувствовалась во всем его поведении. Перед вами высилась неприступная каменная глыба, и сколько бы вы ни говорили и ни горячились, она продолжала жить своей непонятной внутренней жизнью. Слышит ли комиссар, о чем вы ему толкуете? Видят ли вас его глаза, или он смотрит на стену за вашей головой? Внезапно он перебивал вас на середине фразы, и то, что он говорил, не имело ни малейшей связи с вашими речами.

Так и сейчас. Шарль Дандюран продолжал говорить, а в полуоткрытую дверь уже ворвались звуки пианино, и Мегрэ застыл, словно замороженный музыкой. Сколько времени он не прислушивался к разговору? Какой путь успел мысленно проделать его ум за эти короткие мгновения? Неожиданно он спросил:

– Я полагаю, у вас есть телефон?

– Да... Конечно...

Заметил ли он хотя бы, что Дандюран стоит перед ним, ожидая, когда сможет запереть дверь? Комиссар неуверенно начал:

– Я бы хотел...

Хотя он и поступал безо всякого умысла, однако подобным поведением не раз сбивал с толку многих людей, не одного лишь бывшего адвоката. Чего он добивался?

Что еще придумал? Пустяк или что-то серьезное? Нельзя было угадать, глядя, как он хмурит лохматые брови и качает головой. Наконец он буркнул:

– Я забыл вас предупредить... Я оставил ваш адрес на случай, если понадобится позвонить мне по телефону... А пока я попрошу вас подняться вместе со мной... Мы ведь сверху услышим звонок?

– Вы позволите мне взять ключ?

На площадке шестого этажа комиссар остановился:

– Итак, вы заявили, что было несколько минут первого. Вы пришли к ней в домашних туфлях?

Он посмотрел на ноги месье Шарля, обутые в кожаные коричневые шлепанцы.

– Надо полагать, вы не имели привычки звонить?

– Жюльетта ожидала за дверью... Мне даже стучать не нужно было...

– Так! Войдемте. В передней горел свет?

– Нет... Свет шел из гостиной, дверь была полуоткрыта...

– Минутку! Я зажгу в гостиной...

– Только не эту лампу, господин комиссар. Тот ночник на круглом столике...

Месье Шарль хоть и чувствовал себя задетым, но внешне без тени тревоги принял участие в игре. Всем своим поведением он словно хотел сказать: «Как видите, ваш трюк не пугает меня. Мне нечего бояться, нечего

скрывать. Наоборот! Так же как вы, я стремлюсь узнать истину. Если вам нужно восстановить все в деталях, пожалуйста, я готов помочь...»

Вслух он сказал:

– Хочу отметить, что на мне был тот же костюм, что и сегодня, на шее было белое кашне... В руках... нет, во внутреннем правом кармане пиджака у меня лежал конверт, содержащий...

– Погодите... Если не возражаете, мы сначала наведем в этой комнате прежний порядок. Вы, вероятно, знаете, где стояла мебель, где находилась каждая безделушка...

Оба они сохраняли полную серьезность, и месье Шарль с ироническим усердием старался припомнить точное место каждого кресла, отступая назад, чтобы проверить себя.

– Вот! Все стояло примерно так.

– Один вопрос. Открывая вам дверь, госпожа Буанэ опиралась, наверно, на свою палку?

– Да, без палки она едва могла передвигаться.

– Можете ли вы описать мне, как она была одета?

– Это нетрудно. Поверх ночной рубашки она накинула зеленый бумазейный халат. Чулки, как я заметил, собрались гармошкой вокруг щиколоток.

– Оба чулка?

– Да, оба... Обычно она носила два чулка, если именно это вас интересует... На ней были шлепанцы на войлочной подошве. Жюльетта отнюдь не грешила кокетством... По-моему, она даже находила какое-то удовлетворение в том, чтобы показываться в самом неприглядном виде, а в эту ночь она явилась непричесанной, лицо блестело от крема, под глазами мешки...

– Вы не заметили никакого другого источника света в квартире и утверждаете, что не выходили из этой комнаты?

– Да, утверждаю.

– Где сидела госпожа Буанэ?

– Она села перед секретером и открыла его. Она знала, что я пришел отчитаться перед ней.

– Минутку... Откуда она взяла ключ, чтобы открыть секретер?

На этот раз бывший адвокат чуть заколебался:

– Я... В общем, я не помню... Думаю, что она держала ключ в кармане халата...

– Скажите, господин Дандюран... Если она открыла секретер, ожидая от вас отчета, значит, она держала там деловые бумаги...

– По-видимому...

Месье Шарль размышлял, он стал еще серьезнее.

– Пожалуй, вы правы... Признаюсь, я об этом не подумал...

– О чем вы беседовали все это время?

– Мы никогда много не разговаривали... Помнится, я сказал, что, как видно, простудился в городе и потому пришел в кашне... Я сообщил ей также, что мне, вероятно, придется съездить в Безье.

Мегрэ окинул комнату взглядом и задал совсем неожиданный вопрос:

– Все ли часы ходили в тот вечер?

Комиссар заметил, что некоторые часы остановились, и машинально подошел и подтянул гири. Стрелки показывали разное время.

– Право, я не обратил внимания... Ну какое это могло иметь значение?

– Заметьте, господин Дандюран, что, хотя целых три этажа отделяют нас от квартиры мадемуазель Поко, звуки ее пианино слышны здесь почти так же четко, как у вас... Слышимость превосходная. Это меня успокаивает – если мне позвонят по телефону, мы обязательно услышим... Продолжаем. Вы сидели на том же месте, что и сегодня? Итак, вы протянули ей конверт, в котором находилось...

– Пятьдесят две тысячи франков... Трехмесячная прибыль от заведения на улице Антен...

– Она пересчитала ассигнации?

– Она всегда их пересчитывала...

– Знала ли она, что вы записываете номера?

– Я никогда не говорил ей об этом... Пока она скрепляла тысячефранковые билеты в пачки по десять штук, я сказал ей, что вот уже несколько недель из Безье не отвечают на наши письма. Наш тамошний управляющий...

Он взглянул на Мегрэ, он был убежден, что тот его не слушает. Ему показалось даже, что комиссар вообще не придает никакого значения тому, что он говорит. Он курил трубку, разглядывал семейные портреты, особенно снимок троих детей; затем его взгляд задержался на фотографии, единственной в своем жанре в этой квартире и изображавшей пышную молодую женщину лет тридцати, с высокой грудью и вызывающим взглядом, настоящую красавицу. Эта женщина была Жюльетта.

– Продолжайте, господин Дандюран...

– В таких делах контроль затруднен, почти невозможен. Я уже говорил вам, что в случае каких-либо нарушений мы не можем обращаться к услугам правосудия. Это и объяснит вам...

Мегрэ распахнул дверь в столовую и снова закрыл.

– Продолжайте, продолжайте... Не обращайтесь на меня внимания.

На этот раз, в то время пока Дандюран неуверенным голосом продолжал свой рассказ, комиссар просто-напросто вышел из гостиной.

– Я предложил, что я сам поеду в Безье и лично опрошу обитательниц дома, поскольку нет иного способа выяснить среднюю выручку.

– Продолжайте! – приказал издали комиссар.

– Как вам угодно... Помнится, я заметил, что один только плохой сезон не может объяснить такое резкое падение выручки, которая снизилась на две трети по сравнению с предыдущим месяцем...

Комиссар наконец появился на пороге, с любопытством разглядывая месье Шарля. Казалось, он спрашивал себя: «Что делает тут этот тип? И почему он сам с собой разговаривает?»

– Скажите-ка... Когда вы таким образом беседовали, вы не слышали какого-либо шума в квартире? Вы говорили так же громко, как сегодня?

– Мы говорили совсем тихо... Жюльетта всегда боялась, что, несмотря на снотворное, племянница может проснуться. Кроме того, она опасалась соседей-венгров, целый день она слышала их крики и ссоры. Она уже несколько месяцев пыталась их выселить, но они всеми способами старались удержаться здесь.

– Что же она сделала с пятьюдесятью двумя тысячами?

– Она держала деньги в руке, когда провожала меня до двери...

– В конверте?

– Насколько я помню, она вложила их обратно в конверт...

– Это был обыкновенный конверт?

– Использованный конверт, который я взял у себя на столе. Погодите... Он был желтый. Какую корреспонденцию я получал в этот день? Да!.. Я почти уверен, что это был конверт Лионского кредитного банка с моим адресом, отпечатанным на машинке...

– Вы больше не видели этот конверт?

– Никогда.

В его голосе невольно прозвучала легкая ирония. Уж не думал ли Мегрэ смутить его подобной чепухой?

– Разрешите, я закурю, господин комиссар?

– Да, кстати, ведь вы курили, посещая Жюльетту?

– Частенько...

– Что именно вы курили?

– Приходится признать, что вы лучше осведомлены, чем я ожидал, и если бы совесть моя была нечиста... Откуда вам это известно? Ведь вы никогда не встречались с Жюльеттой при жизни, не так ли?

Хоть он и не был обеспокоен, но явно был заинтригован.

– В комнате нет пепельницы, и я уверен, что ни разу не оставил окурка. А пепел...

Он нервно засмеялся.

– Признаюсь, это непостижимо, господин комиссар. Я сейчас вам объясню, и вы поймете мое удивление. Однажды, очень давно, я явился сюда с трубкой, а Жюльетта, имевшая на этот счет свое мнение, заявила, что курить

трубку в присутствии женщины неприлично. Однако иногда нам приходилось работать ночами по несколько часов подряд... Тогда я стал приносить с собой сигареты. А чтобы не оставлять следов, я клал бумажку вот сюда, на угол стола, она заменяла мне пепельницу, и, уходя, уносил ее с собой.

Мегрэ по-прежнему смотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Но то, что вы об этом узнали, просто невероятно... Разве только...

— Разве только?.. — повторил комиссар. — Разве только кто-то прятался в квартире и следил за нашими беседами и поступками... Да еще нужно, чтобы этот кто-то мог снестись с вами и сообщить вам все это...

— Какое это имеет значение?

— Когда Жюльетта Буанэ проводила вас до двери, в руках у нее было пятьдесят две ассигнации. А конверт послужил вам пепельницей, и вы унесли его с собой. Жюльетта, вероятно, заперлась на ключ?

— И вдобавок задвинула засов...

— Вы пошли прямо к себе? Вы никого не встретили? И ничего не слышали? Вы не знаете, сразу ли легла ваша старая приятельница?

— Право, не знаю...

Они прислушались. Настойчивый звонок донесся до них, и Мегрэ, чертыхнувшись, сорвался с места:

— Вы позволите? Это, наверно, телефонный звонок, которого я жду.

Дверь на пятом этаже была только притворена, свет не был потушен. Телефон стоял на столе.

– Алло!.. Торранс?

– Это вы, шеф?.. Я все еще на улице Па-де-ла-Мюль.

– Что с Жераром?

– Я его так и не видел... Послушайте... Это не так-то просто. Не знаю, стоит ли все это рассказывать по телефону.

– Подожди минуту.

Вероятно, инспектор ломал себе голову, почему ему велено молчать. Но в этот момент Мегрэ услышал шаги как раз над своей головой. Он сообразил, что ходят в спальне Жюльетты Буанэ. Шаги раздавались очень четко. Хотя месье Шарль был в мягких туфлях и старался действовать осторожно, сюда доносился каждый его шаг.

Значит, сидя в своей квартире, бывший стряпчий мог слышать все, что происходило в квартире на шестом этаже.

– Алло!.. Вы слушаете, шеф?

– Помолчи.

– Трубку не вешать?

– Помолчи, говорю...

И вдруг, положив трубку на стол, он бросился на лестницу. Когда он вбежал в квартиру госпожи Буанэ, месье Шарль был уже на пороге гостиной, невозмутимый, но мрачный.

– Ну как, поговорили по телефону?

– Я еще не закончил разговора. Я попросил бы вас сойти вниз...

– Простите... Я боялся вам помешать.

Мегрэ показалось, что на этот раз в холодном взгляде Дандюрана мелькнула досада, а может быть, и тревога.

– Я иду за вами, господин комиссар... Если бы я знал, что...

– Будьте добры пройти вперед.

– Куда мы идём?

– В ваш кабинет. Закройте дверь. Стойте. Вам не трудно положить руки на стол?

Он взял трубку:

– Я слушаю тебя.

– Я думал, нас разъединили. Так вот, шеф... Придя на место, я узнал у консьержки, что Жерар Пардон не возвращался, но что жена его дома... Я стоял в трех метрах от двери. Пошел дождь...

– Ладно, это не важно...

– Я насквозь промок... Но не решался добежать до кафе на углу, чтобы выпить чего-нибудь... Прошло несколько часов. Минут пятнадцать назад, не больше, в такси подъехала молодая особа. Она казалась сильно взволнованной. По красной шляпке я узнал сестру Жерара, мадемуазель Берту, которую вы мне показывали...

– Ну а потом?

Докладывая, молодой инспектор не подозревал, что комиссар слушает его вполуха, а сам в это время ощупывает взглядом месье Шарля. А бывший законник с подчеркнутой неловкостью держал на столе руки, положив их вниз ладонями.

Что же он делал там наверху? Ведь после смерти Жюльетты он в первый раз оказался один в ее квартире.

– Продолжай, я слушаю...

– У меня не было инструкций. Девушка поднялась наверх. Несколько минут спустя, боясь, не принесла ли она дурных вестей, я тоже поднялся наверх. Я постучался. Берта открыла мне дверь. Передней у них нет. На кухне

рыдала госпожа Пардон. Она посмотрела на меня безумными глазами и крикнула: «Он умер?»

Лицо Мегрэ выразило сильное удивление. Месье Шарль нахмурился:

— Ну а потом?

— Клянусь вам, шеф, я растерялся... Я спросил у девушки, что она думает предпринять. Она заявила, что все мы сволочи и что, если с братом случится беда, мы будем нести за это ответственность. Одна рыдала, другая бранилась... И ничего толком я не мог от них добиться!.. Наконец я кое-как понял, что Жерар приходил к сестре. Он был вне себя. Он требовал денег немедленно... Она старалась его успокоить, узнать, на что ему нужны деньги.

Он ответил с саркастическим смехом: «Завтра узнаешь из газет. Ради Бога, дай все, что у тебя есть!» Она дала ему сто тридцать франков, оставив себе лишь десять. Он бросился на улицу. Она пыталась следовать за ним, но он на ходу вскочил в автобус... Не знаю, что теперь делать, шеф... Я ушел от них, чтобы позвонить вам. Вернуться к ним? Жена Жерара уверяет, что он покончит с собой. А я...

— Ладно! — отрезал Мегрэ.

— Так что же мне делать?

Но комиссар уже повесил трубку и без всякого перехода приказал месье Шарлю:

— Выньте все из карманов.

— Я...

— Выньте все из карманов!

— Как вам угодно...

Дандюран повиновался и начал медленно выкладывать на стол различные предметы: старый бумажник, ключ,

перочинный нож, весьма сомнительной чистоты платок, бумаги, коробочку с пилюлями от кашля, кисет, трубку, коробку спичек.

– Выверните карманы... Снимите пиджак.

– Угодно ли вам, чтобы я совсем разделся?

Госпожа Мегрэ могла бы повторить, лишь чуть-чуть видоизменив, фразу, которую она говорила мужу: «Не возьму в толк, как это тебе удалось удержаться и не влечь ему оплеуху?»

И действительно, из них двоих месье Шарль вел себя спокойнее и сдержаннее, но в самой этой холодной сдержанности чувствовалась скрытая наглость. Он снял пиджак, манжеты рубашки были заношенные и потертые.

Затем снял жилет, под которым оказались такие же потрепанные подтяжки. Кальсоны выглядывали из брюк.

– Раздеваться дальше?

Комиссар с трудом сдерживался, оплеухи тут мало, заехать бы кулаком в физиономию!

– Желаете ли вы, чтобы я разулся?

– Да.

Мегрэ заметил дырку на одном носке, но в шлепанцах не было запрятано ни клочка бумаги.

– Обращаю ваше внимание, господин комиссар, что сейчас одиннадцать часов вечера и что, если бы вы явились в такое время, даже предъявив должным образом оформленный ордер на обыск, я имел бы полное право выставить вас за дверь... Разумеется, об этом нет и речи, и я говорю это, только желая подчеркнуть, до какой степени я...

– Сядьте.

Комиссар стал набирать номер.

– Пожалуйста, пожалуйста, – с иронией проговорил бывший адвокат.

– Алло! Позовите, пожалуйста, Люка. Это ты? Все еще никаких результатов? Придется тебе продолжать, старина. Нет, мне некогда. Кто там есть? Берже?... Ладно... Пусть он берет быстренько такси и едет в Бур-ла-Рен... Да, да. Пятый этаж. Спасибо. Удачи тебе...

Он повесил трубку и застыл, упершись взглядом в стол.

– Если вы намерены еще долго оставаться здесь, мы могли бы выпить по рюмочке!

Выразительный взгляд Мегрэ заставил его замолчать. Прошло десять минут, четверть часа. По шоссе мимо дома проносились машины. Пианино замолкло.

Дом погрузился в сон.

Наконец внизу хлопнула дверь, и кто-то стал подниматься по лестнице.

– Входи, Берже...

Видно, дождь лил как из ведра: шляпа и плечи инспектора промокли насквозь, хоть он и ехал в такси.

– Познакомься с месье Шарлем... Он немного нервничает сегодня, и я опасюсь, как бы он не наделал глупостей. Я обратил его внимание на то, что мы не совсем законно вторглись в его квартиру сегодня ночью, но он уверяет, будто ему все равно! Оставляю тебя с ним. Он может лечь спать, если пожелает, и в таком случае ты будешь опекать его, словно больного дядюшку. Понятно?.. Конечно, завтра утром я буду здесь... Если я задержусь, наберись терпения и не выпускай его, а то он еще схватит насморк...

Он застегнул пальто и большим пальцем примял табак в трубке.

– И не увлекайся его коньяком... По-моему, он неважного качества...

Мегрэ взял со стола бумажник Дандюрана и бумаги, вынутые адвокатом из карманов.

– Ты отпустил такси?

– Да, шеф...

– Ну ничего... Спокойной ночи.

И он оставил их вдвоем. Одно мгновение он колебался – не подняться ли на шестой этаж? Но к чему? Дандюран был не из тех, кто оставляет следы.

Внизу в подъезде он встретил госпожу С-вашего-позволения в ночном облачении, скособоченную больше, чем когда-либо.

– Что происходит, господин комиссар? В доме обнаружилось еще одно преступление?..

Он не слушал. Ее невнятная речь едва коснулась его слуха, и он машинально ответил:

– Может быть... Откройте, пожалуйста, дверь...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Утром дождь моросил по-прежнему, серенький, скучный и смиренный, как вдовство. Не заметно было, как он идет, он почти не чувствовался, хотя покрыл все вокруг холодным блестящим лаком, а на поверхности Сены плясали миллиарды пузырьков. В девять часов утра все еще казалось, будто спешишь на самый ранний поезд, кругом царила тьма, день словно не решался прийти на смену ночи, и на улицах горели газовые фонари.

Поднимаясь по лестнице в здании криминальной полиции, Мегрэ невольно бросал взгляд в аквариум, и каждый раз ему казалось, что он снова увидит Сесиль на том же стуле, где он видел ее в последний раз, безмолвную и покорную. Почему же сегодня утром неожиданное подозрение закралось в его голову? Верно, потому, что, когда он, еще не вполне очнувшийся ото сна, шел по улице, стараясь держаться подальше от водяных струй, льющихся с карнизов, в его уме возникло смутное воспоминание о соседке в кино, затем о Нуши, о месье Шарле... И вот, входя под своды криминальной полиции, он вдруг спросил себя, не было ли чего-нибудь между Сесилью и господином Дандюраном?..

Подобное предположение ни на чем не основывалось.

Оно смущало его. Оно оскверняло память о девушке, и все-таки комиссар не раз к нему возвращался.

У дверей его кабинета служитель преградил ему путь.

– Не входите. В кабинете посетитель. Но начальник просил, чтобы вы сначала зашли к нему...

– У меня в кабинете? – переспросил Мегрэ.

Минуту спустя он постучался к начальнику.

– Входите, Мегрэ... Ну как, дело идет на лад? Послушайте-ка, я взял на себя смелость посадить к вам в кабинет посетителя. Я не знал, что с ним делать. Кстати, это именно вас касается. Прочтите...

Мегрэ, словно не понимая, читал визитную карточку, которая гласила:

«Жан Теншан, начальник канцелярии министра иностранных дел, просит господина директора криминальной полиции оказать содействие г-ну Спенсеру Отсу из Института криминалистики в Филадельфии, которого нам весьма рекомендует посольство США».

– Что ему нужно?

– Изучить ваш метод...

Начальник не мог удержаться от смеха, когда Мегрэ вышел от него, подняв плечи и сжав кулаки, словно собирався задать трепку американскому криминалисту.

– Я счастлив, господин комиссар...

– Одну минуту, господин Спенсер... Алло! Дежурный? Говорит Мегрэ... Ничего нет для меня? Его так и не разыскали?... Дайте мне девятнадцатый в Бур-ла-Рене...

У американца славное лицо. Высокий малый, похож на студента, рыжеватый, тонкие черты, одет в приличный,

хорошо сшитый костюм, говорит с легким и довольно приятным акцентом.

– Это ты, Берже? Ну как?

– Да ничего, шеф... Он проспал одетым на диване... Но жрать хочется, а в квартире ни крошки. Не решаюсь спуститься и купить булочек. Вы скоро придете?.. Нет, он ведет себя благоразумно. Сказал даже, что не сердится на вас и на вашем месте действовал бы так же и что вы скоро убедитесь в своей ошибке...

Мегрэ положил трубку и подошел к жарко горевшей печке, вид которой удивил американца.

– Чем могу служить вам, господин Спенсер?

Он назвал его по имени, потому что не имел ни малейшего представления, как произносится фамилия гостя.

– Прежде всего, господин комиссар, меня очень интересуют ваши идеи относительно психологии преступников...

Мегрэ тем временем вскрывал письма, лежавшие у него на столе.

– Каких преступников? – спросил он, читая письмо.

– Ну... преступников вообще...

– До или после?

– Что вы хотите сказать?

Мегрэ курил трубку, просматривал письма, грел спину и, казалось, не придавал ни малейшего значения этому бессвязному разговору.

– Я спрашиваю, имеете ли вы в виду преступников до или после совершенного ими преступления, ибо до него они еще не преступники... В течение тридцати, сорока, пятидесяти лет, а то и больше, они ничем не отличаются от прочих, верно?

– Да, конечно...

Мегрэ поднял наконец на него взгляд и с лукавой искоркой в глазах проговорил:

– Почему вы думаете, господин Спенсер, что их психология сразу изменится, как только они убьют кого-нибудь из себе подобных?

Он подошел к окну и стал разглядывать пузырьки дождя на Сене.

– Это приведет нас к утверждению, – заключил американец, – что преступники такие же люди, как все прочие?

В дверь постучали. Вошел Люка с папкой в руках.

Увидев посетителя, он попятился было назад.

– Что такое, старина?.. Ага! Ну что ж, отнеси дело в прокуратуру... Надеюсь, «Аркады» все время под наблюдением?

Они обменялись несколькими фразами по поводу пляков, но Мегрэ не потерял нить своих мыслей.

– По какой причине человек совершает преступление, господин Спенсер? Из ревности, жадности, ненависти, зависти, значительно реже из-за нужды... Короче говоря, его толкает на это одна из человеческих страстей. А между тем каждому из нас они свойственны в той или иной степени. Я ненавижу соседа, который в летние вечера распахивает свое окно и трубит в охотничий рог... Скорей всего, я его не убью... Но вот с месяц назад человек, проживший много лет в колониях, измученный тропической лихорадкой и потому менее терпеливый, чем я, выстрелил из револьвера в своего одноногого соседа с верхнего этажа, потому что тот имел привычку ходить всю ночь по квартире, стуча протезом по полу.

– Я понимаю вашу мысль... Ну а как с психологией преступника после?

– Это меня уже не касается. Это дело присяжных и начальника тюрьмы и каторги... Моя роль – обнаруживать виновных... Поэтому меня интересует только их психология до... Мне нужно знать, способен ли данный человек совершить данное преступление и когда и как он его совершил...

– Начальник криминальной полиции дал мне понять, что, может быть, вы позволите мне присутствовать...

Что ж, не он первый! Пусть потом не жалуется!

– Я знаю, что вы ведете расследование в Бур-ла-Рене, и я внимательно прочитал все, что пишут в газетах об этом деле... Вы уже знаете виновного?

– Во всяком случае, я знаю одного, кто ни в чем не виновен, и тем не менее... Я в свою очередь задам вам вопрос, господин Спенсер... Представьте себе человека, который полагает, будто подозрения пали на него, и считает, правильно или неправильно, будто полиция располагает уликами против него... Жена его вот-вот должна родить. В доме ни гроша... Человек этот как одержимый врывается к сестре и требует у нее все деньги, какие у нее есть... Сестра отдает ему сто тридцать франков. Что он делает с ними?

И Мегрэ протянул собеседнику вчерашнюю газету, где он был снят рядом с Жераром Пардоном.

– Это тот самый парень?

– Да, это он... Минувшей ночью я сообщил его приметы во все отделения полиции и жандармерии Франции... О нем знают на пограничных пунктах... На сто тридцать франков...

— Так он невиновен?

— Я убежден, что он не убивал ни тетки, ни сестры... Если бы он потребовал эти деньги днем, я решил бы, что он собирается купить револьвер и покончить с собой...

— Но ведь он же невиновен!

— Вот именно, господин Спенсер... Я к тому и веду. Есть немало людей, не совершивших никакого преступления и терзаемых чувством вины, и преступников с безмятежной совестью... К счастью, в то время, когда он раздобыл эти сто тридцать франков, все оружейные лавки уже были закрыты... Поэтому я предполагаю, что он решил бежать... Но куда убежишь, когда в кармане всего сто тридцать франков? Разве что в Бельгию...

Он снял трубку и попросил отдел криминалистики.

— Алло! Говорит Мегрэ! Кто у телефона? Это вы, Жаминэ? Прихватите еще кого-нибудь с собой. Возьмите всю аппаратуру. Да, да. И ждите меня внизу в такси. — Потом, обернувшись к американцу, сказал: — Может быть, нам придется произвести арест.

— Вы уже нашли виновного?

— Возможно, хотя полной уверенности у меня нет. Сказать по правде, я склонен даже думать... Подождите минутку, господин Спенсер...

Мегрэ направился во Дворец правосудия, прошел через ту самую злосчастную дверь, которую уже давно следовало забить. Не будь этой двери, Сесиль, может быть, не погибла бы! Но эта дверь была так удобна! И тщетны были все разговоры о ее уничтожении, которые велись добрых два десятка лет...

Комиссар постучался к следователю. Сесть он отказался.

– Я всего на минуту... Меня ждут... Я пришел узнать, господин следователь, очень ли вы будете возражать, если я арестую человека, который, возможно, окажется невиновным. Заметьте, что это личность довольно омерзительная, имеет судимость за растление несовершеннолетних и, я полагаю, не рискнет жаловаться...

– Ну, в таком случае... Какое имя я должен вписать в ордер?

– Шарль Дандюран.

Через десять минут Мегрэ и Спенсер Отс вместе с двумя экспертами отдела криминалистики сели в такси на набережной Орфевр. В начале одиннадцатого утра машина остановилась в Бур-ла-Рене у дома Жюльетты Буанэ, который за сплошной завесой дождя напоминал старую выцветшую фотографию.

– Ждите меня на площадке шестого этажа, – сказал комиссар экспертам.

Он позвонил в квартиру Дандюрана. Берже, осунувшийся после бессонной ночи, отворил им.

– Вы ничего не принесли поесть?

Месье Шарль сидел без воротничка. Одежда его была смята, так как он спал не раздеваясь. На ногах были все те же шлепанцы.

– Я полагаю... – начал он.

– Не полагайте ничего, господин Дандюран, вы наверняка ошибетесь. На основании ордера, подписанного сегодня утром следователем, вы арестованы...

– Вот как...

– Вас это удивляет?

– Нет. Но я огорчен за вас.

– Не желаете ли вы сделать какое-нибудь заявление, прежде чем отправитесь в тюрьму Сантэ?

– Мне нечего заявить, кроме того, что вы заблуждаетесь.

– Вы по-прежнему не помните, что именно вы делали вчера в спальне Жюльетты Буанэ, пока я говорил здесь по телефону?

На небритом лице адвоката мелькнула горькая усмешка.

– Останься с ним, Берже... Пусть он оденется... Когда он будет готов, отведи его в предварилку и оформи...

Внезапно он обернулся, схватил девушку за худенькие плечи и сердито рявкнул:

– А если я еще раз наткнусь на вас, Нуши, то вы у меня получите...

– Что вы мне сделаете? – спросила она с жадным любопытством.

– А вот увидите, и это будет вовсе не смешно! А ну-ка, убирайтесь отсюда!

Вскоре он уже отпирал дверь квартиры на шестом этаже.

– Так вот в чем дело, ребята... Осторожно, господин Спенсер, не входите в эту комнату...

– Мы уже зафиксировали отпечатки пальцев во всей квартире, – возразил фотограф.

– Да, это так, на следующий день после убийства... И в спальне Жюльетты Буанэ нашли отпечатки пальцев только двух людей – ее собственные и Сесили... Не было обнаружено никаких отпечатков мужских рук – ни Жерара Пардона, ни того жалкого субъекта, которого вы только что

видели... Но вот прошлой ночью, пока я говорил по телефону из его кабинета, он вошел в эту комнату, я в этом уверен, так как слышал его шаги... Что он тут делал – я не знаю. Чтобы решиться на столь рискованный, компрометирующий его шаг, он должен был иметь достаточно серьезные причины. И поэтому нужно, чтобы установили, к чему он тут прикасался. Ну, за работу! Теперь вам понятно, господин Спенсер, почему я просил вас не входить сюда.

Эксперты вытащили свою аппаратуру и принялись за дело. Засунув руки в карманы, Мегрэ ходил взад и вперед по другим комнатам квартиры.

– Невеселая семейка, не правда ли? Обезумевшая от скупости старуха и молодая девушка, вернее, девица не первой молодости, обделенная природой. Давайте спустимся вниз.

Они вошли в квартиру меье Шарля в ту минуту, когда тот в пальто и шляпе собирался выйти из нее вслед за инспектором Берже.

– Не беспокойтесь за вещи, господин Дандюран. Ваш ключ будет храниться у меня. Впрочем, я думаю, что вы скоро выберете себе адвоката и он явится сюда...

Он закрыл за уходящими дверь и вошел, но не в кабинет, а в спальню бывшего адвоката.

– Садитесь, господин Спенсер... Вы слышите?

– Да, сверху доносится каждое слово...

– Вот именно! Я не знаю, как строятся современные дома в Америке, но у нас их звуконепроницаемость почти такая же, как у коробки из-под сигар... Ну а теперь не прислушивайтесь к тому, что говорят наверху наши това-

рищи... Слушайте только их шаги. Попробуйте представить по ним их движения...

— Можно подумать... Хотя... Нет, знаете, это значительно труднее.

— Вот и я так думаю... А ну-ка! Слушайте!.. Кто-то прикоснулся к ящику... выдвигает его... Но могли бы вы определить, что это за ящик?

— Нет, это, по-моему, невозможно.

— Итак, кое-что уже ясно. Сидя у себя, Дандюран слышал все, что говорилось у него над головой. Он приблизительно мог следить за движениями людей, находившихся у Жюльетты Буанэ... Но угадать детали ему было трудно... Хоть бы этот дурак Жерар не бросился в Сену!

— Но ведь он же невиновен!

— Я сказал вам, что верю в это. Но к несчастью, и я могу ошибаться. Я говорил вам также, что невиновный иногда реагирует на все так, словно он виновен... Я надеюсь, что Берта осталась с его женой, ведь с минуты на минуту может родиться малыш...

Над их головами слышался шум передвигаемой мебели.

— Если бы вы были скрягой, господин Спенсер...

— У нас в Америке нет скряг. Мы слишком молодая нация, и нам пока еще не свойственны подобные недостатки или черты характера.

— Ну, в таком случае предположите, что вы старая женщина и притом старая француженка... У вас есть несколько миллионов, но вы живете весьма экономно, словно владеете лишь скромной рентой.

— Мне трудно войти в эту роль...

— Все же сделайте усилие. Ваша единственная отрада —

подсчитывать купюры, составляющие ваш доход. Вот уже трое суток эта проблема не дает мне покоя, ибо от ее решения зависит жизнь человека... И в зависимости от того, где именно помещены эти деньги, меняется имя виновного...

– Я думаю... – начал американец.

– Ну, что вы думаете? – быстро и резко спросил Мегрэ.

– Будь я таким, как вы описываете, я старался бы, чтобы эти деньги всегда были у меня под рукой...

– Я именно так и предположил. Но – внимание! Хотя Жюльетта Буанэ ходила с трудом, она все же перемещалась по всей квартире. Примерно до десяти утра она лежала в постели, и племянница подавала ей туда кофе и утреннюю газету.

– А не спрятаны ли деньги в постели?... Мне говорили, что во Франции сбережения иногда зашивают в матрац.

– Но после десяти часов до самого вечера Жюльетта находилась в гостиной. Последнее время у нее хранилось восемьсот тысяч франков в тысячефранковых ассигнациях. Это ведь весьма объемистая пачка. Теперь слушайте внимательно... Только два человека могли знать, где спрятаны эти деньги. Племянница Сесиль, жившая вместе с теткой... И хотя тетка скрывала от нее, она случайно могла...

– Господин Дандюран был как будто доверенным лицом старой дамы, не так ли?

– Не настолько, однако, чтобы она открыла ему тайник, где спрятаны деньги, уж вы мне поверьте! Такая женщина, как Жюльетта Буанэ, не доверяла бы даже своему ангелу-хранителю... А между тем, как вы убедились, из этой комнаты слышно все, что происходит наверху... Давайте поднимемся. Если сюда позвонят, мы услышим...

Сырость пропитала все вокруг, так что руки липли к перилам лестницы. Из квартиры учительницы музыки доносились старательные гаммы. Венгры ссорились, слышался пронзительный голос Нуши.

— Ну как, ребятки?

— Просто удивительно, шеф...

— Что же удивительного?

— Вы уверены, что на этом типе не было резиновых перчаток?

— Несомненно...

— Он ходил по ковру... Но пока что создается впечатление, будто он не касался ничего, кроме дверной ручки... Обнаружены только ваши отпечатки...

Включили мощный рефлектор, фотоаппараты изменили вид комнаты, где так долго жила Жюльетта Буанэ.

— Она передвигалась с помощью палки, не так ли? — вдруг сказал американец.

Мегрэ обернулся как ужаленный.

— А ну погодите... Какой еще предмет она...

Какой же предмет старуха могла таскать за собой из спальни в гостиную, из гостиной в спальню, а во время еды в столовую? Ну конечно же свою палку! Однако в палку не спрячешь восемьсот тысячефранковых билетов, даже если она полая внутри!

Комиссар снова окинул взглядом комнату.

— А это? — спросил он вдруг, указывая на низенькую скамеечку, обитую старым ковриком, на которую Жюльетта Буанэ ставила ноги, когда сидела в кресле. — Здесь нет отпечатков?

— Никаких, шеф...

Мегрэ схватил скамеечку и поставил ее на кровать.

Его пальцы нащупали медные гвозди обивки. Когда он нажал на один из них, верхняя доска откинулась, словно крышка. Скамеечка была задумана как ножная грелка, под крышкой находился прямоугольный медный ящичек для горячих углей.

Наступило молчание. Все взгляды устремились на пакет, обернутый старой газетой, который лежал в этом ящичке.

– В нем должны быть все восемьсот купюр, – произнес наконец Мегрэ, разжигая трубку. – Взгляните, господин Спенсер... И не рассказывайте об этом вашим коллегам по Институту криминалистики, а то мне будет стыдно... Я распорол тюфяк, вскрыл матрац, исследовал стены, пол, камин... И мне не пришло в голову, что старуха с распухшими ногами, передвигающаяся с помощью палки, не расставалась также и с этим несуразным предметом, на который ставила ноги, и таскала его за собой из комнаты в комнату. Осторожно с газетой! Осмотрите ее как следует!..

В течение десяти минут, словно не замечая ничего происходившего вокруг, Мегрэ заводил одни за другими часы, и вскоре со всех сторон послышался разноголосый бой.

– Готово, патрон...

– Отпечатки пальцев есть?

– Да... А купюр восемьсот десять...

– Мне нужны конверты и сургуч...

Он запечатал деньги и позвонил в прокуратуру, чтобы за ними приехали.

– Пошли, господин Спенсер...

Выйдя на улицу, он поднял воротник пальто.

– Мы напрасно отпустили такси... Вы не поверите, но никого я так не боюсь, как нашего бухгалтера. Интересно, так же свирепы бухгалтера в Соединенных Штатах?.. А не зайти ли нам в ожидании трамвая в это бистро, где закусывают каменщики, и не выпить ли по рюмочке? Послушайте, вы забыли шляпу!

– Я никогда не ношу ее.

Комиссар бросил внимательный взгляд на рыжую шевелюру своего спутника, покрытую жемчужной сеткой дождевых брызг. Кое-что Мегрэ решительно отказывался понимать!

– Дайте мне, пожалуйста, кальвадос. А что вы будете пить?

– Можно ли заказать стакан молока?

Вот, верно, от чего у этого тридцатипятилетнего малого цвет лица точь-в-точь такой же, как розовый влажный нос молочного теленка!

– Мне, пожалуйста, стаканчик, хозяин!

– Чего? Молока?

– Да нет, кальвадоса!

И Мегрэ стал неторопливо уминать пальцем табак в трубке. Неужели эта хладнокровная сволочь Дандюран рисковал своей головой ради того только, чтобы сунуть восемьсот тысяч франков обратно в скамеечку старухи?

Глава 2

Они вышли из мэрии, из отдела актов гражданского состояния. На вопросы Мегрэ служащий с гнилыми зубами

сначала хмуро ответил, что не может сообщить требуемые сведения. Но, увидев полицейский жетон комиссара, тотчас преисполнился столь лихорадочного рвения, что потратил вдвое больше времени, чем нужно было, чтобы отыскать необходимые справки в объемистых реестрах.

Трудно сказать, была ли мэрия старинной или современной постройки. Просто она была безобразна вся целиком, в своих пропорциях, в отдельных своих частях и в самых мельчайших деталях. Пробыло полдень, и вместе с Мегрэ и американцем из здания выходили служащие; неряшливый толстяк с тройным подбородком, очевидно, был мэром Бур-ла-Рена, судя по тому, как все почтительно приветствовали его.

Выйдя на ступеньки мэрии, комиссар и его спутник остановились, пережидая, когда пройдет ливень. Под облетевшими деревьями на маленькой рыночной площади кончалась торговля, разбирали прилавки. На размокшей от дождя земле валялся всякий мусор. Напротив, в лавке мясника, висели багровые туши, за кассой сидела толстая, румяная женщина. Из соседней школы с криком выбегали дети. У многих обувь была на деревянной подошве. Проехал бело-зеленый автобус...

Это было не похоже на Париж, не похоже, впрочем, и на маленький провинциальный городок или деревню.

Мегрэ смотрел на американца; взгляды их встретились.

Спенсер Отс понял его мысли и чуть усмехнулся, улыбка его была такой же неопределенной, как окружающий пейзаж.

— У нас тоже бывает не веселее, чем здесь, — сказал он.

Дело, ради которого они явились в мэрию, мог бы вы-

полнить любой инспектор, любой подчиненный. Мегрэ хотелось узнать, как давно Шарль Дандюран проживает в доме Жюльетты.

Он жил здесь ровно четырнадцать лет. Прежде он снимал меблированные комнаты на улице Делаамбр, близ бульвара Монпарнас.

Прошло четырнадцать с половиной лет, как умер владелец дома, муж Жюльетты Буанэ.

Стоя на крыльце мэрии, Мегрэ и американец ждали, пока ливень немного утихнет.

— Знаете ли вы, господин Спенсер, почему преступники предпочитают иметь дело с нами, а не с судейскими?

— Кажется, начинаю понимать...

— Заметьте, ведь мы нередко грубы... Меньше, чем говорят, но гораздо грубее следователя или прокурора... Но зато в ходе расследования мы проникаемся жизнью обвиняемого. Мы приходим к нему домой, знакомимся с обстановкой, привычками, семьей, друзьями... Сегодня утром я говорил вам о различии между преступником до и после... Так вот, мы как раз стараемся узнать о преступнике до. Когда мы передаем его в руки судейских, все для него кончено. Он порывает, и почти всегда бесповоротно, со своей прежней жизнью... Отныне он преступник, и только, и представители правосудия так и обращаются с ним.

Без всякого перехода Мегрэ со вздохом сказал:

— Много бы я дал, чтобы узнать, что собирался делать Шарль Дандюран в спальне Жюльетты. Положить деньги обратно в тайник или... Ливень как будто стихает.

Они побежали к трамваю, комиссар — ссутулившись и

засунув руки в карманы, а американец с такой же неприужденностью, как если бы на небе светило яркое солнце.

– Вы не против позавтракать в бистро?

– Наоборот, я буду очень рад, ведь посольские служащие, которые меня опекают, водят меня только в большие рестораны.

Они добрались на трамвае до Орлеанской заставы, прошли мимо дома, похожего на ломоть торта и почерневшего от дождя.

– Самое трудное – это поставить себя на их место, думать и чувствовать, как они. И еще одно наше преимущество перед судьей: судья живет в иной, совершенно непохожей среде. А мой дом мало чем отличается от этого... Войдемте!

И, свернув в переулок, Мегрэ толкнул дверь скромного ресторанчика с цинковой стойкой, мраморными столиками и слоем свежих опилок на полу. Добродушный краснолицый человек в синем полотняном фартуке пожал руку комиссару:

– Давненько вы к нам не заглядывали! Надо сказать хозяйке... Мелани! Чем попотчуеть сегодня господина Мегрэ?

Из кухни, выставив вперед объемистый живот, выскочила Мелани, на ходу вытирая руки.

– Ах, Господи, что вам стоило позвонить, когда шли сюда! Ну да ладно! Есть у меня петух в вине, да еще утром мне принесли неплохие белые грибы... Любит ли ваш друг грибы?

В зале сидело лишь несколько завсегдатаев. Сквозь запотевшие окна ничего нельзя было разглядеть.

– Бутылку божоле, как всегда, господин Мегрэ?

Мегрэ пошел позвонить по телефону, и американец видел за стеклом кабины его озабоченное, серьезное лицо.

– Все еще не нашли этого идиота Жерара, – сообщил он, возвращаясь к столу. – Вечером зайду к его жене.

– Вы говорили, у них нет денег?

– Об этом, вероятно, позаботились. Уж конечно, этот ребенок никогда не узнает, при каких обстоятельствах он появился на свет... Но, черт возьми, зачем Шарлю Дандюрану понадобилось...

Чувствовалось: все, что он говорит сейчас, не имеет для него никакого значения. Лишь одна мысль неотступно преследовала его.

– Зачем Дандюран...

– Но если он убил старую даму... – рискнул Спенсер.

– Если он убил старую даму, значит, я идиот и все расследование надо начинать сначала, господин Спенсер... Во-первых, зачем ему было убивать ее?.. От живой ему было больше пользы, чем от мертвой. Он же знал, что не может унаследовать ее состояние. А украсть спрятанные у нее восемьсот тысяч франков он, как видите, не захотел. Да и как бы он мог это сделать? Она прощается с ним. Она провожает его до двери... Без всякого сомнения, она тщательно запирает дверь да еще задвигает засов, как он утверждал, и я этому верю... Она возвращается в свою комнату. Она раздевается. Вот она уже стянула один чулок и сидит на кровати, как вдруг...

Нет уж, господин Спенсер, не мог Дандюран вновь подняться на шестой этаж, открыть дверь и... Однако через четыре дня, почти что в моем присутствии, он не боится

навлечь на себя подозрения и проникает в эту комнату... С какой целью? Заметьте, что все бумаги старухи, квитанции, купчие – все, что находилось в секретере в гостиной и не имело никакой цены для убийцы, поскольку этим нельзя воспользоваться, не выдав себя, – все исчезло... Но зато банковские билеты, безымянные по самой своей сущности, остались на месте, а если и покинули ненадолго свое укрытие, то не замедлили вернуться... Ну как, нравятся вам грибы по-бордосски?

– Однако вы не слишком наблюдательны, господин комиссар, позвольте вам сказать, иначе вы бы заметили, что я уже трижды приложился к ним, и если бы я не слышал разговоров о каком-то петухе в вине... А вот божоле... боюсь, как бы из-за него ваш компаньон не раскис немного...

– Ну что ж, ждите петуха! Хозяйка двадцать лет служила кухаркой у одного из наших министров, который плохо кончил, но знал толк в хорошей кухне...

Знаете ли вы, что Жюльетта была довольно хороша собой? В квартире висит ее старая фотография. Интересно, а что, если муж ее был ревнивым?

И этих нескольких слов оказалось достаточно, чтобы он снова с головой ушел в свои бесконечные догадки и предположения. Его вызволил только приход хозяйки, желавшей удостовериться в успехе своей стряпни. Время от времени Мегрэ бросал взгляд на дверь.

– Вы ждете кого-нибудь?

– Да, я жду не очень приятного господина. Мне сообщили, что он уже часа два торчит у моего кабинета на набережной Орфевр. Я предложил ему приехать сюда...

Через несколько минут у тротуара остановилось такси, жирный и представительный мэтр Лелу расплатился с шофером и вошел в бистро.

– Я принес вам то, что обещал, – сообщил он, положив кожаный портфель на свободный столик. – Вы убедитесь, что мой почтенный клиент, господин Монфис, не преувеличивал, утверждая...

Адвокат вряд ли успел сегодня позавтракать, но комиссар не пригласил его к своему столу и даже не предложил снять пальто.

– Хорошо, я сейчас посмотрю...

– Ваше расследование продвигается?

– Помаленьку, мэтр Лелу, помаленьку...

– Я позволю себе сообщить вам одну подробность, возможно ускользнувшую от вас... Разумеется, я не собираюсь критиковать методы, стяжавшие вам известность... Но со своей стороны, я послал одного надежного человека в Фонтене. Я велел ему расспросить старожилов, знавших госпожу Буанэ в те времена, когда она была еще молодой девушкой и звалась Жюльеттой Казенов.

Мегрэ невозмутимо жевал, словно ему была безразлична эта болтовня; американец с любопытством наблюдал за ним.

– Я узнал обстоятельства, которые, может быть, удивят вас...

Комиссар пробурчал:

– Вряд ли...

– Жюльетта Казенов слыла девушкой пылкой, вернее, даже безрассудной в своих увлечениях.

– И говорят, будто она была любовницей Шарля Дандюрана, не так ли?

– Вам уже сказали?

– Никто мне этого не говорил, но я догадался. Дандюран старше ее лет на десять. Уже и тогда зеленые плоды, без сомнения, манили его.

– В свое время эта история вызвала целый скандал.

– ...Но не помешала Жюльетте выйти замуж за состоятельного человека и перебраться вместе с ним в Париж... Все это мне известно, мэтр Лелу.

– Каковы же ваши выводы?

– Пока я не делаю выводов. Не стоит спешить с ними... Телефон! Уверен, что это звонят мне...

Он бросился к кабине, лицо его осветилось надеждой. В самом деле, звонили ему, и он довольно долго разговаривал. Затем он со вздохом облегчения вернулся к столу.

– Принесите-ка нам еще порцию петуха, хозяин...

Можно было подумать, что он еще ничего не ел сегодня. У него разыгрался аппетит. Он выпил полный стакан божоле и вытер губы тыльной стороной ладони.

Глаза его блестели.

– Нашли наконец Жерара!.. Бедняга! – произнес он со вздохом.

– Почему «бедняга»?

– Он вел себя как последний дурак... Еще бутылочку, Дезире. Вообразите, он действительно сел в бельгийский поезд, как я и предвидел. Но на границе он заметил, что жандармы осматривают вагоны тщательнее обычного. Тут он совсем потерял голову. Он выскочил из поезда с неположенной стороны и пустился бежать через поле, увязая в мокрой глине, в грязи. Жандармы преследовали его по пятам. Увидев ферму, Жерар бросился туда... Знаете, где его обнаружили после целого часа поисков? В уборной!

Он так долго и яростно вырывался, что его избили до полусмерти. Сейчас его везут сюда. Он будет в Париже в три пятьдесят.

– Он признался? – спросил мэтр Лелу.

Мегрэ ответил с притворным простодушием:

– Признался? В чем?.. Да, кстати, я чуть не забыл самое главное! Будьте любезны, мэтр Лелу, телеграфируйте от моего имени вашему клиенту. Учитывая, что он поддерживал с теткой Буанэ добрые отношения, я бы хотел знать, не доверила ли она ему случайно какие-нибудь вещи, которые могли ее обременять?.. Ну, я не знаю точно... Может быть, она дарила ему что-нибудь? Вы даже не представляете, до какой степени меня это интересует!..

Наконец-то они отделались от докучного посетителя. Теперь они могли спокойно смаковать кофе, приготовленный Мелани, и старый арманьяк, поданный им Дезире, который был родом из Жера и сохранил еще друзей среди виноградарей. Они сидели одни в опрятном, просто обставленном зале с запотевшими окнами. На чистом столе они разложили принесенные адвокатом письма, все как одно на бумаге с траурной каймой, на которой неизменно писала Жюльетта с тех пор, как овдовела.

«Дорогие родственники, я получила ваши добрые пожелания и хочу выразить вам свои вместе с самыми теплыми чувствами. Тягостно такой старой женщине, как я, жить среди неблагодарных. Подумать только, я кругом благодетельствовала детей своей сестры и за это...»

Мегрэ читал письмо за письмом и передавал их своему спутнику, который тоже пробегал их глазами. Все они по-

ходили одно на другое. Все были помечены 2 или 3 января и являлись ответом на поздравительные письма Монфисов.

«...Они ведь надеются унаследовать когда-нибудь мое состояние, так пусть наберутся терпения...»

И дальше:

«Жерар – сущий бездельник и шалопай и является ко мне лишь затем, чтобы требовать денег... Как будто я их чеканю!...»

О Берте она отзывалась не лучше:

«...Я очень рада, что она перебралась отсюда, а то я со дня на день ждала, что она окажется в положении и вызовет скандал в доме...»

– В положении? – удивился господин Спенсер.

– В интересном положении... Иначе говоря, Жюльетта опасалась, как бы племянница не забеременела...

Было жарко. Оба пребывали в блаженном состоянии.

Во рту и в воздухе стоял нежный аромат арманьяка.

«Как ужасно быть одинокой, больной и знать, что люди думают только о твоих деньгах... Мне все кажется, что в один прекрасный день со мной произойдет несчастье.

Как вы должны быть счастливы в вашем городке, лишенные всех этих забот, которые уносят мое здоровье.

Сесиль притворяется, будто она мне предана, но она склоняется больше на сторону брата, чем на мою...

И наконец, есть один человек, который многим мне обязан, но я не очень в нем уверена...»

Мегрэ показал эту фразу американцу.

– Она не верила никому, – сказал он.

– И не без оснований, ведь так?

– Читайте дальше!

«К счастью, я не глупее их и приняла меры предосторожности... Если что-нибудь со мной стряется, клянусь вам, им не придется торжествовать...»

– «Они», – вздохнул Мегрэ. – Она всех валит в одну кучу, всех, кто стоял к ней близко и кто, как она думала, стремился завладеть ее деньгами, в том числе и господина Дандюрана... Вы начинаете понимать?

– Понимать что?

Мегрэ усмехнулся:

– Да, правда, я выражаюсь почти так же туманно, как она... И действительно, что тут можно понять? Лучше было бы сказать: «начинаете чувствовать». Вероятно, вы разочарованы, вы надеялись изучить мой метод, как вы выразились сегодня утром. А я вас заставляю шлепать по дождю, тащу вас за собой в пошлую мэрию, а потом подсовываю петуха в вине... Что я могу вам объяснить? Я их чувствую... Дандюран, выйдя из тюрьмы, переселяется в Париж, в меблированные комнаты. Он вновь встречается с Жюльеттой, которая еще не овдовела... Что за человек был ее муж? Мы знаем его только по фотографии.

Крупный, плотный сорокапятилетний мужчина, на вид недалекий. Жюльетта и Дандюран возобновляют давнюю связь. Вероятно, они встречались на квартире бывшего адвоката на улице Деламбр. Потом умирает муж, и Дандюран, не теряя времени, перебирается в дом своей любовницы, с которой продолжает встречаться тайком...

– Мне непонятно, почему тайком... – возразил американец.

Долгая пауза. Мегрэ рассматривает свою рюмку, вздыхает, отхлебывает глоток арманьяка.

И без всякого перехода:

– Ну, увидим!.. Дезире! Дайте счет, старина. Если сегодня я ничего толком не сделаю, виноваты будете вы и ваша жена... Но... С какой же целью этот грязный тип вошел в спальню Жюльетты? Помогите же мне, черт возьми, господин Спенсер! Подумайте, если мы найдем какой-то убедительный ответ на этот вопрос...

Спенсер Отс, как примерный секретарь, складывал письма с траурной каемкой, разбросанные на столе.

– А что это за меры предосторожности? – рискнул он спросить.

– Меры предосторожности?

Мегрэ нахмурился.

В самом деле, в одном из писем старая скряга упоминает о мерах, предпринятых ею против всех тех, кто домогается ее денег... Она не доверяла никому, даже своему бывшему любовнику.

– Хорошо ли вы позавтракали, господин Мегрэ? – спросила тщеславная Мелани, которая насчитывала среди своих клиентов немало знаменитостей и обращалась ко всем с материнской фамильярностью. – Я же вам списала как-то рецепт этого блюда для госпожи Мегрэ. Она не пробовала его приготовить?

Комиссар не слушал ее. Рука его со сдачей застыла в кармане. Он уставился на фартук хозяйки с видом полнейшего недоумения и наконец произнес:

– Я все спрашиваю себя, почему погибла Сесиль... Понимаете, господин Спенсер?.. Все остальное просто и поддается объяснению. Но Сесиль умерла и... Извините меня, Мелани... Мы прекрасно позавтракали. Спасибо, и,

если у моего спутника не будет других впечатлений, он расскажет о вас у себя в Филадельфии...

Он был взволнован. На улице он не произнес ни слова и, дойдя до угла Орлеанского проспекта, поднял руку, чтобы остановить такси.

– На набережную Орфевр, и поскорее...

Дорогой он изменил решение.

– Поезжайте-ка сначала на Северный вокзал... К поездам дальнего следования... Оказывается, времени больше, чем я думал.

Были ли в том повинны петух в вине, божоле, прекрасный кофейный торт Мелани и старый арманьяк Дезире?

Так или иначе, но Спенсер Отс смотрел на своего плотного спутника со все возрастающим умилением. Ему казалось, что в течение нескольких часов он присутствует при непрерывном преображении. В своем мешковатом пальто, в сдвинутом на затылок котелке, с трубкой в зубах, комиссар как бы перевоплощался поочередно в каждого из гнусных, мелочных или трогательных персонажей драмы, которую ему поручено было расследовать.

– А жена его, может быть, сейчас уже рожает...

Лицо Мегрэ пошло красными пятнами, словно роженица была его женой... Мегрэ мысленно покачивался в вагоне поезда, сидя на месте Жерара между двумя жандармами. И он же вместе с Бертой дежурил у постели его жены. Он был в доме в Бур-ла-Рене, и его ноги покоились на обитой ковриком скамеечке старой Жюльетты. И он же находился в квартире этажом ниже, откуда месье Шарль мог слышать все, что происходило над его головой.

Когда машина попадала в затор на перекрестке, Мегрэ напряженно считал секунды, глядя на бледный диск электрических часов и на полицейского в накидке, с белым жезлом; комиссар наклонялся вперед, приподнимаясь с сиденья, словно хотел помочь машине, ускорить ее ход.

Они подъехали к Северному вокзалу минута в минуту, чуть не опоздав. На перроне теснилась кучка любопытных. Полицейский покрикивал на них:

– Проходите!

Два жандарма подталкивали впереди себя худого молодого человека – на его брюках налипла глина, плащ был разорван, он судорожно сопротивлялся, несмотря на наручники, словно лошадь, рвущая удила. Возбужденный, озлобленный Жерар являлся в глазах зевак прямым олицетворением настигнутого наконец преступника.

Когда он увидел комиссара, губы его дрогнули:

– Верно, считаете себя большим хитрецом?

– Вот сюда, в такси, господа, – сказал Мегрэ жандармам, показав им свой жетон.

Жандармы не заставили себя просить. Они совсем запарились. Всю дорогу они боялись, как бы их пленник не выбросился из поезда.

– Держу пари, что никто и не подумал позаботиться о моей жене!

Глаза его наполнились слезами, но он не мог утереть их из-за наручников.

Глава 3

– Из какой вы части?

– Из Феньи, господин комиссар.

– Вы можете вернуться поездом в пять часов семь минут. Вы, наверное, предпочитаете ночевать дома, а не в Париже? Ну-ка, ребята, давайте мне ваши бумаги!

Мегрэ остановил такси на углу улицы Лафайетт. Прохожие, шагавшие по тротуару, наклонившись вперед, с трудом удерживая зонты под сильными порывами ветра, бросали любопытные взгляды на их машину. Комиссар разложил документы на коленях и подписал их. Жандармы вышли из такси и тут же скрылись в ближайшем баре.

Тогда Мегрэ опустил стекло, отделявшее их от шофера, что-то сказал ему вполголоса и потом, когда машина тронулась, вытащил из кармана ключик и освободил Жерара Пардона от наручников.

– Вы доставите мне удовольствие, если будете держаться спокойно, понятно?.. Еще дюжина-другая таких невиновных, как вы, и придется утроить штат криминальной полиции...

Жерар, смотревший на бегущие мимо парижские улицы, словно не видел их несколько лет, вздрогнул и впился своим подозрительным взглядом в комиссара.

– Почему вы говорите о невиновных?

Мегрэ не мог сдержать улыбки:

– Ну вот, теперь вы будете уверять нас, что виновны?

– Если вы считаете меня невиновным, почему вы меня арестовали?

– А если вы действительно невиновны, почему вы уд-

рали? Почему при виде жандармов вы бросились бежать, как хороший жеребец, и почему заперлись в таком месте, где никто добровольно не засиживается?

Спенсер Отс блаженно откинулся на сиденье, и на губах его бродила легкая неопределенная усмешка хорошо пообедавшего человека, который снисходительно наблюдает за всеми перипетиями театральной пьесы.

В такси царил мутный полумрак, словно в фонаре с матовыми стеклами. За окнами мелькали искаженные силуэты прохожих, чьи напolzавшие друг на друга зонты принимали самые причудливые очертания... А когда образовывалась пробка, то, подняв взгляд вверх, можно было увидеть пассажиров автобуса, неподвижных, точно восковые фигуры.

— Послушайте, молодой человек... Я знаю, кто убил вашу тетку...

— Неправда...

— Я знаю, кто убил вашу тетку, и докажу вам это очень скоро.

— Это невозможно, — упрямо мотнул головой Жерар. — Никто не может этого знать.

— Кроме вас, не так ли? А между тем я готов поручиться, что вы спали!

На этот раз брат Сесили вздрогнул и с ужасом взглянул на собеседника, словно не верил своим ушам.

— Вот видите!

— Но... куда же мы едем?

За дождевой завесой Пардон узнал площадь Бастилии.

Одностороннее движение заставило машину свернуть на улицу Сент-Антуан, чтобы обогнуть площадь Вогезов.

– Слушайте меня внимательно... Назначена награда в двадцать тысяч франков тому, кто найдет преступника... По некоторым причинам, до которых вам нет дела, криминальная полиция ни в коем случае не возьмет эту премию...

– Но вы же должны знать, что я...

– Помолчите! Полагаю, ваша жена еще дома и Берта при ней. Поскольку вам не хочется помещать жену в бесплатный родильный дом, вот вам чек на те двадцать тысяч, которые вы заработаете сегодня. Быстро поднимитесь к себе! Мы будем ждать вас в машине... В какую клинику вы собирались поместить жену, если бы Сесиль достала деньги?

– В клинику Сент-Жозеф...

– Ну вот, пусть Берта проводит туда вашу жену, а вечером вы ее навестите!

Американец, слегка удивленный, смотрел то на одного, то на другого.

– Ну и без глупостей, понятно?

Машина остановилась, ошеломленный Жерар колебался, все еще не веря до конца.

– Да идите же, дурак вы этакий!

В течение последующих десяти минут Мегрэ курил трубку, не говоря ни слова, а когда взволнованный Пардон, вытирая слезы, снова появился на пороге, он бросил короткий взгляд на Спенсера Отса.

– На набережную Орфевр, шофер... Кстати, Жерар, когда вы ели в последний раз?

– Они дали мне сэндвич в вагоне... Я не голоден, уверяю вас. Я только очень хочу пить...

В горле у него стоял комок, и он не мог больше произнести ни слова.

Они остановились у бара, и Мегрэ с удовольствием выпил пива, может чтобы запить давешнего петуха и особенно кофейный торт.

Через десять минут он уже набил доверху углем свою печку и зажег настольную лампу с зеленым абажуром.

— Садитесь... Снимите плащ, он совсем промок. И двигайтесь поближе к огню, подсушите брюки... Как это вы умудрились привести себя в такой вид?

Еще не совсем стемнело. Из окна видна была гирлянда бледных фонарей вдоль Сены. В этот час в криминальной полиции шла напряженная работа. Хлопали двери, раздавались шаги в коридорах, доносились телефонные звонки и монотонный стрекот пишущих машинок.

— Торранс! Я просил составить список всех посетителей криминальной полиции утром седьмого октября. Принеси-ка мне его.

Наконец, усевшись и выбрав самую большую трубку, Мегрэ заговорил:

— Что вы пили в квартире вашей тетки? Погодите, я помогу вам. У вас ведь не было ни гроша, верно? Вы знали, что со дня на день жена должна родить и что ребенку не приготовлены даже пеленки. Вы обычно брали деньги у Сесили... Ладно! Нечего опускать голову...

К несчастью, Сесиль могла передавать вам лишь ничтожные суммы, которые утаивала из тех скудных денег на провизию, что выдавала ей тетка. Обычно вы поджидали сестру на улице. Но в этот вечер вы поднялись в квартиру. Вы спрятались в комнате Сесили, пока она выполняла

привычные обязанности и обслуживала тетку... Так ли все было?

— Да, точно так...

— Когда тетка уселась обедать в столовой, Сесиль пошла на кухню. Вы приоткрыли дверь и заявили, что вам необходимы деньги, любой ценой...

— Я сказал ей, что доведен до крайности и что не могу явиться к жене без денег, что я лучше...

— Вот-вот... Вы не только разжалобили Сесиль, вы ее напугали... Вы вроде бы шантажировали ее, играли на ее чувствах...

— Я решил покончить с собой...

— Убив этим жену!.. Вот дурак!

— Клянусь вам, господин комиссар, я бы это сделал...

Вот уже три дня, как мы...

— Помолчите... Итак, сестра не могла ответить вам в этот момент, боялась, что старуха услышит. Она выполняла свои обязанности, как обычно. Она пообедала вместе с теткой. Наверняка она попросила у старухи денег, и та отказала. Затем госпожа Буанэ, по всей вероятности, легла в постель, но вам было уже слишком поздно выходить из дома, поскольку подъезд заперли, вам пришлось бы просить консьержку выпустить вас, а она рассказала бы об этом хозяйке. И вот Сесиль принесла вам поесть в свою комнату. Что вы ели?

— Хлеб с сыром...

— А что вы пили?

— Сначала стакан вина...

— И больше ничего?

— Сесиль приготовила себе лечебный чай из трилист-

ника: у нее был больной желудок, и она пила этот отвар каждый вечер. Она посоветовала мне выпить его. Я плакал... Я был очень расстроен, плохо себя чувствовал, и меня тошнило.

— Сесиль уложила вас в свою постель...

— Да. Я еще говорил с ней об Элен. А потом, сам не знаю почему, я вдруг заснул...

Мегрэ обменялся с американцем понимающим взглядом.

— Вы заснули потому, что выпили отвар, предназначенный для вашей сестры. В те вечера, когда ожидался визит месье Шарля, тетка всыпала в чашку Сесили сильную дозу снотворного. И вот эта, казалось бы, случайная, внешне незначительная деталь определила все дальнейшие события. Если бы снадобье выпила Сесиль, как это было задумано, ваша тетка, вероятно, была бы еще жива, а значит, и сестра...

Мегрэ встал, подошел к окну и продолжал говорить как бы сам с собой, повернувшись спиной к собеседнику:

— Сесиль устроилась в кресле, так как кровать уступила вам. Ей не спится, и не без причины... Старая Буанэ ждет часа свидания, натягивает халат, чулки и, уверенная, что никто ее не слышит, тащится к двери, поджидая прихода месье Шарля. И вот, потому только, что вам нездоровилось и чашка с отваром пошла не по назначению... оба сообщника...

— Почему вы говорите о сообщниках? — вскричал Жерар, сильно побледнев.

— А разве это не так?.. Ну-ну... Не перебивайте меня.

Однако здесь стало слишком жарко.

Он встал и приотворил дверь в соседний кабинет.

— Оба сообщника, повторяю, находятся в гостиной и разговаривают при слабом свете ночника. Услышав шум, Сесиль на цыпочках крадется в коридор или в столовую и невидимо присутствует при их беседе... Вполголоса они обсуждают свои не слишком чистые делишки... Заведение в Безье... Еще одно на улице Антен...

Я представляю себе лицо бедной Сесили, которая, вероятно, долго не могла уразуметь, о каких предприятиях идет речь. Месье Шарль передает старой приятельнице пятьдесят тысяч франков... Старуха убирает бумаги в секретер и запирает его, но деньги по-прежнему держит в руке. Она провожает бывшего адвоката... Задвигает за-сов... Возвращается в спальню со вздохом удовлетворения. Неплохой денек... Ее кубышка пополнилась. Она поднимает крышку скамеечки, обитой ковриком, той самой, что служит ей сейфом. И Сесиль в замочную скважину видит толстые пачки тысячефранковых ассигнаций. А вы по-прежнему спите... Теперь подумайте хорошенько, перед тем как ответить... Что вас разбудило? Какой-либо необычный шум?

— Нет. Сестра...

— Подождите. Тетка раздевается. Она уже стянула один чулок, когда Сесиль, потерявшая голову от ваших угроз покончить с собой...

— Но я же не мог предвидеть, — простонал Жерар.

— Так всегда говорят, когда уже поздно. Так или иначе, но ваша сестра неожиданно явилась перед перепуганной старухой... Вид ассигнаций — целого состояния — придал ей смелости... Она вновь требует денег. Она уже не умоляет.

Она почти угрожает. Ни та, ни другая не подозревают, что внизу под ними слышит все происходящее пораженный и испуганный месье Шарль. Тетка, наверно, бранит племянницу, называет ее своей неоплатной должницей, снова попрекает ее благодеяниями, которыми она осыпала и ее, и всю вашу семью... Возможно, она угрожает девушке, что позовет кого-нибудь на помощь.

– Все это произошло несколько иначе, – медленно проговорил молодой человек.

– В таком случае расскажите!

– Не знаю точно, который был час. Я услышал, как несколько раз повторили мое имя. Я с большим трудом очнулся и не мог ничего понять. Я чувствовал себя одуревшим, словно после крепкой выпивки... Сесиль сидела на краю постели. «Жерар! – звала она. – Жерар! Что с тобой? Выслушай меня!» Она была очень спокойна, даже спокойнее обычного. Под глазами у нее были темные круги, лицо мертвенно-бледное, и я решил, что она нездорова... Говорила она тихо и как-то размеренно.

«Жерар... я только что убила тетю». Она застыла и долго сидела не двигаясь, уставившись взглядом в пол. Я вскочил. Я хотел бежать в спальню тетки. «Не ходи туда! Не надо, чтобы...»

– Она подумала об отпечатках пальцев... – сказал Мегрэ.

И он опять вспомнил Сесиль, часами невозмутимо ожидавшую в аквариуме.

– Да, она так и заявила. Она рассказала мне, как все произошло. Тетя сидела на краю постели. Услышав шум, она сунула руку под подушку, куда она на ночь клала ре-

вольвер – она была чрезвычайно труслива. «Ах, это ты! – забормотала она, узнав Сесиль. – Вот как, ты не спишь! Признайся, ты шпионишь за мной?» – «Послушайте, тетя, я сегодня просила вас дать хоть немного денег Жерару, вернее, его жене, которая вот-вот родит...» – «Иди спать». – «Вы богаты. Теперь я это знаю. Выслушайте меня, это необходимо. Жерар может наложить на себя руки, если...» – «Как, этот бездельник здесь?» И тетя попыталась встать, не выпуская из рук револьвера... Сесиль ужасно испугалась и, непроизвольно шагнув к ней, схватила ее за руку. «Вы должны дать мне денег!..» Тетка упала навзничь и выпустила револьвер. Она старалась вырваться и схватить оружие, и тогда сестра вцепилась ей в горло...

– И при этом хладнокровно! – произнес Мегрэ с неожиданной интонацией.

Да, он ошибся, вообразив себе бурную сцену. Сесиль не потеряла хладнокровия. Она была смиренной овцой. Долгие годы она прожила в полной покорности, даже не отдавая себе в этом отчета, приниженность стала ее второй натурой. И понадобилось совсем немного – вид этой кучи денег и внезапная уверенность, что тетка всегда обманывала и эксплуатировала ее...

– Продолжайте, дружок...

– Мы долго сидели и не могли произнести ни слова... Потом Сесиль вышла на минуту, желая убедиться, что тетка действительно умерла... А потом она сказала:

«Нужно заявить в полицию».

В кабинет Мегрэ вползли серые сумерки; причудливые блики, падавшие от зеленого абажура, выхватывали из темноты лица. Наступило молчание. Только посапывала трубка.

Можно было представить себе сестру и брата, подавленных и растерянных в этом большом доме у самого шоссе. И под ними – насмерть перепуганного месье Шарля, который слышал сверху каждое слово и даже шепот.

«Если я пойду туда сейчас...»

Сесиль взглянула на брата. Полиция никогда не поверит, что он не причастен к преступлению. Оба они чувствовали себя усталыми и разбитыми, словно после долгого бега.

Попросить консьержку отпереть дверь? Она обязательно посмотрит через глазок, кто это в такой час выходит из дома. Часы в квартире стали бить одни за другими. И всякий раз брат и сестра вздрагивали.

«Послушай, Жерар... Утром я пойду к комиссару Мегрэ. Я все ему скажу... А ты улужишь минуту, когда консьержка станет выносить мусор на помойку, выберешься отсюда и отправишься прямо домой».

Странную ночь провели они около покойницы! Оба они были отрезаны от мира, точно эмигранты, сидящие среди своих узлов на вокзале или на палубе парохода.

– Кто из вас, – спросил Мегрэ, разжигая трубку, – решил открыть секретер и осмотреть бумаги?

– Сесиль... Но это было гораздо позже. Она сварила две чашки кофе, потому что я все еще находился в каком-то оцепенении. Мы сидели на кухне... Вдруг она сказала: «Хоть бы этот человек не поднялся сюда». Потом она добавила: «А ведь я говорила комиссару, что кто-то приходит по ночам... Он мне не поверил. А теперь, кто знает, когда мы оба отсюда уйдем...»

Мегрэ не отрывал взгляда от оконной рамы, крепко стиснув зубами мундштук трубки.

Итак, Сесиль спокойно предложила изъять из секретера все бумаги. Ей и в голову не пришло бежать с деньгами или взять какую-то часть для брата, который так в них нуждался.

– Вы прочли эти документы? – спросил комиссар.

– Да.

Комиссар встал и направился к двери, которую он незадолго до того приоткрыл.

– Пожалуй, здесь вам будет удобнее, господин Дандюран. Похоже, теперь речь в основном пойдет о вас.

Ибо месье Шарль сидел в соседней комнате под надзором инспектора. Вид у него был довольно плачевный.

У него отняли воротничок и галстук и даже шнурки от ботинок. Он не брился уже двое суток. Руки, соединенные наручниками, он держал на животе.

– Надеюсь, вы можете стоять? Вы не слишком утомлены?

Решив, что его заманили в ловушку, Жерар сорвался с места:

– Что это значит?

– Успокойтесь, Пардон. Продолжайте свой рассказ. Мне хотелось, чтобы господин Дандюран его послушал.

Итак, вы с сестрой уселись у секретера в гостиной и осмотрели документы. Там находились, вероятно, деловые бумаги, квитанции, арендные договора, счета...

– Мы нашли там также и письма...

Произнося эти слова, Жерар следил взглядом за бывшим адвокатом, словно опасаясь, что тот, несмотря на наручники, бросится на него.

– Любовные письма, верно?

В этот момент раздался голос Дандюрана:

– Минутку! Могу я осведомиться, что сейчас происходит: очная ставка?

– Именно так, господин Дандюран.

– В таком случае я прошу и требую, чтобы, в согласии с законом, здесь присутствовал мой адвокат.

– Кто ваш адвокат?

– Мэтр Планшар.

– Торранс!.. Торранс!.. – позвал Мегрэ. – Будь добр, пригласи сюда мэтра Планшара!.. Хотя погоди. В это время он должен быть во Дворце правосудия.

– Он ведет дело в Одиннадцатой палате, – уточнил месье Шарль.

– Беги в Одиннадцатую палату и приведи его сюда. Если слушание дела его подзащитного еще не началось, попроси его отложить заседание. От моего имени.

Около получаса в кабинете Мегрэ царило безмолвие, и малейшее движение вспугивало тишину, подобно камешку, брошенному в пруд.

– Садитесь, мэтр Планшар... Не скрою от вас, что я намерен просить следователя выдвинуть против вашего клиента обвинение в умышленном и преднамеренном убийстве... Мы вас слушаем, Пардон. Вы говорили о найденных любовных письмах. Если я не ошибаюсь, речь идет о письмах пятнадцатилетней давности.

– Не знаю. На них не было даты...

Адвокат торжествующе улыбнулся и принял значительную позу, словно находился в суде присяжных. Мегрэ повернулся к Спенсеру Отсу:

– Помните наше посещение той уродливой мэрии в Бур-ла-Рене?

Потом обратился к Жерару:

– Так что же говорилось в этих письмах? Постойте. Сначала установим одно существенное обстоятельство.

Оценив важность этих документов, ваша сестра решила вручить их мне, перед тем как отдаться в руки правосудия, не так ли? Она положила их в свою сумку вместе с другими деловыми бумагами, находившимися до этого в секретере, так?

– Да.

– Если дело обстоит именно так, – вмешался адвокат Планшар, обращаясь к Мегрэ, – то я прошу предъявить эти документы.

– Немножко терпения, мэтр.

Мегрэ поймал двусмысленную усмешку на лице месье Шарля.

– Не спешите радоваться, Дандюран! Я ведь знаю, что вы сумели овладеть этой чересчур уж компрометирующей вас перепиской и уничтожили ее. Однако не забывайте, что вы воспользовались моей минутной отлучкой для телефонного разговора, чтобы проникнуть в комнату госпожи Буанэ. Ну, теперь мы вас слушаем, Жерар. Скажите нам сначала, дружок, как эти письма начинались.

– Словами «Моя дорогая».

– Я вас прерву снова, – сказал Мегрэ неожиданно озорным тоном. – Я не хотел бы, чтобы мой американский коллега составил себе превратные представления о любовных отношениях во Франции, и потому добавлю, что, когда эти письма писались, госпожа Буанэ была на пятна-

дцать лет моложе. Конечно, она была уже не первой свежести, но все же не успела еще превратиться в пугало с палкой, каким стала за последние годы. Сколько писем вы насчитали, Жерар?

– Около тридцати. По большей части это были записки: «Завтра в три часа, ты знаешь где... Целую... Твой...»

– Они были подписаны?

– Буквой «Ш».

Месье Шарль, которому не предложили сесть, не спускал взгляда с молодого человека. Лицо его приобрело землистый оттенок, но он отнюдь не терял присутствия духа.

– Буква «Ш» еще ничего не доказывает, – возразил мэтр Планшар. – Если эти письма будут приобщены к делу, я потребую графологической экспертизы.

– Они не будут приобщены к делу... Во всяком случае, именно эти письма. Мы слушаем вас, Жерар. Вероятно, некоторые из них были длиннее прочих?

– Да, четыре или пять писем.

– Постарайтесь вспомнить, что там было.

– Я помню, что одно из этих писем гласило: «Мужайся! Подумай, ведь через несколько недель ты освободишься, и мы наконец насладимся покоем...»

Мэтр Планшар насмешливо заметил:

– Быть может, речь шла о беременной женщине?

– Нет, мэтр! Речь шла о женщине, имевшей мужа и любовника. И письмо это писалось рукой любовника.

– Значит, муж ее был болен?

– Вот это и требуется установить. Продолжайте, Жерар.

Жерар, смущенный устремленными на него взглядами, пробормотал:

– Помню другую фразу: «...Вот видишь, он ничего не заметил... Терпение!.. Лучше нам не видеться в ближайшие дни. При нынешней дозе он протянет самое меньшее две недели... Спешить слишком опасно...»

– Не понимаю! – кашлянул мэтр Планшар.

– Тем печальнее для вас, мэтр.

– И я по-прежнему требую предъявления этих писем. И позвольте мне сказать, что я нахожу несколько опрометчивым с вашей стороны основываться на показаниях...

Мегрэ произнес мягким, вкрадчивым голосом:

– Если вы настаиваете, я попрошу произвести эксгумацию трупа покойного Жозефа Буанэ и исследование его останков. Он умер пятнадцать лет тому назад, но вам, несомненно, известно, мэтр, что большинство ядов, в частности те, которые требуют минимальных доз, как, например, мышьяк, сохраняются в течение многих лет после...

Вошел Торранс и положил перед Мегрэ список лиц, зарегистрированных в здании криминальной полиции в утро гибели Сесили.

Глава 4

– Вам, вероятно, надоело стоять, Дандюран. Торранс! Принеси-ка стул. Я замечаю, что последние минуты месье Шарль что-то пошатывается.

– Вы ошибаетесь, господин комиссар. Я все жду какого-нибудь хоть маленького доказательства, что...

– Потерпите же немного! Ваш адвокат, мэтр Планшар, не знал старой Жюльетты, и будет небесполезно коротко рассказать ему о ней. Вы позволите, мэтр Планшар?

Адвокат сделал неопределенный жест и закурил сигарету.

– Еще до замужества, когда она носила имя Жюльетты Казенов, она сошлась с Дандюраном в Фонтене-ле-Конте, вызвав этим толки во всем городке. Это случилось еще до того, как мэтр Дандюран угодил в тюрьму за совращение несовершеннолетних. Он был гораздо моложе, чем сейчас, и я готов допустить, что он обладал какой-то привлекательностью... Но, так или иначе, Жюльетта, дочь разорившихся родителей, не отказалась от выгодного брака с Жозефом Буанэ. Когда для достижения брака ей пришлось отнять у сестры приданое и присоединить его к своему, она сделала это без малейших колебаний. Вероятно, она превратно представляла себе жизнь в Париже с богатым мужем, не знаю... Поселились они в Бур-ла-Рене. Ревнивый муж... Жизнь, лишенная всякого блеска и роскоши... Проходят годы, а там, в Фонтене, стареет ее бывший любовник, однако не стареет его пристрастие к молодым девушкам, а потом и к совсем молоденьким.

Впрочем, не будем на этом останавливаться.... Два года тюрьмы. Не так уж много. И вот в один прекрасный день он в Париже, поселяется в меблированных комнатах на улице Деламбр, навсегда вычеркнутый не только из числа своих прежних коллег, но и из числа порядочных людей вообще. Они встречаются, где – не важно, и снова сходятся. Очень скоро муж начинает стеснять их. Главным образом он, конечно, стеснял Жюльетту. Вполне возможно, что именно ей первой пришла в голову мысль освободиться от супруга, мешавшего ей жить в свое удовольствие. Но, как явствует из писем, любовник давал ей советы.

– Сначала предъявите эти письма! – вставил Планшар, погрузившийся в изучение папки с делом.

– Я не сумею предъявить вам эти письма, ведь они-то и побудили вашего клиента совершить второе преступление.

– Ну, в таком случае...

И адвокат воздел руки, словно он был в зале суда, и патетически потрясал в воздухе широкими рукавами своей черной мантии.

– Терпение, дорогой мэтр... Итак, муж наконец умирает. Он мертв. Он много ел, много пил, много работал и скончался от сердечного приступа, врач был убежден в этом... И вот тогда...

Он сделал паузу, бросил взгляд на месье Шарля, затем на Спенсера Отса, и легкая ироническая усмешка тронула его губы.

– И вот тогда наша Жюльетта почти без перехода превращается в старую скрягу!.. Человек, который был ее сообщником, может быть, еще притягивает ее, но одновременно она его боится. Она ко всему относится подозрительно, ибо знает теперь, как умирают. Она становится скупой. Месье Шарль поселяется в ее доме, в квартире, находящейся как раз под ней. Однако отныне она стала заботиться о своей репутации, и они встречаются только вне дома... Точно с неба, на нее сваливаются две племянницы и племянник... Потом, когда ноги начали отказывать ей и она не могла больше выходить из дому, Жюльетта, ожидая ночью своего сообщника, стала усыплять Сесиль с помощью бромурала.

Кто знает, как развивались бы события, не будь у Сесили больной желудок и не пей она каждый вечер лечеб-

ный чай. Госпожа Буанэ сохранила старые письма, она держала их в секретере в гостиной. Дандюран помещает ее деньги в сомнительные предприятия со сногшибательными прибылями. Вчерашняя любовница превращается в скупую, немощную старуху, составляя вместе с предметом своей былой любви гнуснейшую пару. Племянник и одна племянница потеряли надежду добиться от нее помощи и ушли из дома – скатертью дорога! И только бедная Сесиль, рожденная с душой рабыни или святой, по-прежнему живет при ней...

– Один вопрос, господин комиссар, – проговорил Планшар. – На чем вы основываетесь, утверждая...

– Отвечу вам позднее, мэтр. А сейчас попрошу вас сделать еще одно усилие и дослушать меня. Итак, любовь обратилась в скупость... Одна страсть вытесняет другую, как говорится, клин клином... Но тут слепой случай, недоразумение. Отвар попадает не к тому, кому он предназначен, – вместо Сесили его выпивает Жерар... И разражается трагедия. В своей квартире Дандюран слышит все... Он знает, что наверху, над его головой, два человека овладели его тайной. Он знает, что Сесиль решила все рассказать мне и передать документы... Но мог ли он среди ночи подняться на шестой этаж, постучать в дверь и остановить ее?... Неважную ночь вы, наверно, провели тогда, Дандюран!

Дандюран и глазом не моргнул. Но его холодные губы снова дрогнули в усмешке.

– Рано утром, пока консьержка возится во дворе у мусорных ящиков, брат и сестра спускаются по лестнице. Через приоткрытую дверь Дандюран видит, как они про-

ходят. Ах, если бы Сесиль была одна!.. Но нельзя бросаться сразу на двух человек... На улице брат и сестра расстаются. Дандюран идет в тумане за Сесилью. Может быть, ему удастся по дороге отнять у нее сумку с вещественными доказательствами... В трамвае полно народу.

До самого моста Сен-Мишель, до здания криминальной полиции удобный случай так и не представился... И вот Сесиль уже на лестнице. Что теперь может спасти месье Шарля? Только одна вещь – время. Ведь было всего восемь часов... Я еще не вышел из дому. В это утро без всякой причины, просто ради удовольствия подышать зимним туманным воздухом, я отправляюсь на работу пешком, а Сесиль сидит и ждет меня в так называемом аквариуме. Дандюран бродит вокруг здания...

– Я снова прошу извинения, господин комиссар, но я все же настаиваю, чтобы вы ответили: есть ли у вас доказательства? Есть ли у вас свидетели?

– Передо мной, мэтр Планшар, список лиц, явившихся в это утро в криминальную полицию, и в этом списке я отметил уже три имени... Вы должны меня понять, ведь вы как-никак адвокат. Дандюран не мог, не набросив на себя тени подозрения, сам подняться и заговорить с Сесилью... Ей ведь все известно, и, конечно, за ним она ни в коем случае не последует... Но вот мимо него проходит кто-то из той среды, где месье Шарль занимает столь почетное место... Он бросается к этому человеку: «Послушай-ка! Там в приемной сидит одна краля, которую нельзя допустить к комиссару. Тебя она не знает, а мне совершенно необходимо выдать ей пару теплых слов...»

Не забывают, что Дандюран не хуже нас с вами знает

все переходы и закоулки на набережной Орфевр и во Дворце правосудия. «Под любым предлогом приведи ее ко мне за ту стеклянную дверь...» Нет сомнений, господа, что все именно так и произошло. Случайный сообщник Дандюрана не подозревает, что готовится преступление, иначе он, возможно, заколебался бы, и я убежден, что сейчас у него не слишком сладко на душе... Дальше все идет как по нотам. «Вы хотели видеть комиссара Мегрэ?» А я недавно прошел к себе, и Сесиль терпеливо ждет. Она доверчиво следует за новоиспеченным гидом... Проходит за стеклянную дверь... Признайтесь, Дандюран, все произошло именно так, ведь иначе и не могло произойти...

Когда она увидела вас, ее охватил ужас. Но дверь чулана с метлами совсем рядом... Вы толкаете Сесиль... Она сопротивляется... Вырывая из ее рук сумку, в которую она вцепилась, вы наносите удар, а затем...

— Я по-прежнему жду доказательств, господин комиссар.

Планшар, сделавший множество заметок в своем блокноте, не терял хладнокровия, да и с чего бы: ведь речь шла не о его голове!

Мегрэ подал незаметный знак своему заморскому коллеге и негромко проговорил:

— А что, если я вместо свидетелей представлю письмо?

— Письмо того человека, который привел вышеозначенную Сесиль к моему клиенту? — осведомился мэтр Планшар.

— Нет, письмо самого вашего клиента, дорогой мэтр.

Дандюран сидел, точно каменный истукан.

— Пожалуйста, я жду, чтобы вы мне его предъявили, — пробормотал мэтр Планшар.

– А я, – вздохнул Мегрэ, – жду, пока оно отыщется.

– Значит, все ваши рассуждения...

– ...лишь цепь догадок, это верно. Но не без определенной цели месье Шарль воспользовался моим отсутствием и проник в спальню Жюльетты. С двенадцати часов эксперты производят обыск в этой комнате. Не знаю, приходилось ли вам изучать психологию старых женщин. Это самые недоверчивые создания на свете. Если она сохранила большинство писем в своем секретере, то уж, поверьте...

Раздался злобный смех господина Дандюрана. Все взгляды обратились к нему.

В эту минуту Мегрэ почти готов был поверить, что проиграл игру.

У него оставалась еще одна надежда. В каком-то из своих писем к Монфису Жюльетта Буанэ писала, что если с ней стрясется беда, то...

Комиссар пошел ва-банк. Он не мог допустить, что в те несколько минут, которые Дандюран провел один в спальне, он...

Сам факт, что он вошел в эту комнату, открыл ножную скамеечку, прикоснулся к связкам ассигнаций, не взяв их, рискуя оставить отпечатки своих пальцев, разве все это не доказывало, что он искал что-то другое, более для него важное?

Неужели старуха была столь глупа, чтобы оставить самый важный документ в своей квартире?

А вдруг мэтр Лелу забыл отправить телеграмму Монфису? А вдруг Монфис уехал куда-нибудь на рыбалку, на охоту – словом, не оказался дома? А вдруг...

Зазвонил телефон. Мегрэ буквально ринулся к нему:

– Алло? Ну как? Ладно... Продолжайте.

Комиссар повесил трубку, и, хотя он старался не показывать виду, Спенсер Отс все же понял, что поиски в доме в Бур-ла-Рене не дали никаких результатов.

– Позволю себе заметить вам, господин комиссар...

– Ладно, выкладывайте любые замечания...

– Все ваши гипотезы основаны на несуществующем письме, а в таком случае у моего клиента есть право...

Снова раздался телефонный звонок.

– Алло! Хорошо! Через три-четыре часа?... Да, он у меня... Сейчас отправлю его к вам...

Он повернулся к Жерару:

– Я думаю, вам следует поехать к жене. Судя по всему, вы вот-вот станете папашей.

– Я хочу обратить ваше внимание, господин комиссар...

Мегрэ посмотрел на Планшара, ничего ему не ответил и подмигнул американцу. Оба они вышли в коридор.

– Я начинаю думать, – заговорил Мегрэ, – что все это расследование, в котором вы пожелали принять участие... Словом, я рискую оказаться в самом нелепом положении, и вы увезете с собой в Соединенные Штаты весьма нелестное представление о моем методе... А между тем я уверен, слышите, абсолютно уверен, что... – И без всякого перехода Мегрэ спросил: – Пойдем выпьем пива, ладно?

Он увлек своего спутника на улицу, бросив мимоходом тяжелый взгляд в аквариум, где ждало несколько посетителей.

Они обогнули здание Дворца правосудия и вошли в

пивную на площади Дофина, где царили тепло и тишина и приятно пахло свежим пивом.

– Дайте две кружки! Две здоровенные!..

– Что вы называете здоровенными? – спросил американец.

– Это кружки только для постоянных клиентов. Они вмещают как раз литр...

С приятной тяжестью в желудке они вернулись тем же путем обратно.

– Я головой ручаюсь... Ну да ладно! Черт с ними!

Если придется все начинать сначала, ну что ж, начнем сначала.

Спенсер Отс ощущал неловкость, как человек, который не может найти нужных слов для соболезнования.

– Понимаете? Я чувствую, что психологически я не ошибаюсь. Просто не допускаю мысли...

– А если Дандюран успел перехватить это письмо?

– Женщина всегда хитрее своего любовника! – отрезал комиссар. – А уж старая Жюльетта...

Они поднимались по пыльной лестнице со следами мокрых подошв. Их ожидал преисполненный достоинства господин с портфелем под мышкой.

– Я надеюсь, вы объясните мне, господин комиссар...

Антипатия Мегрэ к мэтру Делу растаяла в одно мгновение. Он бросился к нему, словно к вновь обретенному другу детства.

– Телеграмма? Почему она не адресована прямо сюда? Давайте скорее...

– Вот она, хотя сомневаюсь, сумеете ли вы что-нибудь в ней понять. Я даже раздумывал, должен ли я до получения более полной информации...

Но Мегрэ уже выхватил бланк у него из рук.

«Сообщите комиссару Мегрэ единственный полученный подарок фотография покойной тети тчк Всякий случай вскрыл рамку тчк Обнаружено малопонятное письмо содержащее неопровержимые улики против третьего лица тчк Меняет целиком положение дел наследством причине насильственной смерти Жозефа Буанэ поскольку убийца или сообщник не могут наследовать тчк Поступаю согласно долгу но прошу вас со своей стороны оградить мое имя тчк Буду Париже вечером тчк Анри Монфис».

— Надеюсь, вы не считаете, что мой клиент... — начал адвокат.

— Ваш клиент выдержал героическую борьбу между чувством долга и своими страстями, мэтр Делу. А я об этом и не подумал. Поскольку Жозеф Буанэ убит своей женой и ее любовником, состояние автоматически идет по другой линии и переходит к Буанэ и Маршепье.

— Однако...

Комиссар уже не слушал. Он стоял неподвижно посреди широкого коридора криминальной полиции, откуда он мог видеть дверь своего кабинета. А рядом с ним высилась стеклянная перегородка зала ожидания, где однажды туманным утром...

Где-то в этот час рождается ребенок, которому не суждено узнать, что расходы, связанные с его появлением на свет, оплачены компанией сомнительных господ с брильянтовыми перстнями... Они, должно быть, сидят в этот час в кафе Альбера на улице Бланш и переживают превратности карточной игры.

А о чем думал в это время месье Шарль, сидя с глазу на

глаз со своим адвокатом под деликатным надзором добродушного Торанса?

– Что ж, не так глупо!

Мегрэ вздрогнул от звука собственного голоса, Спенсер Отс и мэтр Лелу, не ожидавшие этого, тоже вздрогнули.

– Я все думаю о трюке с фотографией, – объяснил он извиняющимся голосом. – Старуха хорошо знала своего кузена. Она знала провинцию. Ну что ж, господа, за дело.

И он встал, расправил плечи, встряхнулся, готовый приступить к допросу всех лиц, посетивших здание криминальной полиции в то утро, когда было совершено убийство.

Было уже час ночи, когда молоденький сутенер уронил небрежным тоном, бросая в пепельницу окурок:

– Ну ладно! Я хотел оказать услугу и влип... Сколько, по-вашему, мне за это вкатят, господин комиссар?... Года два?

Госпожа Мегрэ звонила уже трижды.

– Алло! Нет! Не жди меня. Я приду, вероятно, довольно поздно.

Его вдруг потянуло съесть сосиски с тушеной капустой где-нибудь в пивной на Монмартре или на Монпарнасе в компании со славным американцем.

Затем они долго провожали друг друга. И в беседах за кружкой пива то на одном углу, то на другом прошла вся ночь. Нужно же было Спенсеру Отсу набраться материалов для рассказа в своей Филадельфии!

Ну а что, если бы Монфису не взбрело в голову вскрыть рамку портрета...

БРАТЬЯ РИКО

1

В то утро, как обычно, его разбудили дрозды. Но теперь он на них больше не злился. Раньше они выводили его из терпения, особенно пока он не привык к здешнему климату и не мог из-за жары уснуть до двух-трех часов ночи.

Птицы начинали верещать с восходом солнца. Здесь, во Флориде, рассвета как бы и не было вовсе: солнце всходило мгновенно, небо вдруг заливал золотой свет, а воздух становился влажным и дрожал от щебетания птиц.

Он не знал, где они вили гнезда, и даже не мог сказать, действительно ли это были дрозды. Вот уже десять лет он называл их так, все собираясь выяснить, какие это птицы, и все забывал это сделать. Лоис, маленькая негритянка, называла их по-своему, но слово это он не мог произнести даже по складам. Птицы были крупнее, чем северные дрозды, с тремя или четырьмя цветными перьями. Сначала на лужайке поблизости от окон появлялась одна и та же пара и начинала пронзительную переключку.

Эдди просыпался не сразу. Сквозь сон он ощущал, как наступает день, и это ощущение было приятным. Неведомо откуда прилетали и другие дрозды, должно быть из соседних садов. Одному Богу известно, почему они выбрали для утренних свиданий именно его сад!

С птичьим гомоном в его сновидения вторгался внешний мир. К грезам примешивались частицы реального. Море было спокойно. Слышался только шорох легкой волны. Она возникла возле самого пляжа, оставляя на песке

блестящую кайму, увлекая за собой тысячи ракушек.

Накануне звонил Фил. У Эдди было всегда беспокойно на душе, когда Фил давал о себе знать. На этот раз звонок был из Майами. Сначала Фил говорил об одном человеке, но имени не называл. В разговорах по телефону Фил вообще редко упоминал имена.

— Это ты, Эдди?

— Я.

— Говорит Фил.

Ни одного лишнего слова. Это его обычная манера.

Даже говоря из кабины где-нибудь в баре, Фил все равно взвешивал каждую фразу.

— Дома все в порядке?

— Все хорошо, — ответил Эдди Рико.

Почему это Фил замолкает посреди самой невинной фразы? Даже если с ним разговариваешь и не по телефону. У человека поневоле возникало впечатление, будто ему не доверяют, хотят от него что-то скрыть.

— Как здоровье жены?

— Все хорошо, спасибо.

— Неприятностей нет?

— Нет, все в порядке.

Разве они не знают, что в секторе Рико все всегда обстоит благополучно?

— Посылаю к тебе одного парня. Жди его завтра утром. Так бывало не раз.

— Пусть он поменьше выходит из дому... Как бы ему не вздумалось пойти прогуляться...

— Я это учту.

— Вероятно, завтра ко мне сюда приедет Сид.

– Вот как!

– Не исключено, что он захочет тебя увидеть.

В этих словах не было ничего тревожного или из ряда вон выходящего. Но Эдди никогда не мог привыкнуть ни к поведению Бостона Фила, ни к его манере говорить.

Он уже не мог заснуть и сквозь легкую дрему по-прежнему слышал щебетание дроздов и шум моря. В саду с кокосовой пальмы сорвался орех и упал на траву. Почти тотчас же в соседней комнате, дверь которой всегда оставляли полуоткрытой, зашевелилась Бэби.

Бэби была самой младшей из его дочерей. Ей дали имя Лилиан, но старшие девочки сразу прозвали ее Бэби. Это ему не нравилось. В своем доме он не терпел никаких кличек. Но что поделаешь с детворой? Кончилось тем, что малышку все стали так называть.

Бэби заворочалась в кровати, что-то мурлыча себе под нос. Эдди знал, что его жена, чья кровать стояла рядом с его кроватью, тоже проснулась. Так бывало каждое утро.

Хотя Бэби уже минуло три года, она до сих пор еще не научилась говорить и невнятно произносила всего несколько слов. Но эта малютка с кукольным личиком была самой красивой из трех его дочерей.

– Надо надеяться, что со временем все наладится, – успокаивал врач.

Но верил ли он в это сам? Эдди не доверял врачам. Почти так же, как и Филу. А Бэби продолжала ворковать.

Если не подойти к ней еще пять минут, она начнет плакать.

Эдди редко приходилось будить жену. Лежа с закрытыми глазами, он слышал, как она со вздохом отбросила

одеяло, поставила босые ноги на коврик и еще несколько минут сидела на краю кровати, массируя лицо и тело, прежде чем протянуть руку за халатом. В это время до него неизменно легким дуновением доносился запах ее тела, запах, который он так любил. В общем, Эдди чувствовал себя счастливым человеком.

Жена бесшумно, на цыпочках прошла в комнату Бэби и осторожно прикрыла за собой дверь. Она догадывалась, что муж не спит, но такова была сила привычки. Впрочем, он часто после этого опять засыпал и уже не слышал, как пробуждались старшие дочери – Кристин и Эмили, комната которых находилась подальше. Не слышал он больше и дроздов. В это утро он несколько мгновений вспоминал о Бостоне Филе, звонившем ему накануне из Майами, а потом забылся сладким утренним сном.

Внизу служанка Лоис готовила завтрак для детей.

Старшие дочери – одной было двенадцать, другой десять – ссорились в своей ванной. Они завтракали в кухне, а потом выходили на угол, где останавливался школьный автобус.

Большой желтый автобус приходил ровно без десяти восемь. Иногда Эдди сквозь сон слышал лязг тормозов, иногда не слышал – спал крепко. В восемь к нему поднималась Эллис, тихонько отворяла дверь, и в нос ударял запах кофе, который она приносила ему каждое утро.

– Уже восемь, Эдди!

Он отпивал первый глоток, затем Эллис ставила чашку на ночной столик и шла к окну поднять шторы. Но и тогда в комнате сохранялся полумрак. За шторами были еще жалюзи, едва пропускавшие солнечные лучи.

– Тебе хорошо спалось?

– О, да!

Эллис еще не приняла ванну. У нее были темные густые волосы и очень белая кожа. В то утро она надела голубой пеньюар, который так ей шел.

Пока Эдди плескался в ванне, Эллис причесывалась.

Все эти привычные, повторявшиеся каждое утро движения вливали в него бодрость. Они жили в сверкавшем белизной новом красивом доме современной архитектуры, в самом богатом квартале Санта-Клары, между лагуной и морем, в двух шагах от «Загородного клуба» и пляжа. Рико назвал свой дом «Морской ветерок» и считал это название удачным. Хотя сад был и невелик – в этом районе земельные участки очень дороги – все же вокруг дома росло около десятка кокосовых пальм, а на лужайке возвышалась королевская пальма с блестящим серебристым стволом.

– Ты собираешься в Майами?

Эдди принимал ванну. Ванная комната была поистине великолепна: стены облицованы светло-зеленой керамикой, ванна и все остальные предметы такого же цвета, металлические части – из хромированной стали. Но больше всего Эдди гордился душем, устроенным в кабине со стеклянными дверцами, оправленными в металл. Такие души ему приходилось видеть только в фешенебельных отелях.

– Еще не знаю.

Накануне за обедом он сказал Эллис:

– В Майами приехал Фил. Возможно, придется с ним встретиться.

Отсюда это было совсем недалеко – каких-нибудь две-

сти миль. Но добираться в автомобиле было тяжело: шоссе проходило по пустынным местам, кругом болота, удушающая жара. Он предпочитал самолет.

Эдди еще не знал, поедет ли в Майами, но сказал на всякий случай. Теперь он брился, а тем временем жена приготовила себе ванну. Эллис была полновата. Не толстая, но все-таки слишком полная, чтобы покупать себе готовые платья. У нее была удивительно нежная кожа.

Бреясь, Эдди ловил отражение Эллис в зеркале, и ему всегда становилось радостно: такую жену он и хотел иметь.

Эдди был не похож на других мужчин. Он всегда знал, что ему нужно. Когда они поженились, Эллис была еще совсем молоденькой, но выбрал он правильно. Мужчины таскаются чаще всего потому, что неправильно выбирают жен.

У Эдди, как и у Эллис, были тонкая белая кожа и темные волосы. Когда он жил в Бруклине и учился в школе, его прозвали Чернявый. Мальчишки дразнили его, но он их быстро отучил.

— Похоже, сегодня будет очень жарко.

— Да, пожалуй.

— Вернешься к ланчу?

— Не знаю.

Вдруг, взглянув на себя в зеркало, Эдди нахмурил брови и досадливо вскрикнул. На щеке выступила кровь. Он пользовался безопасной бритвой и почти всегда обходился без порезов. Но иногда ему случалось задеть родинку на левой щеке, и это всегда портило настроение. Просто порезаться было не страшно. Но эта родинка, когда ему было двадцать лет, едва достигала величины булавочной

головки, а с годами разрослась до размеров горошины, почернела и покрылась волосками. Обычно Эдди удавалось побриться, не задев ее. Но сегодня бритва неловко скользнула, и он пошел за квасцами, хранившимися в аптечном шкафчике. Теперь эта родинка будет долго кровоточить, да и кровь была какая-то странная.

Как-то он посоветовался по этому поводу со своим врачом. Эдди не любил врачей и все же обращался к ним при малейшем недомогании.

В душе он относился к ним недружелюбно, подозрительно, считая, что они не говорят ему всей правды, и всегда искал в их словах противоречия.

– Если бы эта родинка сидела не так глубоко, я удалил бы ее одним взмахом ножа. Но от такой останется шрам.

Эдди где-то читал, что подобные бородавки могут иногда перерождаться в раковые опухоли. Нечего и говорить, что при этой мысли у него холодели руки и ноги.

– Вы уверены, что ничего опасного нет?

– Убежден.

– А это не рак?

– Что вы! Конечно нет.

Но это его не вполне удовлетворило. А тут еще доктор добавил:

– Я отрежу кусочек ткани и пошлю на анализ, чтобы вам было спокойнее.

На это он не решился. Ведь, как ни странно, он был неженкой. Бритвы, да и вообще все режущие инструменты, внушали ему страх.

Такого ничтожного происшествия оказалось достаточно, чтобы вывести его из равновесия. Дело было, конечно, не в самом порезе: он увидел в этом дурную примету.

Впрочем, он все равно продолжал приводить себя в порядок с обычной тщательностью. Эдди был очень аккуратен.

Он любил ощущать себя чистым, опрятным, любил, чтобы кожа блестела, любил носить шелковые рубашки и свежевыглаженные костюмы. Два раза в неделю ему делали маникюр и массаж лица.

Он слышал шум автомобиля, остановившегося сначала у соседней виллы, а потом у «Морского ветерка». Это был почтальон. Эдди не нужно было приоткрывать штору,

чтобы ясно представить себе, как человек протягивает руку к калитке, открывает почтовый ящик, опускает туда корреспонденцию, закрывает его и снова садится в машину.

День начинался как обычно, Эдди вовремя кончил одеваться, Эллис натягивала платье. Он спустился первым, пересек сад, прошел по мощеной дорожке к калитке, чтобы вынуть почту. Из дома напротив вышел старый полковник в полосатой пижаме и тоже устремился к почтовому ящику. Они слегка кивнули друг другу, хоть им никогда не случалось обменяться и двумя словами.

В ящике оказались газеты, разные хозяйственные счета – среди них на оплату дома – и еще написанное знакомым почерком письмо в знакомом конверте. Когда он сел за стол, Эллис, подавая ему завтрак, мимоходом спросила:

– От матери?

– Да, от нее.

Он начал есть, не прерывая чтения. Мать всегда писала ему карандашом на бумаге, которую сама же продавала в маленьких почтовых наборах. В каждом наборе было шесть листков бумаги и столько же конвертов разных цветов – сиреневого, светло-зеленого, голубого. Исписав обе страницы, она жалела начинать новый листок и дописывала письмо на каком-нибудь клочке.

«Мой дорогой Джозеф!»

Это было его настоящее имя. Его нарекли Джозефом, но лет в десять-одиннадцать он сам дал себе имя Эдди, и теперь все так и звали его. Одна только мать по-прежнему называла Джозефом. Это его раздражало. Он не раз вы-

сказывал ей свое неудовольствие, но она ничего не могла с собой поделать.

«Давно уже я от тебя ничего не получала. Надеюсь, мое письмо застанет тебя в добром здравии, а также твою жену и детей».

Его мать не любила Эллис. Она ее почти не знала, ви-дела раза два-три и все-таки не любила. Мать его была странная женщина. Письма ее не так-то легко было разо-брать. Уроженка Бруклина, она писала английские слова вперемежку с итальянскими, употребляя при этом ка-кую-то особую, ей одной ведомую орфографию.

«Жизнь у нас идет по-прежнему. Старик Ланца, тот, что жил на углу нашей улицы, на прошлой неделе умер в больнице. Ему устроили пышные похороны. Ведь это был порядочный человек и прожил он в нашем квартале во-семьдесят с лишним лет. На похороны приехала из Оре-гона его невестка. Она живет там с мужем, но сын старика приехать не смог, так как только месяц назад ему ампутировали ногу. Это очень здоровый, крепкий и кра-сивый мужчина.

Ему всего лишь пятьдесят пять лет. Он поранил ногу каким-то садовым инструментом, и почти сразу началась гангрена».

Поднимая голову от письма, Рико видел лужайку, ко-косовые пальмы и меж двух белых стен широкую полосу искрящегося моря. Столь же отчетливо он мог представить

себе и улицу в Бруклине, откуда писала ему мать, и лавочку, где она торговала конфетами и содовой водой, и зеленую лавку по соседству, где он родился и где они жили до смерти отца. Неподалеку пролегал надземная железная дорога. Ее было видно из окон лавки примерно так же, как отсюда было видно море. Через равные промежутки в вышине с грохотом проносились вагоны, мелькая на фоне нью-йоркского неба.

«Маленькая Джозефина вышла замуж. Ты должен ее помнить. Я взяла ее к себе совсем крошкой, когда она лишилась матери».

Эдди смутно помнил двух или трех осиротевших малышей, нашедших приют в их доме.

Целые страницы письма мать всегда посвящала соседям, людям, которых он давно забыл. Особенно подробно она рассказывала о смертях и болезнях, иногда сообщала о несчастных случаях или о том, что кто-нибудь из соседских парней попал в лапы полиции.

«Славному малому не повезло», – писала она.

И только дальше, где-то в конце письма, говорилось о важных вещах, из-за которых оно, собственно, и было написано.

«В прошлую пятницу меня навестил Джино. У него был очень утомленный вид».

Джино был одним из его братьев. Эдди, старшему, минуло тридцать восемь. Джино исполнилось тридцать шесть. Они были совсем друг на друга не похожи. Эдди можно было назвать полным. Не толстым, но полным. Он всегда был предрасположен к полноте. Джино, напротив, всегда был тощий, а черты лица у него были резкие.

Мальчишкой он казался тщедушным, да и теперь не походил на здоровяка.

«Он приезжал попрощаться. В тот же вечер он должен был отправиться в Калифорнию. Похоже, Джино пробудет там порядочное время. Мне это совсем не нравится. Когда такого парня, как он, посылают на Запад, тут уж ничего хорошего не жди. Я попыталась что-нибудь из него вытянуть, но ты ведь знаешь своего брата».

Джино до сих пор не был женат и никогда не интересовался женщинами. За всю свою жизнь он, вероятно, ни с кем не говорил откровенно.

«Я спросила у него, не укрывается ли он от Большого жюри⁵. Здесь много говорят о каком-то деле. Сначала думали, что все пойдет как обычно: допросят нескольких свидетелей – и концы в воду. Люди были уверены, что дело уже улажено. Но, как видно, произошло что-то такое, что окружной прокурор и полиция стараются держать в

⁵ Большое жюри – присяжные, решающие вопрос о предании суду по обвинению в тяжком преступлении.

секрете. Ходят слухи, будто был донос. А уезжать почему-то всегда приходится именно Джино. Один из крупных боссов неожиданно покинул Нью-Йорк, об этом пишут в газетах. Ты, наверное, читал».

Нет, он об этом ничего не читал. Эдди вдруг пришло в голову, что она имеет в виду Сиды Кубика, о котором говорил ему по телефону Фил.

В письме матери чувствовалась тревога. В Бруклине творилось что-то неладное. Не зря у него было дурное предчувствие еще накануне, когда в телефоне раздался голос Фила. Вся беда в том, что никогда точно не знаешь, о чем идет речь. Остается только догадываться, сопоставляя самые незначительные детали, которые сами по себе ничего не значат, но в совокупности приобретают иногда важный смысл.

Почему Джино отправили в Калифорнию, когда там ему фактически нечего делать?

К нему, Эдди, тоже посылают какого-то парня, который должен приехать нынче утром. Более того, он должен следить, чтобы этот парень не уходил далеко от дома.

Эдди читал отчеты заседаний Большого жюри в Бруклине. Речь шла о деле некоего Кармине, убитого перед отелем «Эль Чарро» посреди Фултон-авеню, в трехстах метрах от Бруклинской мэрии.

Полгода уже прошло с тех пор, как Кармине всадили в грудь пять пуль, а полиции все еще не удалось напасть на след. Будь все так, как обычно, дело это давно бы лежало в архиве.

Эдди не знал, был ли тут замешан и Джино. По прави-

лам он не должен был принимать участия в этом покушении: к подобным громким делам не принято привлекать людей, живущих по соседству.

Нет ли тут какой-нибудь связи с телефонным звонком Фила? Бостон Фил не стал бы звонить зря. Все, что он делал, делалось со смыслом, и это особенно тревожило Эдди. И вообще, если уж Фила куда-нибудь посылали, значит, случилось что-то неладное.

Подобных людей всегда можно найти в крупных предприятиях типа «Стандарт ойл» или в банках с многочисленными филиалами. Когда боссы чувствуют в воздухе серьезную опасность, они стараются отослать их подальше.

Таков был Фил, и за такого он себя выдавал. Он держался как человек, посвященный в секреты сильных мира сего, и сам окружал свою особу глубокой тайной.

«Есть еще одна новость, о которой я хотела тебе рассказать уже в прошлом письме, но решила подождать. Тогда это были только слухи. Я думала, что Тони написал тебе сам или скоро напишет. Ведь он тебя всегда очень уважал».

Тони был самый младший из троих братьев Рико. Ему было только тридцать три года, и он жил с матерью дольше, чем его братья. Нечего и говорить, что это был ее любимец. Такой же брюнет, как Эдди, на которого он немного походил. Тони был красивее и ласковее брата. Вот уже больше года, как Эдди не получал от него вестей.

«Прошлым летом, — продолжала мать, — после того как он побывал в Атлантик-Сити, с ним творилось что-то

неладное. Он часто уезжал, не говоря куда, и я поняла, что тут замешана женщина. И вот уже три месяца, как его никто не видел. Ко мне приходили много людей, расспрашивали о нем и, конечно, не просто из любопытства. Даже Фил, когда заглянул, чтобы, по его словам, узнать о моих делах, только и говорил со мной что о Тони.

Три дня назад одна девушка, по имени Карен, – ты ее не знаешь, она живет в нашем квартале и одно время гуляла с твоим братом – вдруг спросила меня:

– А вы знаете, мамаша Джулия, что ваш Тони женился?

Я рассмеялась, но похоже, что это правда. И думаю, речь идет о девушке, с которой он познакомился в Атлантик-Сити. Она не здешняя и даже не из Нью-Йорка. Ее семья, кажется, живет в Пенсильвании. Я и сама не могу понять, почему меня все это так тревожит. Ты ведь знаешь своего брата. Девушек у него всегда было навалом, но казалось, что женится он позже своих дружков.

Почему он об этом никому не сообщил? Почему стольким людям сразу понадобился его адрес?

Ты должен понять мое беспокойство. Что-то, безусловно, происходит, и я должна знать, что именно. Если ты случайно что-нибудь знаешь, немедленно напиши, чтобы я успокоилась. Все это мне очень не по душе.

Привет тебе от бабушки. Она все еще бодра, хотя и не встает с кресла. Самое трудное для меня – переносить ее каждый вечер с кресла на постель. Она становится все тяжелее и тяжелее. Ты даже представить себе не можешь, сколько она ест! Через час после еды она жалуется на голод.

Доктор не советует давать ей так много, но у меня не хватает мужества ей отказать».

С тех пор как он себя помнил, бабушка всегда была очень грузной и не покидала своего кресла.

«Вот и все, что я хотела тебе рассказать в этом письме. Я в большой тревоге. Очевидно, ты знаешь больше моего, а потому немедленно напиши мне, особенно о том, что касается Тони. Как малышка, уже начала разговаривать? В нашем квартале есть такой же случай, но там не девочка, а мальчик, ее ровесник, он...».

Окончание было написано на клочке бумаги другого цвета, а в уголке стояло обычное:

Целую».

Эдди не предложил жене прочитать письмо. Он никогда не показывал ей своих писем, даже писем от матери, а Эллис и в голову не приходило у него попросить. Она ограничилась вопросом:

- Все благополучно?
- Джино уехал в Калифорнию.
- Надолго?
- Мать не знает.

Он предпочел ничего не рассказывать о Тони. Вообще он редко говорил с женой о своих делах. Эллис тоже родилась в Бруклине, но происходила из другой среды. О такой жене он всегда мечтал; она тоже была итальянкой –

иначе он не мог бы чувствовать себя с ней свободно, – но ее отец занимал солидную должность в какой-то экспортной фирме, а Эллис, когда они познакомились, работала в одном из магазинов Манхаттана.

Прежде чем уйти, Эдди пошел поцеловать Бэби, игравшую посреди кухни под присмотром Лоис. Потом с рассеянным видом поцеловал жену.

– Не забудь позвонить, если поедешь в Майами, – сказала она.

Воздух уже накалился. Солнце стояло в зените. Здесь всегда было солнечно, только два или три дождливых месяца. И всегда цвели цветы – на клумбах, на кустах. А вдоль дорог поднимались пальмы.

Эдди прошел через сад и направился в гараж за своей машиной. Все попадавшие в Санта-Клару называли это место земным раем. Между морем и лагуной стояли новенькие дома, вернее, настоящие виллы, окруженные садами.

Машина по деревянному мосту пересекла лагуну и, свернув на большую улицу, въехала в центр города. Катилась она бесшумно, сверкая на солнце. Это был автомобиль одной из лучших марок.

Все вокруг было чисто, светло и красиво. Все блистало новизной настолько, что могло показаться, будто окружающие предметы сошли с рекламы какой-нибудь туристической компании.

Слева, в гавани, медленно проплывали яхты. А на Мейн-стрит, рядом с торговыми домами, мелькали рекламы ресторанов, по ночам сверкавшие неоновыми огнями:

«Цыганский табор», «Риальто», «Кокосовая роща», «Маленький коттедж».

Все двери были еще закрыты, а если где и открывались, то только потому, что начиналась уборка.

Эдди свернул налево и покатил по шоссе на Санкт-Петербург.

Неподалеку от города стояло деревянное строение, на стене которого можно было прочесть:

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ФРУКТАМИ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Вдоль всего фасада тянулся длинный прилавок, на котором уживались фрукты всех частей света: красноватые с золотистым отливом ананасы, грейпфруты, блестящие апельсины, плоды манго и авокадо. Фрукты были уложены отдельными пирамидками по сортам; и тут же овощи, которым сверкавшие на них капли воды придавали нарочито свежий вид.

Здесь торговали только зеленью, а внутри магазина можно было найти почти все бакалейные товары, разгороженные рядами полок, до потолка уставленных консервами.

— Все в порядке, хозяин?

В тени всегда оставляли свободное место для его машины. Каждое утро навстречу ему выходил старый Анджело в белом халате и белом фартуке.

— Все в порядке, Анджело?

Эдди улыбался очень редко, чтобы не сказать никогда, и Анджело, как и Эллис, привык к этому. Такой уж был у Эдди нрав. Его мрачность совсем не означала, что он в

плохом настроении. Он по-своему присматривался к людям и окружающим предметам, и не потому, что ожидал подвоха, а просто все спокойно обдумывал, рассчитывал.

В Бруклине, когда Эдди не исполнилось еще и двадцати лет, кое-кто уже стал называть его бухгалтером.

— К вам тут приехал какой-то парень.

— Знаю. Где он?

— Я отвел его к вам в кабинет. Ведь я не знал...

Двое продавцов в фартуках украшали стойку ранними фруктами. В комнате рядом с кабинетом стучала пишущая машинка, и через стеклянную перегородку можно было разглядеть светлые волосы и четкий профиль мисс ван Несс.

Эдди приоткрыл дверь.

— Мне никто не звонил?

— Нет, мистер Рико.

Он знал, что секретаршу зовут Бейла, но никогда не называл ее по имени. Он вообще ни с кем не допускал фамильярности, а особенно с ней.

— Вас ждут в кабинете.

— Спасибо.

Он вошел к себе, стараясь не смотреть на человека, который сидел против света с сигаретой в зубах и при виде его не поднялся. Эдди снял пиджак и панаму, повесил их на вешалку, затем сел, расправил складки на брюках и тоже закурил.

— Мне сказали, чтобы я...

Наконец-то Рико остановил свой взгляд на посетителе, здоровом, мускулистом парне лет двадцати четырех — двадцати пяти, с рыжеватыми вьющимися волосами.

— Кто тебе сказал?

— А вы что, не знаете?

Больше Эдди ничего не спросил, только стал разглядывать рыжего, а тот, почувствовав себя неловко, поднялся и пробормотал:

— Бостон Фил.

— Когда ты его видел?

— В субботу, три дня назад.

— Что же он тебе сказал?

— Велел разыскать вас по этому адресу.

— А еще?

— Сказал, чтобы я не думал куда-нибудь смотаться из Санта-Клары.

— И больше ничего?

— Ни под каким предлогом.

Эдди не сводил с него глаз, и парень добавил:

— И чтоб не мозолил глаза.

— Садись. Как твое имя?

— Джо. Там меня называют Кудряш Джо.

— Тебе сейчас дадут фартук. Будешь работать за прилавком.

Рыжий вздохнул.

— Так я и думал.

— Не нравится?

— Я ничего такого не сказал.

— Ночевать будешь у Анджело.

— У старика?

— Да. А уходить будешь только с его ведома. Кто же тебя разыскивает?

Джо нахмурился.

– Мне советовали поменьше болтать, – тоном упрямого ребенка произнес он.

– Даже со мной?

– С кем бы то ни было.

– Тебя предупредили, чтобы ты и мне ничего не говорил?

– Фил сказал: никому.

– Ты знаешь моего брата?

– Которого? Жука?

Это было прозвище Джино.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Он уехал незадолго до меня.

– Вы работали вместе?

Джо не ответил, но и отрицать не стал.

– И другого моего брата знаешь?

– Тони? Нет. Только слышал, как о нем говорили.

Почему при этих словах он опустил глаза?

– И никогда его не встречал?

– Нет, не помню.

– А с чего это о нем говорили?

– Не помню.

– Давно это было?

– Забыл.

Эдди понял, что лучше не настаивать.

– Деньги у тебя есть?

– Немного.

– Когда истратишь – скажи. Да здесь они тебе почти и не понадобятся.

– А девочки здесь есть?

– Будет видно.

Эдди поднялся и направился к двери.

– Сейчас Анджело даст тебе фартук и объяснит, что делать.

– Так вот сразу?

– Да.

Рико положительно не по душе был этот парень, особенно его ответы и бегающий взгляд.

– Займись-ка им, Анджело! Он будет ночевать у тебя. И никуда его не пускай, пока Фил не даст дальнейших указаний.

Эдди осторожно дотронулся пальцем до родинки, на которой запеклась кровь, и вошел в соседнюю с кабинетом комнату.

– Почта была?

– Ничего интересного.

– Из Майами так и не звонили?

– А должны позвонить?

– Не знаю.

Телефон зазвонил, но это оказался поставщик апельсинов и лимонов. Эдди вернулся в свой кабинет и стал ждать. Он не догадался спросить накануне у Бостона Фила, в каком из отелей Майами тот остановился. Фил никогда не останавливался в одном и том же. А может быть, даже лучше, что не спросил? Фил не любит излишнего любопытства.

Эдди подписал письма, принесенные мисс ван Несс, и услышал запах ее духов, который ему не нравился. Он вообще был очень чувствителен к запахам и сам душился очень умеренно. Он не любил запаха собственного тела, даже стеснялся его и натирался пастами, которые устраняют запах.

- Если мне будут звонить из Майами...
- Вы уезжаете?
- Я должен повидаться с Мак-Джи в клубе «Фламинго».
- Сказать, чтобы вам позвонили туда?
- Я буду в клубе минут через десять.

Фил не говорил, что будет ему звонить. Он только сказал, что в Майами должен приехать Сид Кубик. При этом он дал Эдди понять, что, по всей вероятности, Сид захочет с ним встретиться.

Почему же Эдди был так уверен, что ему должны позвонить? Покинув прохладную тень магазина, он очутился на раскаленной солнцем улице. Из подсобного помещения в сопровождении Анджело вышел рыжий парень в белом фартуке, какие носят продавцы. Он выглядел в нем еще более огромным и плечистым.

– Я еду к Мак-Джи, – сказал Рико.

Он направился к своему автомобилю, дал задний ход и выехал на большую автостраду. Впереди, приблизительно метрах в ста, виден был зеленый глаз светофора. Эдди рассчитывал проскочить, но вдруг увидел на краю тротуара человека, махавшего ему рукой.

Сначала Эдди принял его за пешехода, который просит подвезти, и хотел сделать вид, что не заметил, но, приглядевшись, вдруг нахмурил брови и притормозил.

Это был его брат Джино, которому полагалось находиться в Калифорнии.

– Садись!

Он обернулся, чтобы удостовериться, что за ним не следят из окон магазина.

Сначала могло показаться, что в машину сел чужой человек. Эдди даже не взглянул на брата и ни о чем его не спросил. А Джино, стиснув в тонких губах незажженную сигарету, уселся так быстро, что дверца успела захлопнуться до того, как на светофоре зажегся красный свет.

Эдди вел машину, глядя прямо перед собой. Миновали бензоколонку, станцию проката машин, мотель – несколько лимонно-желтых бунгало, расположенных вокруг бассейна для плавания.

Братья не виделись два года. Последняя встреча была в Нью-Йорке. Джино приезжал в Санта-Клару только один раз, лет пять-шесть назад, когда вилла «Морской ветерок» еще не была построена. Он даже не видел младшей девочки.

Время от времени они обгоняли грузовые машины.

Проехали уже добрую милю от города, когда Эдди, не поворачиваясь, процедил наконец сквозь зубы:

– Они знают, что ты здесь?

– Нет.

– Думают, что ты в Лос-Анджелесе?

– В Сан-Диего.

Джино был худой и некрасивый. Только у него одного в их семье был такой длинный, к тому же еще кривоватый нос, глубоко запавшие пронзительный глаза и землистый цвет лица. Его тощие руки состояли из одних костей и нервов, так что казалось, будто кожа обтягивает кисть скелета, а пальцы были необыкновенно длинные и гибкие. Эти пальцы всегда двигались – что-то скатывали – то

крошки хлеба, то обрывки бумаги – в плотные, словно резиновые шарики.

– Ты приехал поездом?

Джино не спрашивал брата, куда тот его везет. Город был уже далеко позади. Эдди повернул влево и выехал на пустынную дорогу, проложенную через сосновый лес и плантации гладиолусов.

– Нет, не поездом и не самолетом. Я сел в туристский автобус.

Эдди нахмурил брови. Он все понял. Так было безопаснее. Его брат всегда предпочитал огромные голубовато-серебристые автобусы с нарисованной на кузове борзой, которые мерили дороги Соединенных Штатов, как в былые времена дилижансы, и останавливались в каждой городке, на тех же стоянках, где когда-то перепрягали лошадей. Они бывали набиты пестрой, шумной толпой пассажиров – на юге преимущественно неграми – со множеством чемоданов и пакетов, женщинами, окруженными детьми. Одни ехали далеко, другие выходили на ближайшей остановке. Одни жевали бутерброды и стоя наскоро глотали в станционных буфетах обжигающий кофе, другие безмятежно спали, третьи без конца сустились или докучали болтовней незнакомым попутчикам.

– Я сообщил им, что поеду автобусом.

Снова молчание. Две или три мили молчания. По обочинам дороги косили траву арестанты под присмотром двух конвоиров с карабинами в руках. Их было не меньше тридцати, все молодые, голые до пояса, в соломенных шляпах.

Братья даже не взглянули на них.

- Эллис здорова?
- Да.
- А как дети?
- Лилиан все еще не говорит.

Эдди и Джино любили друг друга и прежде были очень близки. Связывали их не только узы крови. Все детство они провели вместе: ходили в одну и ту же школу, мальчишками водились с одной и той же компанией и принимали участие в одних и тех же сражениях. В те годы Джино искренне восхищался братом. Восхищался ли он им теперь? Возможно. О его чувствах трудно было судить.

Эту мрачную сторону своей натуры он скрывал от всех. Эдди никогда не понимал брата и в его присутствии чувствовал себя стесненным. Много в нем корбило Эдди.

Не нравилось, например, пристрастие Джино одеваться во все броское, кричащее, как одевались подростки-шалопаи, которым они подражали в юные годы, Джино сохранил их повадки, манеру держаться, даже пристальный и в то же время уклончивый взгляд — все вплоть до приклеенной к губе сигареты и бессознательной привычки постоянно что-нибудь катать или теревить длинными бледными пальцами.

— Ты получил письмо от мамы?

— Да. Сегодня утром.

— Я так и знал, что она тебе напишет.

Впереди снова блеснула вода. Лагуна была здесь пошире, чем на Сиеста-Бич. На длинном деревянном мосту,

который тянулся к острову, сидели рыбаки. Под колесами затряслись доски. За мостом машина пересекла деревню и выехала на шоссе. Скоро показались болота, кустарники, беспорядочные группы пальм и сосен и, наконец, дюны. Почти полчаса прошло после встречи, а братья обмолвились лишь несколькими словами. Но вот Эдди вывел машину на тропу между дюнами и затормозил в крайней точке острова, на ослепительном песчаном берегу, где грозно ревел прибой и не было никого, кроме чаек и пеликанов.

Не открывая дверцы, Эдди заглушил мотор и закурил сигарету. Песок, наверное, обжигал бы подошвы. Длинная полоса ракушек очерчивала границу, которой достигало море во время прежних приливов. Высокая волна, сверкающая такой яркой белизной, что на нее больно было смотреть, вздымалась через равные интервалы и медленно опадала, рассыпаясь искристой пылью.

– Что с Тони? – спросил наконец Эдди, обернувшись к брату.

– А что тебе пишет мама?

– Будто он женился. Это правда?

– Правда.

– А ты не знаешь, где он?

– Точно не знаю. Его ищут. Уже разыскали родных его жены.

– Они итальянцы?

– Нет, литовцы. У отца маленькая ферма в Пенсильвании. Похоже, он тоже не знает, где его дочь.

– А про то, что она вышла замуж, знает?

– Знает. Я слышал, что девушка работала в какой-то

нью-йоркской конторе, но с Тони познакомилась в Атлантик-Сити, проводила там отпуск. Потом они, должно быть, продолжали встречаться в Нью-Йорке. Месяца два назад, сразу после женитьбы, они ездили к ее отцу, чтобы сообщить ему о своем браке, и пробыли у него дней десять.

Эдди протянул брату сигарету. Тот взял одну, но не зажег.

– Я знаю, почему его ищут, – почти не разжимая губ, медленно произнес Джино.

– Дело Кармине?

– Нет.

Эдди терпеть не мог разговоров на подобные темы. Все это было от него далеко, словно в другом мире. В глубине души он предпочел бы вовсе ничего не знать. В таких делах всегда опасно знать слишком много. Почему его братья не развязались со всем этим, как сделал он? Даже прозвище Жук, приставшее к Джино, казалось ему непристойным.

– Это я прикончил Кармине, – спокойно заявил Джино.

Эдди и глазом не моргнул. Джино был убийцей по склонности, и это мешало старшему брату, ненавидевшему всякое насилие, чувствовать себя с ним непринужденно.

Эдди не осуждал брата. Не ужасался его поступкам.

Скорее, это его физически стесняло, как стеснял жаргон Джино, от которого он сам давно отказался.

– За рулем был Тони?

Эдди до мельчайших деталей знал, как совершаются подобные дела. Еще мальчиком, в Бруклине он наблюдал, как постепенно совершенствовалась эта техника, пока не стала стандартной.

У каждого была своя роль, своя специальность, и ее

редко меняли. Прежде всего наготове был человек, который в нужную минуту должен был доставить машину – быстрый, не очень заметный автомобиль, до отказа заправленный бензином, желательно с номерным знаком другого штата. Это усложняло розыски. Такую работу Эдди поручали дважды, когда ему едва исполнилось семнадцать лет. Тони начал этим заниматься в еще более юном возрасте. Машину надо было привести в указанное место, и платили за это десять или двадцать долларов.

Тони так хорошо знал устройство автомобиля и так лихо ездил, что выполнить эту работу для него было пара пустяков – он иногда уводил со стоянки приглянувшуюся машину только ради того, чтобы несколько часов посидеть за рулем на большой автостраде, а потом там же ее и бросить. Как-то раз Тони врезался в дерево, его товарищ погиб, а сам он не получил даже царапины.

В девятнадцать лет ему поручили работу уже посерьезнее. Это он должен был вести машину с убийцей и его подручным, а затем независимо от того, преследовала их полиция или нет, отвезти всех в заранее указанное место, где их ожидала другая машина.

– За рулем был Фатти.

В словах Джино послышалась ревность. Эдди помнил толстяка Фатти, сына бедного сапожника, который был моложе его и иногда бегал по его поручениям.

– Кто был во главе?

– Винче Веттори.

Задавать вопросы было неосмотрительно, особенно в данном случае. Раз в деле замешан Веттори, значит, оно было важным, требовало сговора между крупными боссами.

Кармине и Веттори, как и Бостон Фил, принадлежали к сферам более высоким, нежели он, Эдди. Они отдавали приказания и не любили, чтобы кто-нибудь совал нос в их дела.

— Все прошло, как было намечено. Кармине должен был выйти в одиннадцать часов из «Эль Чарро», так как немного позднее у него было назначено какое-то свидание в другом месте. Мы остановились метрах в пятидесяти от входа. Едва он зашел в гардероб, нам подали знак.

Фатти тихонько пустил машину, и мы поравнялись с дверью ресторана как раз в то мгновение, когда Кармине из него выходил. Мне оставалось только наспиговать его свинцом.

От последних слов Эдди передернуло. Он не глядел на брата, а следил глазами за пеликаном, который парил над полосой белой пены, иногда падая камнем, чтобы на лету подхватить рыбу. Вокруг него завистливо кружили чайки, испускавшие крики каждый раз, когда им удавалось поймать добычу.

— Надо думать, в этом деле была замешана какая-то бабенка. Об этом я узнал лишь потом, когда пошли сплетни.

Так бывало всякий раз. Никогда нельзя было толком узнать, что происходит. Боссы старались держать все в строжайшем секрете. Приходилось довольствоваться слухами и делать свои выводы.

— Помнишь папашу Розенберга?

— Того, что торговал сигаретами?

Эдди вспомнил лавчонку, где продавались сигары и газеты, как раз напротив «Эль Чарро». В те времена, когда

Эдди еще собирал мелкие ставки для одного букмекера, ему часто приходилось устраиваться около лавчонки Розенберга. Тот об этом знал и иной раз посылал клиентов, довольствуясь небольшими комиссионными. Он и тогда уже был стар или по крайней мере казался Эдди старым.

— Сколько ему лет?

— Шестьдесят с небольшим. С некоторого времени он был на подозрении и за ним следили. Подозревали, что он оказывает услуги полиции. По крайней мере дважды в вечернее время к нему заходил сержант О'Мэлли. Придя в третий раз, О'Мэлли увел его к прокурору. Не знаю, правда ли, будто Розенберг выболтал что-то лишнее. Может быть, просто решили перестраховаться. Как раз в ту минуту, когда мы ухлопали Кармине, Розенберг вышел, чтобы закрыть лавку. Конечно, он мог нас опознать. Вот и решили от него избавиться.

Ничто не менялось. Живя в Бруклине, Эдди десятки раз слышал подобные истории, а потом читал об этом в газетах.

— На этот раз, не знаю почему, они не захотели, чтобы я участвовал в деле, и выбрали новичка, огромного рыжего парня по имени Джо.

— За рулем был Тони?

— Да, ты, наверное, читал, как все получилось. Видимо, Розенберг и вправду что-то сболтнул, так как к нему при- ставили телохранителя, человека в штатском, не из нашего района. Каждое утро ровно в восемь Розенберг открывал свою лавку. Рядом станция метро, а потому в этом месте всегда большое движение. Когда подъехала машина, старик что-то переставлял в витрине. Тут он и заработал три

пули в спину. Должно быть, Джо заметил типа, вертевшегося рядом, и учуял в нем шпиона. А может быть, просто решил принять меры предосторожности. Так или иначе он уложил заодно и его, и раньше, чем толпа поняла, в чем дело, машина исчезла.

До Эдди доходили лишь смутные слухи об этом деле, но сцена была настолько знакомой, что он представил ее себе так же ясно, как если бы все происходило на экране.

Такую же сцену он впервые увидел в детстве, когда ему было четыре с половиной года. Из братьев Рико он один был свидетелем происшествия. Джино, которому не исполнилось и двух лет, ползал в то время на полу в комнате у бабушки, а Тони еще и на свете не было. В то время мать как раз донашивала его, и для нее за прилавком был поставлен стул.

Это была не та лавчонка, которую она содержала теперь. Тогда еще был жив отец. Эдди его хорошо помнил.

Это был мужчина с густыми темными волосами, большой головой и удивительно спокойным лицом.

Эдди он уже тогда казался старым, хотя ему было всего тридцать пять лет.

Отец не был уроженцем Соединенных Штатов. Он родился на Сицилии, близ Таормины, где еще подростком работал на канатной фабрике. В Нью-Йорк он приехал девятнадцатилетним парнем. Здесь ему пришлось переменить ряд профессий, по всей вероятности весьма скромных, так как это был мягкий, робкий человек со спокойными жестами и немного застенчивой улыбкой. Звали его Чезаре. Некоторые жители квартала еще помнили то время, когда он торговал на улице мороженым.

Тридцати лет Чезаре женился на двадцатилетней Джулии, только недавно похоронившей отца.

Эдди всегда подозревал, что ее выбор пал на Чезаре только потому, что кто-то должен был продолжать вести дело – торговать в лавке, в которой продавались овощи, фрукты и кое-какие бакалейные товары. Мать Джулии и тогда была уже очень тучной.

У Эдди сохранилось в памяти, как отец поднимал люк, находившийся у левого прилавка, и спускался в погреб, чтобы принести масла или сыру, а может, и мешок картофеля, который он тащил на плечах.

Это случилось во второй половине дня. Шел снег. Эдди с соседским мальчиком играл на улице перед лавкой.

Еще не совсем стемнело, но витрина уже была освещена.

Вдруг на улице поднялся шум, слышались пронзительные голоса, куда-то бежали люди.

Чезаре выскочил из лавки и встал возле своих корзин.

Кто-то из бежавших толкнул его. В то же мгновение раздались два выстрела.

Видел ли Эдди все это сам? Об этом столько судили и рядили в их доме, что его воспоминания не могли не смешаться с рассказами других.

Во всяком случае; он помнил, как отец поднял обе руки к лицу, закачался и рухнул на тротуар. Эдди мог поклясться, что видел своими глазами, как у отца снесло половину лица.

– От левой половины лица осталась одна дыра, – часто потом повторял он.

Должно быть, стрелявший был еще далеко, так как человек, которого он преследовал, успел юркнуть в лавку.

– Ведь он был молодой, правда, мама?

– Лет девятнадцати или двадцати. Ты не можешь его помнить.

– Да что ты! Я даже помню, что он был весь в черном.

– Тебе так показалось. Ведь уже темнело.

Сначала один полисмен, а за ним другой ворвались в лавку, даже не взглянув на тело Чезаре Рико. Джулия сидела на стуле за левым прилавком, скрестив руки на раздувшемся животе.

– Куда он побежал?

– Туда...

Она показала на дверь в глубине лавки, выходившую во двор. Семья Рико жила в очень старом квартале. За домами тянулись дворы со множеством закоулков, где торговцы ставили тележки, а у одного из соседских лавочников даже была там конюшня.

Кто вызвал по телефону «скорую помощь»? Никто этого так и не узнал. Прибыла санитарная машина. Эдди видел, как она свернула на их улицу и резко затормозила перед домом. Двое в белых халатах выскочили на тротуар, и только тогда на пороге появилась мать и кинулась к телу мужа.

Полисмены прочесывали весь квартал. Раз десять они пробегали через лавку. Задние дворы имели не меньше двух или трех выходов.

Прошло много лет, прежде чем Эдди узнал всю правду. Человек, за которым гнались, вовсе не удрал тогда через дворы. Когда он вбежал в лавку, люк от погреба был открыт. Джулия, узнав беглеца, знаком показала ему на погреб, затем опустила крышку и на это место поставила свой стул. Никто из полисменов об этом не догадался.

– Я не могла броситься к вашему бедному отцу! – неизменно заканчивала она свой рассказ.

Ее объяснение всем казалось естественным. Все соседи считали, что так и следовало поступить.

Тот парень оказался поляком, носившим странное имя. В ту пору он едва говорил по-английски. Долгие годы потом о нем ничего не было слышно.

Когда они снова увидели его, это был уже солидный, представительный человек, должно быть крупный босс, и звали его Сид Кубик. В его руках были сосредоточены ставки на бегах не только в Бруклине, но и в нижней части Манхаттана и даже в Гринич-Вилледже. Эдди стал работать на него.

После смерти мужа Джулии пришлось расстаться со старой лавкой и купить по соседству другую, где торговали конфетами и содовой водой. Ведь не женское это дело – таскать ящики с фруктами и корзины с овощами!

Сид Кубик, проходя мимо, частенько заглядывал к ней. Он называл ее мамаша Джулия, смешно произнося эти слова.

Братья, сидя в машине, молчали. Эдди заметил вдалеке на пляже красное пятно. Это была женщина в ярко-красном купальнике. Она шла медленно, время от времени наклоняясь, должно быть, собирала ракушки. До них она дойдет еще нескоро.

Одно обстоятельство не давало Эдди покоя. Дело Кармине имело полугодовую давность. Через четыре дня после убийства у «Эль Чарро» был устранен единственный свидетель. При таком положении маловероятно, чтобы какой-нибудь прокурор полез на рожон и отважился атаковать Организацию.

Прежде чем развернуть следствие, нужно подготовить хорошие зацепки, свидетельства, на которые можно было бы опереться. Шли недели, месяцы, а о деле ничего не было слышно. Большое жюри занималось им без энтузиазма, скорее, для успокоения жителей.

Эдди знал, что брат думает о том же.

– Кто-то проговорился? – прошептал он, повернув голову к Джино.

– Точно мне узнать не удалось. Ходят всякие слухи.

Особенно много об этом стали говорить последние две недели. В барах появились какие-то новые лица, а О'Мэлли повсюду ходит и ухмыляется с довольным видом, будто собирается преподнести какую-то новость. Ты даже не представляешь, сколько людей спрашивали у меня как бы мимоходом: «Какие известия от Тони?» У меня впечатление, что некоторые даже избегают показываться со мной на людях. А случается, что спрашивают и так:

«Значит, Тони устроился? Верно, что он удачно женился?» Потом мне было приказано отправиться в Сан-Диего и там обосноваться.

– Почему тебе пришло в голову приехать ко мне?

Джино как-то странно посмотрел на брата, будто не доверяя ему, так же как и всем другим.

– Из-за Тони.

– Объясни.

– Если его найдут, ему будет крышка.

– Ты думаешь? – с сомнением пробормотал Эдди.

– Они не станут больше волынить, как с Розенбергом. И вообще, как правило, совсем нежелательно, чтобы кто-нибудь выходил из Организации.

Эдди, черт возьми, и сам это знал, но отгонял от себя неприятную мысль.

– Тони причастен к последнему делу, которым сейчас занимается прокурор. Вот они и считают, что, если полиция его хорошенько прижмет, возможно, он и заговорит.

– И ты так думаешь?

Джино сплюнул через окно машины в горячий песок.

– Не исключено, – помолчав, сказал он.

Затем процедил сквозь зубы:

– Ведь Тони влюблен.

И после небольшой паузы добавил:

– Говорят, его жена беременна.

Последнее слово он произнес с явным отвращением.

– Ты и вправду не знаешь, где он?

– Если бы знал, я к нему поехал бы.

Эдди не решился спросить зачем. Хоть они и были братьями, между ними и над ними стояла Организация, о которой они осмеливались упомянуть лишь намеками.

– Где же он мог укрыться?

– В Канаде, в Мексике, в Южной Америке. Неважно где. Важно выждать, пока все затихнет.

Джино заговорил другим тоном, будто это были мысли вслух.

– Я подумал, что ты более свободен в своих действиях, чем я. У тебя много знакомых. Ты в деле не замешан. Может быть, тебе удастся выяснить, где он скрывается, и помочь ему куда-нибудь уехать?

– Деньги у него есть?

– Ты прекрасно знаешь, что у него их никогда не было.

Теперь женщина в красном была от них уже на рас-

стоянии трехсот метров. Эдди включил зажигание, нажал на акселератор и дал задний ход. Машина пошла по песку между дюн.

– Где твой багаж?

– У меня только чемодан. В камере хранения на автобусной станции.

Имущество Джино всегда умещалось в одном чемодане. С тех пор, как он семнадцатилетним юношей покинул материнский дом, у него никогда не было постоянного жилья. Он ютился в мебелирашках, месяц тут, две недели там, и найти его или передать письмо можно было только в баре, хоть он и в рот не брал ни пива, ни вина.

Снова молчание. Джино так и не зажег сигареты. Эдди даже усомнился, видел ли он когда-нибудь, что тот курит.

– Лучше нам свернуть с автострады, – не без смущения произнес старший брат. И добавил:

– Сюда приехал Джо.

Братья понимали друг друга с полуслова. Очевидно, Джо решили услатить подальше, как и Джино. Не впервые к Эдди присылали каких-то людей на несколько дней или недель.

Но затем ли он только прибыл, чтобы здесь отсидеться? Для этого были десятки мест, а устроили его именно у одного из братьев Рико.

– Он мне не нравится, – прошептал Эдди.

Брат пожал плечами. Они ехали по дороге, параллельной автостраде, и, когда пошли пустынные места, Джино вдруг сказал:

– Высади меня здесь.

– Как же ты доберешься?

– Автостопом.

Эдди это устраивало, но он не подал виду.

– Ты, конечно, не станешь ввязываться в дела Тони?

– Почему же? Сделаю для него все, что смогу.

Джино этому явно не поверил. Он открыл дверцу и, не протягивая брату руки, помахал ему, бросив на прощание:

– Пока!

Эдди чувствовал себя неловко. Помедлив, он поехал дальше, не оборачиваясь и следя в зеркальце за постепенно уменьшающейся фигурой брата.

Он сказал мисс ван Несс, что едет в клуб «Фламинго».

Если Бостон Фил звонил из Майами, она ему, конечно, это передала и тот уже соединился с клубом. От этой мысли ему стало не по себе. Правда, он свободен в своих действиях и легко мог по дороге кого-нибудь встретить или где-нибудь задержаться. Наконец, могла испортиться машина. И все же его отлучка была сейчас некстати.

Он стал набирать скорость, снова выехал на автостраду и около двенадцати часов остановился перед зданием «Фламинго», на котором красовалась вывеска:

КОКТЕЙЛИ – РЕСТОРАН – ДАНСИНГ

Перед входом стояли три-четыре автомашины. За неимением лучшего места он поставил свою лишь наполовину в тень, толкнул дверь и очутился в баре, где благодаря кондиционированному воздуху было прохладно.

– Хелло, Тедди!

– Хелло, мистер Рико!

– Пэт на месте?

– Хозяин у себя в кабинете.

Сначала нужно было пройти зал, со стенами, разрисованными розовыми фламинго, где метрдотель обслуживал сидящих за столиками клиентов, затем гостиную с красными бархатными креслами. В глубине виднелась дверь с надписью: «Кабинет директора».

Пэт Мак-Джи сразу поднялся и протянул Эдди большую и сильную руку.

– Как дела?

– Все в порядке?

– Тебе только что звонили.

– Фил?

– Он самый. Из Майами. Вот его номер. Он ждет твоего звонка.

– Он ничего не сказал?

Эдди подозрительно посмотрел на Мак-Джи. Ерунда! Фил не из тех, кто станет откровенничать с хозяином «Фламинго».

Между тем Мак-Джи снял трубку и минуты через две передал ее Эдди со словами:

– Он остановился в «Эксельсиоре». Кажется, он там не один.

На другом конце провода раздался неприятный голос Фила:

– Алло! Это ты, Эдди?

Эдди бывал в роскошных апартаментах отеля «Эксельсиор». Фил всегда занимал номер «люкс», любил принимать там гостей и собственноручно готовить им коктейли. Он был знаком со многими журналистами, с людьми разных кругов – актерами, профессиональными

спортсменами. У него можно было встретить даже нефтяных магнатов из Техаса.

– Пришлось завернуть в гараж. Моя машина...

Фил перебил его:

– Приехал Сид.

Отвечать было нечего. Эдди ждал. В номере Фила были люди: оттуда смутно доносился гул разговора.

– На двенадцатичасовой самолет ты уже опоздал. Вылетишь в два тридцать.

– Значит, я должен приехать?

– Я сказал это достаточно ясно.

– Прошу прощения. Просто хотелось уточнить.

Он говорил тоном клерка, стоящего перед директором, который сейчас потребует на проверку счета. Присутствие Мак-Джи стесняло его. Не хотелось, чтобы тот видел его унижение. Ведь здесь, в своем секторе, он был главным. Это он отдавал приказания Мак-Джи.

– Парень приехал?

– Я устроил его в магазине.

– До скорой встречи!

Фил повесил трубку.

– Всегда так, – заметил Мак-Джи. – Считает, что он пуп земли.

– Да, ничего не скажешь.

– Хотите посмотреть счета за неделю?

– Сегодня некогда. Нужно ехать в Майами.

– Я догадался. Говорят, туда приехал Сид.

Удивительно, с какой неслыханной быстротой все становилось известным. Впрочем, Мак-Джи был всего лишь владельцем придорожного бара, где стояло несколько

игорных автоматов и при случае можно было сыграть партию в кости или поставить на лошадь.

Два раза в неделю Эдди объезжал свой сектор и собирал доходы. Что касается ставок, то мисс ван Несс передавала их по телефону прямо в Майами.

Все, что он получал, шло, конечно, не ему одному.

Львиную долю приходилось отсылать боссам покрупнее, но и у него оставалось достаточно, чтобы жить с полным комфортом, как он всегда мечтал.

Нет, он не был видным бизнесменом. О нем не писали в газетах, и его имя редко упоминалось в барах Нью-Йорка, Нью-Джерси или Чикаго. Но в своем округе он занимал определенное положение, и не было ни одного ночного клуба, где бы ему безоговорочно не платили установленной дани.

Никто не рискнул бы водить его за нос. Эдди слишком хорошо разбирался в бухгалтерии. Он никогда не выходил из себя и не прибегал к угрозам. Напротив, говорил очень спокойно, лаконично, и все понимали его с полуслова.

В сущности, он обращался с людьми примерно так, как Фил обращался с ним, и некоторые за его спиной даже поговаривали, что он ему подражает.

– Рюмку martinи?

– Нет, нужно еще заехать домой переодеться.

Случалось, что в большую жару он менял костюм и белье два раза в день. Не потому ли, что и Фил делал то же самое?

Эдди нечаянно почесал щеку, и родинка снова стала кровоточить. Правда, крови было совсем мало, но он уже с беспокойством посмотрел на носовой платок.

– Это правда, что в «Самоа» опять действует рулетка? – спросил Мак-Джи.

– Изредка. По настоянию клиентов.

– С Гарретом это согласовано?

– С условием, что не будет жалоб.

– Я тоже хотел бы...

– Нет, только не здесь! Здесь слишком на виду, слишком близко от города. Это опасно.

Шериф Гаррет был одним из его друзей. Иногда они вместе обедали. У Гаррета было достаточно оснований ни в чем ему не отказывать. Но действовать приходилось тонко. Этого не хотели понять такие люди, как Мак-Джи, они готовы были перегнуть палку.

– Прощай! Встретимся дня через два-три.

– Привет Филу! Вот уже пять лет, как он сюда не заглядывал.

Эдди сел в машину, думая о том, заметил ли Пэт его озабоченность. Сначала он заехал в магазин, чтобы предупредить, что вернется завтра или послезавтра. Знала ли что-нибудь мисс ван Несс? Ведь не сам он ее выбирал, ее прислали сверху. Джо в белом фартуке обслуживал покупательницу, и видно было, что он находит это забавным.

Он подмигнул Эдди, но Рико покорила такая фамильярность.

– Поглядывай за ним! – посоветовал он Анджело. Он очень доверял старику.

– Можете на меня положиться, хозяин.

Старшие девочки еще не пришли из школы завтракать.

Поджидавшая мужа Эллис сразу поняла, что есть новости.

- Ты переоденешься?
- Да. Приготовь мне чемодан.
- Едешь в Майами?
- Придется.
- Надолго?
- Еще не знаю.

Он не решился ей сказать, что видел Джино, хотя и был уверен, что жена его не подведет. Она была не из тех женщин, которые треплют языком. Если он почти не посвящал ее в свои дела, то только потому, что это его стесняло бы. Эллис, без сомнения, догадывалась, чем он занимается. Но Эдди предпочитал избегать лишних подробностей. Ему хотелось, чтобы его дом, его семья были подальше от круга его деловых интересов.

Он очень любил Эллис и особенно ценил, что она любит его таким, каков он есть.

- Ты позвонишь?
- Позвоню сегодня же вечером.

Когда Эдди уезжал, он звонил домой ежедневно, а иногда и по два раза в день. Расспрашивал о детях, обо всех новостях. Ему было необходимо чувствовать, что дом стоит на месте со всем, что в нем есть.

- Возьмешь белый смокинг?
- На всякий случай положи. Вдруг понадобится.
- Три костюма?

Она не впервые снаряжала его.

- У тебя на щеке кровь.
- Да, я знаю.

Перед отъездом он еще раз приложил к родинке квасцы, потом пошел поцеловать спавшую после завтрака Бэби.

«Когда же, наконец, она заговорит?» – в сотый раз подумал он.

Что будут впоследствии думать о нем его старшие дочери? Какое воспоминание останется у них об отце? Эти мысли частенько мучили его.

Эдди обнял жену. У нее было такое нежное тело, такие приятные губы!

– Постарайся не задерживаться.

Он вызвал такси, чтобы не оставлять Эллис без машины. Шофер знал его и назвал боссом.

3

Пассажиры, севшие в Тампе и еще раньше, уже успели снять галстуки и пиджаки. Эдди редко позволял себе на людях такую вольность. Он сидел прямо, как в автобусе, и с безразличным видом смотрел вперед, только изредка окидывая взглядом рыжевато-зеленые джунгли, над которыми пролетал самолет. Когда стюардесса с улыбкой спросила у него, не хочет ли он выпить чаю или кофе, он лишь кивнул. Эдди вовсе не считал, что с женщинами непременно нужно быть любезным. Он не был с ними и груб. Просто питал к ним недоверие.

Жизнь научила его ко многому относиться с недоверием, и это явно шло ему на пользу. Глядя время от времени в иллюминатор, он различал сверкающую ленту дороги, тянущуюся вдоль прямой линии канала, на котором не было видно ни одной лодки. Канал этот был оросительным. В его стоячих черных и, наверное, липких водах скользили аллигаторы и еще какие-то твари, о присутствии

которых можно было догадаться по непрестанно поднимавшимся на поверхность большим пузырям.

На протяжении свыше полутора ста миль здесь не встретишь ни дома, ни бензоколонки. И ни одного тенистого участка! Иногда за целый час не увидишь ни одной машины.

У Эдди всегда было беспокойно на душе, когда приходилось одному проезжать по этим местам. Даже воздух, словно отяжелевший от зноя, казалось, враждебно ворчал.

На одном конце автострады раскинулся Майами с улицами, обсаженными пальмами, и вздымавшимися к небу белоснежными отелями, на другом – тихие опрятные городки Мексиканского залива. А посередине – буквально «ничейные» земли: раскаленные джунгли, отданные во власть бесчисленных зверей. Что будешь делать в таком месте, если вдруг за рулем почувствуешь себя плохо?

А вот в самолете дышишь кондиционированным воздухом, и времени уходит не больше, чем нужно было в детстве на переезд в автобусе из Бруклина в центр Манхэттана.

И все же он всегда нервничал, когда уезжал из дому. С тем же чувством он в былые времена покидал свой квартал в Бруклине. В Майами он не был боссом. Никто его не узнавал ни на улицах, ни в барах. Люди, которых он собирался повидать, жили в совсем ином мире. Они были сильнее его, и он зависел от них.

Ему не раз случалось сюда приезжать. Почти все крупные боссы ежегодно проводили несколько недель в Майами или на Палм-Бич. Западным побережьем Флориды они пренебрегали, и если им нужен был Эдди, вызывали его к себе.

И сейчас, как всегда, он с волнением готовился к этой встрече, не столько думая о том, что он скажет, сколько стараясь ощутить уверенность в себе. Это было самое главное. Необходимо было внутреннее убеждение, что правда на его стороне.

Всю жизнь он поступал именно так. Даже в те годы, когда некоторые товарищи в Бруклине посмеивались над ним, называя бухгалтером. А кто из них теперь жив и мог бы убедиться, что он избрал правильный путь?

Впрочем, они все равно не одобрили бы его жизненного пути. Даже Джино не одобрял. Эдди всегда казалось, что он смотрит на него не с завистью, а с презрением.

Ну что ж! Значит, Джино и все другие ошибались.

Внушив себе это, он приободрился и теперь мог спокойно ждать предстоящей встречи с Филом и Сидом Кубиком.

Как бы ни важничал Бостон Фил, мнение Сида Кубика значило больше, и Фил это прекрасно понимал.

Эдди всегда шел по прямому пути.

В юности открывалось много возможностей выбрать себе дорогу. Тогда Организация еще не была тем, чем стала теперь. Собственно, ее по-настоящему и не существовало. В ту пору только называли имена крупных боссов, которым удалось выдвинуться во время сухого закона.

Иногда случалось, что они договаривались о проведении совместной операции, делили сферы влияния, объединяли свои силы, но чаще всего такие дела оканчивались грандиозными побоищами.

А где-то на заднем плане копошились сотни мелких гангстеров. Одним доставался какой-нибудь квартал, дру-

гим несколько улиц, а остальные довольствовались случайным рэкетом.

Так было и в Бруклине, и в южной части Манхэттана. Парни, с которыми Эдди ходил в школу, уже в двадцать лет мнили себя важными персонами и с помощью двух-трех товарищей пытались выкроить себе свой собственный участок. Убивать приходилось не только тех, кто мешал, убивать приходилось и для престижа.

А престижа они действительно добивались. С завистью и восхищением смотрела вся улица, как шикарно одетые парни выходили из открытой машины у дверей какого-нибудь бара или бильярдной.

Не это ли ослепило Джино? По правде говоря, Эдди так не думал. Джино не был похож на других. Он никогда никому не пускал пыль в глаза, не красовался перед девушками. Если он стал убийцей, то только по призванию.

Он убивал с удивительным хладнокровием, будто утолял жажду мести, и, вероятно, ему доставляло тайное наслаждение нажимать на спуск своего пистолета, направленного на живую мишень.

Некоторые открыто осуждали его. Эдди предпочитал в этот вопрос не углубляться. Ведь речь шла о его брате. А Джино уже, наверное, трясется в автобусе, который идет к Миссисипи или в Калифорнию.

Сам Эдди никогда не пытался работать в одиночку.

Его ни разу не арестовывали. Он был одним из немногих уцелевших от прежнего времени, на кого не завели дела в полиции и у кого даже не брали отпечатков пальцев.

Когда-то, еще безусым юнцом, Эдди собирал на улице мелкие ставки для местного букмекера, который давал ему

за труды два-три доллара, если день был удачным. В школе Эдди считался хорошим учеником. Из братьев Рико только он ходил в школу до пятнадцати лет.

Как-то раз в подсобном помещении одной из парикмахерских было организовано целое агентство для сбора ставок. Здесь по-настоящему и началась его деятельность.

На стене висела черная доска, на которой записывали мелом клички лошадей и занятое ими место. Тут же висело около десятка телефонных аппаратов и суеилось столько же, если не больше, клерков. На скамейках сидели игроки в ожидании результатов. Хозяина звали Фалера, но всем было известно, что работает он не на себя, что над ним есть кое-кто повыше.

Разве не так было и сейчас? Ведь и над Филом, и над Сидом Кубиком, и даже над таким боссом, как Старый Мосси, владельцем многих казино, построившим в Рено ночной клуб, который обошелся ему в несколько миллионов, были птицы еще поважнее, а кто именно – об этом Эдди ничего не знал.

Говорили о какой-то Организации. Некоторые делали предположения, пытались что-то узнать, болтали лишнее.

Другие, считая себя достаточно сильными, чтобы не прибегать к покровительству, сами претендовали на высокое положение, но это им редко удавалось. Все эти Нитти, Карачоло, Диллоны, Лендисы и десятки других отправлялись в один прекрасный день в автомобильную поездку, обрывавшуюся на каком-нибудь пустыре, или после обильного ужина грохались на землю, изрешеченные пулями, как недавно Кармине.

Эдди признавал только честную игру, и Сиду Кубику,

хорошо знавшему его мать, это было известно. Другие, те, что стояли над ним, тоже должны были это знать.

Вот уже много лет, как именно его, Эдди Рико, посылали туда, где возникало новое агентство. Он стал настоящим экспертом. Ему приходилось работать в Чикаго, в Луизиане и в течение нескольких недель помогать налаживать дела в Сент-Луисе и во всем штате Миссури.

Он был спокоен, пунктуален и никогда не требовал больше, чем ему полагалось.

Эдди мог с точностью до нескольких долларов подсчитать прибыль от игорного автомата, мог определить средний доход от рулетки или от игры в кости. А в тайнах лотереи он разбирался, как никто другой.

Про него говорили: «Этого вокруг пальца не обведешь!»

Он продолжал разъезжать и после женитьбы, но когда родилась старшая дочь, попросил переменить ему должность. Другой на его месте стал бы требовать, ссылаясь на заслуги. Но Эдди не настаивал – просто подал обоснованное заявление, которое говорило само за себя.

Давно уже он мечтал о самостоятельном секторе. Карта Соединенных Штатов была знакома ему как свои пять пальцев. Казалось, все выгодные места уже распределены.

Майами и восточное побережье Флориды с казино и роскошными отелями, куда каждую зиму со всех концов света устремлялись сливки общества, составляли один из самых больших участков. Он был настолько велик, что пришлось его разделить на три или четыре сектора, и Бостону Филу часто приходилось туда наведываться, чтобы следить за порядком и мирить местных боссов.

На западном побережье выгодных дел не было. Туда никто и не просился. Городки, раскинувшиеся вдоль пляжей и лагун в двадцати – тридцати милях друг от друга, привлекали более скромную публику – отставных офицеров, крупных чиновников, промышленников из разных мест. Они либо спасались там от зимних холодов, либо переселялись туда на постоянное жительство.

– Договорились, малыш! – сказал ему Сид Кубик, ставший теперь широкоплечим мужчиной с крупной, будто высеченной из белого камня головой.

Кто, как не Эдди, сделал это побережье таким, каким оно стало теперь? Боссы это прекрасно понимали. Об этом им красноречиво напоминали ежегодные доходы.

Кроме того, за десять лет там не произошло ни одного убийства. Ни одной скандальной истории, раздутой в газетах.

Кому, как не Эдди, пришлось в голову для маскировки купить за бесценок фруктово-овощное предприятие, которое в ту пору не давало никакой прибыли?

А теперь «Оптовая торговля фруктами» имела уже три филиала в разных местах, и Эдди мог бы жить только на прибыль с нее.

Эдди не сразу обзавелся собственным домом. Сначала он снял квартиру в приличном, но не слишком шикарном квартале. И не сразу стал налаживать связи с шерифом и начальником полиции, как это сделали бы на его месте другие.

Эдди Рико решил подождать, пока он приобретет репутацию честного коммерсанта, образцового отца семейства, человека положительного, который каждое воскре-

сенье ходит в церковь и щедро жертвует на благотворительные нужды.

Только тогда он посетил шерифа и к этому визиту готовился так же тщательно, как сейчас в самолете – к предстоящей встрече в Майами. Он говорил с шерифом веско и уверенно:

– В округе существует восемь игорных домов, с десятков мест, где собирают ставки на лошадей, и не менее трехсот игровых автоматов в разных пунктах, включая и два загородных клуба.

Так оно и было на самом деле. Все сходилось в руках мелких жучков, действовавших на свой страх и риск.

– Время от времени, – продолжал он, – разные лица с возмущением разглагольствуют о падении нравов, проституции и тому подобных вещах. Вы кое-кого арестовываете. Их осуждают или оправдывают. А затем они снова берутся за старое или на их место приходят другие. Вы прекрасно понимаете, что изжить это невозможно.

Пусть ему, Эдди, предоставят свободу действий, и число злочных мест будет ограничено, они попадут под наблюдение, и тогда наладится порядок. Игроки перестанут жаловаться, что их обирают шулера. Несовершеннолетние девушки больше не будут появляться в барах или на панели. Короче говоря, скандалы прекратятся.

О вознаграждении можно было не говорить. Шериф прекрасно понимал, что и ему кое-что перепадет. Правда, власть его не выходила за пределы города, но через несколько недель у Эдди был установлен контакт и с начальником полиции.

С владельцами баров Рико держался еще холоднее и

уверенней: людей подобного типа он знал насквозь.

– Допустим, ты теперь имеешь столько-то долларов в неделю. Но часть этих денег у тебя вымогает полиция и всякие политиканы. А бывает и так, что, несмотря на это, твою лавочку закрывают, а тебя отдают под суд... С помощью Организации ты удвоишь свои доходы, перестанешь бояться каких-либо подвохов и работать будешь почти в открытую. Все пойдет как по маслу. И даже при условии, что половину придется отдавать нам, ты все равно не останешься внакладе... Если ты считаешь, что тебя это не устраивает, с тобой поговорят мои знакомые парни. Но имей в виду: на вежливость тут рассчитывать не придется.

Такие разговоры доставляли ему удовольствие. Он чувствовал себя хозяином положения. И только вначале, когда разговор еще не клеился, у него едва заметно дрожала верхняя губа.

Он никогда не носил с собой оружия. Единственный пистолет, которым обладал Эдди, лежал в ящике его ночного столика. Что касается кулаков, то для этого он слишком ненавидел удары и кровь. Эдди дрался только один раз в жизни, в шестнадцать лет, и с ним случился обморок, когда ему разбили нос.

– Можешь подумать. Ведь я не тороплю. Завтра зайду еще раз.

Сменился шериф. Но и с новым, Уиллом Гарретом, дела пошли не хуже, равно как и с Крэгом – начальником полиции.

Журналисты сразу учуяли, чем пахнет, и тоже позаботились о своей выгоде. Правда, чаще всего выражалась она

не в денежных знаках, а в обедах, коктейлях и хорошеньких девочках.

Эдди знал, что думает о нем Джино. Но это не мешало ему быть убежденным на своей правоте. Что ни говори, а дом его – один из самых красивых на Сиеста-Бич.

У него жена, с которой можно показаться в любом обществе, не боясь, что она допустит какую-нибудь оплошность. Старшие девочки учатся в лучшей частной школе.

Для большинства жителей Санта-Клары и окрестностей он – процветающий коммерсант, и подпись его достаточно солидна.

Три месяца назад он отважился на рискованный шаг – выставил свою кандидатуру в члены «Загородного клуба», который находился в двух шагах от его дома, на Сиеста-Бич, и куда доступ был очень ограничен. В ожидании ответа он всю неделю так волновался, что изгрыз себе ногти. Когда же наконец ему по телефону сообщили, что он принят, у Эдди выступили на глазах слезы и он долго сжимал в объятиях Эллис, не в силах вымолвить ни слова.

Эдди не любил Филя, который никогда не жил в Бруклине и добился своего положения иными средствами, чем он. Впрочем, каковы были эти средства, он точно не знал и не хотел доверять слухам.

Что бы там ни было, существовал Сид Кубик, который знал цену старшему Рико и был когда-то спасен его матерью.

Эдди поднялся, снял с сетки чемодан, смешался с толпой пассажиров, спустился по трапу, и сразу же его окутал влажный зной. Он долго выбирал такси, так как питал отвращение к старым машинам с продавленными сиденьями и предпочитал, чтобы шофер выглядел импозантно.

– В «Эксельсиор»!

Майами не ослеплял его. Огромный город, кричащая роскошь. Поистине роскошными были обсаженные пальмами улицы, где крупные фирмы с Пятой авеню открыли свои филиалы. Среди садов возвышались величественные белые и розовые особняки, выходившие на лагуну. Почти все домовладельцы имели собственные яхты, причаленные к частным молам. А моторных лодок и глиссеров было не перечесть.

В Нью-Йорке, в Бруклине, ходили слухи, что здесь в одном из лучших домов круглый год живет какой-то крупнейший босс, что спальня его бронирована и он постоянно держит при себе полдюжины телохранителей.

Эдди это совсем не занимало. Тем он был и силен, что не интересовался чужими делами.

Жил он спокойно, но только потому, что знал свое место, никому не завидовал и на чужое не зарился.

Отель «Эксельсиор» – прекрасное здание в двадцать семь этажей. При нем на берегу моря огромный плавательный бассейн. Вдоль стен большого холла – киоски с предметами роскоши. Одни только ливреи служащих должны стоять целое состояние!

– Будьте любезны вызвать мистера Кубика.

Вежливый, уверенный в себе, он ждал. Портье набрал номер.

– Мистер Кубик просит вас подождать здесь. У него совещание.

Такое мог придумать Фил, чтобы поколебать его уверенность в себе и подчеркнуть собственное высокое положение. Но то ведь Фил, а не Сид Кубик. Вполне естественно, что Сид Кубик занят, что у него совещание...

Он ворочает такими делами, что может потягаться с любым торговым домом, с любой страховой компанией.

И дела у него посложнее – их нельзя проводить по конторским книгам.

Прошло четверть часа, и Эдди захотелось пить. В глубине холла находился бар, погруженный, как обычно, в полумрак и располагающий к покою.

Случалось, что перед важным свиданием Эдди выпивал стопку виски, иногда две. Если он так не поступал сегодня, то только потому, что хотел доказать самому себе, что совсем не боится.

А чего ему, собственно, бояться? В чем его могут упрекнуть? Несомненно, Кубик будет говорить с ним о Тони. Но ведь он не может быть в ответе ни за женитьбу брата, ни за его поведение!

Рядом с ним беспрерывно поднимался и опускался один из лифтов, и всякий раз, как из него выходили люди, Эдди пытался отгадать – не они ли присутствовали на совещании у Сиды.

– Синьор Рико?

– Да. – У него екнуло в груди, – Вас ждут в номере тысяча двести шестьдесят два.

Лифт поднялся бесшумно и быстро. Светлые коридоры были застланы толстыми зелеными дорожками. На дверях поблескивали медные номера.

Раньше чем Эдди успел постучать, дверь номера 1262 открылась и Фил молча протянул ему руку, равнодушную руку, которая не отвечала на пожатие. Высокий, в чесучовом костюме мужчина, лысеющий, с расплывающимися чертами лица.

Жалюзи на окнах, по-видимому выходявших на море, были приспущены.

– А где Кубик? – спросил Эдди, оглядывая просторный номер.

Фил подбородком указал на неплотно закрытую дверь.

Легко было догадаться, что тут и в самом деле происходило совещание: на круглых столах стояли стаканы, а в пепельницах – четыре или пять недокуренных сигар.

Из соседней комнаты, распространяя сильный запах одеколона, вышел Кубик, голый до пояса, с полотенцем в руке.

– Садись, малыш!

У него была мощная волосатая грудь, мускулистые, как у боксера, руки, и все в нем, особенно подбородок, казалось высеченным из камня.

– Приготовь ему хайбол. Фил!

Отказаться было неудобно, и Фил не стал возражать.

– Я сейчас приду, – сказал Кубик.

Он вышел и вскоре вернулся, заправляя рубашку в холщовые штаны.

– Ты знаешь что-нибудь о брате?

«Неужели он пронюхал, что Джино поехал не прямо в Калифорнию?» – подумал Эдди. Лгать было опасно.

– О Тони? – предпочел переспросить он, в то время как Фил клал в бокал кусочки льда.

– Да. Он тебе писал?

– Нет. Писала мама. Сегодня утром я получил от нее письмо.

– Что же она пишет? Я очень люблю твою мать, она смелая женщина. Как она поживает?

– Хорошо.

– Она видела Тони?

– Нет. Мама пишет, что он женился, но она не знает на ком.

– Он к ней не приезжал последнее время?

– Как раз на это она и жалуется.

Кубик опустился в кресло и вытянул ноги. Потом нащупал ящик с сигарами. Фил вовремя поднес ему золотую зажигалку со своими инициалами.

– И это все, что ты знаешь о Тони?

Лучше было играть в открытую. Казалось, Кубик не следит за ним, но время от времени Эдди чувствовал, как тот бросает на него быстрый и зоркий взгляд.

– Мама удивляется, что к ней заходят незнакомые люди и спрашивают о Тони. В ее письме чувствуется беспокойство.

– Она думает, что это полиция?

Эдди взглянул на Кубика в упор.

– Нет, – решительно произнес он.

– Ты знаешь, где Джино?

– В том же письме мать сообщает, что его послали в Калифорнию.

– Ты захватил письмо с собой?

– Я его сжег. Я всегда сжигаю письма, когда их прочту.

Это была правда. Ему не было смысла лгать. Свои дела он устраивал так, чтобы по возможности не лгать, особенно Кубику. А длинный юркий Фил все время вертелся возле них с довольной усмешкой, которая не нравилась Эдди. Казалось, Филу не терпится услышать продолжение разговора.

– Мы тоже не знаем, где Тони, и это очень опасно, – произнес Кубик, разглядывая свою сигару. – Я надеялся, что хоть тебе он написал. Ведь известно, что вы все трое очень дружны.

– Вот уже два года, как мы с Тони не виделись.

– Но ведь он мог тебе написать. Очень жаль, что он этого не сделал.

Чувствовалось, что Фил доволен. Бостон Фил не был итальянцем, но он был очень смуглым. Вероятно, в его жилах текла испанская кровь. Уверяли, будто он учился в колледже. Эдди всегда казалось, что Фил относится с каким-то презрением, может быть, даже с ненавистью ко всем тем, кто начинал школу жизни на шумных улицах Бруклина.

– Вот уже полгода, как Тони не работает на нас.

Эдди и глазом не моргнул. Нельзя было показывать, что он что-то знает.

– С тех пор никто его больше не видел. И он даже не поздравил тебя ни с Рождеством, ни с Новым годом?

– Нет.

И это была правда. Эдди невольно улыбнулся. Такие же точно вопросы задал бы и он. Эдди никогда сознательно не подражал Кубику, тем более Филу, но там, где он был главным, в своем секторе, он инстинктивно вел себя так же, как они.

Эдди даже не притронулся к бокалу, в котором таяли кусочки льда. Его собеседники тоже не пили. Зазвонил телефон, Фил взял трубку.

– Алло!.. Да... Не раньше чем через полчаса... У него совещание...

– Это Боб, – повесив трубку, вполголоса сказал он Сиду.

– Может подождать.

Кубик уселся в кресло поглубже, все еще занятый своей сигарой, на конце которой образовался столбик серебристо-белого пепла.

– Девушку, на которой женился твой брат, зовут Нора Малакс. Она работала в одной из контор на Сорок восьмой улице в Нью-Йорке. Ей двадцать два года, и, говорят, она красива. Тони познакомился с ней в Атлантик-Сити, когда ездил в последний раз на отдых.

Сид помолчал, а Фил подошел к окну, чтобы взглянуть на улицу сквозь узкие щели жалюзи.

– Три месяца назад Нью-йоркская мэрия выдала лицензию на брак на имя Тони и этой девушки. Где они поженились – неизвестно. Для этого они могли выбрать любое предместье, любой поселок.

Кубик сохранил легкий акцент. Голос у него был глуховатый.

– Я знал когда-то семью Малаксов, но, скорее всего, это однофамильцы. Отец Норы владеет фермой в Пенсильвании. Кроме нее у него есть еще сын или сыновья.

Эдди не нравилось, что до сих пор все шло так гладко. Ехидная усмешка Фила не предвещала ничего хорошего. Не ухмылялся бы он так, если бы разговор должен был продолжаться в том же тоне.

– Слушай меня внимательно, малыш. Брата ее зовут Питер. Питер Малакс. Этот молодой человек двадцати шести лет вот уже пять лет работает в правлении «Дженерал электрик» в Нью-Йорке.

Последние слова он произнес с неосознанным уважением. Ведь «Дженерал электрик» была гигантской фирмой – побольше, чем их Организация.

– Несмотря на возраст, молодой Малакс уже заместитель начальника отдела. Он не женат, занимает скромную квартиру в Бронксе и все вечера проводит за работой.

Эдди сразу понял, что конец фразы в устах Сида имеет какой-то особый смысл. Не зря же он так внимательно следил за выражением лица Эдди.

– Теперь ты понимаешь, что это честолюбец? Несомненно, он мечтает подниматься по ступеням служебной лестницы и в мечтах уже видит себя среди сотрудников генерального штаба компании.

Может быть, ему хотели дать понять, что Питер Малакс принадлежит к тому же типу людей, что и он, Эдди?

Нет, тут что-то другое. Иначе Фил не сидел бы с таким многозначительным видом. Он, Эдди, никогда не метил так высоко. С него хватало сектора во Флориде, и он не лез к великим мира сего. Разве Сид Кубик этого не знал?

– Передай-ка ему фотографию, Фил.

Бостон Фил достал из ящика снимок и протянул Эдди.

Это было моментальное фото, сделанное на улице «лейкой», а потом увеличенное. Сделано оно было, по-видимому, совсем недавно, так как молодой человек был в легком костюме и соломенной шляпе. Он был высокий, худощавый и производил впечатление блондина со светлой кожей. Питер Малакс шел крупным, решительным шагом, прямо вперед.

– Узнаешь это здание?

На фото можно было разглядеть часть стены и ступеньки у входа.

– Главное здание полиции? – спросил Эдди.

– Так оно и есть. Я вижу, ты не забыл свой родной город. Джентльмена запечатлели в ту минуту, когда он во второй раз направлялся с визитом к высокому начальству. Это было примерно с месяц назад. Больше он туда не ходил, но к нему на дом частенько наведывался один лейтенант. Тайные переговоры!

Кубик сделал ударение на последних словах и громко рассмеялся.

– Но и у нас в этом доме есть свои информаторы. Нам стало известно, что молодой Малакс явился туда, разыгрывая из себя человека солидного и порядочного, чтобы сообщить, что его сестренка попала в руки какого-то гангстера и, несмотря на предостережения брата, вышла за него замуж. Теперь ты начинаешь понимать?

Эдди, явно смущенный, утвердительно кивнул.

– Это еще не все. Помнишь дело Кармине?

– Читал в газетах судебные отчеты.

– А больше ничего не знаешь?

– Нет.

На этот раз он вынужден был солгать.

– Вскоре за этим было еще и другое дело. Один тип слишком распустил язык, и необходимо было закрыть ему рот, чтобы он не проболтался перед Большим жури.

Кубик и Фил пристально смотрели на Эдди. Но он не шелохнулся.

– Во втором деле за рулем сидел Тони.

Ему стоило большого труда не выдать своих чувств.

– В первом деле, деле Кармине, твой другой брат, Джино, сыграл свою обычную роль.

Кубик стряхнул на ковер пепел. Сидевший сзади него Фил не спускал глаз с Эдди.

– Все это молодой Малакс сообщил полиции. Вероятно, Тони был настолько влюблен, что не пожелал скрыть от жены свое прошлое.

– А она рассказала брату?

– Это еще не все.

То, что было дальше, оказалось значительно важнее, чем мог предполагать Эдди. Он был подавлен и старался не смотреть на Фила, сохранявшего свою зловещую усмешку.

– По словам Питера Малакса, добропорядочного гражданина, стремящегося помочь правосудию очистить Соединенные Штаты от гангстеров, а заодно и приобрести этим некоторую популярность, твой брат Тони готов отречься от своего прошлого и терзается угрызениями совести... Ну, что ты скажешь? Ведь ты знаешь Тони лучше, чем я.

– Это на него непохоже.

Ему хотелось решительно протестовать, напомнить о прошлом братьев Рико, но он был так взволнован, что вдруг не стало ни голоса, ни сил, и он мог вот-вот заплакать.

– Возможно, Малакс и прихвастнул. Но ясно одно: он уверял полицию, что, если Тони допросить особым образом, если подойти к нему мягко и дать понять, что у него есть шансы выпутаться, он может «расколоться» и выдать сообщников.

– Неправда!

Эдди чуть не вскочил с кресла. Но его удержал взгляд Фила. И еще то, что ему не хватало внутреннего убеждения.

– Я не настаиваю, что это правда. Но, бесспорно, это правдоподобно. Ни ты, ни я – мы не можем знать, как будет вести себя Тони, если его арестуют и сделают ему заманчивое предложение. Подобное случилось и до него. Обычно мы лишаем наших людей возможности поддаться искушению. Такое могло бы случиться и с Кармине, если бы твой брат Джино вовремя его не убрал. В тот раз Джино был не один. С ним в машине сидел кое-кто поважнее него.

Винче Веттори! Эдди знал это имя, хоть ему и не полагалось его знать. Если Веттори и не стоял на самой вершине пирамиде, то по крайней мере пользовался почти таким же авторитетом, как Кубик.

Таких людей никогда не подвергнут риску. Их арест был бы слишком опасен. Они могут потянуть за собой всю цепочку.

– Ты знаешь Винче?

– Встречался с ним один раз.

– Он тоже был в машине, когда убрали свидетеля.

Снова пауза. Еще значительнее, чем раньше. Фил зажег сигарету и повертел в руках зажигалку.

– Ты понимаешь, что нельзя дать Тони проболтаться?

– Он ничего не скажет.

– Чтобы в этом быть уверенным, нужно прежде всего его найти.

– Я думаю, это не так уж трудно.

– Может быть, для тебя. Мне кажется, старый Малакс знает где он, даже сидя на своей ферме. Молодожены приезжали к нему. Если станем его расспрашивать мы, он насторожится. Другое дело ты, брат Тони.

Капельки пота выступили у Эдди на лбу. Он стал тербить родинку, и она снова закровоточила.

– Так вот, малыш. Твой отец спас мне жизнь, так и не узнав об этом. Моей спасительницей оказалась и твоя мать, но она знала что делает. Вот уже тридцать лет, как она оказывает нам услуги. Джино – исправный работник. Ты тоже всегда работал хорошо, да и на Тони до сих пор не было оснований жаловаться. Важно только, чтобы он не проболтался. Вот и все. Оказавшись проездом в Майами, я решил вызвать тебя к себе. Я убежден, что тебе удастся нас выручить. Правильно я говорю?

Эдди поднял глаза.

– Да, – почти машинально произнес он.

– Я уверен, что ты его разыщешь. Если за ним уже охотится ФБР, Соединенные Штаты недостаточно велики, чтобы его укрыть. Мне бы также не хотелось, чтобы он отсиживался где-нибудь в Мексике или Канаде. Но знай я, например, что он в Европе, я более или менее успокоился бы. Остались еще какие-нибудь Рико в Сицилии?

– У нашего отца было восемь братьев и сестер.

– Как раз подходящий для Тони случай познакомиться с ними и представить им жену.

– Да.

– Надо его уговорить, найти веские аргументы.

– Да.

– И надо сделать это поскорее.

– Да.

– На твоём месте я начал бы со старого Малакса.

Он снова сказал «да», а Сид в это время потянулся за пепельницей.

Фил направился к двери.

– Кстати, как там в Санта-Кларе? Дела идут хорошо?

- Очень хорошо.
- Теплое местечко?
- Да.
- Жалко было бы потерять?
- Только бы Фил перестал усмехаться.
- Я сделаю все, что смогу.
- Это будет не так уж трудно.

У Эдди кружилась голова, хоть он и не притронулся к виски.

— На твоём месте я сразу отправился бы в Пенсильванию, не заезжая в Санта-Клару.

- Я так и сделаю.
- Кстати, как там Джо?
- Работает за прилавком.
- За ним присматривают?
- Я поручил его Анджело.

Кубик встал, протянул свою ручищу и так крепко сжал руку Эдди, что она побелела.

- Нельзя допустить, чтобы Тони проговорился. Ясно?
- Да.

Он даже забыл попрощаться с Филом. Две женщины в шортах дожидались лифта, но Эдди видел только два светлых пятна. Спустившись в прохладный холл, он почувствовал головокружение и вынужден был опереться о колонну.

Хозяин гаража в Гаррисберге, у которого Эдди взял машину, указал ему дорогу на карте, прикрепленной

кнопками к стене. Слышались раскаты грома, но дождь еще не пошел. Ехать нужно было по главной магистрали до Карлайла, свернуть направо, на 274-ю дорогу, потом, оставив позади маленький поселок под названием Драмголд, повернуть налево – на 850-ю. Не доезжая до Элинди, он сразу увидит кирпичное здание с высокой трубой.

Это старый сахарный завод. Оттуда начинается нужная дорога.

Все эти сведения, как бывало в школьные годы, механически отпечатались в его памяти, вплоть до числа миль от одного пункта до другого.

Когда он ехал еще по ответвлениям автострады, стал накрапывать дождь и через несколько секунд превратился в такой ливень, что «дворники» на ветровом стекле оказались против него бессильны. Вода сплошным потоком стекала по стеклу, и все вокруг искажалось, как в кривом зеркале.

Минувшей ночью Эдди спал плохо. Вечером, прилетев в Вашингтон, он узнал, что через час отправляется самолет на Гаррисберг, и решил им воспользоваться, даже не обеспечив себе по телефону номер в гостинице. Нервничать он начал уже во время полета. При посадке в Джексонвиле пассажиры увидели, как на краю аэродрома догорали обломки такого же точно самолета, потерпевшего катастрофу за час до их прибытия.

В двух или трех приличных отелях Гаррисберга не нашлось ни одного свободного номера. Как видно, здесь был местный праздник или ярмарка. Поперек улиц висели цветные полотнища, издали виднелась триумфальная арка, и, несмотря на полночный час, по городу бродили музыканты.

Наконец такси доставило его в какой-то сомнительный отель, где ванна была вся в желтых подтеках, а на тумбочке у кровати рядом с Библией стоял радиоприемник, который можно было включить, бросив в скважину монету в двадцать пять центов.

Всю ночь в соседнем номере, раздобыв у посыльного бутылку виски, буйствовала пьяная пара, и напрасно Эдди несколько раз стучал им в стенку.

Что говорить, в юности он терпел и не такое. Когда он был мальчишкой, у них вообще не было ванной комнаты и вся семья раз в неделю, по субботам, мылась на кухне.

Может быть, потому он так и трудился – чтобы иметь когда-нибудь настоящую ванную. Настоящую ванную и возможность ежедневно менять белье!

Он даже не заметил, как проехал Карлайл. Указатели стояли вдоль всей автострады, но машина неслась с такой скоростью, а покрышки так шуршали по мокрому асфальту, что трудно было внимательно следить за дорогой, и он не успевал сквозь дождевую завесу читать надписи.

Уже пора было свернуть с главной магистрали, но Эдди проскочил 274-е шоссе и, чтобы снова выехать на него, вынужден был сделать большой крюк по деревенским дорогам и каким-то пригородам. Как назло, проехав еще две мили, он увидел, что дальше путь загражден. Надпись с длинной стрелой гласила: «Объезд».

Эдди наугад продвигался вперед, наклоняясь над рулем, чтобы хоть что-нибудь разглядеть сквозь грозу. Удалось выехать с грунтовой дороги на асфальт, но радость была недолгой. Миновав какой-то хутор, он снова очутился на грунтовой дороге.

Теперь появились горы. Деревья казались черными.

Сбоку виднелась ферма, дальше расстилались поля, и вслед ему глядели перепуганные коровы.

Судя по всему, он сбился с пути и поэтому никак не мог отыскать даже следов Драмголда, который, по-видимому, остался где-то позади. Нигде ни одного указателя.

Чтобы расспросить про дорогу, нужно было остановить машину у какой-нибудь фермы, выйти и под дождем стучать в дверь. Эдди не был уверен, что кого-нибудь там найдет. Казалось, все люди исчезли с лица земли.

Наконец показалась бензоколонка. Пришлось сигналить с десятков раз, пока к машине вышел здоровый рыжий парень в дождевике.

– Как проехать в Уайт-Клауд?

Парень почесал в затылке и побрел к соседней лачуге, чтобы в свою очередь у кого-то спросить. И снова потянулись склоны, леса, потом озеро, такое же хмурое, как небо. Еще несколько часов пути – он был ужасно голоден, после утренней чашки кофе у него во рту не было ни крошки, – и наконец он увидел в лощине несколько деревянных строений. На фронтоне одного из них, выкрашенного в темно-желтый цвет, черными буквами было выведено: «Торговый пост Иезекиеля Хиггинса».

Про эту вывеску и говорил человек из гаража. Итак, наконец он в Уайт-Клауде, где живет старый Малакс.

Вдоль всего фасада шла веранда. Ее левая часть была отведена под лавку, похожую на лавку первых поселенцев.

Здесь можно было купить любой товар: мешок муки, лопату, грабли, сбрую, консервы и наряду с этим конфеты и рабочие комбинезоны. Над средней дверью красовалась вывеска «ОТЕЛЬ», а над правой – «ТАВЕРНА».

В глубине веранды, с крыши лились потоки воды, растянувшись в кресле-качалке, курил черную сигару какой-то человек. Казалось, его забавляло, как Эдди пытается проскочить под дождем.

Сначала Эдди не обратил на него внимания. Он раздумывал, какую из трех дверей ему избрать, и наконец решил войти в таверну, где сидели, склонив головы над стаканами, два безмолвных, как мумии, старика. Таких древних старцев можно встретить только в отдаленных сельских местностях. Один из них после долгого молчания открыл рот и произнес:

– Марта!

Из кухни вышла женщина, вытирая руки о передник.

– Что вам нужно? – спросила она.

– Это Уайт-Клауд? – обратился к ней Эдди.

– А что же еще?

– Здесь живет Ганс Малакс?

– И тут, и не тут. Его ферма в четырех милях отсюда, по ту сторону горы.

– У вас найдется что-нибудь поесть?

Человек, сидевший в качалке, теперь стоял в дверях и с усмешкой смотрел на Эдди. Эта сцена, по-видимому, уже забавляла его. Эдди нахмурил брови.

Он не знал этого человека и был убежден, что никогда раньше не встречал. И все же он был убежден, что этот тип провел свое детство в Бруклине и находился здесь не случайно.

– Я могу приготовить вам омлет.

Эдди согласился, и женщина исчезла. Потом вышла снова, чтобы спросить, не выпьет ли он чего-нибудь.

– Стакан воды.

Ему казалось, что он попал на край света. На стенах висели литографии двадцати- тридцатилетней давности.

Вероятно, такие же картинки когда-то украшали лавку его отца. И запах был такой же, как в Бруклине, только с примесью ароматов деревни и дождя.

Оба старца, будто застыв навек, не сводили с него воспаленных глаз. У одного из них была козлиная бородка.

Эдди выбрал место возле окна, чувствуя себя здесь еще более неуютно, чем в Майами. Словно иностранец в чужой стране.

Вместо того чтобы приезжать сюда, лучше было отправиться в Бруклин к матери. Трудно объяснить, почему он так не сделал. Быть может, боялся, что за ним установлена слежка? Уже в самолете по пути из Майами в Вашингтон он по очереди приглядывался ко всем пассажирам, пытаясь выяснить, не наблюдает ли кто-нибудь за ним.

А этот тип, который с веселой усмешкой глазел на него, когда он выходил из машины, бесспорно, имеет отношение к Организации. Быть может, он здесь уже несколько дней и даже ходил к старому Малаксу, надеясь что-нибудь из него вытянуть?

В любом случае он явно ожидал прибытия Эдди. Конечно, ему звонили из Майами. И теперь он вертелся вокруг него, не решаясь заговорить.

– Недурная погода, а?

Эдди не ответил.

– Найти ферму старого Малакса – дело нелегкое.

Уж не смеется ли он над ним? Незнакомец был без пиджака и без галстука. Несмотря на грозу, стояла такая жара, что одежда прилипала к телу.

– Это, знаете ли, тот еще тип!

Несомненно, он имел в виду Малакса. Эдди только слегка пожал плечами, а незнакомец, бросив в пустоту две-три короткие фразы, пробурчал:

– Ну, как вам угодно! – и повернулся к Эдди спиной.

Эдди ел без всякого аппетита. Женщина вышла за ним на веранду, чтобы указать дорогу. К подножию горы низвергались потоки воды, и пришлось переезжать ручей, который затопил проселок. На этот раз Эдди не сбился с пути, только машина чуть не увязла в том месте, где остались глубокие рытвины от тракторов.

Затем показалась долина. Там среди лугов и полей кукурузы Эдди увидел амбар, выкрашенный в красный цвет, одноэтажный дом и стадо гусей, сердито зашипевших при его приближении.

Выйдя из машины, он заметил, что кто-то смотрит на него из окна, но, когда подошел поближе, лицо исчезло, а в дверях показался человек, рослый и могучий, как медведь.

На этот раз Эдди внутренне совсем не успел подготовиться. Да и понятно: ведь он попал в незнакомую обстановку. А фермер, не выпускаявший изо рта маисовой трубки, смотрел, как он стряхивает с себя воду.

– Поливает! – заметил он, и в голосе его чувствовалось ликование крестьянина. – Здорово поливает.

Посреди комнаты стояла старинная печка с трубой, уходившей в одну из стен. Низкий небеленый потолок поддерживали толстые балки. На стене висели три ружья, одно из них – двуствольное. Приятно пахло парным молоком.

– Я – брат Тони, – поспешил сообщить Эдди.

Видно, человека это удовлетворило. Брат Тони? Очень хорошо!

«А дальше что?» – казалось, хотел спросить он.

Он указал Эдди на кресло-качалку, затем, подойдя к этажерке, взял бутылку водки, вероятно собственного приготовления, две стопки, торжественно наполнил их и молча пододвинул одну гостю. Эдди понял, что отказываться нельзя.

Рядом с этим стариком Сид Кубик, производивший впечатление на редкость крепкого и сильного человека, в лучшем случае выглядел бы мужчиной средней комплекции.

Обветренное лицо Малакса было изборозжено мелкими морщинами. Красную клетчатую рубаху раздували гигантские мускулы. Огромные ручищи, скорее, походили на грабли.

– Уже давно, – голосу Эдди не хватало твердости, – я не имею никаких известий от Тони.

Глаза у старика были светло-голубые, а лицо излучало добродушие. Казалось, он улыбается всему Божьему свету, в котором нашел себе укромное местечко и, что бы ни случилось, ничто его не удивит и не выведет из равновесия.

– Он славный малый, – сказал старик.

– Да. Мне говорили, что он очень любит вашу дочь.

– Такой уж возраст!

– Я был очень рад, когда узнал, что они поженились, – продолжал Эдди.

Напротив него фермер раскачивался в кресле и мог достать бутылку, не поднимаясь.

– Этого всегда можно ожидать между мужчиной и женщиной.

– Не знаю, говорил ли вам Тони обо мне.

– Немного говорил. Вы, наверное, тот брат, что живет во Флориде?

Что Тони мог ему рассказать? Был ли он с тестем так же откровенен, как с женой? Говорил ли, чем занимаются братья Рико?

Казалось, Малакс не проявлял к нему недоверия. Безразличием это тоже нельзя назвать. Просто визит незнакомца с Юга нисколько не взволновал старика. Да и вряд ли что-нибудь могло его взволновать. Он построил свою жизнь так, как хотел, и полностью слился с той обстановкой, которую сам себе создал. Незнакомец переступает порог его дома, и он приглашает гостя выпить стопочку домашней водки. Для него это только повод выпить самому и перекинуться несколькими словами с новым человеком.

Глядя на старика, можно было подумать, что он не придает большого значения визиту Эдди.

– Мать написала мне, что Тони отказался от своей должности.

Эдди пустил пробный шар. Его интересовало, как будет реагировать Малакс. Если старик в курсе дела, он может иронически усмехнуться, услышав слово «должность».

Малакс и вправду усмехнулся, но без всякой иронии.

Усмешка была только в глазах. Лицо и губы не изменили выражения.

– Я проезжал поблизости и решил завернуть к вам.

Как бы в знак благодарности Малакс налил ему вторую стопку самогона, который обжигал горло.

Разговаривать с ним было куда труднее, чем с каким-нибудь шерифом или хозяином ночного клуба. Труд-

нее еще и оттого, что Эдди плохо владел собой. Ему было немного стыдно, и он пытался это скрыть. Он чувствовал себя дряблым, слабым рядом с этой громадой, которая покачивалась перед его глазами.

А старик не спешил ему на помощь. Возможно, он делал это без всякой задней мысли. Люди, ведущие такую жизнь, как Малакс, не очень разговорчивы.

— Я подумал, что, если понадобится, я смог бы подыскать для Тони работу.

— Мне кажется, он один из тех, кто обходится своими силами.

— Тони очень способный механик. Еще мальчишкой он увлекался машинами.

— Да, за каких-нибудь три дня он пустил в ход старый грузовик, который давно валялся у меня среди другого железного хлама.

Эдди заставил себя улыбнуться.

— Это так похоже на Тони! Он оказал вам хорошую услугу.

— Ну, я просто подарил ему эту машину. Надо же было что-нибудь для него сделать. А в прошлом году я купил себе новую.

— И они уехали на грузовике?

Старик утвердительно кивнул.

— Это получилось для них очень удачно. Имея грузовик, такой человек, как мой брат, может заняться небольшим бизнесом.

— Так он и говорил.

Спрашивать о главном было еще рано.

— А ваша дочь? Кажется, ее зовут Нора?.. Она не боялась?

– Чего?

– Бросить работу, Нью-Йорк, обеспеченную жизнь, чтобы отправиться куда глаза глядят!

Он сделал ударение на словах «куда глаза глядят», надеясь на реакцию, но ее не последовало.

– Нора уже достаточно взрослая. Три года назад, уезжая отсюда, она тоже не знала, что ее ждет. И я этого не знал, когда в шестнадцать лет покидал родную деревню.

– И она не боится трудностей?

Как фальшиво звучал его голос, даже для собственного слуха! Ему казалось, что он играет гнусную роль. Однако в интересах Тони он иначе поступить не мог.

– Какие это трудности! У моих родителей было восемнадцать душ детей, и до того дня, как я покинул отцовский дом, я никогда не видел белого хлеба. Даже не знал, что он существует. Нас всегда кормили ржаным хлебом, свеклой и картошкой, иной раз давали кусочек сала. Картошка с салом у них будет в любом случае.

– Тони не трус.

– Он славный малый.

– Я вот думаю, не было ли у него каких-нибудь планов, когда он приводил в порядок грузовик?

– Возможно, и были.

– В некоторых местах не хватает машин.

– Это верно.

– Особенно сейчас, когда собирают урожай.

Старик снова кивнул, подогревая свою стопку в широкой загорелой ладони.

– Во Флориде он сразу нашел бы клиентов. Там сейчас цветут гладиолусы.

И это ничего не дало. Нужно было идти более прямым путем.

— Они вам писали?

— С тех пор как уехали — нет.

— Как же это дочка не пишет отцу?

— Когда я уехал от родителей, я три года ничего не писал им. Прежде всего потому, что пришлось бы покупать марки. Да и писать было не о чем. За все время я послал им только два письма.

— И сын вам тоже не пишет?

— Который?

Эдди не знал, сколько их у него. Двое, трое?

— Тот, что работает в «Дженерал электрик». Тони рассказывал о нем матери. Кажется, это человек с большим будущим.

— Возможно.

— Выходит, вашим детям не нравится жить в деревне?

— Этим двоим не нравится.

Стараясь сдерживать раздражение, Эдди поднялся со стула, подошел к окну и стал смотреть на дождь, который лил как из ведра: по лужам шли большие круги.

— Ну что ж, пора в путь.

— Вы будете в Нью-Йорке еще сегодня вечером?

Эдди ответил «да», хотя сам еще этого не знал.

— Я хотел бы написать Тони и сообщить ему разные новости, — сказал он.

— Он не оставил адреса. Видимо, не хочет, чтобы его беспокоили.

В голосе старика по-прежнему не чувствовалось и тени насмешки. Он привык мыслить и разговаривать очень просто. По крайней мере Эдди хотелось так думать.

– Представьте, вдруг что-нибудь случится с нашей матерью... – Он чувствовал себя отвратительно. Никогда ему еще не приходилось играть такую мерзкую роль. – Она уже в преклонном возрасте и последнее время неважно себя чувствует.

– Хуже смерти ничего случиться не может. А ведь Тони все равно ее не воскресить, правда?

Конечно, это была правда. Сущая правда. Но ему приходилось изощряться, чтобы выпытать у старика то, чего тот либо не знал, либо не хотел открывать.

Эдди вздрогнул, увидев во дворе человека с накинутым на голову мешком, который заменял ему зонтик. Человек разглядывал номерной знак на его машине, а потом заглянул внутрь, чтобы прочесть имя на карточке прав водителя, прикрепленной к рулю. Молодой человек в красноватых резиновых сапогах походил на Малакса, но казался некрасивее из-за не правильных черт лица.

Он постучал сапогами о стенку, толкнул дверь, оглядел Эдди, отца, потом бросил взгляд на бутылку и стаканы.

– Это кто? – спросил он, не здороваясь.

– Брат Тони, – ответил старик.

– Вы наняли эту колымагу в Гаррисберге? – обратился молодой Малакс к Эдди.

Это был не вопрос, почти обвинение. Больше он ничего не сказал и, не обращая внимания на гостя, прошел на кухню, чтобы налить себе стакан воды.

– Надеюсь, они счастливы, – сказал Эдди, чтобы как-то закончить разговор.

– В этом я уверен, – ответил старик.

Сын вернулся в комнату со стаканом воды и не спускал глаз с Эдди, который неохотно направился к двери.

Старый Малакс поднялся и смотрел ему вслед, но провожать не пошел.

– Спасибо за угощение.

– Не за что.

– И все же спасибо. Я мог бы оставить вам свой адрес на тот случай, если...

Это была последняя попытка.

– А на что он мне! Ведь я никогда не пишу и даже не уверен, что еще помню буквы.

Сгорбившись, Эдди прошел к машине, увидев, что забыл поднять стекло и что все сиденье залито водой. Это привело его в бешенство. Вдобавок он услышал, как в доме громко смеялись.

Когда он подъехал к таверне Хиггинса, незнакомец, который по-прежнему раскачивался в кресле, увидев его, насмешливо прищурил глаз. Раздосадованный, Эдди даже не вышел из машины, дал газ и повернул обратно.

Теперь он уже не сбился с дороги. Гроза кончилась. Не было ни грома, ни молнии, но сеял мелкий, частый дождь. Такой будет лить не меньше двух дней.

Хозяин гаража в Гаррисберге что-то проворчал: машина была забрызгана грязью от верха до колес. Эдди зашел в гостиницу, взял чемодан и велел шоферу такси ехать на аэродром, даже не зная, когда будет самолет.

Ждать пришлось полтора часа. Летное поле размыло дождем. Посадочные дорожки, пересекавшие аэродром, поблескивали цементом. В зале ожидания пахло сыростью и уборной. В глубине зала Эдди заметил две телефонные кабины и подошел к кассе, чтобы разменять деньги.

Вчера он домой не позвонил. Да и теперь вошел в ка-

бину скрепя сердце – только потому, что обещал Эллис позвонить. Даже заказав номер, он еще не знал, что будет говорить. Хотелось только одного – как можно скорее вернуться домой, выбросить из головы Филя и все организации на свете.

Никто не имеет права так вторгаться в его жизнь. Он построил ее сам, своими руками, как старый Малакс свою ферму.

Он не несет никакой ответственности за поступки и поведение брата. Ведь не он сидел за рулем машины, откуда прогремели выстрелы, оборвавшие жизнь торговца сигарами с Фултон-авеню.

Все это, когда сидишь здесь, кажется какой-то фантастикой. Неужели тот человек в Уайт-Клауде следил за ним? Если так, то он должен последовать и дальше. Из окна кабины ему виден был весь зал ожидания. Там сидели только две пожилые женщины и моряк с дорожной сумкой, которую он поставил рядом на скамью.

Все вокруг было серым, грязным, унылым, тогда как его дом в Санта-Кларе, залитый солнцем, сверкал безупречной белизной.

Что же понадобилось тому типу в Уайт-Клауде?

Пока телефонистки переговаривались, Эдди нашел простое объяснение. Ведь Сид Кубик не ребенок. Он может дать фору любому детективу. В доме Хиггинса, рядом с дверью в лавку, расположено окошко с надписью: «ПОЧТА». Туда попадает корреспонденция для всего поселка. Если бы пришло что-нибудь для Малакса, этот тип легко мог увидеть обратный адрес, когда письма вынимают из мешка.

– Это ты, Эллис?

– Ты где?

– В Пенсильвании.

– Скоро вернешься?

– Не знаю. Как дети?

– Все в порядке.

– Новостей никаких?

– Нет. Только звонил шериф, но он сказал, что дело не особенно важное. Ты еще долго там пробудешь?

– Я уже на аэродроме. Сегодня же прилечу в Нью-Йорк.

– С матерью поводишься?

– Не знаю. Впрочем, конечно, да.

Он повидается с ней. Это необходимо. Может быть, она знает что-нибудь сверх того, что сказала Кубику.

Остаток дня прошел так же мрачно. Самолет был старый и вдобавок дважды попадал в грозу. Когда добрались до аэропорта в Ла Гардиа, уже стояла ночь. Возле аэровокзала сновали черные тени. Одни обнимались, другие сгибали плечи под тяжестью груза.

Эдди удалось найти такси, и он назвал шоферу адрес матери. Неожиданно он почувствовал озноб. Костюм был слишком легким да к тому же еще отсырел от дождя. Эдди несколько раз чихнул и тут же решил, что схватил простуду. В детстве он часто простужался. А Тони каждую зиму болел бронхитом.

Внезапно в памяти всплыла картина: Тони лежит в постели, а на одеяле раскиданы иллюстрированные журналы и чистая бумага – мальчик любил рисовать. Три брата спали в одной комнате, такой тесной, что едва можно было протиснуться между кроватями.

Предстоит нудный разговор. Мать будет настаивать, чтобы он ночевал у нее. В квартире теперь есть ванная: ее оборудовали в прежней комнате братьев.

Из лавки дверь вела прямо в кухню, которая служила также столовой и гостиной. Здесь целые дни проводила в своем кресле бабушка. По темному коридору можно было попасть в спальню обеих женщин. Они спали вместе, с тех пор как бабушка стала бояться, что умрет среди ночи. Свободной оставалась прежняя комната бабушки, и Джулия всегда хотела, чтобы в ней останавливались сыновья, когда приезжали в гости. Однако в комнате стоял такой тяжелый запах, что Эдди было невозможно там спать.

Он постучал по стеклу и велел шоферу ехать в «Сент-Джордж» – первоклассный отель в трех кварталах от лавки матери. Там Эдди заполнил регистрационный бланк и оставил чемодан. Есть не хотелось – перед вылетом из Гаррисберга он успел перекусить. Теперь он выпил по дороге чашку кофе и снова окликнул такси, так как дождь не утихал.

Овощная лавка рядом с лавчонкой матери была перестроена. Там, как и прежде, торговали овощами и бакалеей, но витрина изменилась, стены были облицованы квадратными керамическими плитками; круглые сутки горели неоновые лампы.

Было одиннадцать часов вечера. Все заведения уже закрылись, кроме баров и бильярдной напротив, где собралась местная молодежь.

В лавке было темно, но из полуоткрытой двери пробивался свет. Обе женщины сидели в кухне под лампой.

Дверь оставалась приоткрытой, чтобы было чем дышать.

Эдди видел даже юбку и ноги матери.

Слева перед прилавком к полу были привинчены четыре табуретки. На прилавке стояли все те же сифоны с содовой водой, а банки с мороженым прикрывались теми же хромированными крышками. На другом конце прилавка были разложены конфеты разных сортов, плитки шоколада, жевательная резинка; в глубине лавки выстроились три автомата для игры в бильбоке.

Эдди стоял, не решаясь постучать. Звонка не было. У каждого из братьев выработалась своя манера стучать в окно. Несмотря на улучшившееся освещение, квартал и улицы показались Эдди еще более унылыми, чем в прежние годы.

Мать шевельнулась, встала во стула, потом исчезла из его поля зрения. Лишь тогда, не зная, увидела ли она его, он постучал. Джулия никогда не оставляла ключ в дверях.

Эдди знал, в каком углу буфета он лежит. Мать не сразу узнала его – он стоял в темноте. Она приникла к стеклу, нахмурила брови, вдруг что-то воскликнула и отперла дверь.

– Почему же ты мне не позвонил? Я бы приготовила твою комнату.

Мать не обняла его. Рико никогда не обнимались. Посмотрев на его руки, она тут же спросила:

– Где твой чемодан?

Ему пришлось солгать:

– Я оставил его в Ла Гардиа. Возможно, мне придется уехать этой же ночью.

Мать была такой же, как всегда. Эдди казалось, что она несколько не изменилась с тех пор, как носила его на ру-

ках. У нее всегда были отекавшие ноги, толстый живот и большие груди, колыхавшиеся под блузкой. И всегда она ходила в сером. «Не так марко», – объясняла она.

Он поздоровался с бабушкой, которая назвала его Джино. Раньше этого не бывало, и он вопросительно посмотрел на мать, которая знаком предупредила его, чтобы он не обращал внимания. Дотронувшись пальцем до лба, она дала ему понять, что старая женщина начинает выживать из ума.

– Дать тебе поесть?

Она открыла холодильник, вынула салями, картофельный салат, перец и поставила все это на покрытый клеенкой стол.

– Ты получил мое письмо?

– Да.

– Он тебе так и не написал?

Эдди покачал головой. Чтобы доставить ей удовольствие, пришлось немного поесть и выпить кьянти, которое мать налила в большой стакан из толстого стекла – таких стаканов он больше нигде не видел.

– Поэтому ты и приехал сюда?

Он с радостью открылся бы ей, сказал всю правду, поведал о своем визите к Филу и Сиду Кубику, о путешествии в Уайт-Клауд. Так было бы значительно легче, и с души свалилась бы огромная тяжесть.

Но он не посмел. И так как мать не спускала с него глаз, произнес:

– Нет. Я должен кое-кого повидать.

– Это они велели тебе приехать сюда?

– В известной мере – да. Но приехал я не из-за этого.

Вернее, не только из-за этого.

— Что они тебе сказали? Ты их уже видел?

— Нет еще.

Она верила ему лишь наполовину. Джулия всем верила лишь наполовину, особенно Эдди, и это было ему непонятно, так как из всех троих меньше всего лгал ей он.

— Ты думаешь, они его ищут?

— Они ему ничего не сделают.

— Здесь другое говорят.

— Я видел отца его жены.

— Как ты узнал его имя? Даже я не знаю. Кто тебе сказал?

— Один человек, который приехал на несколько дней в Санта-Клару.

— Джо?

Она знала больше, чем он предполагал. И так было всегда. Самые смутные слухи доходили до нее. Какое-то особое чутье помогало ей угадывать правду.

— Остерегайся его. Я этого хулигана знаю. Парень час-тенько заходил сюда поесть мороженого года три-четыре назад. Продажный малый.

— Я тоже так думаю.

— Что он тебе сказал? Что ему известно?

— Послушай, мама, не задавай мне столько вопросов.

— Ты совсем как О'Мэлли.

Между собой они всегда говорили на плохом итальянском языке, смешанном с бруклинским жаргоном.

О'Мэлли, сержант полиции, вот уже двадцать лет работал в этом квартале, и когда-то он был пугалом для братьев Рико.

– Я просто тебе объясняю, что видел отца Норы. Тони с женой действительно приезжали к нему два или три месяца назад. У старика валялся на свалке старый, поломанный грузовик. Тони за три дня починил машину и получил ее от тестя в подарок.

Бабушка, давно уже совсем оглохшая, покачивала головой с таким видом, будто с интересом следит за их беседой. Это был давнишний трюк. Таким образом ей удавалось обманывать людей, которые вели с ней длинные разговоры.

Почему мать вдруг усмехнулась?

– Грузовик большой?

– Я не спросил. Наверное, большой. На фермах маленькие машины ни к чему.

– Если так, твой брат не пропадет.

Эдди понимал, что она говорит ему не все, радуется своим неожиданным догадкам и, конечно, думает сейчас, следует ли с ним поделиться.

– Ты помнишь. Тони хворал воспалением легких?

Ему часто приходилось слышать об этом, но помнил он очень мало. В памяти эта болезнь смешивалась с бесчисленными бронхитами, которые с детства преследовали Тони. Кроме того, Эдди, которому в ту пору уже исполнилось пятнадцать лет, нечасто заходил домой.

– Врач сказал, что для восстановления здоровья Тони необходим свежий воздух. Сын Джозефины...

Эдди понял и тоже чуть не усмехнулся. Он был уверен, что мать совершенно права. Джозефина жила по соседству и приходила иногда помочь матери по хозяйству. У нее был сын, который уехал на Запад. Эдди никак не мог вспомнить его имя. Там он занялся сельским хозяйством.

Джозефина рассказывала, что он преуспевает, женился, уже имеет сына и требует, чтобы она приехала к нему.

Название местности Эдди тоже никак не мог вспомнить. Это было где-то на юге Калифорнии.

А сын в один прекрасный день действительно приехал за матерью, и Джозефина настояла, чтобы Тони, который никак не мог окончательно поправиться, поехал на несколько месяцев с ними. Она всегда питала слабость к его младшему брату.

«Там будет много солнца, свежий воздух...».

Подробности выскочили у него из головы. Эдди только помнил, что брат отсутствовал без малого год. Тогда Тони и стал увлекаться механикой. Ему было в ту пору одиннадцать лет. Он рассказывал, что сын Джозефины позволял ему водить в поле грузовик.

Тони часто вспоминал эти края. За год там собирают три-четыре урожая молодых овощей. Самое главное — своевременно вывезти овощи.

Мать сказала:

— Я уверена, что он сейчас где-нибудь в окрестностях Эль-Сентро.

Это и было название городка, которое Эдди никак не мог вспомнить. Ему стало стыдно, и он невольно отвернулся.

— Почему ты не ешь?

— Я недавно обедал.

— Ты еще побудешь?

— Да, немного.

Эдди предпочел бы уйти сразу. Он совсем не чувствовал себя дома в этой комнате, где все было так знакомо.

Никогда еще он не казался себе в присутствии матери таким маленьким и беспомощным.

– Когда ты вернешься во Флориду?

– Завтра.

– Ты же сказал, что должен с кем-то встретиться?

– Я это сделаю завтра утром.

– Ты не видел Сиды Кубика в Майами?

Чтобы не заврать, он предпочел ответить «нет». Он уже не помнил, что говорил ей раньше. Ему было не по себе.

– Как странно, что Джино тоже теперь в Калифорнии.

– Да, это действительно странно.

– У тебя нездоровый вид.

– Кажется, я простудился во время грозы.

Кьянти было тепловатое, густое.

– К сожалению, мне пора уходить.

Она стояла на пороге, глядя, как он удаляется по улице, и ему не понравился взгляд, которым она его проводила.

5

Сколько раз, бывало, он выходил из этого дома, в такой же поздний час, и мать, перегнувшись через перила, долго смотрела ему вслед.

Все, до самых неприметных мелочей, оставалось как прежде. Даже дождь не прекращался. Бывало, мать говорила ему:

– Подожди, пока не пройдет дождь.

Сколько раз он видел, как сохнет улица после дождя, и заранее знал, что лужи неизбежно появятся вновь в тех же

самых местах. Многие лавчонки совсем не изменились. Поблизости, на углу одной из улиц, Эдди почему-то всегда ждал засады. У него и сейчас замерло сердце, когда он попал в эту неосвещенную полосу.

Прошрое вспоминалось без радости. Хотя это был его квартал, и он вырос среди этих домов, и они должны были узнать его. Можно было подумать, что ему стыдно. Не перед этими домами, а, скорее, перед самим собой. Такое трудно объяснить. Например, его брат Джино чувствовал себя здесь своим. Даже Сид Кубик, ставший влиятельным лицом, мог возвращаться сюда с легким сердцем.

Что же касается Эдди, то он всегда мрачнел, попадая в атмосферу своего детства. Правда, раньше, возвращаясь домой поездом или самолетом, он каждый раз искренне радовался при мысли, что между ним и прошлым восстанавливается связь. Но потом, когда он шел по своей улице и приходил в дом своей матери, надежды не оправдывались. Никакого волнения ни он сам, ни его родные не ощущали.

Его принимали радушно, накрывали на стол, наливали вина. Но смотрели на него совсем по-иному, чем смотрели бы на Джино или на Тони. Ему хотелось бы повидаться с друзьями. Но у него никогда не было настоящих друзей. И не по его вине. Просто все ребята здесь были иного склада, чем он.

К тому же Эдди был щепетилен. Он всегда считался с установленными правилами. Не из страха, как многие его товарищи, а потому, что считал это необходимым.

И словно в насмешку именно за ним мать наблюдала всегда с невысказанной тревогой и недоверием. Вот и сегодня вечером. Сегодня особенно.

До ярко освещенной Флешинг-авеню идти было недалеко, но не успел он дойти, как полисмен, мужчина средних лет, уже обратил на него внимание. Эдди не узнал его, но не сомневался, что полисмену он известен.

Он вышел на залитую огнями нарядную улицу с барами, ресторанами, кинематографами, с еще открытыми магазинами. По тротуару прогуливались влюбленные парочки, кучками бродили солдаты и матросы с девицами — они пришли сюда, чтобы сфотографироваться на память, поесть горячих сосисок или пострелять в тире.

Эдди заранее решил вернуться в «Сент-Джордж» и лечь спать. Он не мог уехать ночью, потому что нуждался в отдыхе. Кроме того, у него оставалось всего двести долларов и нужно было получить деньги по чеку. У Эдди был текущий счет в одном из банков в Бруклине и еще четыре или пять в других местах: этого требовали его операции.

Эллис и дети, конечно, уже спали, и ему вдруг почудилось, что они очень далеко от него и что он может никогда их не увидеть, не вернуться в свой дом, к той жизни, которую он так терпеливо и кропотливо строил.

Его охватил панический страх. Безумно захотелось немедленно вернуться, забыть о Тони, о Сиде Кубике, о Филе и всех прочих. Он вдруг возмутился: никто не имел права так грубо нарушать его налаженную жизнь!

Флешинг-авеню тоже ни в чем не изменилась, это было прямо невероятно: те же запахи возле сосисочных и ресторанов, тот же шум и звуки музыки, доносящиеся из увеселительных заведений.

Когда-то он был таким же молодым, как эти солдаты, которые смеялись, расталкивая прохожих, и эти парни —

сигарета во рту, руки в карманах, – шнырявшие с таинственным видом мимо витрин.

Вдоль тротуара медленно ехал автомобиль, и Эдди показалось, что он увидел в нем знакомое лицо. Из окошка высунулась рука, помахала ему, и машина остановилась.

Это оказался Билл, по прозвищу Поляк. Рядом с ним на переднем сиденье расположились две девушки, позади в полумраке сидели еще одна девушка и мужчина, которого Эдди не знал. Билл не вышел из машины.

– Что ты здесь делаешь?

– Я проездом, зашел повидать мать.

Повернувшись к девушкам, Поляк пояснил:

– Это брат Тони. – И снова обратился к Эдди:

– Давно приехал? Я думал, ты где-то на Юге. Чуть ли не в Луизиане.

– Нет, во Флориде.

– Так-так, во Флориде. Тебе там хорошо живется?

Эдди сторонился Билла. Тот корчил из себя невесть что, был криклив, заносчив, его всегда окружали женщины, перед которыми он любил покрасоваться.

Каково его место в Организации? Конечно, он не на главных ролях. Билл промышлял вблизи пакгаузов, интересовался профсоюзами. Эдди подозревал, что он ссужает докерам деньги под проценты на короткий срок и скупает у них краденые товары.

– Выпьешь с нами стаканчик?

Приглашали не от чистого сердца: Билл лишь из любопытства остановил машину и даже не выключил мотор.

– Мы спешим в Манхаттан, там на Двадцатой улице в модном кабаре женщины пляшут нагишом.

– Спасибо. Я иду спать.

– Как хочешь. Есть известия от Тони?

– Нет.

Разговор с Биллом был окончен. Машина отъехала.

Поляк, должно быть, говорил о нем, об Эдди, со своими спутницами и с мужчиной, сидевшим позади. Что же он мог о нем сказать?

Эдди не тянуло к другим людям. Он редко впадал в уныние. Однако в этот вечер, несмотря на свое решение, он не мог заставить себя пойти спать. Ему хотелось поговорить с кем-то, кто отнесся бы к нему сердечно и кому он мог бы ответить тем же.

На память Эдди приходили лица и имена людей, которых легко было бы найти, стоило ему открыть дверь любого бара или ресторана на этой улице. Но никто из этих

людей ему не подходил. Ни в ком он не нашел бы того, что искал, что ему было нужно.

Лишь втянув носом ползущий из какого-то дома запах чеснока, он подумал о Пепе Фазоли, толстом парне, своем однокашнике, который обзавелся кабачком, где всегда можно было перекусить. Небольшое длинное и узкое помещение со стойкой и несколькими столиками. Там подавали спагетти, сосиски и биточки.

Во Флориде, когда они с Эллис ели в итальянском ресторане спагетти, он иногда повторял с оттенком грусти:

– Их не сравнить со спагетти у Фазоли.

Эдди захотелось есть, и он вошел в кабачок. За стойкой два повара в замасленных халатах хлопотали у электрических плит. Официантки в черных платьях и белых передниках сновали между столиками, заложив за ухо карандаш. Казалось, записав заказ, они вкалывают карандаш в волосы, как гребень.

Половина мест пустовала. Радиола наигрывала что-то душещипательное. Пеп был на месте, тоже в поварском халате, еще более приземистый и толстый, чем его помнил Эдди. Он не мог не узнать Эдди, когда тот усаживался на табурет, но не бросился к нему поздороваться, может быть, даже поколебался, прежде чем подойти.

– Я знал, что ты в нашем квартале, но не был уверен, что зайдешь ко мне.

Обычно Пеп более бурно проявлял свои чувства.

– А откуда ты мог узнать, что я в Бруклине?

– Видели, как ты входил к матери.

Слова Пепа встревожили Эдди. На улице он несколько раз оборачивался, чтобы убедиться, что за ним не следят.

Но никого не заметил. А когда он выходил из дома матери, вокруг не было ни души.

– Кто меня видел?

Пеп сделал неопределенный жест:

– Черт подери, почему я знаю? Здесь топчется столько народу.

Это была не правда. Пеп знал, кто ему говорил про Эдди, почему же он не хотел сказать?

– Спагетти под соусом?

С ним обращались как с обыкновенным посетителем.

Следовало отказаться, ответить, что он сыт. Но Эдди не осмелился. Точно так же, как он не осмелился отказаться от кьянти у матери. Ведь его старый товарищ мог обидеться. Он утвердительно кивнул, и Пеп повернулся, чтобы передать заказ одному из двух поваров.

– У тебя неважный вид.

Уж не сказал ли Пеп это нарочно? Эдди всегда очень беспокоило собственное здоровье. Стена перед ним была вся в зеркалах, на них мелом писали дежурные блюда. От поднимавшегося над плитами кухонного чада зеркало, перед которым он сидел, потускнело, да, вероятно, это и вообще было плохое зеркало. Эдди видел в нем свое более бледное, чем обычно, лицо, темные круги под глазами, бесцветные губы. Ему даже показалось, что нос слегка искривился, как у Джино.

– Есть новости от Тони?

Всем все известно, все в курсе его дел, все точно сговорились и, когда задавали ему этот вопрос, косились на него, словно подозревая в постыдных намерениях.

– Он мне не писал.

– А-а!

Пеп дальше не расспрашивал. Подойдя к кассе, он вынул чек.

– Ты возвращаешься во Флориду? – сквозь зубы спросил он так, словно ответ его не интересовал.

– Да, но еще не знаю когда.

Ему подали спагетти под очень острым соусом, от запаха которого его затошнило. Есть не хотелось, но он пересилил себя.

– Кофе эспresso?

– Пожалуйста.

Двое молодых парней с другого конца стойки упорно смотрели в его сторону, и Эдди был уверен, что они говорят о нем. По-видимому, он представлялся им важной персоной. Это были новички, стоявшие в самом низу иерархической лестницы, такие, кому время от времени бросают пять долларов за какую-нибудь мелкую услугу.

Раньше Эдди доставило бы удовольствие, что на него так смотрят, но сегодня он не знал, как себя держать. Ему не нравилось еще и выражение лица Пепа, который все время вертелся возле него. Пеп, в сущности, был одним из тех, кого можно было считать другом. Эдди вспомнил, как однажды лунной ночью разоткровенничался с ним.

Они шатались по улицам, и было им тогда лет шестнадцать-семнадцать. Он толковал Пепу об установленном порядке, о его необходимости и о том, как глупо и опасно отклоняться от него.

– Спагетти невкусные?

– Очень вкусные.

И Эдди постарался доесть все, несмотря на привкус

подгорелого сала и обилие чеснока. Не надо было заходить к Фазоли. Не надо было заходить к матери.

Ну что такого страшного случилось бы, если бы он возвратился в Санта-Клару и позвонил Сиду Кубику, что не нашел никаких следов брата? Но он был очень исполнитель.

— Сколько я тебе должен?

— Брось.

— Ну нет. С какой стати?

Ему позволили уплатить. В первый раз. И Эдди еще острее почувствовал, что он здесь чужой.

Ему никак не удавалось определить, чуждаются ли его окружающие или он сам их сторонится. Гостиница находилась не очень далеко, всего в двух кварталах. Он решил возвратиться туда, теперь уже нигде не задерживаясь, однако зашел еще в один бар. Эдди смутно помнил тамошнего бармена, ему случалось играть с ним в кости. Бармен сменился, владелец тоже. Стойка была темного цвета, стены в коричневых панелях, с гравюрами, изображающими скачки, с фотографиями жокеев и боксеров. Некоторые из этих фотографий относились к давним временам. Эдди узнал двух-трех боксеров, которых некогда вывел на ринг старый Мосси, тот начинал как содержатель гимнастического зала.

Он указал на пивной насос:

— Кружку пива.

Тот, кто ему подавал, не знал его. Так же как мужчина, пивший рядом с ним виски и уже охмелевший, так же как парочка в глубине зала, которая получала максимум удовольствия от того, что позволительно делать на людях.

Еще немного, и он снова позвонил бы Эллис.

– Повторить.

Но он тут же передумал.

– Нет, виски.

Внезапная жажда алкоголя, которой, он знал, ему не следовало поддаваться. С ним это случалось редко. Есть люди, которых алкоголь взбадривает. Что касается Эдди, то, выпив, он делался грустным и подозрительным. Было два часа ночи, он валился с ног, глаза слипались, но, облокотившись о стойку, он упорно сидел в этом баре, где с ним никто не заговаривал, даже пьяный.

– Повторить!

Он выпил четыре стопки виски. Здесь также напротив было зеркало. Эдди посмотрелся и остался недоволен. Борода за день успела отрасти, придавая щекам и подбородку неопрятный вид. Где-то он читал, что борода растет быстрее на лицах мертвецов.

Наконец Эдди добрался до гостиницы. Он шел медленно, расслабленной походкой и каждый раз, слыша за спиной шаги, убеждал себя, что кто-то по поручению Фила следит за ним. В углу холла, где большинство ламп было потушено, сидели двое мужчин и переговаривались вполголоса. Они подняли головы и посмотрели на Эдди, когда он брел к лифту. Может быть, они здесь из-за него? Эдди их не знал. Но существовали же тысячи, которых он не знал и которые знали его: он ведь был Эдди Рико!

Ему захотелось встать перед ними и сказать: «Я – Эдди Рико. Что вам от меня надо?»

Мальчик-лифтер предупредил его:

– Осторожнее, ступенька.

– Спасибо, молодой человек.

Он плохо спал, два раза вставал и пил воду большими стаканами. Проснулся хмурый, с головной болью. Из номера он позвонил в агентство воздушных сообщений:

– Эль-Сентро, да, в Калифорнии. Как можно скорее.

Самолет улетал в полдень. Все билеты были проданы.

– Все забронировано на три дня вперед. Но если вы приедете за полчаса до отлета, то почти наверняка получите место. Почти всегда кто-нибудь возвращает билет в последнюю минуту.

За окном светило солнце. Более бледное, более мягкое, чем во Флориде, пробивающееся сквозь прозрачную дымку.

Он велел подать себе завтрак, к которому едва при-тронулся, и позвонил, чтобы принесли еще кофе. Затем он вызвал по телефону Эллис. В этот час она, должно быть, убирала в комнатах вместе с Лоис, маленькой негритянкой, которая стлала постели. Бэби ходила за ними следом, трогая все, что ей попадалось на пути.

– Это ты? Дома все в порядке?

– Все в порядке.

– Никто не звонил?

– Нет. Бэби сегодня утром обожгла пальчик, дотро-нувшись до печки, но не сильно: даже не заплакала. Ты видел мать?

– Да.

Ему нечего было ей сказать. Он спросил, какая у них погода, доставили ли новые занавеси для столовой.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – встревожилась вдруг жена.

- Да.
- Кажется, у тебя насморк?
- Нет. А может, и есть.
- Ты в гостинице?
- Да.
- Встретился с друзьями?
- Кое с кем встретился.

Зачем он так ответил?

- Ты скоро приедешь?
- Мне нужно еще кое-что сделать. В другом месте.

Он чуть не сказал ей, что едет в Эль-Сентро. Но говорить об этом было опасно, и он вовремя сдержался. Теперь, если что-нибудь случится у него дома с кем-нибудь, например с одной из его дочерей, никто не будет знать, где его разыскивать, чтобы сообщить о несчастье.

– Переключи, пожалуйста, телефон, чтобы меня не разъединили с Санта-Кларой, мне нужно переговорить с Анджело.

Это нетрудно было сделать.

- Алло, патрон?
- Ничего нового в магазине?
- Ничего особенного. Маляры утром начали работу.
- А как Джо?
- Не очень. – В тоне Анджело не слышалось восторга.
- С ним трудно?
- Мисс ван Несс поставила его на место.
- Он пытался приставать к ней?

По-видимому, это был первый случай, когда кто-то проявил неуважение к мисс ван Несс.

– Она влепила ему такую затрещину, что он все еще не пришел в себя.

– Он не пытался уйти?

– В первую ночь я играл с ним в карты до трех часов утра, а потом запер дверь на ключ.

– А сейчас?

– В прошлую ночь – я почувствовал, – ему так приспичило, что он готов был выпрыгнуть в окно. Тогда я позвонил Бепо.

Бепо был низенький неопрятный человек, содержатель дома свиданий у проезжей дороги, на полпути между Санта-Кларой и соседним городом.

– Бепо прислал то, что требовалось. Джо и его красотка выдули целую бутылку виски. К утру парень лежал пластом.

В половине двенадцатого Эдди с чемоданом снова был в Ла-Гардиа. Ему обещали первое же освободившееся место. Он зорко всматривался в лица людей вокруг, ища того, кто по виду мог принадлежать к Организации.

Перед отъездом он зашел в банк, где получил по чеку тысячу долларов. Если при нем не было денег, он не чувствовал себя уверенно. Чековая книжка его не устраивала. Эдди нужны были наличные.

В аэропорту он назвал кассирше не свое настоящее имя, а первое пришедшее ему в голову: Филиппе Агостини. Поэтому, когда его вызвали, он на мгновение замешкался, забыв, что обращаются к нему.

– Сто шестьдесят два доллара, выписываю билет. У вас есть багаж? Пройдите, пожалуйста, к весам.

Казалось маловероятным, чтобы ему дали уехать, не сделав попытки узнать, куда он направляется. Эдди без конца оборачивался, вглядывался в лица. Никому не было

до него дела. Даже это, даже отсутствие слезки в конце концов встревожило его.

По радио пассажиров пригласили к проходу номер двенадцать. Он очутился там вместе с двумя десятками других людей. И в ту самую минуту, когда Эдди протянул свой билет, он почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он физически ощутил его и не сразу решился повернуть голову.

Это был малый лет шестнадцати или семнадцати, с темными блестящими волосами и матовой кожей, скорее всего итальянец. Прислонясь к перегородке, он насмешливо смотрел на Эдди.

Эдди не знал его, да и не мог знать – ведь тот был ребенком, когда Эдди покинул Бруклин. Но он должен был знать родителей юноши, так как его черты и выражение лица были ему знакомы.

У Эдди мелькнула мысль сесть в другой самолет любого направления. Но это ни к чему бы не привело: куда бы он ни полетел, повсюду на аэродроме кто-нибудь будет его ждать.

Впрочем, он может сойти по дороге. Неужели они станут следить даже на промежуточных остановках?

– Почему вы не проходите?

– Простите.

Он продвинулся со всеми пассажирами вперед. Молодой человек, прилепив незажженную сигарету к нижней губе, как это делал Джино, не тронулся с места.

Самолет вылетел. Через полчаса, после того как прошли на небольшой высоте над небоскребами Нью-Йорка, стюардесса подала завтрак. В Вашингтоне Эдди не вышел.

Он там когда-то работал. В толпе за барьером посадочной полосы он не смог бы обнаружить человека, получившего задание следить за ним.

Эдди заснул. Когда он проснулся, стюардесса разносила чай. Он выпил чашку, и у него забурлило в животе.

— Когда мы прилетим в Нашвил?

— Часа через два.

Они летели очень высоко, значительно выше сверкающего скопления облаков, сквозь разрывы которых иногда проглядывала зелень равнин, белизна ферм. Эдди много раз бывал проездом в Нашвиле, но никогда не останавливался там.

Никто из Организации в Нашвиле не жил. В этом мирном городке нечем было особенно поживиться, и его предоставили местным рэкетирам.

Почему бы ему не сойти здесь?

Отсюда по всем направлениям ходят поезда и летают самолеты. А что ему делать потом? Главным боссам уже известно, что он взял билет до Эль-Сентро, его там ждут.

Прилетит ли он туда этим самолетом, прибудет ли другим путем — все равно его не упустят.

Они не менее хитры, чем он. Но несравненно могущественнее. Эдди никогда не пытался их обмануть. В этом была его сила, и это помогло ему добиться своего положения. Не он ли в шестнадцать лет, когда большинство его сверстников предпочитали ни с кем не считаться, рассуждал о порядке, прогуливаясь с Фазоли при лунном свете?

Он ловил себя на том, что сердится на Тони, так как в конце концов тот заставил его расхлебывать кашу. Эдди всегда был убежден, что очень любит своих братьев — Тони

сильнее, чем Джино, потому что Тони больше похож на него.

Он очень любил мать, но накануне, встретившись с ней, не испытал никакого волнения. Между ними не возникло близости. Он почти возненавидел ее за то, как она за ним наблюдала.

Никогда Эдди не чувствовал себя таким одиноким, даже Эллис перестала для него существовать. Ему с трудом удавалось представить ее в их доме, убедить себя, что этот дом – его дом, что каждое утро его сначала будили дрозды, которые прыгали на лужайке, а потом лепет Бэби.

К чему же он был по-настоящему привязан? В Бруклине он не чувствовал себя дома, тем не менее стоило ему во Флориде услышать какое-нибудь знакомое название, как его охватывала тоска по родным местам. Если он не доверял Бостону Филу, если испытывал к нему даже неприязнь, то это потому, что тот был не из Бруклина. Фил не провел детство так, как он, Эдди, не играл на тех же улицах, не ел тех же блюд, не говорил по-итальянски.

Этим объяснялось все: Бостон Фил чужой, он выходец из других мест.

Вот почему один из нынешних заправил, Сид Кубик, ему ближе. И даже этот рыжий Джо. Так почему же он их избегал? Почему он цеплялся за воспоминания о Флориде? Самое печальное было то, что теперь его два опорных пункта – Бруклин и Флорида – оба оказывались неустойчивыми, и в итоге ему не на что было опереться.

Он был совсем один, один в самолете, наедине с мыслью о том, что всюду, где бы он ни сошел, он будет чужим, если не врагом.

Эдди не сошел в Нашвиле. Он не сошел также в Тулсе, только поглядел на огни городка, сверкавшие в ночном мраке. Он старался ни о чем не думать, не принимать никакого решения. Небо было темно-синее, ясное, усеянное далекими, насмешливо подмигивавшими звездами.

Он немного поспал. Свет зари разбудил его. Вокруг человек пятнадцать – двадцать продолжали спать. Женщина, кормившая грудью ребенка, посмотрела на него с вызовом. Почему? Неужели у него вид человека, способного бесстыдно скользить взглядом по груди кормящей матери? Под самолетом простиралась огромная рыжая равнина, над ней поднимались золотистые горы, иногда с ослепительно белыми краями.

– Кофе? Чай?

Эдди выпил кофе. В Тусоне он сошел с самолета, чтобы пересесть на другой, поменьше, который летел в Эль-Сентро, и поставил часы по местному времени. На многих мужчинах были джинсы и большие светлые сомбреро. По типу они походили на мексиканцев.

– Привет, Эдди!

Он вздрогнул. Его хлопнули по плечу. Он пытался вспомнить имя того, кто, радостно улыбаясь, протягивал ему руку, и не мог. Он где-то встречался с ним, но не в Бруклине, скорее, на Среднем Западе, в Сент-Луисе или Канзас-Сити. Если он не ошибался, тот был барменом в ночном клубе.

– Хорошо долетел?

– Неплохо.

– Мне сказали, что ты будешь здесь, и я решил тебя встретить.

– Спасибо.

– Я живу в десяти милях отсюда. Там у меня бар. Дела идут неплохо. Отчаянные игроки в этой дыре!

– Кто тебе сказал обо мне?

Он тут же пожалел о сказанном: к чему задавать вопросы?

– Не помню. Ты же знаешь, как доходят всякие слухи. Ночью кто-то за игрой заговорил о тебе и твоём брате.

– О котором?

– О том... – Теперь настала очередь этого типа прикусить язык. Что он сейчас скажет? «О том, что натворил глупостей?»

– О том, что недавно женился, – вывернулся тот.

Эдди вспомнил его имя: человека звали Боб, и он работал в Сент-Луисе, в баре «Либерти», который принадлежал тогда Стигу.

– Я не приглашаю тебя в здешний бар, там продают только минеральную воду и кофе. Но я подумал, что вот это тебя порадует.

Он сунул Эдди в руку плоскую фляжку.

– Спасибо.

Он не будет пить. Фляжка нагрелась от горячего тела Боба, но отказываться не стоило.

– Кажется, ты процветаешь в Санта-Кларе?

– Живу понемногу.

– Полиция?

– Держит себя прилично.

– Это то, что я им всегда твержу: главное...

Эдди больше не слушал. Только кивнул в знак согласия. Какое облегчение он испытал, когда пассажиров наконец позвали на посадку.

– Рад был пожать тебе руку. Если снова будешь проездом здесь, загляни ко мне.

У Эдди оставались только две остановки: Финикс и Юма. Когда после них самолет пойдет на посадку, это будет уже над аэродромом Эль-Сентро. Рука у Боба была потная, с лица не сходила улыбка. Можно было не сомневаться, что через минуту он бросится к телефону.

– Желаю удачи!

Почти все время летели над пустыней. Затем внезапно, выделяясь четкой границей, появились поля, изрезанные каналами, светлые, вытянувшиеся в один ряд домики.

Летели над большой дорогой, по которой гуськом тянулись в город грузовики с ящиками овощей. Ящики громоздились и на других, более узких дорогах, вливавшихся в главную магистраль; вся эта разветвленная сеть дорог, по которым мчались в разных направлениях машины, напоминала кишаший муравейник.

Эдди предпочел бы, чтобы самолет не приземлялся в Эль-Сентро, чтобы он продолжал свой путь к Тихому океану, до которого оставалось не более часа полета.

«Пристегнуть ремни!» – приказало вспыхнувшее табло.

Он застегнул пояс и пять минут спустя, едва колеса коснулись бетонной дорожки, расстегнул его. Эдди не увидел ни одного знакомого лица, никто не хлопнул его по плечу. Кругом были женщины и мужчины, которые встречали кого-то или ждали другого самолета.

Супруги обнимались, отец семейства направился к выходу, держа двоих детей за руки, в то время как жена сменила сзади и тщетно пыталась с ним заговорить.

– Угодно носильщика?

Он отдал негру чемодан.

— Такси?

Здесь было жарче, чем во Флориде, и жара была иная, как бы излучающая свет, а жгучее солнце слепило глаза.

Эдди взял первое попавшееся такси и все время старался сохранять спокойный, равнодушный вид, так как был уверен, что за ним наблюдают.

— В отель.

— Какой?

— Самый лучший.

Машина тронулась, и Эдди со вздохом закрыл глаза.

6

В эту ночь Эдди приснился сон, самый тягостный за всю его жизнь. Эдди редко мучили кошмары. Когда с ним такое случалось, ему почти всегда снилось одно и то же: он будто бы просыпался, не зная, где находится, окруженный незнакомыми людьми, которые не обращали на него внимания. Эдди называл это про себя сном заблудившегося человека. Вполне понятно, что он никому о нем не рассказывал.

Нынешний сон не был похож на прежние. Приехав в отель, Эдди внезапно почувствовал себя очень усталым.

Ему казалось, что солнце пустыни проникло во все поры его тела, и он не пошел обедать в ресторан, а лег в постель, не дожидаясь вечера. Гостиница «Эль Президио», куда его привезли, — лучшая, по утверждению шофера, — была выстроена в стиле, слегка напоминавшем мавританский. Весь центр города, по-видимому, возник в период

владычества испанцев. Дома были покрыты ярко-желтой штукатуркой, насквозь прокаленной солнцем.

До него доносились малейшие звуки главной городской артерии – даже в Нью-Йорке он не помнил такой шумной улицы. Тем не менее Эдди почти сразу же крепко уснул. Возможно, в эту ночь он видел и другие сны, в которых его тело по инерции продолжало покачиваться, точно он был еще в самолете. Возможно, ему снился и сам самолет, но все эти сны сразу выветрились из памяти, и он, пробудясь, уже не помнил о них. Однако сон о Тони запомнился Эдди в мельчайших подробностях. Этот сон к тому же имел отличительную особенность: он был цветным, как некоторые фильмы, за исключением кадров, относящихся к двум лицам – Тони и их отцу, – эти кадры были черно-белыми.

Вначале все происходило в Санта-Кларе, в его доме, который он окрестил «Морским ветерком». Он вышел утром в пижаме, чтобы вынуть письма из почтового ящика, висевшего у калитки. Наяву ему почти никогда не приходилось ходить туда неодетым. Может быть, раза два-три случалось в дни, когда он вставал позднее, но обычно он всегда надевал халат. Во сне Эдди знал, что в почтовом ящике лежало что-то очень важное. Необходимо было пойти немедленно. Эллис согласилась с ним, она даже шепнула:

– Прихвати-ка револьвер.

Эдди не взял его. То, что лежало в ящике, оказалось его братом Тони.

Странно, но в ту минуту он отдавал себе ясный отчет в том, что все это немыслимо и что все происходит во сне. Ведь ящик из серебристого металла с выгравированным на

нем именем Рико, как все американские почтовые ящики, по размеру был не больше журнала. К тому же вначале Эдди обнаружил в нем вовсе не Тони, а серую резиновую куклу. Эту куклу он узнал сразу: когда ему было лет пять, он отнял ее у соседской девочки. Вернее говоря, попросту украл. Эдди схватил куклу не потому, что она привлекала его, а именно потому, что ему хотелось украсть. Он долго прятал куклу в ящике у себя в комнате. Может быть, она и до сих пор лежит в сундуке у матери, где та хранит игрушки всех трех сыновей.

Итак, даже во сне он хорошо представлял себе, как было дело. Эдди мог бы даже назвать имя девочки. Он украл куклу не для забавы, а чтобы совершить кражу, так как считал это необходимым.

А потом произошла перемена декораций. Мгновенно кукла стала уже не куклой, а его братом Тони, и Эдди несколько не удивился. Он знал об этом заранее.

Тони был весь из того же губчатого вещества, что и кукла, такого же тусклого, серого цвета. Несомненно, он был мертв.

– Ты меня убил, – произнес Тони с улыбкой. Без злобы. Без горечи. Он говорил, не раскрывая рта. Собственно, Тони вовсе не говорил, звуков не было слышно. Тем не менее Эдди различал все слова.

– Прости меня, – ответил он. – Входи!

Вот тогда-то Эдди заметил, что брат не один. Он привел с собой свидетелем отца. Отец был из такого же непрочного вещества и улыбался так же ласково, как и Тони.

Эдди спросил, как его дела, но отец молча покачал головой. Тони сказал:

– Ты ведь знаешь, он глух.

Пожалуй, самым удивительным в этом сне было то, что Эдди сохранял ясность мыслей и попутно делал здравые выводы.

Ни мать, ни кто-либо в квартале никогда не рассказывали детям, что их отец туг на ухо. Может быть, никто этого не замечал. Сейчас Эдди был почти убежден, что сделал открытие. Он сохранил об отце воспоминание как о тихом человеке со склоненной к плечу головой и странной, словно затаенной улыбкой. Отец почти не разговаривал и трудился с утра до вечера с неослабным терпением, как если бы в этом труде заключалась его судьба, и ему никогда не приходило на ум, что он мог бы жить по-иному.

Мать, конечно, возразила бы Эдди, что это детское впечатление, что ее муж был такой же, как все другие люди, но Эдди не сомневался в своей правоте.

Чезаре Рико жил погруженный в собственный мир, лишь теперь, через столько лет, сон разъяснил его сыну, что причиной тому была глухота.

– Входите, – сказал Эдди, стесняясь своей пижамы.

В тот же миг обстановка вновь изменилась. Они втроем вошли куда-то, но уже не в белый дом в Санта-Кларе.

Когда они осмотрелись, оказалось, что это их бруклинская кухня, где сидела в своем кресле бабушка, а на столе стояла бутылка кьянти.

– Я на тебя не сержусь, – продолжал Тони, – но все же досадно.

Эдди пришло в голову предложить им выпить. В доме было принято подносить гостям стакан вина. Но он вовремя спохватился, что Тони и отец умерли и, должно быть, не в состоянии пить вино.

– Садитесь.

– Ты ведь знаешь, отец никогда не садится.

В те далекие годы живой Чезаре Рико редко садился за стол – только чтобы поесть. Но во сне его поведение приобретало особый смысл. Оно связывалось с чертами его характера, с ролью, которую он играл в семье. Отец и сейчас не должен был садиться. Из самолюбия он не изменил своей прежней привычке.

– А почему не начинают? Кого ждут? – произнес новый голос.

Это была мать. Она сидела у стола и стучала по нему ложкой, чтобы привлечь к себе внимание.

– Эдди убил своего брата, – твердым голосом объявила она. И Тони пробормотал:

– Мне особенно больно потому, что он мой брат.

Он очень помолодел. Его волосы кудрявились больше, чем в последнее время. Завиток на лбу напоминал десятилетнего Тони. А может быть, ему опять десять лет? Он всегда был очень красив, красивее братьев. Эдди признавал это. Даже при таком землистом цвете лица, даже при том губчатом веществе, заменившем ему тело, Тони был необыкновенно хорош собой.

Эдди не пытался возражать. Он знал: все, что говорилось, – правда. Он пытался вспомнить, как произошло убийство, но ему не удавалось. Однако не мог же он спросить – неприлично было спрашивать: «Каким образом я тебя убил?»

Это было самое главное. До тех пор, пока он не узнает, он ничего не может им ответить. Эдди стало очень жарко, он чувствовал, как по лбу стекают струйки пота и засти-

лают глаза. Он сунул руку в карман, чтобы вынуть платок, а вытащил оттуда плоскую фляжку с виски.

– Вот и улика! – торжествовала мать.

– Я... я не пил из нее, – пролепетал он.

Эдди хотел показать, что фляжка полна, как и тогда, когда парень из Тусона вложил в его руку, но никак не мог вытащить пробку. Бабушка насмешливо смотрела на него. Она тоже была глухая. Может быть, это у них семейное? Может быть, он тоже оглохнет?

– Виноват установленный порядок, – объяснил Эдди.

Тони с ним соглашался, он встал на его сторону. Отец тоже. Но все остальные – вся толпа – были против него. Ведь возле дома уже собралась толпа. Улица заполнилась людьми, как в дни беспорядков. Все толкались, чтобы посмотреть на Эдди, все повторяли:

– Он убил брата!

Эдди пытался заговорить с окружающими, объяснить, что Тони понимает его, отец тоже, но ни один звук не сорвался с его губ. Бостон Фил хихикал. Сид Кубик ворчал:

– Я сделал все, что мог, потому что твоя мать когда-то спасла мне жизнь, но больше я ничего не могу сделать.

Самым ужасным было то, что все утверждали, будто он, Эдди, лжет, так как Тони здесь нет. Эдди и сам сейчас искал брата, но больше не видел его.

Скажи им Тони, что...

Отца тоже не оказалось рядом, а грозившие Эдди люди стали постепенно исчезать, растворяться, и наконец он остался совсем один. Больше не было ни улицы, ни кухни – ничего, кроме пустоты, огромной пустой площади, посреди которой он простирали руки, взывая о помощи.

Эдди проснулся весь в поту. Занимался новый день.

Он подумал, что спал всего несколько минут, но, когда подошел к окну, увидел, что на улице, окутанной рас-светной полутьмой, никого нет. Он выпил стакан ледяной воды и, так как в номере было душно, включил кондиционер.

Ему захотелось крепкого черного кофе. Он позвонил в ресторан. Ему ответили, что официанты приходят к семи часам. Было всего пять. У Эдди не хватило мужества снова лечь спать. Он чуть было не позвонил жене, чтобы успокоить ее. Потом подумал, что разбуженная в такую рань Эллис перепугается. Лишь очутившись на улице, Эдди сообразил, что вполне мог позвонить – ведь разница во времени с Флоридой составляла три часа. Старшие дети уже ушли в школу, а Эллис завтракает.

Никто в холле, по-видимому, за ним не наблюдал. Де-журный портье, заметив, что он выходит на улицу, только посмотрел на него с некоторым удивлением. За ним не шли по пятам и тогда, когда он проходил под арками главной улицы.

Не счесть было ресторанов, баров, кафетериев, но прошло не менее получаса, прежде чем он обнаружил открытое заведение. Это был дешевый ресторанчик того же типа, что у Фазоли, с такой же стойкой, с такими же электрическими плитами, таким же запахом чеснока.

– Черный кофе!

В ресторанчике, кроме заспанного хозяина, никого еще не было. За спиной у Эдди вдоль перегородки выстроились четыре игровых автомата.

– Полиция молчит?

– Конфискует раз в полгода.

Эдди это было знакомо. Две-три облавы на время успокаивали Лигу нравственности. Аппараты якобы разрушали, а несколько недель спустя они снова появлялись в других заведениях.

– Как дела?

– Дела плохи.

– Во что играют?

– Почти во всех барах – в кости. Парни не знают, куда деньги девать.

Кофе взбодрил Эдди, и он заказал яичницу с беконом.

Понемногу он приходил в себя. Хозяин понял, что с этим человеком можно поговорить по душам.

В Эль-Сентро все кипит. Не хватает рабочих рук. Для людей, которые съезжаются отовсюду, приходится покупать или нанимать даже трейлеры, потому что неизвестно, где всех разместить. Среди пришлых особенно много таких, кто работает на сборе овощей по двенадцать-тринадцать часов в сутки. Нанимаются всей семьей: отец, мать, детишки. Это очень тяжелая работа – все время на солнцепеке, – но зато она не требует выучки. И все же не удастся собрать весь урожай и придется тайком посылать за рабочими в Мексику. Граница отсюда всего в десяти милях.

Разве Эдди собирался называть сейчас эту фамилию?

Дело в том, что он вспомнил фамилию сына Джозефины.

Это случилось с ним в самолете, хотя Эдди намеренно пытался об этом не думать. Может, предпочел бы даже никогда не вспоминать ее. Эдди знал, что фамилия похожа на женское имя.

Он сидел, закрыв глаза, и дремал, как вдруг слово возникло в его мозгу: Феличи.

Марко Феличи. В ресторанчике, кроме Эдди и хозяина, никого не было. По улице уже промчались первые машины. Поодаль, в гараже, работали люди.

— Не знаете ли вы такого Марко Феличи?

— Чем он занимается?

— Ранними овощами.

Хозяин бара ограничился тем, что указал Эдди на телефонную книгу, которая лежала на столике настенного аппарата.

— Вы его там наверняка найдете.

Эдди перелистал книгу и нашел фамилию, но не в Эль-Сентро, а в соседнем поселке, который назывался Аконда.

— Это далеко?

— Шесть или семь миль по направлению к Большому каналу.

В ресторанчик зашел позавтракать механик из гаража, потом заглянула женщина, она, казалось, не спала всю ночь, и румяна на ее лице растаяли. Эдди заплатил, вышел, постоял на тротуаре, не зная что предпринять.

Он чувствовал бы себя более уверенно, если бы заметил, что за ним следят. Эдди казалось невероятным, чтобы никого не было. Почему они позволяют ему разъезжать туда и сюда, не интересуясь его поведением и поступками?

И тут Эдди понял: они обогнали его на один день. Когда он покидал Нью-Йорк, они уже знали, что он направляется в Эль-Сентро. У них наверняка был здесь кто-то, на кого они могли положиться при розыске Тони.

Они не знали о ниточке, ведущей к Феличи, но в этом не было большой необходимости. Тони вел грузовик, его сопровождала молодая женщина. Он должен был остановиться где-нибудь в мотеле или на стоянке для трейлеров.

Но этого могло и не случиться. Это был только возможный вариант.

Что произошло, если они нашли Тони?

Вероятно, они выжидали, чтобы узнать, как он, Эдди, собирается поступить. Разве Фил не подозревал его в намерении обмануть боссов?

Эдди вернулся в гостиницу, чтобы оставить в ней пиджак, так как здесь никто не носил пиджаков. Два-три раза брался за телефонную трубку. Виденный им сон преследовал его, наполнял его тело неприятной слабостью.

В конце концов он снял трубку и попросил соединить его с отелем «Эксельсиор» в Майами. На это потребовалось около десяти минут, в течение которых трубка нагрелась в его руке.

– Я хотел бы переговорить с мистером Кубиком.

Он назвал номер его комнаты.

– Мистер Кубик больше не проживает в отеле.

Эдди уже хотел повесить трубку.

– Но его приятель, мистер Филипп, по-прежнему здесь. Соединить вас с ним? Кто говорит?

Он пробормотал свое имя и услышал голое Бостона Фила.

– Я вас разбудил?

– Нет. Ты его нашел?

– Пока нет. Я в Эль-Сентро. У меня нет уверенности, что он в этом районе. Но...

– Но что?

– У меня возникла одна идея. Предположим, что ФБР, которое также разыскивает его, выследило меня...

– Ты видел тестя?

– Да.

– И заглянул в Бруклин?

– Да.

Иначе говоря, он побывал в местах, где полиция могла его заметить и установить за ним слежку.

– Дай мне номер своего телефона и ничего не делай, пока я тебе не позвоню.

– Хорошо. – Он прочел вслух номер на аппарате.

– Ты никого не заметил?

– По-моему, никого нет.

Фил, конечно, запросит Кубика или кого-нибудь из главных. После показаний Питера Малакса полиция, вероятно, была бы весьма не прочь арестовать Тони. Разъезды его брата Эдди могли привлечь ее внимание.

Теперь Эдди оставалось только ждать. Он не осмелился даже спуститься в холл из боязни, что его не найдут, когда позвонит Фил. По той же причине он не вызвал Эллис, ему могли позвонить в ту минуту, когда номер будет занят, и Фил подумает, что Эдди устроил так нарочно. Он был убежден, что его подозревают в намерении предать.

Опасение это ничем не было подтверждено, но Эдди стал думать так после встречи в Майами.

Его брат Джино, возможно, находится где-нибудь в городе, он направлялся в Сан-Диего. Джино воспользовался не самолетом, а автобусом, и на переезд потребовалось несколько дней. По приблизительному расчету Эдди,

он проехал через Эль-Сентро накануне или проедет сегодня.

Эдди хотелось повидать брата, но, может быть, воздержаться? Он не мог предвидеть, как поведет себя Джино: они с ним были слишком разные люди. Эдди нетерпеливо шагнул по комнате из угла в угол.

— Мне еще не звонили, мисс?

— Нет.

Сид Кубик сейчас во Флориде. В это время года он обычно проводит там несколько недель. Во Флориде день уже наступил. Может быть, Сид уехал на машине. Может быть, купается на каком-нибудь пляже.

Или он тоже не рискнет взять на себя всю ответственность за решение? Если так, то он, в свою очередь, позволит в Нью-Йорк, а может быть, в Чикаго.

Дело серьезное. С таким свидетелем, как Тони, если он и вправду решился заговорить, вся Организация оказывалась под угрозой. Винче Веттори настолько крупная шишка, что любой ценой нужно оградить его от суда.

Уже несколько лет окружной прокурор упорно искал свидетеля. Два раза ему это чуть было не удалось. С Малышом Чарли, который тоже работал шофером, они почти добились своего. Полиция арестовала Чарли. Из предосторожности его не посадили в «Могилы», где какой-нибудь заключенный мог заставить его замолчать навеки.

Такое случалось. Ведь Альберта Одноглазого пять лет назад задушили в тюрьме на прогулке, да так, что надзиратели ничего и не заметили.

Чарли тайком отвезли на квартиру одного из полицейских, где его днем и ночью стерегли четверо или пятеро

человек. И все же до Чарли добрались. Пуля с крыши соседнего дома сразила его в комнате.

Естественно, что Организация защищается. Эдди это понимал. Даже если дело касалось его брата.

Все очень осложнилось. Эдди отдавал себе в этом отчет. Полиция Нью-Йорка не могла действовать здесь, в Калифорнии. Что касается ФБР, то и оно, по сути дела, не имело права вмешиваться, поскольку речь шла не о государственном преступлении.

Убийство Кармине, убийство продавца сигар не были государственными преступлениями. Они касались только штата Нью-Йорк. Другое дело, если бы, например, убийцы воспользовались машиной, украденной в другом штате. Но те, кто организовал обе операции, были для этого достаточно предусмотрительны. Все, что местная полиция могла попытаться сделать, если бы она поймала Тони, – это обвинить его, пожалуй, в краже грузовика и угоне его в Калифорнию. Прежде чем об этом уведомили бы старика Малакса, она отправила бы Тони в штат Нью-Йорк.

Мозг Эдди лихорадочно работал. Надо было найти выход, пока телефонный звонок не прервет его размышлений.

В номер постучали. Эдди вздрогнул, на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Это была всего лишь горничная, которая спрашивала, можно ли убрать комнату.

Случается, конечно, что прислуга беспокоит постояльца, который слишком замешкался в номере. Но возможно, кто-то хотел удостовериться, что Эдди по-прежнему здесь.

Теперь они действуют как через членов Организации,

так и через полицию, как через ФБР, так и через государственные органы.

Эдди проспал около четырнадцати часов, но отдохнувшим себя не чувствовал. Он нуждался в короткой передышке, чтобы обдумать и взвесить все хладнокровно, как он привык, без той лихорадочной поспешности, от которой путаются мысли.

Любопытно, что ему приснился отец. Эдди редко вспоминал о нем. Почти не знал его. Однако ему казалось, что он больше похож на отца, чем Джино и Тони.

Эдди вспомнил Чезаре Рико в лавке, как он обслуживал покупателей – всегда сдержанный, даже чуть-чуть надменный. Но это была не надменность, причина заключалась в окружавшей отца тишине.

Эдди тоже был человек немногословный. И, как отец, он целыми днями размышлял наедине с собой. Случалось ли ему делиться с женой? Может быть, иногда, но отнюдь не серьезными тайнами. С братьями и с теми, кто считался его друзьями, он не делился.

Его отец тоже никогда не смеялся. На его губах, как у Эдди, обычно играла едва заметная рассеянная усмешка.

Упрямые люди, они шли каждый своим путем, не сворачивая с него, потому что раз и навсегда решили, какова будет их жизнь.

Взгляды отца трудно было точно определить. Чезаре Рико, по-видимому, принял незыблемое решение, когда встретил Джулию Массера. Она была сильнее его. И очевидно, она командовала как в семье, так и в лавке. Чезаре женился на ней, и Эдди никогда не слышал, чтобы отец повысил голос или пожаловался.

Он, Эдди, пожелал вступить в Организацию, участвовать в игре, соблюдать установленный порядок. Пусть другие бунтуют, пытаются обманывать.

Отчего же Фил тянет и не звонит? У Эдди не было газеты, но ему не пришло в голову распорядиться, чтобы газету принесли наверх. Он нуждался в одиночестве.

Улица наполнилась шумом. Машины останавливались у тротуара, и полисмен с трудом регулировал движение.

Как это непохоже на Флориду и Бруклин! Здесь можно было увидеть машины всех марок, устарелые и новейшие.

«Форды» на высоких колесах, с капотом, подвязанным веревочками, их теперь встретишь только в самых отдаленных сельских местностях, и тут же сверкающие «кадиллаки», самые разные грузовики и мотоциклы. Люди всех рас – много негров, а еще больше мексиканцев.

Как только раздался звонок, он бросился к телефону:

– Алло!

Эдди услышал далекие голоса телефонисток, а потом наконец голос Бостона Филадельфии.

– Эдди?

– Да.

– Все решено.

– Что именно?

– Ты переговоришь с братом.

– Даже если вмешается полиция?

– В любом случае стоит прийти первыми. Сид сказал, чтобы ты мне позвонил, как только найдешь его.

Эдди раскрыл рот, не зная еще, что ему следует сказать, но не успел произнести ни слова, так как Фил уже повесил трубку.

Он вымыл лицо и руки, чтобы освежиться, переменял рубашку, надел шляпу и направился к лифту, оставив на столе фляжку с виски, к которой не прикоснулся. Ему не хотелось спиртного, и вообще он не испытывал жажды.

Его тянуло закурить, но он не зажег сигарету.

В холле, где толпился народ, он ни на кого не взглянул. У дверей стояло несколько такси. Не выбирая, Эдди сел в первое попавшееся.

— Аконда, — сказал он, опускаясь на раскаленное солнцем сиденье.

На выезде из города он увидел мотели, о которых ему утром говорили, и скопища трейлеров — настоящие поселки на пустырях. На веревках сушилось белье; женщины в шортах, толстые и худые, стряпали на открытом воздухе.

Дальше дорога пролегла среди полей. Мужчины и женщины, согнувшись в три погибели, собирали овощи, постепенно нагружая следовавшие за ними грузовики.

Дома почти все были новые. Несколько лет назад, до прорытия канала, этот район был пустыней, среди которой возвышался старинный испанский город. Строились здесь очень быстро. Некоторые поселенцы довольствовались бараками.

Такси свернуло налево по песчаной дороге, вдоль которой тянулись электрические провода. Изредка встречались маленькие деревушки — всего несколько домов.

Аконда оказалась более крупным поселком. Кое-где просторные дома были окружены цветниками и лужайками.

— К кому вы едете?

— Его зовут Феличи.

– Не знаю такого. Народ здесь меняется что ни день.

Шофер затормозил возле универсального магазина. У входа до середины тротуара громоздились выставленные на продажу сельскохозяйственные орудия.

– Не живет ли здесь где-нибудь поблизости семья Феличи?

Сбивчиво им объяснили, куда надо ехать. Такси выехало из поселка, миновало новые поля и остановилось перед несколькими почтовыми ящиками, установленными у края дороги; на пятом из них оказалось имя Феличи. Дом стоял среди полей. В отдалении, склонившись над землей, работали люди.

– Вас подождать?

– Да.

Девочка в красном купальном костюмчике играла на веранде, на вид ей было лет пять.

– Папа дома?

– Он там. – Она указала на людей в поле.

– А мама?

Малышке не пришлось ответить. Загорелая женщина в сатиновых трусиках и лифчике из той же материи приподняла противомоскитную сетку над дверью.

– Кто тут?

– Миссис Феличи?

– Да.

Он не помнил ее, и она, видимо, не помнила его. Но она сразу увидела, что перед ней итальянец, и, конечно, приехавший издалека.

Поговорить с ней или лучше дожидаться мужа? Эдди обернулся: никого не было видно. Похоже, за ним не следили.

– Я хотел бы кое о чем узнать у вас.

Она стояла на пороге, придерживая рукой дверь, и явно колебалась. Потом нехотя проговорила:

– Войдите.

В просторной комнате было почти темно из-за опущенных жалюзи. Посередине большой стол, на полу игрушки, в углу на гладильной доске с включенным утюгом разостлана мужская рубашка.

– Садитесь.

– Меня зовут Эдди Рико, и я знал вашу свекровь.

Лишь в эту минуту он почувствовал чье-то присутствие в соседней комнате. Ему послышалось там движение. Потом дверь открылась. Вначале он увидел только силуэт женщины в светлом цветастом платье. Жалюзи в соседней комнате не были опущены, силуэт вырисовывался на светящемся фоне. Он различил очертания ног и бедер.

– Нора!

– Да, иду.

Она вошла в комнату. Эдди теперь мог лучше разглядеть ее. Она оказалась меньше ростом, чем он предполагал после встречи с ее отцом и братом, миниатюрной и хрупкой.

Ему сразу бросилось в глаза, что она беременна.

– Вы брат Тони?

– Да. А вы его жена?

Эдди не ожидал, что все произойдет так быстро. Он не был подготовлен к этому разговору, рассчитывая вначале поговорить с Феличи. Ему представлялось, что именно Феличи скажет ему, где скрывается Тони.

Эдди смутило то, что Нора была беременна. У него

самого было трое детей, но он никогда не думал, что у его братьев тоже могут быть дети.

Женщина опустилась на скамейку, положила одну руку на стол и внимательно поглядела на гостя.

– Как вы попали сюда?

– Мне нужно поговорить с Тони.

– Я вас не об этом спрашиваю. Кто вам дал адрес?

У него не было времени придумать что-нибудь.

– Мне сказал ваш отец.

– Вы были у моего отца? Зачем?

– Чтобы получить адрес Тони.

– Отец его не знает, и мои братья тоже.

– Ваш отец сказал, что Тони починил старый грузовик и что он отдал Тони эту машину.

Жена Тони была умна и сообразительна. Она уже все поняла и смотрела теперь на него еще пристальнее.

– Вы догадались, что он приедет сюда?

– Я вспомнил, что ребенком он провел здесь несколько месяцев и что он мне часто говорил о грузовиках.

– Значит, вы – Эдди?

Ее взгляд смущал его. Он заставил себя улыбнуться.

– Я рад познакомиться с вами, – пробормотал он.

– Чего вы хотите от Тони?

Она не улыбалась и продолжала изучать его сосредоточенным взглядом. М-с Феличи отошла в угол, чтобы не мешать им.

Что Тони рассказал Феличи? Известно ли им все? Во всяком случае, они приютили его.

– Что вы от него хотите? – повторила Нора, и по ее тону он понял, о чем она думает.

- Мне нужно ему кое-что сообщить.
- А именно?
- Я пойду... – пробормотала хозяйка дома.
- Не нужно.
- Я пойду приготовлю завтрак.

Она ушла в кухню и закрыла за собой дверь.

- Чего вы от него хотите?
- Он в опасности.
- Почему?

По какому праву, в конце концов, она разговаривает с ним таким прокурорским тоном? Тони в опасности, а он сам в затруднении, годы усилий поставлены на карту, и разве не из-за этой девчонки?

– Некоторые люди боятся, что он проговорится, – с оттенком суровости ответил он ей.

- Эти люди знают, где он?
- Пока нет.
- Вы им сообщите?
- Они его и сами найдут.
- И тогда...
- Они смогут заставить его молчать любой ценой.
- Это они вас послали?

К несчастью, он на мгновение заколебался. Напрасно потом он пытался все отрицать: разубедить ее было невозможно.

– Что они вам сказали? Что поручили?

Странно. Она была очень женственная, ничего резкого в чертах лица. Мягкими были и линии ее тела, и, однако, в ней чувствовалась воля, более сильная, чем у многих мужчин. Эдди она невзлюбила с первого взгляда. Может

быть, она невзлюбила его еще раньше. Тони, наверное, рассказывал ей о нем и о Джино. Может быть, она ненавидела всю их семью, за исключением Тони?

Ее темные глаза пылали гневом. Когда она обращалась к нему, у нее дрожали губы.

— Если бы ваш брат не пошел в полицию... — Охваченный яростью, он, в свою очередь, перешел в наступление.

— Что вы говорите? Вы смаете утверждать, что мой брат...

Она вскочила и стала перед ним, выпятив живот. Эдди подумал, что она набросится на него, не мог же он драться с беременной женщиной!

— Ваш брат, да, тот самый, что работает в «Дженерал электрик». Он передал полиции все, что вы рассказали о Тони.

— Это не правда.

— Правда!

— Вы лжете!

— Послушайте, успокойтесь. Клянусь вам, что...

— Вы лжете!

Как он мог предвидеть, что окажется в таком нелепом положении? За дверью жена Феличи должна была слышать их громкие крики. Девочка слышала их с веранды, открыла дверь, просунула испуганное личико.

— Что с тобой, тетя Нора?

В этой семье, вероятно, считали Нору своей, должно быть, девочка говорила также «дядя Тони».

— Ничего, милочка. Мы кое-что обсуждаем.

— А что?

– Вещи, которых ты не можешь понять.

– Это ему я ничего не должна была говорить?

Итак, Тони и его жена обо всем рассказали Феличи. Они боялись, что в дом придут наводить о них справки. Они внушили ребенку: если явится какой-нибудь господин и начнет задавать вопросы... Эдди ждал ответа Норы, и та как бы в отместку сказала:

– Да, ему.

Она вся дрожала.

7

Тяжело дыша, они продолжали мерить друг друга гневным взглядом, и в эту минуту у веранды, лязгая железом, затормозил вернувшийся с поля большой грузовик. Со своего места Эдди не мог видеть, что происходило за окном, но по встревоженному выражению лица Норы понял, что приехал Тони.

Наверно, он работал в поле с другими мужчинами и заметил такси. Если бы оно отъехало сразу. Тони, возможно, не встревожился бы, но машина долго стояла у его дома, и это заставило его вернуться.

Трое в комнате слушали, как он поднимался по ступенькам крыльца, каждый оцепенел в той позе, в которой его застал шум подъехавшего грузовика.

Дверь распахнулась. На Тони были синие холщовые штаны и белая майка, оставлявшая обнаженными руки и часть груди. У него были сильно развитые мускулы, выдубленная солнцем кожа.

Увидев брата, Тони остановился как вкопанный. Его

густые черные брови сошлись на переносице, и между ними пролегла глубокая складка.

Все молчали, и только девочка бросилась к нему навстречу:

– Берегись, дядя Тони, это он.

Тони не сразу понял. Он поглаживал голову ребенка, вопросительно глядя на жену. Это был ласковый и доверчивый взгляд.

– Бесси спросила меня, этому ли господину она не должна отвечать на расспросы, и я ей ответила, что да, этому.

Дверь на кухню отворилась, и показалась м-с Феличи.

Она держала в руке сковороду, на которой шипело свиное сало.

– Бесси, поди сюда!

– Но, мама...

– Живо!

Оказавшись втроем, они вначале не знали, как себя держать. Тони так сильно загорел, что его белки и в полумраке комнаты сверкали ослепительной белизной и придавали странный блеск глазам.

Не глядя Эдди в лицо, он объяснил:

– Ведь все время ждешь, что кто-нибудь придет вынюхивать, ну мы и сказали малышке...

– Понятно.

Вскинув голову, Тони с искренним удивлением вполголоса проговорил:

– Вот уж не думал, что это будешь ты.

Какая-то мысль терзала его. Он пристально посмотрел сперва на жену, потом на брата.

– Ты сам вспомнил, что я когда-то провел здесь каникулы?

Тони этому явно не верил.

Эдди не мог солгать так, чтобы это осталось незамеченным.

– Нет, – признался он.

– Ты ездил к матери?

– Да.

Нора оперлась спиной о стол, выпятив живот. Не прерывая разговора, Тони подошел к ней и привычным жестом положил руку ей на плечо.

– Это мать сказала тебе, что я здесь?

– Когда она узнала, что ты уехал на грузовике.

– А как она узнала?

– От меня.

– Ты побывал также в Уайт-Клауде?

– Да.

– Ты понимаешь, Тони? – вмешалась жена.

Он жестом успокоил ее, потом нежно обнял за плечи.

– Что же, собственно, тебе сказала мать?

– Она напомнила мне, что когда ты вернулся отсюда, то был увлечен мыслью, как здесь можно замечательно зарабатывать, имея грузовик.

– И ты приехал, – проронил Тони, опустив голову.

Ему, Тони, тоже необходимо было собраться с мыслями. Нора еще раз попыталась что-то сказать, но он остановил жену, слегка сжав ее плечи.

– Я не сомневаюсь, что меня разыщут, – не сегодня, так завтра.

Он говорил как будто сам с собой. Без горечи, без

возмущения. И Эдди казалось, что перед ним другой, незнакомый ему Тони.

– Но я не думал, что это будешь ты.

Он вновь поднял голову, потрянул ею, чтобы отбросить завиток волос, падавший ему на глаза.

– Это они послали тебя?

– Мне позвонил Сид, точнее, он велел Филу позвонить мне, чтобы я приехал к нему в Майами. Лучше, Тони, нам переговорить спокойно вдвоем.

Эдди почувствовал протест в напряженной позе Нора.

Если бы Тони попросил ее выйти, она, конечно, послушалась бы его, но брат отрицательно покачал головой:

– При ней можно говорить все.

Потом он взглядом указал на живот жены, и на его лице появилось выражение, какого Эдди никогда у него не видел.

– Ты знаешь нашу новость?

– Да.

О ребенке, которого ждала Нора, они больше не говорили.

– Что же тебе поручено?

В этом вопросе прозвучала нотка презрения и горечи.

Эдди требовалась вся его выдержка; чего бы это ни стоило, ему надо было держать себя в руках.

– Прежде всего, ты должен знать, что произошло.

– Я им понадобился? – усмехнулся Тони.

– Нет. Дело хуже, гораздо хуже. Прошу тебя внимательно выслушать меня.

– Он будет врать, – сказала вполголоса Нора.

Она сжала руку мужа, покоившуюся на ее плече, чтобы еще теснее слиться с ним.

– Дай ему сказать.

– Твой шурин ходил в полицию.

Нора вновь возмутилась. Она вся дрожала.

– Это неправда!

Тони опять сжал ее плечи.

– Как ты об этом узнал?

– У Сиды есть свои люди в этой лавочке. Тебе это известно не хуже, чем мне. Питер Малакс повторил шефу все, что ты ему рассказал.

– Я с ним никогда не говорил.

– Все, что ему рассказала сестра.

Тони продолжал успокаивать Нору. В нем не чувствовалось никакого раздражения против жены. Эдди никогда не видел его таким спокойным, таким рассудительным.

– И что же?

– Он считает, что ты готов дать показания. Это правда?

Тони снял руку с плеча Норы, чтобы зажечь сигарету.

Он стоял теперь в двух шагах от Эдди, глядя ему в глаза.

– А ты как думаешь? – спросил он.

Прежде чем ответить, Эдди бросил выразительный взгляд в сторону беременной невестки, как бы для того, чтобы сделать понятнее свой ответ.

– Я не поверил. Но теперь я не знаю...

– А Сид? А остальные?

– Сид не желает рисковать. Так это правда? – помолчав, снова спросил Эдди.

Тони взглянул на жену. Вместо прямого ответа он пробормотал:

– Я шурина ничего не говорил.

– И все-таки он повидался с начальником полиции и, возможно, с прокурором.

– Питер думал, что поступает правильно. Я его понимаю и понимаю, почему Нора с ним говорила. Питер не хотел, чтобы она выходила за меня, и не так уж он оказался не прав! Он ведь все разузнал обо мне.

Тони подошел к стенному шкафу и достал из него бутылку вина.

– Налить?

– Нет, спасибо.

– Как хочешь.

Тони налил себе стакан и осушил его залпом. Это было кьянти, как у матери. Он хотел налить еще стакан, однако Нора шепнула ему:

– Осторожно, Тони!

Он заколебался, чуть было не налил, но взглянул на Эдди и, улыбнувшись, поставил бутылку в соломенной оплетке на стол.

– Итак, ты видел Сида, и он поручил тебе передать...

Тони вернулся на свое место, стал спиной к столу и вновь обнял Нору за плечи.

– Я тебя слушаю.

– Полагаю, тебе понятно, что полиции после того, что ей наговорили, не терпится наложить на тебя лапу.

– Еще бы!

– Они воображают, что получают наконец свидетеля, которого так давно ищут.

– Да.

– Они правы?

Вместо ответа Тони буркнул:

– Продолжай!

– Сид и остальные не могут идти на такой риск.

Тони впервые заговорил резко враждебным тоном.

– Меня удивляет, – сказал он со знакомой Эдди кривой усмешкой, – что они послали ко мне тебя, а не Джино.

– Почему?

– Потому что Джино – убийца.

Даже Нора вздрогнула, а Эдди побелел.

– Я жду продолжения, – произнес Тони.

– Заметь, ты еще не сказал мне, собираешься ты заговорить или нет.

– Дальше!

– Опасения Сиды не так уж нелепы. В течение многих лет тебе доверяли.

– Черта с два!

– Судьба многих людей и даже жизнь кое-кого из них зависит от того, будешь ты говорить или нет.

Нора снова открыла было рот, и снова Тони приказал ей молчать. Его жесты оставались ласковыми, покровительственными.

– Не мешай ему говорить.

Эдди начинал сердиться. Поведение брата не нравилось ему. Он понимал, что тот его осуждает. У Эдди создалось впечатление, что с самого начала Тони смотрел на него с презрительной иронией и словно читал его затаенные мысли.

– Они тебе не желают худого.

– В самом деле?

– Они только хотят спрятать тебя.

– На три фута под землей?

– Как говорит Сид, Америка для тебя теперь мала. Если бы ты уехал в Европу, как делали многие до тебя, то жил бы спокойно, твоя жена тоже.

– Они тоже успокоились бы?

– Сид меня уверял, что...

– Ты ему поверил?

– Но...

– Признайся, что ты ему не поверил. Они знают так же хорошо, как ты и я, что как раз при переходе границы меня могут сцапать. Если, конечно, то, что ты мне рассказал, правда.

– Чистая правда.

– Допустим. В таком случае мои приметы уже разосланы повсюду.

– Ты мог бы перебраться в Мексику и там сесть на пароход. Граница отсюда в десяти милях.

Эдди не помнил, чтобы брат когда-либо казался ему таким решительным и сильным.

Если он и выглядел очень юным с этими выющимися волосами и пылким взором, все же это был настоящий мужчина.

– А что об этом думает Джино?

– Я не видел Джино.

Это было сказано неуверенно.

– Ты врешь, Эдди.

– Они послали Джино в Калифорнию.

– А Джо?

– Он у меня, в Санта-Кларе.

– Ну а Веттори?

– Мне о нем не говорили.

– Мать знает, что ты здесь?

– Нет.

– Ты передал ей слова Сида?

Эдди заколебался. Очень трудно было лгать Тони.

– Короче говоря, ты поехал к матери, чтобы кое-что у нее выпытать?

Тони направился к двери, отворил ее, и за ней открылся такой яркий прямоугольник, что от него слепило глаза. Держа руку козырьком, Тони окинул взглядом дорогу.

– Они тебе дали поехать одному, – тихо и задумчиво произнес он, возвратившись к столу.

– Иначе я не поехал бы.

– Это значит, что тебе доверяют. Тебе всегда доверяли.

– Как и тебе, – возразил Эдди, не желая оставаться в долгу.

– Это не одно и то же. Я... я был лишь мелкой сошкой: вот тебе задание – выполняй!

– Никто не заставлял тебя соглашаться.

Что-то толкало Эдди говорить злые слова, но это было не столько из-за Тони, сколько из-за Норы, ненависть которой он все время ощущал. Перед ним стояли не просто муж и жена, а целая семья, почти клан, если учитывать беременность Норы.

– Ты не ждал, чтобы тебя попросили украсть машину, и я припоминаю, что...

– Все, что ты можешь рассказать, ей известно, – вполголоса и скорее с грустью, чем с гневом, проговорил Тони. – Ты помнишь дом, улицу, людей, которые приходили в лавку к матери? Ты помнишь наши проделки, когда кончались занятия в школе?

Тони не ждал ответа. Увлеченный своими мыслями, он почти беззвучно произнес:

– Только с тобой все было не так. Ты всегда был другим.

– Я тебя не понимаю.

– Нет, понимаешь.

Это была правда. Эдди понимал. Между ним и братом всегда существовало различие – касалось ли это Джино или Тони. Они никогда не объяснялись по этому поводу, сейчас менее всего это следовало делать, да еще в присутствии посторонней. Тони напрасно так откровенничал с женой. Он, Эдди, вот уже тринадцать лет женат на Эллис, а ни разу не поделился с ней чем-либо, что касалось Организации.

Спор с Тони ни к чему бы не привел. Некоторые парни тоже влюблялись, как он. Но не многие. Они тогда готовы были бросить вызов всему свету. В мире для них не было ничего драгоценнее женщины. Все прочее их не интересовало.

И такие увлечения всегда плохо кончались. Об этом хорошо знал Сид, и Эдди тоже.

– Когда, ты думаешь, они придут?

Нора задрожала с головы до ног и бросилась к мужу, как бы стремясь укрыться у него на груди.

– Они требуют только, чтобы ты уехал в Европу.

– Не обращай со мной как с младенцем!

– Я не приехал бы, если б речь шла о другом.

Так же прямо, с явным осуждением Тони возразил:

– Приехал бы. – И добавил устало:

– Ты всегда делал и всегда будешь делать все, что положено. Я вспоминаю, как однажды вечером ты объяснил

мне свою точку зрения. В один из редких вечеров, когда я видел тебя полупьяным.

– Где это было?

– Мы шли по Гринвич-Вилледжу. Стояла жара. В каком-то ресторане ты показал мне одного из крупных боссов, на которого ты смотрел издали с трепетным обожанием. «Видишь ли, Тони, – сказал ты мне, – есть люди, которые воображают себя умниками, потому что орут во всю глотку». Хочешь, я повторю твою речь? Я мог бы привести все твои разглагольствования, в особенности по поводу порядка.

– Лучше бы ты ему подчинялся.

– Тогда ты обошелся бы без поездки в Майами, в Уайт-Клауд, в Бруклин, где мать до сих пор не понимает, что ты затеял, и, наконец, сюда. Имей в виду, что я на тебя не сержусь, такой уж ты есть.

Внезапно голос и выражение лица его изменились. С видом человека, готового обсудить дело всерьез. Тони сказал:

– Давай поговорим без хитростей.

– Я и не хитрю.

– Ладно. Поговорим начистоту. Ты знаешь, почему Сид и Бостон Фил вызывали тебя в Майами. Им нужно было узнать, где я. Если бы они знали, ты бы им не потребовался.

– Я в этом не уверен.

– Имей хоть мужество посмотреть правде в глаза. Они тебя вызвали и говорили с тобой, как хозяйева говорят с доверенным служащим, ну, вроде с заведующим отделом в магазине или помощником. Ты часто напоминал мне старшего приказчика.

Впервые улыбка осветила лицо Норы, и она ласково погладила руку мужа.

– Спасибо.

– Не за что, если тебе нравится. Они сообщили тебе, что твой брат предатель, готовый опозорить все семейство.

– Неправда!

– Именно так ты и подумал. И не только опозорить, но и поставить под удар, а это поважнее.

Перед Эдди внезапно раскрылся человек, которого он совсем не знал. Для него Тони оставался младшим братом, славным парнишкой, обожавшим всякую технику, который бегал за девчонками и задира л нос перед приятелями в барах. Если бы его спросили, он наверняка ответил бы, что Тони восхищается им, своим старшим братом.

Можно ли поверить, что сам Тони так думает, или же он только повторяет слова, которые вдолбила ему Нора?

Становилось изнурительно жарко. В доме не было кондиционера. Время от времени Тони подливал себе вина, не снимая свободной руки с плеча жены.

Эдди тоже томила жажда. Чтобы попросить воды, надо было открыть дверь на кухню, где находилась м-с Феличи и ее дочь. В конце концов он тоже взял из шкафа стакан и налил себе кьянти.

– Отлично! Ты боялся, что, выпив, растеряешься и не будешь знать что делать. Можешь сесть, хотя мне немного осталось тебе сказать.

В эту минуту Эдди вспомнил свой сон. Тони не походил на того человечка, сделанного, как кукла, из резины, на человечка, который ждал его вместе с отцом в почтовом ящике, а между тем у него появилась такая же улыбка.

Трудно объяснить, но и в его сне у Тони так же сочелось что-то жизнерадостное, очень юное, словно освобожденное, со странным налетом печали.

Как будто жребий уже брошен! Как будто у него не осталось никаких иллюзий. Как будто он уже переступил рубеж, за которым нет неизвестности, и на все смотрит иными глазами.

На какое-то мгновение Эдди увидел брата мертвым.

Он сел, положил ногу на ногу, дрожащей рукой зажег сигарету.

— На чем я остановился? — спросил Тони. — Дай мне закончить, Нора, — добавил он, заметив, что жена опять хочет что-то сказать. — Лучше, если мы с Эдди разберемся во всем до конца, раз и навсегда. Это мой брат. Мы вышли из одного чрева. Годами спали в одной кровати. Когда мне было пять лет, его ставили мне в пример. Ладно, вернемся к серьезным делам. Возможно, тебе действительно поручили передать предложение, которое ты мне сделал.

— Клянусь тебе...

— Верю. Когда ты врешь, это можно прочесть у тебя на лице. Только ты прекрасно знал, чего они добиваются. Ты с самого начала понял: они вовсе не хотят, чтобы я перешел границу. Доказательство тому, что ты не сказал матери об их предложении.

— Мне не хотелось ее волновать.

Тони пожал плечами.

— Я боялся, как бы она не проговорилась.

— Мать ни разу даже нам не сказала ни единого слова, которое не следовало говорить. Ты, наверно, до сих пор не знаешь, что она скупает краденое у молодых ребят.

Эдди всегда подозревал мать, хотя доказательств у него не было.

– Я открыл это случайно. Так вот, Эдди, с этими боссами ты во всем заодно – сегодня, как вчера, как всегда. Ты с ними потому, что однажды так решил и построил на этом свою жизнь. Что если бы тебя спросили напрямик: как со мной поступить? Что бы ты ответил?

Эдди сделал негодующий жест.

– Тсс! Если бы ты входил в состав некоего судилища и перед тобой от имени Организации поставили такой вопрос, твой ответ совпал бы с их ответом. Я не знаю, что они сейчас делают, вероятно, ждут тебя в гостинице. Ты остановился в «Президио»? Благодаря тебе они знают, где я. Теперь они узнают это, даже если ты будешь клясться, что не видел меня.

Никогда и никто не смотрел на него с такой ненавистью, какую он читал в глазах Норы, которая еще теснее прильнула к мужу.

Не отвечал ли Тони на мысли жены, когда продолжал спокойным, ровным тоном:

– Даже если бы я тебя здесь убил, чтобы не дать тебе встретиться с ними, они все равно узнали бы. Они уже знают, и ты уже со времени поездки в Майами, с той минуты, когда отправился на поиски, знал, что они узнают. Вот это я и считал нужным тебе сказать. Я не доверчивый дурак, и тебе не следует им быть.

– Послушай, Тони!..

– погоди. Я не сержусь на тебя. Я предвидел, что ты поступишь так, если понадобится. Я предпочел бы не давать тебе повода. Вот и все. Ты поладишь с матерью, ты поладишь со своей совестью.

Впервые Эдди услышал из уст брата слово «совесть».
Он произнес его просто, почти шутливо.

– Я кончил.

– Теперь моя очередь кое-что сказать.

Это заговорила Нора. Она сняла с плеча руку мужа и шагнула к Эдди:

– Если с головы Тони упадет хоть один волосок, я пойду и все расскажу.

Тони чистосердечно рассмеялся молодым и веселым смехом и покачал головой:

– Это ни к чему не приведет, детка. Видишь ли, чтобы твои показания имели силу, нужно, чтобы ты и вправду присутствовала...

– Я тебя больше ни на минуту не покину.

– Тогда они и тебя заставят молчать.

– Я предпочту это.

– А я – нет.

– Я не пытался тебя перебивать, – тихо произнес Эдди.

– А что ты мог бы еще сказать?

– Я приехал не за тем, чтобы тебе навредить.

– Пока нет.

– Я им не сообщу, где...

– Им это и не нужно. Ты приехал, этого достаточно.

– Я позвоню в полицию! – воскликнула Нора.

Муж покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Ничего не даст.

– Полиция не допустит, чтобы они...

Послышались грузные шаги по деревянным ступенькам

веранды. Кто-то стряхнул с сапог землю, затем открыл дверь и замер на пороге.

– Входи, Марко!

Ему было лет пятьдесят. И когда он снял широкополую соломенную шляпу, Эдди увидел красивую ровную седину. Глаза у него были голубые, лицо загорелое. Он носил такие же брюки и майку, как Тони.

– Мой брат Эдди, приехал из Майами повидать меня.

Тони повернулся к Эдди.

– Ты помнишь Марко Феличи?

Создалось своего рода перемирие. Может быть, гроза утихла? Марко, все еще колеблясь, протянул Эдди темную, как земля, руку.

– Вы позавтракаете с нами? Где же моя жена?

– В кухне, с Бесси. Она хотела, чтобы мы побыли своей семьей.

– Я пойду к ней.

– Не стоит. Мы кончили. Не так ли, Эдди?

Тот нехотя кивнул.

– Стаканчик вина, Марко?

Странная улыбка вновь заиграла на губах Тони. Он достал третий стакан, потом, поколебавшись, взял еще один, наполнил их вином, а затем подлил себе и Эдди.

– А не могли бы мы чокнуться?

В горле у Эдди что-то заклокотало. Нора быстро взглянула на него, но ничего не поняла, да и никто из них не понял, что это подавленные рыдания.

– За нашу встречу!

Тони твердой рукой поднял стакан. У него в самом деле был веселый и беспечный вид, словно в жизни не было

никаких забот и неприятностей. Эдди, чтобы сохранить самообладание, пришлось отвести взгляд.

Марко, заподозрив неладное, не спускал глаз с братьев и неохотно взял свой стакан.

– Ты тоже, Нора.

– Я не пью.

– Только в этот раз!

Она повернулась к мужу – серьезно ли он говорит, и поняла, что Тони действительно хочет, чтобы она выпила.

– За твое здоровье, Эдди.

Эдди хотел ответить по обычаю: «За твое!...»

И не смог. Он молча поднес стакан к губам. Нора, не сводя с него глаз, отпила лишь маленький глоток.

А Тони осушил стакан до последней капли и поставил его на стол.

– Мне надо уходить, – пробормотал Эдди.

– Да, пора.

Он не осмелился подать им руку. Долго искал шляпу.

Удивительно, но ему казалось, будто он уже переживал подобную сцену. Даже знал о беременности Норы.

– До свидания.

Он чуть не сказал «прощайте», но это слово испугало его. Тем не менее он понимал, что «до свидания» было хуже и могло прозвучать как угроза.

А он не собирался угрожать, он был искренне взволнован и, направляясь к двери, чувствовал, что глаза его наполнились слезами.

Никто не помешал ему уйти, не было произнесено ни слова. Он не знал, смотрят ли на него, сжимает ли Тони плечо Нора. Он не смел обернуться.

Открыв дверь, Эдди попал словно в раскаленную печь.

Шофер, укрывшись в тени, направился к машине. Хлопнула дверца. Эдди взглянул на дом. Он увидел только маленькую девочку. Она высунулась из окна кухни, чтобы посмотреть, как он уедет, и показала ему язык.

— В Эль-Сентро?

— Да.

— В отель?

Эдди слышалось, что где-то тронулся с места автомобиль. В полях ничего не было видно. Часть дороги закрывал дом.

Он чуть было не спросил шофера, но не решился. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким опустошенным душой и телом. Воздух в такси обжигал. Они ехали по солнцепеку, и у Эдди гудело в ушах. В пересохшем рту он ощущал металлический привкус, а, когда опускал веки, перед глазами у него плясали черные точки.

Он испугался. Ему случалось видеть, как люди падали от солнечного удара. Проезжая поселок, он заметил скобяную лавку.

— Остановитесь на минутку.

Ему нужно глотнуть холодной воды, нужно побыть в тени, чтобы прийти в себя.

— Вам нездоровится?

Как было бы хорошо, переходя улицу, потерять сознание и проболеть несколько дней, чтобы ни о чем не думать, ничего не решать.

Продавцу достаточно было взглянуть на него, чтобы все понять, и он тотчас принес ему бумажный стаканчик с ледяной водой.

– Не пейте слишком быстро. Я подам вам стул.

Это было просто нелепо. Тони, наверно, заподозрил бы его в притворстве, а уж Нора, которая смотрела на него с жгучей ненавистью все время, пока шел разговор, наверняка бы так решила.

– Еще воды, пожалуйста.

– Переведите хотя бы дух.

Шофер вошел вслед за ним и ждал, как человек, привыкший к подобным происшествиям.

Внезапно, когда Эдди подносил ко рту второй стакан, к горлу подступила тошнота. Он едва успел наклониться между газонокосилкой и оцинкованными ведрами, как его вырвало фиолетовой от вина жижей.

– Простите меня, – пробормотал он. Глаза его были полны слез. – Так... глупо!

Мужчины переглянулись.

Желая помочь ему, хозяин лавки несколько раз сильно хлопнул его по спине.

– Не надо было пить красное вино, – нравоучительно произнес шофер.

– Они, они настаивали, – безудержно икая, прошептал Эдди; вид у него был жалкий.

8

Протягивая Эдди ключ, портье ничего не сказал, словно не видел его. Пока кабина поднималась, мальчик-лифтер не сводил глаз с отворота пиджака Эдди, на котором выделялось фиолетовое пятно.

Эдди возвращался в номер с одной лишь мыслью – поскорее лечь в постель.

Едва он вошел в комнату, как нервы у него окончательно сдали. Он не мог больше следить за выражением своего лица и даже не представлял себе, как ужасно он выглядит. Впрочем, он сейчас же вспомнил, что не повернул ключ в замке.

В то же мгновение Эдди увидел незнакомого человека, и, прежде чем он успел что-либо сообразить, его сковал страх и возникло отвратительное ощущение холода вдоль позвоночника. Это произошло автоматически, как при нажатии кнопки зажигается лампа или включается двигатель. Эдди ни о чем не думал. Просто решил, что настал его черед, и во рту у него пересохло.

Эдди знал десятки людей, которые кончили таким образом, и среди них были его приятели. Случалось, он еще пил с ними, например, в десять вечера, а в одиннадцать или в полночь обреченный, возвратясь домой, находил у себя двух человек, которые его ждали и ничего не обязаны были объяснять.

Иногда он задавал себе вопрос, о чем люди думают в такую минуту и потом, немного позднее, когда машина мчится к глухому пустырю или к реке и еще некоторое время за окном мелькают яркие фонари и то и дело прохожие и машина задерживаются под красным семафором, возле которого виднеется мундир полисмена.

Это длилось несколько секунд. Эдди был убежден, что в лице его не дрогнула ни одна черточка, но он также знал, что человек все заметил: выражение растерянности, когда он отворил дверь номера, полную расслабленность его тела и духа, электрический ток страха и, наконец, вернувшееся к нему внешнее самообладание при лихорадочной работе мысли.

Но это, очевидно, не то, чего он опасался: его посетитель был один, а для подобных прогулок всегда назначались двое, не считая того, кто ждал на улице в машине.

Вдобавок и сам человек был иного типа. Очевидно, кто-то из главарей. Служащие отеля не пустили бы к нему в комнату неизвестного субъекта. А тот не только сидел в его номере, но позвонил, вызвал официанта и заказал содовую воду и лед. Что касается виски, то незнакомец воспользовался плоской фляжкой, которая стояла теперь на ночном столике рядом со стаканом.

– Take it easy, son! – сказал он, не выпуская изо рта толстой сигары, запах которой успел наполнить комнату.

В переводе это означало: «Не волнуйся, сынок!»

Ему было за шестьдесят, возможно, без малого семьдесят. Он много повидал на своем веку, хорошо разбирался в людях и обстановке.

– Call me Mike!

«Зови меня Майк!» Не следовало заблуждаться, это не было разрешением держать себя запросто. Речь шла о той почтительной непринужденности, с которой в определенных кругах принято обращаться к влиятельному лицу.

Старик напоминал своим видом профессионального политика, сенатора штата, мэра, а еще более – одного из тех, кто управлял избирательной машиной и назначал судей и шерифов. Майк сумел бы сыграть любую из таких ролей в кино, особенно в ковбойских фильмах. Он это знал, и можно было догадаться, что сходство ему льстит и он всячески старается его усилить.

– Стаканчик виски с содовой! – предложил он, указывая на фляжку.

Взгляд Майка скользнул по винному пятну на пиджаке Эдди. Он не соблаговолил улыбнуться или пошутить.

Лишь скользнул взглядом:

– Садись!

Костюм на нем был не из белого полотна, а из тонкой чесучи, а галстук, расписанный вручную, стоил, должно быть, тридцать или сорок долларов. Он не снял с головы шляпу с широкими, загнутыми кверху полями, светло-серого, почти белого цвета, без единого пятнышка или пылинки. Кресло, на которое он предложил Эдди сесть, находилось возле телефона. Ленивым жестом Майк указал на аппарат.

– Тебе нужно позвонить Филу.

Эдди не спорил. Снял трубку, заказал номер в Майами. И пока он ждал, не отнимая трубки от уха, Майк курил сигару, равнодушно поглядывая на него.

– Алло! Фил!

– Кто говорит?

– Эдди.

– Слушаю.

– Я... Мне сказали...

– Минуту, я прикрою дверь.

Это была ложь: Фил слишком долго молчал. Либо он с кем-нибудь советовался, либо делал это нарочно, чтобы вывести Эдди из равновесия.

– Алло! Алло!

– Все в порядке. Я слушаю.

Снова пауза. Эдди не хотел говорить первым.

– Майк там?

– Да, в комнате.

– Хорошо.

Снова пауза. Эдди поклялся бы, что слышит шум моря, но это едва ли было возможно.

– Ты видел Джино?

Эдди подумал, правильно ли он расслышал имя и не спутал ли Фил братьев. Он не ожидал, что с ним заговорят о Джино. Времени на размышления у него не было, поэтому он солгал, не думая о последствиях.

– Нет. А что?

– А то, что он не приехал в Сан-Диего.

– А-а!

– Джино должен был быть там еще вчера.

Эдди знал, что Майк все время наблюдает за ним, и это вынуждало его следить за выражением своего лица.

Он напряженно обдумывал слова Фила, перед глазами снова замелькали образы и картины, которые возникли в его мозгу чуть раньше, когда он представил себе «прогулку» в автомобиле. В общих чертах это была та же ситуация, только с другими действующими лицами. Если бы с ним говорил, к примеру, Сид Кубик, он мог бы думать иначе, но с ним говорил Фил.

Фил был коварен. Эдди всегда знал, что Фил его не любит, как не любил он всех братьев Рико.

Почему он звонил в Сан-Диего, когда вопрос касался Тони?

Джино был убийца. Сан-Диего находился недалеко от Эль-Сентро: два часа езды на машине и менее часа самолетом.

Филу уже удалось свести двух братьев.

– Алло! – повторил Эдди в трубку.

– Мне пришло в голову, не заезжал ли Джино к тебе в Санта-Клару.

Теперь уже Эдди поневоле пришлось лгать:

– Нет.

Ложь могла привести к серьезным последствиям. Эдди никогда так не поступал. Это шло вразрез с его принципами. Если бы они узнали, что он лжет, они имели бы право впредь не доверять ему.

– Джино видели в Новом Орлеане.

– Да?

– Он выходил из машины.

Почему с ним продолжали разговор о Джино, а не о Тони? На это была какая-то причина. Фил ничего не делал зря. Эдди крайне важно было догадаться, что у Фила на уме.

– Его будто бы также видели на борту парохода, отплывающего в Южную Америку.

Эдди чувствовал, что это правда.

– Зачем бы это ему? – тем не менее возразил он.

– Не знаю. Ты член семьи. Ты знаешь его лучше, чем я.

– Я не в курсе дела. Он мне ничего не говорил.

– Ты его видел?

– Я хотел сказать, что он мне ничего не писал.

– Ты получил письмо?

– Нет.

– А как Тони?

Теперь Эдди все понял. Его хотели запугать, говоря с ним о Джино. Они ничего не выдумали. Они использовали факты. Таким способом его подвели к делу Тони.

Вторично Эдди солгать не мог. К тому же при разговоре

присутствовал Майк, который все знал и по-прежнему молча курил сигару.

– Я с ним говорил. – Он продолжал скороговоркой:

– Я видел также его жену, она ждет ребенка. Я объяснил ему...

Фил оборвал его:

– Майк получил инструкции. Ты слышишь? Он тебе скажет, как поступить.

– Хорошо.

– Сид согласен с этими инструкциями. Хочешь, он тебе это подтвердит?

Эдди повторил:

– Хорошо.

Только потом он сообразил, что его слова можно расценить как недоверие Филу.

Эдди слышал шепот, голос с характерным акцентом Кубика.

– Майк Ла Мотт займется сейчас всем. Не пытайся провести его. Он у тебя?

– Да.

– Дай его мне!

– С вами хочет говорить Кубик.

– Так чего ж ты не передаешь мне трубку? Разве не хватает шнура?

Шнура хватило.

– Алло, старина!

Говорили в основном на том конце провода, и Эдди, слыша далекий голос Кубика, не различал слов. Майк односложно выражал одобрение.

Теперь, узнав его фамилию, Эдди смотрел на Майка

другими глазами. Он не ошибся, предположив, что тот влиятельное лицо. Эдди не знал, чем в настоящее время занимается Майк, так как о нем давно не было слышно, Но в прежние дни его имя нередко мелькало на первых страницах газет.

Мишель Ла Мотт, в обиходе Майк, должно быть канадец по происхождению, был здесь, на Западе, одним из крупнейших пивных баронов в эпоху «сухого закона».

Организация тогда еще не существовала. Союзы возникали и распадались. Чаще всего их главари боролись между собой за территорию, иногда за винный склад, за судно или грузовик.

Раз не существовало Организации, не существовало ни иерархии, ни специализации. Большинство населения было на стороне нарушителей «сухого закона», равно как полиция и многие политические дельцы.

Битвы разыгрывались главным образом между кланами, между вожаками.

Мишель Ла Мотт, дебютировавший в одном из кварталов Сан-Франциско, не только присвоил себе всю Калифорнию, но и расширил сферу своих операций вплоть до ближних штатов Среднего Запада.

Когда братья Рико, еще мальчишками, шатались по улицам Бруклина, люди поговаривали, что Майк собственноручно избавился более чем от двух десятков конкурентов. Он убрал и некоторых членов своей шайки, которые осмелились разговаривать слишком громко.

В конце концов его арестовали, но не смогли выдвинуть против него веского обвинения в убийстве. Его осудили только за мошенничество при уплате налогов, но отпра-

вили на несколько лет не в Сен-Квентин, как обычного уловника, а в Алькатрас – крепость, предназначенную для самых опасных преступников, выстроенную на скале посередине бухты Сан-Франциско.

Эдди больше никогда не слышал о нем. Если бы кто-нибудь спросил у него, что стало с Ла Моттом, он ответил бы, что Майк, очевидно, умер, так как тот был уже немолод, когда Эдди ходил еще в коротких штанишках.

Теперь он смотрел на старика с почтением, даже с восхищением, и ему более не казалось смешным, что Майк старается походить на судью или политикана из какого-нибудь фильма.

Если бы Майк поднялся, стало бы видно, что это очень высокий человек. Наверно, он еще держался прямо, не утратил своей прежней осанки. Старик на миг приподнял шляпу, чтобы почесать голову, и Эдди увидел его все еще густые белоснежные волосы, резко контрастировавшие с кирпичным цветом кожи.

– Да.., да... Об этом я тоже подумал... Не беспокойся. Все, что нужно, будет сделано... Я звонил в Лос-Анджелес. Я не мог соединиться с тем, о ком ты говорил, но теперь он уже предупрежден. Я жду их обоих к вечеру.

У него хриплый голос, как у тех, кто много пьет и курит уже не один десяток лет. В этом он тоже похож на политического дельца. Должно быть, на улицах все с ним раскланиваются, люди подходят пожать ему руку, гордясь знакомством с великим Майком.

Тогда, после судебного процесса, у него отобрали несколько миллионов, но, вероятно, он потерял не все и, покинув Алькатрас, не сидел без гроша.

– Согласен, Сид... У него вид разумного человека... Не думаю... Я сейчас у него узнаю.

Он повернулся к Эдди:

– Ты хочешь что-нибудь сказать Сиду?

Только не в таких условиях. Что он может сейчас, не обдумав, сказать Кубику? Он понимал, что все решено помимо него.

– Нет. Он не хочет... Идет! Я тебе позвоню, когда все будет сделано.

Майк протянул трубку Эдди, чтобы тот повесил ее на рычаг, отпил глоток виски и задержал запотевший стакан в руке.

– Ты ел?

– Только утром.

– Голоден?

– Нет.

– Зря ты не выпьешь глоток.

В самом деле, может быть, виски перебьет привкус красного вина, от которого его недавно рвало.

Эдди налил себе виски.

– Сид славный малый, – вздохнул Майк. – Не было ли у него в прежние времена какой-то истории, связанной с твоим отцом?

– Мой отец был убит пулей, предназначенной Кубику.

– Так-так!.. Мне показалось, что он тебя очень любит.

По-твоему, здесь не жарко?

– Слишком жарко.

– Жарче, чем во Флориде?

– Тут совсем другая жара.

– Я никогда там не бывал.

Он затянулся сигарой. Майк редко произносил две фразы подряд – то ли ум его отяжелел, то ли вообще он изъяснялся с трудом. Лицо у него было дряблое, одутловатое, губы безвольные, как губы ребенка. А под постоянно слезящимися светло-голубыми глазами набрякли мешки. Но в этих глазах сохранилась прежняя властность, и трудно было долго смотреть на них.

– Мне шестьдесят восемь лет, сынок. Могу утверждать, что жизнь свою я прожил неплохо, но я не считаю ее оконченной. Так вот, верь не верь, но меня никогда не тянуло выехать за пределы Техаса и Оклахомы на Юге, Юты и Айдахо на Севере. Я не знаю ни Нью-Йорка, ни Чикаго, ни Сент-Луиса, ни Нового Орлеана. Кстати о Новом Орлеане. Зря твой брат Джино надумал удрать.

Он стряхнул с брюк пепел от сигары.

– Передай-ка мне бутылку.

Виски в его стакане нагрелось.

– Я уже не помню, сколько я знал таких, считавших себя хитрецами и совершавших одинаковые ошибки. Что, ты думаешь, его ждет? Окажись твой брат в Бразилии, Аргентине, пусть даже в Венесуэле, он попытается связаться с людьми. Есть дела, которые не поднять в одиночку. А тем уже известно, почему он уехал отсюда, и они не захотят ссориться с нашими крупными боссами.

Все было справедливо. Эдди это знал. Он был поражен безрассудной выходкой Джино, и она тем более взволновала его, что он смутно догадывался о ее причине.

Он мог бы поступить так же. Может быть, брат приезжал к нему в Санта-Клару, чтобы увезти с собой? Но Джино понял, что разговаривать с ним об этом бесполезно.

Эдди стало стыдно. Он пытался вспомнить последний взгляд брата.

— Что случится, если Джино будет упорствовать, работать в одиночку, попадет в руки полиции или столкнется с кем-либо, кто будет защищать свой собственный рэкет?

Что тогда? Он вскоре скатится на дно и через полгода превратится в бездомного пьяницу, из тех, что валяются в канавах.

— Джино не пьет.

— Запьет.

Почему Майк не говорит ему об инструкциях, которые он получил насчет Тони?

Майк раздавил сигару в пепельнице, вынул из кармана другую, осторожно снял целлофановую оболочку и наконец обрезал кончик красивой серебряной гильотинкой.

Казалось, он собирался долго пробыть в этой комнате.

— Я тебе уже говорил, что никогда не уезжал с Запада.

Он обращался к Эдди снисходительно, как к очень молодому человеку. Неужели ему не известно, что на побережье Мексиканского залива Эдди был почти таким же значительным лицом, как Майк здесь?

— Забавно, что при этом я встречался в моей жизни со всеми, кто имеет вес в Нью-Йорке или в любом другом месте. Видишь ли, всем им рано или поздно случается побывать в Калифорнии.

— Вы не голодны?

— Я ничего не ем днем. Но если ты хочешь есть...

— Нет.

— Тогда покури. У нас есть время.

На минуту Эдди задумался, что Тони воспользуется

этой отсрочкой, чтобы скрыться вместе с Норой. Это была нелепая мысль. Человек, подобный Майку, несомненно, принял меры предосторожности. Его люди наверняка следят за домом Феличи.

Можно было подумать, что Ла Мотт читает его мысли.

– Твой брат вооружен?

Эдди притворился, что не понял вопроса.

– Джино?

– Я говорю о меньшом.

Это слово причинило Эдди боль – мать тоже говорила иногда «меньшой».

– Не знаю. Вероятно.

– Это не имеет значения.

Воздух кондиционировался, в комнате было прохладно, но жара все-таки ощущалась. Она давила на город, на поля, на пустыню. Дневной свет был как расплавленное золото. Казалось, даже машины на улице с трудом пробиваются сквозь массу нагретого воздуха.

– Который час?

– Половина третьего.

– Мне должны позвонить.

В самом деле, не прошло и двух минут, как зазвонил телефон. Слово это подразумевалось само собой, Эдди снял трубку и, не произнеся ни слова, протянул ее Майку.

– Да. Да. Хорошо!.. Нет! Ничего не изменилось... Я останусь здесь... Согласен. Я жду звонка, как только они придут.

Майк вздохнул, поудобнее устроился в кресле.

– Не удивляйся, если я немного вздремну. – И добавил:

– У меня двое людей внизу.

Это была не угроза, а лишь предостережение. Майк сделал его, чтобы оказать Эдди услугу – избавить от ложного шага.

А Эдди по-прежнему не осмеливался его расспрашивать. У него было чувство, что он попал в немилость и заслужил ее. Он видел, как Майк постепенно погружается в забытие, и не без почтительности вынул сигару из его пальцев в тот миг, когда она готова была упасть на пол.

Потом – это продолжалось около двух часов – Эдди сидел, не двигаясь, изредка протягивая руку, чтобы взять фляжку с виски. Боясь шуметь, он не налил себе воды, ограничиваясь тем, что лишь смачивал губы виски.

Ни разу он не подумал об Эллис, о детях, о своем прекрасном доме в Санта-Кларе. Наверное, потому, что они были слишком далеко, они, казалось, вообще перестали существовать.

Если ему случалось вспоминать о прошлом, то о прошлом более далеком, о трудных днях в Бруклине, о своих первых связях с Организацией, когда он так стремился сделать все как можно лучше. Всю свою жизнь он был одержим этим желанием.

До сегодняшнего разговора по поводу Джино, когда он заявил, что не виделся с ним, Эдди никогда не лгал партнерам. В этом отношении ему не в чем было себя упрекнуть.

Как только Сид Кубик вызвал его в Майами, он повиновался. Он отправился в Уайт-Клауд и постарался ловко поговорить со старым Малаксом, затем поехал в Бруклин.

Когда мать невольно навела его на след Тони, он не колеблясь сел в самолет.

Знал ли об этом Майк? Что сказал о нем Майку Кубик? Майк не был с ним груб, скорее напротив. Но так не говорят с теми, с кем считаются. Может быть, старик полагал, что по иерархии Эдди стоит почти на той же ступени, что Джино или Тони.

У них составлен план, и все решено. В этом плане ему, Эдди, отведена какая-то роль. В противном случае человек, подобный Майку, не потрудился бы дожидаться его в комнате и отдыхать в ней.

Майк не задал ему ни одного вопроса, кроме вопроса об оружии. Тони, конечно, вооружен, он всегда носил при себе оружие. Он недавно упомянул о чем-то, что позволяло сделать такой вывод. Но Эдди уже не помнил, что это было. Хотя объяснение с братом произошло лишь несколько часов назад, у него образовались провалы в памяти. Он слышал отдельные реплики, видел выражение лиц, в особенности Нориного лица, но не мог бы связно рассказать о том, что произошло.

Некоторые внешние подробности запомнились лучше, чем слова брата, например завиток волос на его лбу, мускулы его рук и загорелых плеч, подчеркнутые белизной майки. Да еще маленькая девочка, высунувшаяся из окна в кухне, чтобы показать ему язык.

Он считал минуты, нервничал, боясь, что Майк проснется, смотрел на телефон в надежде, что тот зазвонит.

Но вскоре запутался в счете, комната поплыла в тумане, он видел только сверкающую желтизну, проникавшую сквозь опущенные веки, а когда он вскочил, перед ним по-прежнему сидел человек в серой шляпе и задумчиво смотрел на него.

– Я спал? – смущенно спросил Эдди.

– Похоже.

– Долго?

Майк посмотрел на свои часы и ответил, что уже половина шестого.

– Ты, однако, недурно выспался и прошлой ночью, сынок!

Ему было известно, что Эдди лег спать сразу же по приезде с аэродрома. Значит, уже тогда его люди следили за ним. От них не ускользнул ни один шаг, ни одно его движение.

– Все еще не проголодался?

– Нет.

Плоская фляжка была пуста.

– Надо бы чего-нибудь выпить.

Эдди вызвал официанта, и тот не удивился, найдя их вдвоем в шесть часов вечера в номере Эдди.

– Бутылку виски.

Слуга назвал марку, глядя не на Эдди, а на Майка Ла Мотта, – видно, знал его вкус.

– Эту самую, сынок!

Когда он уже подошел к двери, Майк бросил ему в спину:

– Сигар!

Наконец он снял шляпу и положил ее на кровать.

– Меня удивляет, что они еще не приехали. Должно быть, произошла авария при переезде через пустыню.

Эдди не осмелился спросить, о ком идет речь. К тому же он предпочитал этого не уточнять.

– Утром я послал шерифа в горы, за восемьдесят миль отсюда, и он не вернется до завтра.

Эдди опять не спросил, как ему это удалось. У Майка, должно быть, есть основания для того, чтобы так разговаривать с ним. Может быть, он просто хотел дать ему понять, что карта Тони бита, что ему не на что надеяться.

Эдди думал об этом до того, как заснул. Не решила ли Нора позвонить в полицию? Он представлял себе скорее Нору, чем Тони, в этой роли. Вызвать шерифа, чтобы попросить у него защиты.

– Один из двух помощников шерифа лежит в постели с температурой сорок – заражение крови. Что касается другого, Хьюли, то посадил его на эту должность я. Если он выполнил мои указания – а я убежден, что он их выполнил, – то его телефон испорчен и не заработает до завтра.

На лице Эдди невольно мелькнула едва заметная одобрительная улыбка.

– Мне сейчас опять позвонят.

На этот раз потребовалось немного больше времени, но телефон все же зазвонил.

– Они здесь?.. Прекрасно. Пусть их отведут – ты знаешь куда – и постараются, чтобы они не шатались по улицам. Они поставили машину в гараж? Сменили номер? Минутку... – Слуга принес виски и сигары. Майк дождался, пока он вышел. – Пусть ничего пока не делают. Надо дать им поесть, и пусть режутся в карты, если захотят. Ничего спиртного. Понятно?

Тишина. Майк выслушал ответ.

– Идет! Теперь передай Гонсалесу, чтобы он зашел ко мне. Да, сюда, в номер.

«Главный штаб, по-видимому, недалеко, не в самом ли отеле? – подумал Эдди. – Уж не Майк ли его настоящий владелец?»

Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали.

— Входи!

Вошел мексиканец лет тридцати, в брюках из желтоватого полотна и белой рубашке.

— Эдди Рико.

Мексиканец слегка кивнул.

— Гонсалес, нечто вроде моего секретаря.

Гонсалес улыбнулся.

— Садись. Что там делается?

— Хозяин фермы Марко вернулся с поля, и они там проболтали около двух часов.

— А потом?

— Он уехал на своей машине и увез девочку. Сначала он остановился у дома некоего Кифера, одного из своих приятелей, на другом конце поселка, и оставил там ребенка.

Майк слушал, покачивая головой, словно все это было предусмотрено.

— Потом поехал в город. Там он зашел к Чемберсу, продавцу спортивных товаров, и купил два ящика патронов.

— Каких?

— Для автоматической винтовки калибра двадцать два.

— Он не заезжал к шерифу?

— Нет. Он сразу же возвратился в Аконду. Ставни дома закрыты, дверь тоже. Да, я забыл про одну вещь.

— Какую?

— Он заменил более яркими лампочки в фонарях вокруг дома.

Майк пожал плечами.

— А как Сидни Даймонд?

- Хорошо. Похоже, он не пил.
- С ним вместе Пако?
- Нет. Новичок, которого я не знаю.

Сидни Даймонд был убийцей – Эдди это было известно. Молодой парень, не старше двадцати двух, но о нем уже говорили. Как видно, это его заставили приехать из Лос-Анджелеса и не дают ему пить.

Все это Эдди знал, все делалось по шаблону. Подобные операции с давних пор были тщательно разработаны, как и все остальное, и потому осуществлялись по почти неизменному ритуалу. Выгоднее было иметь исполнителей, прибывших из других мест, неизвестных в данном районе. Прежде чем его послали в Лос-Анджелес, Сидни Даймонд работал в Канзас-Сити и в Иллинойсе.

Приготовления к убийству велись на глазах у Эдди, и порой ему хотелось крикнуть: «Но это же мой брат!»

Однако Эдди не закричал. С тех пор как он вошел в эту комнату, он оцепенел. Он подозревал, что Майк нарочно все согласовывал в его присутствии – просто, спокойно, словно это было самым обычным делом.

Разве Эдди не принадлежал к Организации? Сейчас только выполнялись ее правила. На него не обращали никакого внимания, вернее, к нему тоже применяли правила. Им воспользовались, чтобы разыскать Тони. Эдди никогда не заблуждался на этот счет. Он разыскивал брата со всей присущей ему старательностью и довел игру до конца.

По сути дела, он все время знал, что Тони не согласится на предложение уехать, да ему и не дадут скрыться.

Джино – тот тоже это понял, и Джино перебрался за границу. Его поступок чрезвычайно удивлял Эдди, усугублял в нем чувство вины.

– Час? – спросил Гонсалес.

– А в котором часу люди ложатся спать в этой дыре?

– Очень рано. Они встают вместе с солнцем.

– Тогда – часов в одиннадцать?

– Идет.

– Отвези людей на дорогу в двухстах метрах от дома.

Ты, конечно, поедешь в другой машине?

– Да.

– Поедешь вслед за ними. Ты выбрал место?

– Все готово.

– Итак, в одиннадцать!

– Ладно.

– Иди и не забудь, что Сидни Даймонд не должен пить.

На обратном пути закажи нам обед: мне – холодное мясо, салат и фрукты... – Майк вопросительно посмотрел на Эдди.

– То же самое. Все равно что.

В девять часов вечера Эдди все еще не знал, какая ему уготована роль, и у него не хватало смелости об этом спросить. Майк велел принести местную газету и читал ее, покуривая сигару. Он много пил. Взгляд у него был мутный, лицо становилось все более багровым, но он не терял ясности мысли.

Через некоторое время он отвел глаза от газеты:

– Он любит жену, а?

– Да.

– Она хороша?

– Похоже, она его тоже любит.

– Я не про это спрашиваю. Она хороша собой?

– Да.

– Она должна скоро родить?

– Через три или четыре месяца, точно не знаю.

На улицах уже давно зажглись электрические фонари.

Из какого-то бара доносился хриплый гул радиолы.

Иногда с улицы сквозь закрытые окна долетали голоса.

– Который час?

– Десять.

Потом стало четверть одиннадцатого, половина одиннадцатого, и Эдди мучительно сдерживал себя, чтобы не закричать.

– Предупреди меня, когда будет ровно без десяти одиннадцать.

Больше всего Эдди опасался, как бы его не послали на место действия, к дому Феличи. Возможно, если бы Джино не уехал, Фил послал бы туда его.

– Который час, сынок?

– Без двадцати.

– Люди уже уехали.

Значит, его там не будет. Он ничего не понимал. Видно, его приберегали для чего-то более серьезного.

– Тебе не мешало бы выпить стаканчик.

– Я и так много пил.

– Все же выпей еще.

У Эдди больше не было сил сопротивляться. Он повиновался, спрашивая себя, не вырвет ли его, как днем.

– У тебя есть номер телефона Феличи?

– Он в телефонной книге, я видел его утром.

– Поищи.

Эдди нашел номер. Ему мерещилось, что он смотрит на себя со стороны и все, что он делает, происходит во сне.

Вселенная утратила свою реальность. Не существовало более ни Эллис, ни Кристины, не Эмили, ни Бэби – ничего, кроме какого-то бесконечного тоннеля, по которому он пробирался ощупью.

– Уже пора?

– Через минуту.

– Пусть тебя соединят с Феличи.

– А что я скажу?

– Ты скажешь, чтобы Тони вышел к ребятам на дорогу.

Один. Он увидит стоящую машину.

Грудь Эдди так сдавило, что казалось, он никогда не сможет перевести дух.

– А если Тони откажется? – едва произнес он.

– Ты сказал, что он любит жену? Повтори ему это, он поймет.

Майк по-прежнему спокойно сидел в кресле; с сигарой в одной руке, с газетой в другой, он более чем когда-либо напоминал судью из кинофильма. Эдди почти бессознательно снял трубку, пробормотал номер Феличи.

На другом конце провода послышался голос, которого он не узнал:

– Шестнадцать шестьдесят два слушает. Кто у телефона?

Эдди, чьи глаза были прикованы к человеку в белом, услышал свои слова:

– Мне нужно сообщить нечто очень важное Тони. Это его брат.

В трубке замолчали. Марко Феличи, должно быть, колебался. Судя по слабому шуму, Эдди решил, что Тони, догадавшись о том, что происходит, отбирает у него трубку.

– Я слушаю, – сухо произнес Тони.

Эдди не успел подготовиться. Его разум не участвовал в том, что совершалось.

– Тебя ждут.

– Где?

– В двухстах метрах по шоссе – там стоит машина.

Эдди не понадобилось объяснять Тони что-либо еще.

– Если я не пойду туда, они, наверно, возьмутся за Нору?

Молчание.

– Отвечай!

– Да.

– Понятно.

– Ты пойдешь?

Снова молчание. Майк, устремив на него глаза, сохранял неподвижность. Эдди повторил:

– Ты пойдешь?

– Не бойся – пойду.

Небольшая пауза, затем короткое: «Прощай».

Эдди хотелось самому что-нибудь сказать, но он не знал что. Потом он взглянул на руку, которая держала умолкнувшую трубку.

Затянувшись сигарой, Майк удовлетворенно пробормотал:

– Я так и думал.

Для Эдди все на этом кончилось. Ничего другого от него не потребовали. От него никогда больше не требовали ничего неприятного, трудного.

Эта ночь тоже окончилась, как кончаются с сотворения мира все ночи, – окончилась с восходом солнца. Он увидел его не восходящим над Калифорнией, а уже высоко в небе, над пустыней Аризоны, увидел из самолета, в который его посадили в три часа утра. И так же, как это сделал Боб в Тусоне, ему опустили в карман плоскую фляжку.

Он к ней не притронулся. В ту минуту, когда самолет Эдди сделал первую посадку. Сидни Даймонд и его спутник должны были проезжать предместье Лос-Анджелеса.

На какой-то стоянке Эдди перепутал самолет. Около двух часов пополудни он оказался в третьеразрядном аэропорту, над которым разразилась гроза, и ему пришлось до вечера ждать вылета. Лишь на другой день из Миссисипи он позвонил в Санта-Клару.

– Это ты?

Он слушал голос Эллис, но этот голос не пробуждал в нем никакого волнения.

– Да.

– Дома все в порядке?

Слова приходили сами собой, привычные слова, так что ему не приходилось думать.

– Да. А как у тебя?

– Что дети?

– Я не пустила Эмили в школу. Доктор думает, что у нее начинается корь. Если так – а это станет окончательно известно сегодня вечером, – Кристина тоже не сможет ходить в школу.

– Анджело тебе не звонил?

– Нет. Я утром проходила мимо магазина. Все, кажется, в порядке. Я заметила нового продавца.

– Я знаю о нем.

– Звонили из «Фламинго». Я ответила, что ты скоро вернешься. Так и надо было сказать?

– Да.

– Тебя плохо слышно. Ты, вероятно, очень далеко.

– Да.

Сказал ли он «да»? Ведь он не думал о расстоянии между Флоридой и Миссисипи, он думал... впрочем, он ни о чем не думал.

– Когда ты будешь дома?

– Не знаю. Возможно, скоро будет самолет.

– Ты не посмотрел расписание?

– Нет еще.

– Ты не болен?

– Нет.

– Устал?

– Да.

– Ты от меня ничего не скрываешь?

– Я устал.

– Почему бы тебе не отдохнуть хорошенько, хотя бы одну ночь, прежде чем снова лететь?

– Я, может быть, так и сделаю.

Он так и сделал. В гостинице Эдди получил лишь маленький номер без кондиционера, так как в городе происходил какой-то съезд. В коридорах встречались люди со значками и с повязками на руках. К петлицам у них были прикреплены карточки с фамилиями.

В гостинице было шумно, но, как и в Эль-Сентро, Эдди погрузился в томительный сон, дважды или трижды просыпался и каждый раз испытывал отвращение от запаха собственного пота.

Конечно, это из-за печени. Там он много пил. Он уже отвык от этого. В Санта-Кларе надо будет посоветоваться с Биллом Спанглером, врачом.

Два раза на летном поле, на солнцепеке, у него начинали плясать перед глазами черные точки. Это тоже могло быть признаком болезни.

Когда Эдди проснулся в незнакомой комнате, ему вдруг захотелось плакать. Никогда он не чувствовал себя таким усталым, смертельно усталым, усталым до того, что, окажись он на улице, он, наверно, улегся бы все равно где — на мостовой, под ногами у прохожих. Ему хотелось, чтобы его пожалели, чтобы кто-нибудь говорил ему успокоительные слова, положив прохладную руку на лоб.

У него не было такого друга и никогда не будет. Завтра или послезавтра, когда у него хватит духу вернуться, Эллис заботливо посоветует ему отдохнуть.

Жена у него внимательная, заботливая, но она его не знает. Он ничего ей не рассказывал. Она думает, что он сильный, что он ни в ком не нуждается.

Он не понял тогда смысла приезда Джино. У него нет еще уверенности, что он понимает брата и теперь. Очевидно, тот приезжал, чтобы предостеречь его.

Почему Джино не был с ним более откровенен? Неужели не доверял ему?

Братья никогда ему не доверяли. Нужно было суметь им объяснить.

Но как? И что объяснить?

Он пошел принять душ и заметил, что полнеет. У него появились маленькие мягкие груди, как у двенадцатилетней девочки.

Потом он побрился и, как в то утро в Санта-Кларе, порезал родинку. К счастью, при нем всегда был квасцовый карандаш.

Ему пришлось ждать около часа, пока принесли легкий костюм, который он отдал прогладить. Полную фляжку виски он выбросил в корзину для бумаг.

Не важно, что его не понимают. Сид Кубик знает, что он всегда выполнит любое приказание. Когда в половине первого ночи Майк позвонил Сиду и сообщил, что все кончено, тот лично подошел к телефону и сказал: «Передай Эдди, что это хорошо». Это слово в слово. Майк не выдумал.

«Передай Эдди».

Если Фил находился в комнате, на губах у него, наверное, появилась кривая усмешка.

«Передай Эдди».

Он намеренно не сообщил жене, в котором часу придет. Взяв такси, он прямо с аэродрома поехал в магазин.

Анджело, прыгая через ступеньки, сбежал к нему на встречу.

— Все в порядке, патрон?

— Все в порядке, Анджело.

Мир по-прежнему казался ему тусклым, бесцветным, безжизненным.

Но может быть, все еще вернется? Ведь от слов Анджело ему уже стало легче.

«Патрон!»

Он столько, столько трудился с тех времен, когда жил в лавчонке в Бруклине, чтобы этого достичь!..